

PROSOPON

Europejskie Studia Społeczno-Humanistyczne
Nr 1/2013

PROSOPON

European Humanities and Social Studies
No. 1/2013

Czasopismo punktowane Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego w Polsce.
Lista B, 5 pkt, poz. 1754

The magazine scored by Ministry of Science and Higher Education in Poland.
List B, 5 points, pos. 1754

PROSOPON

Europejskie Studia Społeczno-Humanistyczne
European Humanities and Social Studies

Instytut Studiów Międzynarodowych i Edukacji Humanum
Ptoukha Institute for Demography and Social Studies of National Academy of Sciences of Ukraine
Warsaw Academy of Computer Science, Administration and Management (Poland)
International School of Management in Prešov (Slovakia)

Rada Naukowa | Scientific Council:

Przewodniczący / Chairman: Akademik Ella Libanova

Prof. nzw. dr hab. Zdzisław Nowakowski, prof. RNDr. Lev Bukovský, DrSc, Ing. Jiří Koleňák, Ph.D., MBA

Członkowie | Members:

Jewgenij Babosov, Olga Balakiriewa, Olga Budak, Michal Bochin, Olga Březinová, Robert Burcher, Pedro Ortega-Campos, Paweł Czarnecki, Sławomir Czepielewski, Władimir Czuzikow, Pavol Dancak, Nadieżda Deeva, Rudolf Dupkala, Marcel F. Fresco, Vasilii Gricenko, Maria-Luisa Guerra, Józef Fraś, Dieter Grey, Tomáš Jablonský, Mariusz Jędrzejko, Tatiana Jefimienko, Dietmar Jahnke, Radek Jurčik, Martin Jurašek, Borys G. Judin, Jindřich Kaluža, Aneta Karageorgiewa, Anatolij M. Kolot, Pavel Kouba, Andrzej Korczak, Remigiusz Król, Norbert Kanswohl, Slavomír Laca, Mieczysław Lubański, Richard Lee, Herman Lodewyckx, František Mihina, Piotr Mikołajczyk, Erich Moll, Vassilis Noulas, Abdumialik I. Nysanbajew, David Pellauer, Olena Perelomowa, Henryk Piłus, Kazimierz Rajchel, Jurii Reznik, Michail Romaniuk, Władimir Sudakow, Wojciech Slomski, František Smahel, Marek Storoška, Stanislav Stolárik, Helen Suzane, Maciej Tanaś, Alex Tiapkin, Walentyn Wandyszew, Zachraij Wernalij, Peter Vojcik, Patrick Vignol, Luciana Vigne, Eugeniusz Zablocki, Igor Zahara, Nonna Zinovieva, Jan Zubelewicz, Juraj Žiak, Marek Zmigrodzki

Lista recenzentów | List of reviewers:

Lista recenzentów znajduje się na stronie www.prosopan.pl oraz na końcu numeru

Kolegium Redakcyjne | Editorial boards:

Dr Juraj Žiak, Mgr. Viktor Smejkal, Dr Dariusz Pater, Dr Jerzy Chorążuk,
Dr inż. Magdalena Nowakowska, Mgr Mateusz Czepielewski, PhDr. Rudolf Dupkala,
Prof. Jurij Kariagin, Dr Mária Marinicová, Prof. Elena Makarowa, Prof. Walery Nowikow

Redaktor Naczelny / Editor

Prof. nzw. dr hab. Zdzisław Sirojć

Sekretarz redakcji / Assistant editor:

Andrzej Goworski

Redaktorzy tematyczni | Section Editors:

Prof. nzw. dr hab. Bronisław Burlikowski, burlikowski@vizja.pl
Prof. nzw. dr hab. Henryk Piłus, pilus@vizja.pl
Dr hab. Anna Wawrzonkiewicz-Słomska, a.wawrzonkiewicz@op.pl

Redaktorzy językowi | Language Editors:

Prof. Tamara Yakovuk – język rosyjski, tiyakovuk@yandex.ru
Dr Juraj Žiak – język angielski i słowacki, ziak.juraj@gmail.com
Prof. Ramiro Delio Borges de Meneses – język, angielski, hiszpański i portugalski, borges272@gmail.com
Mgr Marcin Szawiel – język polski, marcin.szawiel@wp.pl
Mgr Martin Laczek – język angielski, martin.laczek@yahoo.co.uk
Mgr Artur Brudnicki – język angielski i francuski

Redaktor statystyczny i techniczny | Statistical Editor: mgr inż. Adam Polkowski

Opracowanie graficzne, skład i łamanie | Graphic design: mgr inż. Adam Polkowski

Adres redakcji i wydawcy | Publisher:

Instytut Studiów Międzynarodowych i Edukacji Humanum, ul. Złota 61, lok. 101, 00-819 Warszawa

Co-editor

Wyższa Szkoła Informatyki, Zarządzania i Administracji w Warszawie, Meksykańska 6, 03-948 Warszawa

Printed in Poland © Autorzy poszczególnych tekstów

Żaden fragment tej publikacji nie może być reprodukowany, umieszczany w systemach przechowywania informacji lub przekazywany w jakiegokolwiek formie – elektronicznej, mechanicznej, fotokopii czy innych reprodukcji – bez zgodny posiadacza praw autorskich

Wersja wydania papierowego PROSOPON. *Europejskie Studia Społeczno-Humanistyczne* jest wersją główną www.prosopan.pl

ISSN 1730 – 0266

Spis treści | Contents

Spis treści Contents	3
E.M. Бабосов	5
Проблема человека – сущностное ядро Философского постижения мира <i>The problem of individual as the essential core of world's philosophical understanding</i>	
Юрий Бубнов	21
Исторические предпосылки взяточничества <i>Historical background of bribery</i>	
Paweł Czarnecki	39
Reflections on sexual ethics <i>Modern computational issues of sexual ethics</i>	
Slavomír Dolinský.....	55
Взник, vývoj a sociálny význam mediácie v dejinách ľudstva <i>The origin, development and social importance of mediation in human history</i>	
Eva Hvizdová st. – Eva Hvizdová ml.....	71
Segmentácia spotrebiteľov na trhu cestovného ruchu - segmentačné premenné a typológia <i>Segmentation of consumers in the tourism market - segmentation variables and typology</i>	
Yuriy O.Karyagin.....	85
Ukrainian Concert Culture as needs Undeveloped developing	
Jiří Koleňák, Vratislav Pokorný, Eva Pindešová	93
Connatural Management approach to preparation and development of individuals in the business environment	
Jana Kollárčiková	105
Determinanty vzniku, vývoja, dôsledky a možnosti riešenia závislosti od alkoholu u žien <i>Determinants of emergence, development, consequences and possible solutions of alcohol dependence in women</i>	
Ніна Анатоліївна Крахмальова	125
Тенденції комунікаційної діяльності Університетів України <i>Trends communication activities ukraine Universities</i>	
Michaela Lapošová	137
Prejavy ideového pluralizmu a indoktrinácie vo filozofii Štefana Polakoviča a maximiliána chladného-hanoša v rokoch 1939 – 1945 <i>Manifestations of ideological pluralism and indoctrination in philosophy of Štefan Polakovič and maximilián chladný-hanoš between 1939-1945</i>	

Dagmar Marková, Stanislava Lištiak Mandzáková	149
„Mať deti?“ : O morálnych hodnotách a reprodukcii. Eticko-deskriptívna slovensko-česká komparatívna sonda	
<i>„To have a children?“: About moral values and reproduction. Ethical-descriptive Slovak and Czech comparative search</i>	
D.O. Устрижицкая	183
Российский транзит и проблема перспектив	
<i>Russian transit problem and prospects</i>	
Wojciech Slomski	197
Ю.М. Лотмана, семиосфера в теоретико-методологической концепции	
<i>Cemiosfera in theoretical and methodological concepts Y.M. Lotman</i>	
L. Irina Sidanich	219
Kształcenie wartości duchowych i moralnych w procesie dydaktycznym we współczesnej szkole ukraińskiej	
<i>Courses of moral and religious direction in modern ukrainian school</i>	
Zdzisław Sirojć	225
Крупные города преиндустриальной эры	
<i>Major cities pre-industrial era</i>	
Ireneusz Marian Świtała	247
Etyczne aspekty pracy z dzieckiem autystycznym	
<i>Ethical aspects of working with an autistic child</i>	
Rastislav Varga	259
К проблематике решения взťahов человека к природе в исторической рефлексии	
<i>The problem solving relationship of man to nature in historical reflection</i>	
Darina Vološinová	273
Teoretické aspekty financovania inovácií a význam venture fondov pre financovanie inovatívnych firiem	
<i>Theoretical aspects of innovation financing and the importance of venture funds for the financing of innovative firms</i>	
Olena Zhizhko	291
Administration of professional education of marginalized in Mexico	
Karina Żukowska- Nawrot	299
Kynotherapy as the innovative form of supporting disabled children	
Recenzja Reviews	
Iryna Mikheyeva	303
Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства/ А.А. Коваленя [и др.]; под ред. Л.Ф. Евменова; Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т философии. - Минск: Беларус. навука, 2013. - 527 с.	
Lista recenzentów List of reviewers:	309

PROSOPON

NR 1/ 2013

[5-20]

Е.М. Бабосов

National Academy of Sciences of Belarus

Проблема человека – сущностное ядро Философского постижения мира

The problem of individual as the essential core of world's philosophical understanding

Key words: *philosophical, man, social*

Наука начинается с постановки волнующей людей проблемы. Сталкиваясь с трудными для решения вопросами, человек задумывается, как можно эти вопросы решить. Вот здесь-то перед ним и возникает научная проблема. Именно она сама по себе, а также способы и методы ее решения составляют альфу и омегу научной деятельности, ее сущностное системообразующее ядро. Для социальной философии таким сущностным ядром выступает *проблема человека*. Важнейшее теоретико-методологическое значение имеет концептуализация понятия «человек». Чаще всего в социальной философии оно концептуализируется следующим образом: «Человек – это существо, наиболее известное самому себе в своей эмпирической фактичности и наиболее трудно уловимое в своей сущности». Если исходить из такого именно понимания, то рассматриваемая проблема человека, так же, как и сам человек, является многогранной, многокомпонентной. Отдельные ее грани высвечиваются посредством совокупности множества определений человека. Выделим наиболее существенные из них.

Человек разумный – это определение исходит из того, что человек выделился из царства животных своей способностью логически мыслить, осознавать себя, свои потребности, стремления и цели, весь окружающий мир. Поэтому Homo sapiens стало стандартным обозначением человека.

Человек созидающий – означает, что в отличие от животных, действующих в соответствии с программой, заданной инстинктом (например, пчела, выкладывающая геометрически красивые соты), человек способен творить нечто совершенно новое, до того не существовавшее по рациональным программам, созданным им самим. Очень хорошо это выразил писатель Александр Фадеев: «Сущность человека лучше всего, благороднее и совершеннее всего выражается через его деяния, через его труд и творчество».

Человек политический – термин политической антропологии и социологии, означающий доминанту человеческой деятельности, связанной с политикой и возникающей надежды на решение наиболее значимых проблем человеческого бытия.

Человек экономический – термин, обозначающий человека, руководимого экономическим интересом и утилитарной рациональностью и осуществляющего рыночное поведение, ориентированное на получение выгоды.

Человек социальный – термин, обозначающий человека, осуществляющего не только рыночное, но и не рыночное поведение, преследующее не столько выгоду, сколько интересы самоутверждения, саморазвития, взаимопонимания, завоевания признания и авторитета в обществе.

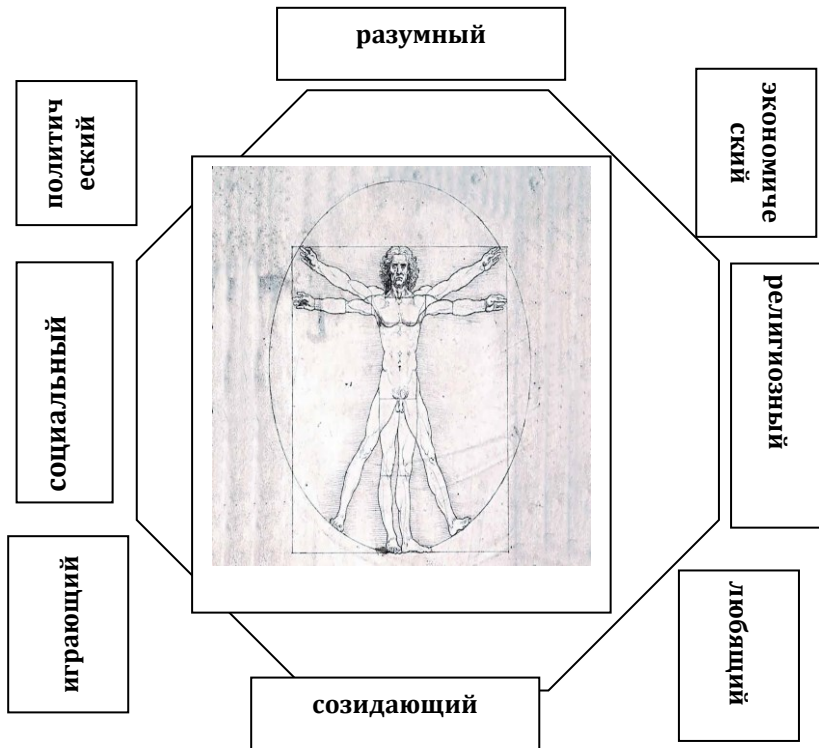
Человек религиозный – понятие, обозначающее человека, способного придавать окружающим явлениям и процессам священный смысл, наделять их особым значением, верить в наличие сверхъестественного в мире.

Человек играющий – термин, обозначающий способность человека формировать и реализовывать фантазии, развивать воображение, создавать художественные ценности, творения, искусства.

Человек любящий – многомерное понятие, выражающее различные модификации и трансформации любви как специфического и важнейшего модуса человеческого бытия.

Система названных определений может быть представлена в виде восьмиугольника, изображенного на рисунке 1.

Рисунок 1.

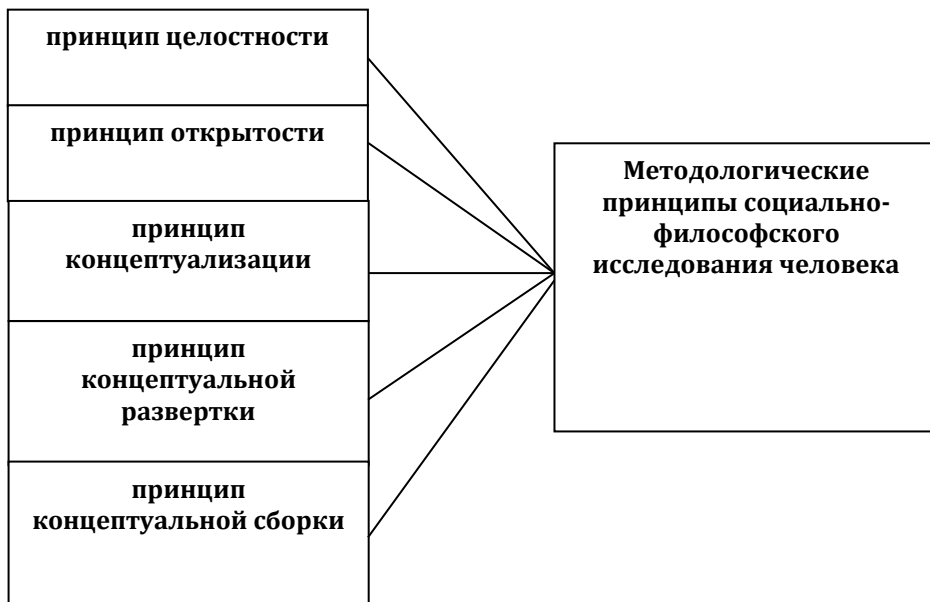
Поскольку именно человек является творцом и главным действующим лицом и политики, и экономики, и культуры и творческого созидания, короче – всех сфер общественного бытия, поскольку в соответствующих исследованиях этих областей реальности, осуществляемых различными научными дисциплинами социально-гуманитарного знания, постольку именно человеческий, человекомерный аспект всех типов социального творчества становится в каждой из них центром средоточения внимания и исследовательской деятельности. Но здесь кроется одна существенная опасность. Она заключается в том, что дефицит теоретической рефлексии над методологическими и парадигмальными основаниями прикладных

психологических, культурологических, литературоведческих и иных исследований может привести к утрате человека как целостного и многомерного социального существа вследствие преобладающего аспектного характера его изучения. Дело в том, что ни одно из приведенных одномерных определений (человек разумный, человек политический, человек экономический и т.д.) действительно не в состоянии полностью выразить его многомерную и многоуровневую сущность. Поэтому различные определения человека и его интерпретации в различных науках социально-гуманитарного цикла, во-первых, не могут претендовать на универсальность предлагаемой модели, а, во-вторых, каждую из них необходимо принимать во внимание только в качестве взаимно дополняющих друг друга фрагментов единого проблемного поля: сложно иерархизированной, голографической, топологической модели многомерного социального существа, каковым является человек. А такую модель способна сконструировать обладающая высшей степенью абстракции, открывающей путь движения теоретической мысли от абстрактных определений к конкретной сущности, – социальная философия. Для решения столь грандиозной по своим масштабам и значимости задачи социальная философия должна руководствоваться несколькими методологическими принципами. Наиболее важные из них таковы:

- принцип *целостности*, позволяющий рассматривать и интерпретировать человека во всем богатстве его взаимосвязанных сущностных определений;
- принцип *открытости*, характеризующий человека как открытую саморазвивающуюся систему, непрерывно взаимодействующую с окружающей природной и социальной средой;
- принцип *концептуализации*, позволяющий рассматривать объект конкретной исследовательской задачи с помощью специально подобранных абстракций;
- принцип *концептуальной развертки*, предполагающий отображение изучаемого объекта в различных мыслительных плоскостях и нахождение для него множества интервалов абстракции;

- принцип *концептуальной сборки*, – обладающий возможностью представить и выразить исследуемый объект – человека – в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и взаимопереходов между различными определениями, образующими единую сложно иерархизированную конфигурацию (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Методологические принципы социально-философского исследования человека

Диалектически взаимосвязанное применение этих методологических принципов позволяет социальной философии свести противоречивое множество определений в целостное единство, в истинный синтез, представляющий не агрегат разнокачественных аналитических определений, а новое гармоничное образование, позволяющее выразить многомерную сущность человека в его всеобъемлющей социальности. Только такой синтез позволяет понять, почему человеческая созидательная

деятельность необходимо по нелинейному, поливероятностному тренду, все возрастающей и усложняющейся социальной общности, где пространство и время налагают пределы на результаты и одновременно открывает новые, все более обширные горизонты созидательного творчества в познавательной и практической деятельности человека и человечества.

Но чтобы индивид оказался вовлеченным в непрерывный процесс творчества, он должен в процессе социализации сформироваться как уникальная личность. Этот сложный процесс становления личности Макс Шелер выразил в кратком и многозначном афоризме: «Человек может лишь активно собрать себя в *личность*». Входе развертывания данного процесса формируются такие важные воплощение сущности человека, каковыми являются социальные качества личности.

Социальные качества личности – это совокупность социально-психологических свойств и черт личности, определенным образом взаимосвязанных и обусловленных типом социального взаимодействия с другими людьми в конкретных социально-исторических условиях и обстоятельствах.

Первым из таких качеств является *самосознание*. Оно представляет собой выделение индивидом самого себя из окружающей социальной среды, чувствования себя субъектом своих физических и психических состояний, социальных ожиданий, стремлений и действий. Это означает осознание самого себя как «Я», противостоящего «другим» и вместе с тем неразрывно связанного с ними. Самосознание выражается в том, что личность воспринимает и понимает тождественность самой себе в прошедшем, настоящем и будущем, а чем органичнее связаны между собой эти три модуса бытия личности, тем социально развитее, богаче и интереснее для других становится данная личность. Оно выступает в единстве трех компонентов: познания самого себя, эмоционально-оценочного отношения к себе и саморегулирования. С самосознанием теснейшим образом связано самоуважение, степень схожести между тем «Я», какой Я есть теперь, и тем «Я», каким бы хотел быть.

Второй важнейший компонент социальных качеств личности составляет ее *самооценка*. Это – оценка личностью самой себя, своих возможностей,

способностей, места, занимаемого среди других людей. Самая важная и значимая функция самооценки – *регуляция поведения личности*. Весь опыт, все поступки и проступки, все окружавшее человека в течении его жизни суммируется, когда индивид пытается ответить на собственный вопрос: какой же Я? Ответить на этот вопрос не так уж и просто, да и не каждый отважится откровенно признаться в том, какой же он на самом деле и насколько отличается от того, каким хочет казаться другим. Но только таким путем можно решить жизненно важную проблему: каким нужно быть, а не казаться. А это означает: самооценка может и должна привести к *самокоррекции* своих поступков. Такое действие не проходит без сомнений и конфликтов с самим собой. Но если эти сомнения и конфликты преодолены, человек может с гордостью сказать о результате своего действия: «Это сделал Я». Но он же (в том случае, если не исправился сам собой) способен произнести с укором «Неужели это сделал Я?» или, еще горше – «Что же я наделал?», или: «Ах, зачем я это сделала?» Таким образом, самооценка – это своего рода проекция «Я» реального на «Я» идеальное с помощью образца, эталона, идеала и т.п.

Важным социальным качеством личности является ее *активность*, т.е. способность человека производить социально значимые действия, проявляющиеся в общении с другими, в совместных с ними (или отдельно от них совершаемых) делах, в творчестве. Самое концентрированное воплощение активность получает в так называемой *сверхнормативности*, т.е. в совершении деятельности, которая не рассматривается строго обязательной по существующим в обществе или группе (общности) нормам, но вытекает из понимания личностью своего долга, призвания и т.п. Выдающимся проявлением сверхнормативности является титанический четырехлетний труд выдающегося художника Эпохи Возрождения Леонардо да Винчи над портретом знаменитой Джоконды.

Важной социальной характеристикой личности являются ее *интересы*. Они выступают в качестве постоянного побудительного механизма познания и деятельности личности, подталкивающего личность к более глубокому ознакомлению с новыми фактами, событиями, теориями в

какой-либо сфере действительности, к преобразованию последней в соответствии со своими потребностями, целями, представлениями.

Одно из существенных социальных качеств личности составляет *направленность*. Она представляет собой совокупность устойчивых мотивов, ориентирующие деятельность личности, независимо от социальных ситуаций, в которых она находится. Поступки человека как субъекта социальной деятельности всегда направлены на достижение вполне определенной цели. Если эта цель имеет принципиально важный для личности характер, она предопределяет ее активность в определенном направлении даже в тех случаях, когда социальная ситуация мешает достижению данной цели, вследствие чего приходится изменять ситуацию и преодолевать препятствия. Именно так происходило, когда И. Ньютон или Д.И. Менделеев совершали свои научные открытия.

Направленность личности теснейшим образом связана с ее убеждениями и установками. *Убеждения* представляют собой личностные социально-психологические потребности, в основе которых лежат определенные представления, идеи, принципы, существенно определяющие отношения человека к действительности и побуждающие его поступать в соответствии со своими идеалами, принципами, взглядами, мировоззрениями. Различаются нравственные, научные, религиозные и иные убеждения. Когда хотят охарактеризовать какого-либо человека, нередко говорят: «он – убежденный холостяк» или «Главное для него – его религиозные убеждения».

Установка – это такая социальная характеристика личности, которая выражает ее готовность к определенной социальной активности и действиям в определенной сфере деятельности, направленным на достижение поставленной цели. Например, установка Александра Македонского и Наполеона состояла в совершении завоевательных походов, на такой ориентации деятельности были сконцентрированы основные устремления и энергетический потенциал их личностей.

Установка и направленность личности воплощается в ее ценностных ориентациях. *Ценностная ориентация* – это совокупность социальных ценностей, выступающих в качестве целей жизни и основных средств их

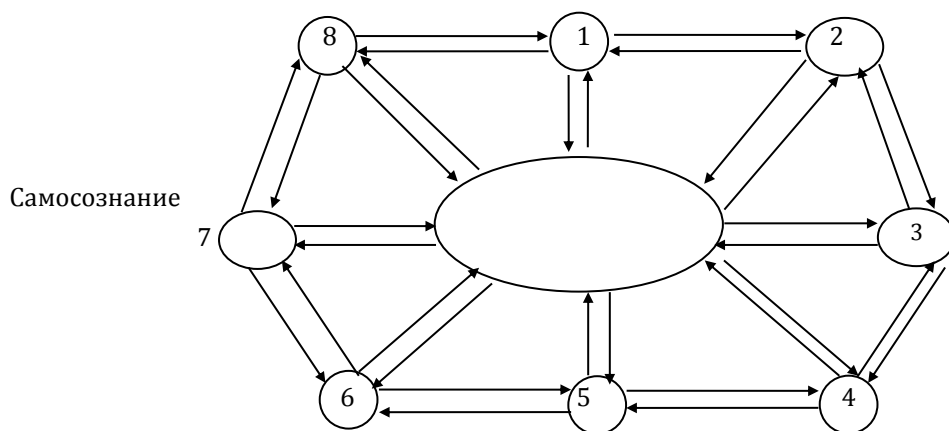
достижения и поэтому приобретающих функцию регуляторов социального поведения человека. В ценностных ориентациях находит выражение предрасположенность личности к определенному восприятию условий жизни и деятельности, а также к определенному поведению в долгосрочной перспективе. Поэтому они выполняют роль опорных пунктов в принятии личностью важных решений. Различают *целевые* ценностные ориентации, выражающие важнейшие цели, идеалы, смысложизненные ориентиры (счастье, здоровье, личная свобода и др.) и *инструментальные*, запечатлевающие одобряемые в обществе или социальной группе средства достижения целей (профессиональная подготовка, самообразование, удача и т.п.).

Наконец, еще одним чрезвычайно важным социальным качеством личности является ее идентичность. *Идентичность* - это такое социальное качество, которое является результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми, социальной общностью или идеалом путем избирательного и внутренне согласованного движения потоков информации о нем самом как единстве личного и одновременно социального взаимодействующего с другими личностями и общностями. Идентичность выступает в качестве проявления и результата идентификации – процесса отождествления личностью самой себя с определенной этнической, политической, территориальной, языковой, религиозной и т.п. группой (Я – белорус, Я – студент, Я – минчанин, Я – православный и др.). Идентичность определяется как внутренними свойствами самой личности, так и ее социальным окружением, т.е. внешними влияниями.

Социальные качества личности представляют в своей совокупности сложную социальную структуру личности, в которой каждый компонент связан со всеми другими компонентами и находится с ними в постоянном взаимодействии. Нельзя себе, например, представить функционирование мировоззрения или ценностных ориентаций личности без ее самосознания. Взаимосвязь социальных качеств личности в ее многогранной социальной структуре выражена на рисунок 3.

Все охарактеризованные и иные социальные качества личности реализуются не разрозненно, а во взаимосвязи друг с другом. Поэтому и говорят, что личность есть *система* неразрывно связанных и взаимодействующих друг с другом социально-значимых качеств, характеризующих индивида как субъекта социальных отношений и социальной деятельности.

Рисунок 3. Структурная взаимосвязь социальных качеств личности

- 1 Убеждения
- 2 Установка
- 3 Направленность
- 4 Активность
- 5 Интересы
- 6 Самооценка
- 7 Ценностные ориентации
- 8 Идентичность

В зависимости от своеобразия проявления социальных качеств индивида и его личностных особенностей различаются несколько *типов личности*.

Пассионарный тип личности обладает жизненной энергией, гораздо большей, чем требуется для простого поддержания и удовлетворения жизненных потребностей т.н. «нормативной», «спокойной» жизни и свою «сверхнормативную» энергию использует для активной целенаправленной деятельности, ориентированной на достижение высоких, часто идеальных социальных целей.

Базисный тип личности характеризует наиболее часто встречающийся в обществе на определенной стадии его развития социальный портрет индивидов, их личностные характеристики, формируемые господствующими в этом обществе типами культуры, мировоззрения, общественных оценок, социально-экономических условий. Базисный тип личности имеется в виду, когда говорят о типичном белорусе, американце или французе.

Модальный тип личности предполагает получение ответа на вопрос, каким критериям должен отвечать индивид, чтобы его деятельностный личный потенциал с наибольшим эффектом реализовался в социально зрелом и активном субъекте исторического процесса на определенном этапе социально-экономического, политического и социокультурного развития общества. Это своего рода эталон, идеал, к соответствию с которым должен стремиться сознательный и активный гражданин страны, не забывающий и о судьбах человечества. Такой личности свойственны духовная развитость, совестливость, богатство интеллектуальной и эмоциональной сферы, чуткость, отзывчивость, высокий профессионализм и т.п. Именно к такому типу личности относились академики А.Д. Сахаров и Д.С. Лихачев, воплощавшие во всей своей жизнедеятельности типичные черты «подлинного интеллектуала».

Маргинальный тип личности (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) характеризует людей, поставленных развитием общества на грань двух культур, с первой из которых они уже порвали, а во вторую еще полностью не включились. Он возникает чаще всего при перемещении индивидов из одного социального слоя в другой, более низкий по статусу, из одного

этнонационального региона в другой, из села в город и т.д. Основные признаки маргинального типа личности – нестабильность и неопределенность связей со своим ближайшим социальным окружением, постоянная боязнь быть отвергнутым, одиночество и чрезмерная мнительность, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любого рискованного действия. В крайних случаях маргиналы могут прийти до такой степени отчуждения от своего прежнего социального окружения и от самих себя, за которой наступает социальная деградация личности, ее деперсонализация.

Авторитарный тип личности характеризует человека, непреклонно верящего в социальную систему, в которой в качестве управляющих могут выступать только некоторые избранные, а к управляемым относятся все остальные люди, причем первые должны стоять над вторыми, командовать ими, отдавать распоряжения в форме беспрекословных указаний и приказов, единолично решать все принципиальные вопросы жизнедеятельности группы, общности, общества в целом.

Мафиозный тип личности характеризует людей, которые в погоне за высоким доходом и богатством готовы на любые нарушения моральных и правовых норм – казнокрадство, подкупы, взятки, шантаж, убийство и т.п. Чаще всего они действуют не в одиночку, а организуются в сплоченные, тайно, активно и жестоко действующие мафиозные группы.

Демократический тип личности характерен приоритетным значением прав и свобод человека, активностью и глубокой осознанностью социальной позиции, высокими критериями оценки деятельности как своей собственной, так и других людей, их групп, партий, движений и т.п., высокой целеустремленностью, социальной ответственностью в своих ценностных ориентациях и повседневной жизнедеятельности.

К *реактивному* типу личности относятся люди, целиком или в большой степени зависящие от обстоятельств или влияния других людей и действующие чаще всего по схеме «стимул – реакция». Такие люди все свои неудачи и поражения списывают на обстоятельства или на чей-то злой умысел.

В противоположность им люди *проактивного* типа личности целенаправленно пользуются свободой выбора, всегда уверены в себе, готовы приложить максимум усилий, чтобы изменить обстоятельства к лучшему, активно преодолевают любые препятствия на пути к цели, трудности не пугают и не ослабляют их воли, а, напротив, мобилизуют и волю, и разум и имеющиеся средства и ресурсы для успешного решения возникающих проблем и задач. У такой личности между стимулом и реакцией появляются такие звенья, как способность к анализу и к самоанализу, воображение, независимая воля, активное целерациональное и ценностно-ориентированное действие, достаточное для того, чтобы действовать целеустремленно и эффективно.

В условиях существования рыночной экономики в обществе получает широкое распространение *рыночный* тип личности. Обладатели такого типа стремятся во всем и всегда получать от любого дела, от любых отношений меркантильную выгоду. Такая личность становится однобокой, во многом ущербной. Жизненный успех, в понимании такого индивида, зависит, главным образом, от того, как человек сумеет продать свою личность, поэтому он чувствует себя товаром, вернее, одновременно и товаром и продавцом, поскольку намеревается покупать для своих целей других людей. Люди такого типа не имеют даже стабильного Я, ибо их Я постоянно меняется в соответствии с жизненной установкой – «Я такой, какой Я вам нужен». Они избегают всех чувств, как положительных, так и отрицательных, потому что чувства, особенно глубокие, служат помехой для достижения главной цели рыночного характера – продажи и обмена всего, в том числе и самого себя.

Очень близок по своим характерным чертам к только что рассмотренному типу *стяжательский (накопительный)* тип личности. Человек, руководствующийся стяжательской ориентацией, мало верит в то, что он может получить из внешнего мира нечто новое и ценное, его основная жизненная установка – стяжательство и экономия, а любую трату он рассматривает как угрозу своей безопасности. Его скупость, пишет Э. Фромм, распространяется как на деньги и материальные вещи, так и на чувства и мысли. Любовь для них – это, по существу, обладание. «Они не

способны отдавать любовь, но стараются получить ее, завладевая «любимым»».

В совокупности типов личности, отличающихся негативным отношением к окружающей среде, специфическое место занимает *деструктивный* тип. Характеризуя этот тип личности, Э. Фромм отмечал, что такой личности свойственна страсть к абсолютному господству над другим существом и желание разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти.

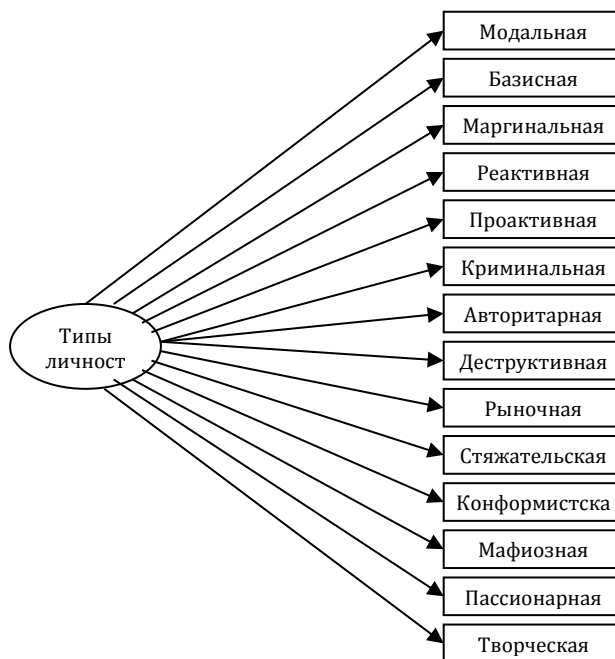
В различных типах обществ, в том числе и в современном белорусском, достаточно широкое распространение получил *конформистский* тип личности. Конформизм проявляется как некритическое принятие индивидом и пассивное следование господствующим в группе, толпе, сообществе мнениям и стандартам поведения. Люди, обладающие таким типом характера, живут в плену иллюзий, будто бы они следуют собственным мыслям и склонностям, что они пришли к какому-то мнению или решению в результате собственных размышлений. Но для них совершенно непонятно, как получилось что их точка зрения совпала с позицией большинства. Характерная особенность этого типа личности состоит в стремлении «быть как все», ничем не выделяться от остальных людей.

В типологии личности особое место принадлежит *преступному (криминальному)* типу. Под преступным типом личности понимается совокупность социально-психологических особенностей, характерных для лиц, совершающих преступления, т.е. общественно опасные деяния, за которые законом установлена уголовная ответственность. В обобщающей модели противоправного поведения ведущая роль отводится дефектам правосознания, ценностно-нормативных ориентаций, специфической структуре мотивационных конструктов, а также некоторым психологическим качествам – агрессивности, импульсивности, низкому уровню интеллектуального и нравственного развития, личностной упрощенности, алкоголизации и наркотизации. Определенное сочетание названных особенностей в совокупности с деструктивным влиянием ближайшего социального окружения приводит к совершению определенными лицами насильственных, серийных и иных преступлений.

К самому интересному типу личности относятся люди творческие. Причем они встречаются не только среди ученых, писателей, композиторов, художников, но и среди предпринимателей, политиков, рабочих, хлеборобов. Люди *творческого типа* всегда стремятся найти свое призвание и реализовать это призвание в своей деятельности. Занимаясь своим любимым делом, они преодолевают все трудности на пути к избранной цели. В любых ситуациях они способны принимать правильные решения, осуществлять хорошо продуманные, рационально ориентированные целенаправленные действия, а проявляя независимость по отношению к кумирам, остаются самими собой. Высшим проявлением творческой личности А. Маслоу считал самоактуализацию.

Каждый тип личности формируется на взаимопересечении социальных качеств личности и характерных для нее личностных черт и оказываются органично интегрированными с целостной и динамично развивающейся системой личности. Именно в личностной системе, инвариантной по отношению к каждому индивиду в своих сущностных определениях, но своеобразной для каждого из них в своих конкретных проявлениях, выражается и реализуется социальный тип личности (см. рисунок 5.)

Рисунок 5. Социальные типы личности

В процессе философско-логического анализа мы рассмотрели по отдельности различные социально-качественные и социально-типологические компоненты проблемы человека. Но этот основной и основополагающий объект социальной философии нельзя разложить по отдельным полочкам. Можно расчленивать на части человеческое тело, но невозможно разъять его душу, его сознание, его совесть. Очень точно и кратко сущность этого удивительного социального феномена выразил Антуан де Сент-Экзюпери: «Надо много пережить, чтобы стать человеком». А это значит, чтобы определить сущностное ядро проблемы человека, необходимо множество его аналитических определений рассмотреть в их сжатом (в гегелевском понимании данного понятия) виде, в многомерном и многогранном диалектическом синтезе, что и составляет квинтэссенцию социальной философии.

Summary

The problem of man is presented as the quintessence of philosophical understanding of the world. Conceptualization of the basic concepts that reveal the essence of the problem is carried out. Methodological principles of research of this problem are formulated. The social qualities of its basic types are characterized. It is emphasized that in the modern deeply technical globalizing world creative person is becoming the most demanded.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 21-37]

Юрий Бубнов

Могилёвский институт региональных социально-политических исследований, Rosja

Исторические предпосылки взяточничества

Historical background of bribery

Key words: *History, bribery*

То, что мы сегодня называем взяточничеством, довольно долго в человеческой истории представляло собой один из основных способов взаимодействия людей. В догосударственную эпоху обмен дарами в любом сочетании: дар на дар или дар за услугу, дар за покорность или за защиту, за искомое действие или выгодное бездействие составлял суть возмездного взаимоотношения людей. Даже богам наши предки, как, впрочем, и наши верующие современники, делали и продолжают делать подношения, предваряя ими свои просьбы о прощении или благодеянии. Такой возмездный обмен дарами между отдельными людьми и целыми народами представлял собой способ самоорганизации и составлял несущую конструкцию модели нетоварной экономики и социального взаимодействия первобытного общества. Дарами скреплялись отношения родства, братства, вассальной зависимости и господства. Причём вассал, поднося дары своему господину в знак своей преданности, мог рассчитывать на ответные дары, порою, превышающие по материальной ценности свои подношения, как это практиковалось, например, в Древнем Китае. Зачастую дар в большей степени характеризовал не столько того, кому он подносился, сколько щедрость и благородство самого дарителя.

Социально значимой проблема взяточничества стала в связи и по мере укрепления централизованного государства. Причём характер взаимосвязи между степенью централизации государства и распространением взяточничества представляет особый интерес. Дело в том, что одной из прокламируемых причин усиления централизованного характера государства зачастую называлась как раз борьба со злоупотреблениями богатых и сильных против бедных и убогих. Однако одним из неизбежных результатов такой борьбы всегда оказывалось лишь усиление всевластия чиновничества и усугубление их злоупотреблений. Об этом свидетельствуют многочисленные факты мировой и отечественной истории. Например, в древнейшей на Земле письменной истории Шумерского государства явно просматривается такая закономерность. Так, однажды в XXIV веке до нашей эры жители шумерского города-государства Лагаша восстали, возмущённые произволом чиновников, которые нещадно повышали налоги, вводили бесчисленные новые подати и даже посягали на собственность храмов. Воцарившийся в результате успешного восстания новый правитель Урукагана гордо сообщил на нетленных глиняных табличках, что он принёс правосудие и свободу многострадальным гражданам, расправился с ненасытными и жестокими чиновниками, положил конец несправедливостям, защитил сирот и вдов. Однако через 400 лет всё, похоже, вернулось на стези своя, поскольку основатель следующей царственной династии Ур-Намму был вынужден с новой силой бороться с вымогателями и взяточниками, *захватывающими быков, овец и ослов у граждан* [Крамер, 1991: 63], для чего и создал самый древний из известных на Земле письменный свод законов. Во вступительной части этого свода законов Ур-Намму высокопарно говорит о том, что именно он избавил народ от злоупотреблений чиновников, урегулировал систему мер и весов, позаботился о вдовах, сиротах и бедняках, запретив обманывать и обижать их. Но прошло ещё 200 лет, и уже следующий правитель Шумерского царства Липит-Иштар в собственном своде законов похвалялся тем, что только он установил на земле правосудие и устранил всякий повод для жалоб на вымогателей [Крамер, 1991: 115]. Стоит ли говорить о том, что и все последующие века, вплоть до самого последнего

времени продолжается неустанная борьба высших государственных лиц против произвола своих же служащих. Исход этой бесконечной борьбы, несмотря на масштабность и видимую суровость мер, складывается далеко не в пользу радетелей антикоррупционной чистоты чиновничьих нравов. Очевидная парадоксальность ситуации легко разгадывается, стоит лишь вспомнить о том, что главными борцами с коррупцией издревле и до сих пор оставались сами чиновники. В лучшем случае *хорошие* чиновники боролись против *плохих* своих собратьев по бюрократическому цеху. Чаще же борьба государства с коррупцией напоминает танец борющихся нанайцев, исполняемый одним ловким танцором. И чем больше прав и полномочий оказывалось волею монарха или законодателя у *хороших парней*, призванных бороться с порчей в своих рядах, тем быстрее они сами превращались в злостных взяточников. Немало примеров тому мы найдём и в истории российской борьбы с коррупцией.

Истари на Руси различали многообразные формы взяточничества, что уже само по себе свидетельствует о широкой распространённости коррупционной практики в российском обществе. В народном сознании эта практика закрепилась в виде коррупционно ориентированных пословиц и поговорок: *казённая палата от мужиков богата, перед богом ставь свечку, перед судьёю – мешок, не подмажешь – не поедешь, золотой ключик любые двери открывает, возьми на калачи, да только с делом не волочи, ты – мне, я – тебе, руки для того, чтобы брать, люди ссорятся, а воеводы кормятся, дяк у места, что кошка у теста* [Аникина, 1985: 351-352] и многих других, большая часть из которых актуальна по сию пору. В Толковом словаре живого великорусского языка взятка имеет немало синонимов, свидетельствующих о развитости корыстных взаимоотношений *государевых людей* и простых граждан. Там взятка трактуется как *срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пешкеш, бакшиш, хабар, магарыч, плата или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело* [Даль, 1989-1991: 197]. Ниже мы убедимся в том, что это далеко не полный список синонимов взяточничества.

Стоит обратить внимание на обилие терминов, обозначающих действия, ныне подпадающие под понятие *взятка*, явно восточного происхождения.

Очевидно, что это обусловлено влиянием татаро-монгольского владычества на Руси. Монголы если и не выполняли на славянских землях прямых административных функций, то уж во всяком случае, активно торговали правами местных правителей на княжение. Успех того или иного претендента на власть, как правило, определялся количеством и качеством привезённых им подарков. Получившие ярлык на княжение местные правители, разумеется, распространяли этот принцип и на подначальное население. Постепенно такой порядок стал всеобщим на славянских землях и вошёл в базовые структуры социо-нормативной системы российского общества.

Косвенным свидетельством татаро-монгольского влияния на распространение того, что мы сегодня называем коррупционными отношениями, является то, что термины, синонимичные понятию *взятка*, упоминаются в русских летописях с XIV века, когда уже успели укорениться в общественной практике нормы, привнесённые восточными завоевателями. Однако возмездные отношения на русских землях существовали задолго до каких бы то ни было завоевателей, составляя первичную форму экономических отношений в примитивном обществе. Поэтому винить татаро-монголов можно разве что в привнесении практики купли-продажи ярлыков – права на княжение теми или иными русскими княжествами, когда взятки в виде подарков стали основным условием получения власти князьями.

В социальной практике наших далёких предков использовались различные формы обменных операций материальных ценностей на статусы, льготы и привилегии, получаемые от власть предержащих и их подручных. Понятием, синонимичным мздоимству, тогда была почесть. «Почесть» не была напрямую связана с каким-либо конкретным обязательством начальника. Она подносилась для-ради уважения к *большому* человеку, дабы тот не обиделся и сам, в свою очередь, не обидел при случае. Потенциальные челобитчики пользовались любым поводом для подношения *почести*: престольным праздником, именинами *начального* человека. На этом этапе мздоимных отношений ценилась не столько сама вещь, сколько оказание внимания, *чести* служилому человеку. Поэтому в

качестве *почести* подносились вещи, как правило, не обладавшие большой материальной стоимостью. Чаще всего ограничивались съестным набором, привычным для тогдашнего обывателя: пирогами, калачами, рыбой, винами и прочей снедью. Лучшим подарком *нужному человеку*, как и сейчас, были духовные ценности. Особенно ценились подношения от монастырских монахов, которые также были не прочь задобрить мирских правителей иконами, церковными книгами, утварью, посудой. Почесть не считалась взяткой в современном смысле этого слова и поэтому не была предосудительна. Напротив, игнорирование, к примеру, именин любого более-менее значимого представителя государства вызывало не только обиду самого именинника, но и моральное осуждение всего социального окружения невежи. *Почесть* практикуется нашими современниками и по сей день, хотя они свои подношения так и не называют. По результатам опроса 594 взрослых жителей Могилёвщины, проведённого в 2003 году Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований, 8,1% наших земляков одаривают чиновников в связи с какими-нибудь личными или общественными праздниками не за какие-то их непосредственные услуги, а просто так, для поддержания хороших отношений впрок. При этом, правда, не стоит упускать из виду, что вовремя поднесённый подарок влиятельному человеку со временем, как правило, окупался сторицей его вниманием к нуждам дарителя. Этот принцип сегодня так же безотказно работает, как и много веков назад.

Не считалось в те времена взяткой и то, что приказным приносили челобитчики за конкретную работу по оформлению документов. По аналогии с нынешними временами, такая форма возмездных отношений соответствует платным услугам в бюджетных организациях и учреждениях. Довольно продолжительное время эти доходы служилого люда официально учитывались властями, которые даже стремились уменьшить жалование, если в приказе было много дел, но, порою, и, наоборот, повышали его в случае их скудости. Плата за ведение дел могла в 5-10 раз превышать размер официального жалования чиновника. Бюджетные финансовые трудности на Руси в середине XVII века привели к тому, что каждый четвёртый государев человек перестал получать жалование вообще [Куракин, 2002: 39],

живя исключительно за счёт подношений, Ясно, что в этих тяжёлых материальных условиях вся надежда у служилых людей оставалась только на просителей, которые, радея о собственных интересах, способствовали благосостоянию государева сословия. При этом никого не могла удивить прямая зависимость между скоростью прохождения дела через многочисленные уже тогда бюрократические препоны и величиной подношения просителя. В тамошних условиях это была плата за работу чиновного человека, связанная с оформлением им конкретных дел просителей.

По понятиям допетровской Руси, собственно взятками в современном смысле этого слова были только *посулы* [Демидова, 1987: 141-146], которые, как правило, имели значительную материальную ценность, чем и окупали риски чиновников за нарушение закона. Впервые понятие *посул* употребляется в смысле взятки, начиная с Псковской Судной грамоты 1397 года [Куракин, 2002: 35-48]. Посул давался за конкретное дело, которое чиновник обещал исполнить, невзирая на закон. Такой рисковый взяточник именовался лихоимцем. Именно с посулами и повело борьбу российское государство. Причины неприятия посулов центральными властями понятны. Они объективно переориентируют чиновников с государевых установлений на частные гражданские интересы, с чем центральная власть согласиться, конечно же, не могла. Разнообразные формы взяточничества, обеспечивающие *кормление* служилого люда, делали его материально зависимым от подопечного населения. А это входило в противоречие с интересами центрального правительства, всё больше нуждающегося в безукоризненно работающем чиновничьем аппарате. Чем более централизованным становилось российское государство, тем в большей степени оно испытывало потребность в зависимом только от него административном аппарате. Поэтому тяготеющие к самодержавию российские государи стали предпринимать всё больше усилий для того, чтобы избавить чиновничество хотя бы от наиболее коррупционных форм экономической зависимости от частных лиц.

Первое на Руси законодательное ограничение взяточничества в государственном аппарате принадлежит Ивану III. Его внук – Иван Грозный

впервые *de-facto* ввёл смертную казнь за чрезмерные взятки. Он приказал казнить дьяка, принявшего в качестве посула начинённого монетами жареного гуся [Куракин, 2002: 37]. Алчность дьяка явно превысила пределы дозволенного обычая, за что тот и поплатился головой. Действия Ивана Грозного отличались аффективной противоречивостью как в частных, так и в государственных делах. Однако в его спорадических поступках отразилась общая тенденция, характерная для российской государственности того времени. Эта тенденция, в реализации которой он, в конце концов, объективно добился немалых успехов, выразилась в дальнейшей административной централизации всей общественной жизни в стране. Правда, практическое осуществление основной административной идеи Ивана Грозного в виде опричнины привела к омертвлению гражданской жизни в стране и вымиранию целых волостей. Да и *смуту* начала XVII века, когда объектом коррупции стала сама царская власть, многие историки считают закономерным *эхом* административного *перегиба* Ивана Грозного. Для нас важно зафиксировать усиление при Иване Грозном влияния чиновничества в ходе централизации государственной власти и повышение в связи с этим коррупционных рисков.

Век спустя, Пётр Великий завершил дело административной централизации Руси. Правда, сделал он это на принципиально новой основе. Не по-восточному, а, правда, только косметически, – на западный, европейский манер. В интересующем нас контексте это означало официальный запрет *кормления* служилых людей от своих дел. В 1714 году Пётр издаёт Указ *О воспрещении взяток и посулов*, которым было отменено поместное обеспечение чиновников и повышено их денежное содержание. Тем самым царь попытался ликвидировать коррупционную зависимость чиновничества от местного населения и поставить его под собственный экономический контроль. При этом он прекрасно понимал, что даже повышенное жалование не могло полностью компенсировать коррупционные доходы чиновничьего сословия, монопольно отправлявшего административные функции. Монополия, как известно, всегда приносит сверхдоходы. И никакое государственное жалование не в состоянии компенсировать преимущества монополии. Поэтому царь Пётр

одной рукой давал своим чиновникам повышенное жалование, а второй – ввёл беспрецедентный механизм контроля над деятельностью должностных лиц. Он учредил своим Указом должность фискалов, которые от имени государя негласно надзирали над чиновным людом. Деятельность тайных надзирателей и доносчиков поощрялась материально в размере каждого четвёртого рубля от штрафов за раскрытые взятки. А сами они были законодательно защищены от наказания даже за ложные доносы. Великий царь-реформатор подключил к борьбе с взяточничеством даже простой люд. Это был один из первых примеров внесловного законодательства, доселе немислимый в разделённом сословными привилегиями обществе. Царь Пётр разрешил всем своим подданным, независимо от чина, доносить лично ему о лихоимстве чиновников. Информатор за справедливый донос получал *богатство того преступника, движимое и недвижимое...* [Куракин, 2002: 40]. Подобных по радикальности мер в борьбе с коррупцией не знала не только предыдущая, но и вся последующая история Российского государства. Однако, невзирая на эти строжайшие Указы (а, скорее всего, благодаря им), эпоха Петра славна не только военными победами, но и небывалым расцветом коррупции. Абсолютным рекордсменом по взяточничеству стал ближайший сподвижник монарха-антикоррупционера – светлейший князь А.Д. Меншиков, который сумел сколотить состояние, в три раза превышавшее бюджет всей Российской Империи [Куракин, 2002: 40]. После смерти Петра I у опального князя было изъято 4 млн. наличной монетой, 9 миллионов рублей, вложенных в банки Голландии и Англии, бриллиантов и драгоценностей на 1 млн. рублей. Кроме того, у Меншикова было конфисковано 90 тыс. крестьянских душ и отобрано 8 городов, полученных им незаконно. Надо полагать, ближайший сподвижник Петра Великого был его правой рукой и в борьбе с взяточничеством. История не сохранила достоверных данных относительно прироста имущества фискалов в период отправления ими своих антикоррупционных функций. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что оно прирастало не только из официальных источников. Большие полномочия, как правило, дороже и продаются. Не случайно после смерти Петра в 1726 году фискалитет был отменён по причине, как бы мы сейчас сказали

контрпродуктивности. Более того, в 1727 году нехватка средств заставила правительство вернуться к прежней системе материального обеспечения чиновничества, предусматривающей работу канцелярских служащих в городах без жалования с позволением *брать акциденцию от дел*. Этим актом фактически была восстановлена система средневекового кормления служилых людей от просителей. Лишь в начале 60-х годов XVIII века это правило было формально отменено окончательно. Однако сама социальная практика, укоренившаяся в народной традиции ходить к *начальному человеку* не с пустыми руками, осталась и до сих пор, в чём мы ещё успеем убедиться на материалах социологических опросов наших современников. А пока вернёмся к перипетиям вечной борьбы российского государства с взятками в чиновничьей среде.

Один из самых просвещённых и прогрессивных правителей России Александр I в погоне за европейской чиновничьей неподкупностью издал специальный антикоррупционный Указ *О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам*. Однако, несмотря на строгий указ царя, взяточничество среди государственных служащих продолжало расцветать пышным цветом. В царствование Николая Первого чиновничество обирало население и казну с не меньшим размахом, чем их коллеги из века XVIII, в связи с чем Сенат по воле императора в 1832 году издал очередной суровый Указ *О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от общества*. О том, насколько начальствующие лица испугались указа строгого царя, не случайно прозванного Палкиным, свидетельствует тот факт, что уже в 1845 году возникла настоятельная потребность включить в новом Уложении *О наказаниях уголовных и исправительных* специальную главу *О мздоимстве и лихоимстве*. Согласно этому Уложению, под *мздоимством* понималось получение государственным служащим имущественной выгоды от частных лиц в виде денег, ценных бумаг, вещей и т.п. за действие или бездействие в интересах взяточдателей, но без нарушения чиновниками их служебных обязанностей. *Лихоимство* трактовалось как принятие служащими каких-либо даров от посетителей для решения того или иного дела в их пользу с нарушением законов и норм государственной службы. В соответствии с Уложением Николая Первого,

мздоимство наказывалось штрафом в сумме двойной цены подарка или снятием с должности. Лихоимство же квалифицировалось как злоупотребление властью и наказывалось в уголовном порядке [Мельников, Нечипоренко, 2000: 125]. Насколько мы понимаем, Уложение Николая Первого впервые в юридических терминах квалифицировало мздоимство как особый повод для административного преследования и определило для него конкретные меры наказания, отличающиеся от санкций за другую разновидность взяточничества – лихоимство. Такая дифференциация позволила юридически вывести мздоимство из сферы традиционной повседневности в разряд правонарушений.

Впрочем, правовые новации юристов никак не сказались на социальной практике мздоимства, тематически вошедшего в золотой фонд российской литературной классики в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, пьесах Н. В. Гоголя, поэмах Н. А. Некрасова. Литература, как зеркало русской действительности, по-прежнему демонстрировала миру алчное естество российского чиновничества.

Однако это были ещё цветочки. Настоящий расцвет массового мздоимства пришёлся на советский период. Поначалу молодое социалистическое государство рьяно взялось за искоренение буржуазного пережитка – взяточничества. Но использовало при этом те же средства, что и их незадачливые предшественники, – командно-административные методы. Новоявленные чиновники пролетарского происхождения призваны были искоренять коррупцию в рядах старорежимных бюрократов. И делали они это, порою, с суровой простотой революционного сознания, а именно, ставили к стенке пойманных с поличным мздоимцев. Однако с приходом мирного времени, суровость нравов пошла на убыль, а вместе с нею – и неподкупность вчерашних революционеров, постепенно пригревшихся в тёплых чиновничьих креслах. Высшие партийные иерархи могли позволить себе не думать о мелких бытовых проблемах, поскольку состояли на полном государственном обеспечении. А вот рядовые *винтики* и *шестерёнки* созданной большевиками огромной административной машины должны были сами заботиться о достойном материальном снабжении своих чад, жён и любовниц. Низкая эффективность и нечуткость социалистической

экономики к потребностям потребительского рынка делали заботы о хлебе насущном постоянной и трудно разрешимой проблемой не только для простых граждан, но и для государственных служащих. Отчасти эту задачу решали специальные магазины-распределители, где некоторым категориям партийных и советских чиновников за бесценок продавались дефицитные материальные блага. Однако основная масса советского чиновничества пребывала *в чёрном теле*. А государственных служащих становилось всё больше и больше. Это было обусловлено самой природой социализма в ленинско-сталинской, да и в хрущёвско-брежневской редакциях, опиравшихся на государственную собственность средств производства. Роль и влияние государства в советском обществе постоянно увеличивались, проникая во все сферы жизнедеятельности гражданского общества, включая науку, культуру, спорт даже частную жизнь людей. Государственный аппарат неудержимо разрастался функционально и количественно. Вместе с ним росли и социальные болезни, характерные для бюрократии, среди которых наиболее опасной, конечно же, была коррупция в форме взяточничества.

В итоге, тотально бюрократизированное социалистическое государство породило систему столь же всеобщего бытового взяточничества. Питательной почвой для массового мздоимства в советский период стал дефицит почти всех товаров повседневного спроса, включая продукты питания. Было бы заманчиво увидеть в существовании беспросветного на протяжении всей советской истории дефицита проявление целенаправленной сознательной воли бюрократического класса. Однако, скорее всего, причиной дефицита стала банальная бестолковость чиновничества как такового, неспособного организовать сложную жизнь большого общественного организма. А как же ещё можно истолковать интеллектуальные и организационные способности социального слоя, утратившего власть в стране в условиях мирного времени при отсутствии сколько-нибудь заметных природных или политических катаклизмов? Но вернёмся к ситуации дефицита во времена СССР. Иностранцев поражал советский потребительский парадокс: прилавки магазинов были пусты, а холодильники граждан – полны. Чужаки не могли понять, откуда советские

люди берут продукты, если их нет в торговой сети. А они их *доставали!* Существовал такой термин, понять который дети рыночной экономики не в состоянии. *Достать* – означало воспользоваться неформальными связями, неважно были ли это родственные, дружеские или взаимно обязывающие партнёрские отношения, для приобретения *из-под полы* необходимой вещи, услуги или статуса, доступ к которым официально был затруднён. То есть товары и услуги формально отсутствовали в продаже, однако для *своих людей* за определённую мзду они исправно поставлялись. *Доставали* в те времена всё, начиная с банки индийского кофе и кончая билетом на *Лебединое озеро* или местом в престижном вузе. Другим расхожим понятием эпохи дефицита был *блат*. Блат был основным средством решения проблемы дефицита. Блатом называли особые отношения между родственниками, друзьями и просто хорошими знакомыми, которые обязывали их на компенсаторной основе помогать друг другу в приобретении дефицитных товаров, услуг или статусов. Коррупционная природа *блата* достаточно очевидна для того, чтобы не останавливаться на нём более подробно. Следует сказать лишь то, что блат почти полностью подменил собою товарно-денежную систему в советском обществе, переведя товарный обмен из режима деперсонифицированных официальных отношений в формат межличностных вещных связей на обоюдной компенсационной основе. В этих взаимных расчетах участников *блатных* обменных операций активно использовались ресурсы государственных предприятий, учреждений и организаций, на которых работали практически все трудоспособные граждане советской страны. Всё это представляло собой широчайшую социальную базу для тотальной коррупции почти всех сфер жизнедеятельности советского общества. Исключение могли составлять разве что те отрасли народного хозяйства, которые были строго ориентированы на конкретные результаты: космос, КГБ, некоторые звенья военно-промышленного комплекса.

Честные граждане, не желающие участвовать в вынужденном тотальном мздоимстве, конечно же, в советской стране были. Однако очень сомнительно, чтобы кто бы то ни было смог избежать практики неофициальных льгот, основанных на родственных, приятельских или

корпоративных отношениях при решении самых простых бытовых проблем. Там же, где эти льготы были официальными, например, спецполиклиники, спецмагазины или спецсанатории, речь может идти о системной коррупции, закрепившей привилегии всей партийно-советской номенклатуры как отдельного сословия.

При рассмотрении особенностей коррупционной практики в советский период важно понять, что функционально специализированные государственные служащие из различных социальных институтов дополняли друг друга на мздоимной основе. Так, например, товаровед, распоряжавшийся государственными торговыми ресурсами, пользовался ими для получения в обход легального конкурса места в вузе для своего отпрыска. А преподаватели государственных вузов, спекулируя своими полномочиями в приёмной комиссии или на экзамене, обеспечивали себя посредством студенческой mzды дефицитными продуктами питания. А обе эти категории работников использовали своё общественное положение для того, чтобы получить лечение вне очереди, отблагодарив медицинского работника числящимися за ними государственными благами. Ясно, что сфера «блата» высокопоставленного чиновника, в особенности, принадлежавшего к партийной иерархии, была неизмеримо большей, чем у рядового товароведа, преподавателя или врача. В итоге каждый функционер гигантской государственной машины фактически эксплуатировал в личных целях тот «винтик» бюрократического механизма, который он персонифицировал. Учитывая тот факт, что практически все сферы общественной жизнедеятельности были почти полностью огосударствленными, в практику кругового мздоимства оказалось вовлечённым большинство взрослого населения Советского Союза. Правда, формы и размеры бытовой mzды чаще всего были весьма неприятными. Денежные знаки граждане использовать в качестве mzды избегали. Во-первых, потому что радужные купюры и в те времена ассоциировались с взяткой, криминальный риск которой оставался высоким. А во-вторых, деньги ещё нужно было *отovarивать*, что представляло собой по причине всеобщего дефицита особую проблему. Поэтому обычно *нужному человеку* приносили спиртные напитки, продукты

питания и книги. Впрочем, каждый гражданин использовал для расчётов за блат то, чем распорядился по долгу службы, по сути, приватизировав ту часть государственного механизма, функцию которой он отправлял. Ясно, что в различных слоях советского общества размеры и материальные формы мзды были различными. Если социальные *низы* обходились водкой и продуктами питания, а интеллигенция – книгами, то элита советского общества коллекционировала картины и бриллианты. Бытовое мздоимство служило социальной базой для распространения криминальной формы взяточничества – лихоимства. Закрытый характер социалистического строя долгое время позволял скрывать даже от собственных граждан истинные масштабы коррупции во всех слоях советского общества. Некоторые наиболее одиозные фигуры взяточников стали появляться на всеобщее обозрение в средствах массовой информации лишь в условиях провозглашённой М.С.Горбачёвым в середине 80-х годов гласности как рупора перестройки. Однако это были лишь небольшие проявления ржавчины глубинной коррупционной коррозии, разъедавшей изнутри все поры советского общественного организма.

Массовое мздоимство во всех слоях советского общества не могло не сказаться губительным образом на природе и судьбе самого социалистического строя. Широкая социальная практика бытового и криминального взяточничества привносила элемент личной заинтересованности и внутренней мотивации в социальное поведение людей, включённых в систему деперсонифицированных формальных отношений тоталитарного государства. Социальная плоть прорастала сквозь холодные остовы государственной машины спорами мздоимства, в конце концов, разевшими его несущие конструкции. Чем шире распространялась в советском обществе практика мздоимства, тем больше сбоек стал давать государственный механизм, поскольку взяточничество существенным образом деформирует управленческие импульсы, снижая их эффективность, а также искажает сигналы «обратной связи», позволяющие политической элите адекватно оценивать реальное положение вещей в стране. Механизм тоталитарного государства, поражённый всеобщим мздоимством, перестал правильно реагировать на изменяющуюся

внутреннюю и международную ситуацию и рухнул буквально на ровном месте, без каких бы то ни было серьёзных внешних воздействий на него. Ссылки на фатальные последствия афганской войны для страны, выдержавшей атаку германского фашизма, выглядят смешными. Действительные причины развала великой страны, следует искать внутри самой советской системы. Одной из таких причин стала безысходная продажность большинства *шестерёнок* и *винтиков* тоталитарной государственной машины социалистического общества. Коррупционная ржа разъела советский строй и стала одним из гвоздей в его гробу.

Появившиеся на развалинах Советского Союза независимые государства встали на путь рыночных отношений. В их числе была и Беларусь. Она унаследовала от СССР не только экономические активы, но и все его социальные болезни, в том числе и коррумпированное чиновничество. Справедливости ради следует сказать, что Беларусь всегда имела репутацию самой «чистой», с точки зрения взяточничества, республики Советского Союза. Впрочем, эту репутацию относительной коррупционной невинности в условиях рыночной вседозволенности начала 90-х годов она берегла недолго. К сожалению, наша страна в рейтинге Международной организации Transparency International занимает отнюдь не почётное место. Например, в 2009 году международные эксперты отвели Беларуси только 139 место. Репутация наших западных соседей оказалась намного лучше: Латвия заняла 56 строчку в рейтинге, Литва – 52, а Польша – 49 место. Вряд ли повысит нашу самооценку тот факт, что у наших восточных соседей дела с коррупцией обстоят ещё хуже: Россия и Украина оказались на 146 месте.

Соблазны свободного рынка, помноженные на монопольные возможности сохранившейся от СССР административно-командной системы, смели все моральные и правовые барьеры на пути чиновничества к накоплению первоначального капитала. Особенно рьяно этот процесс пошёл в России, где общенародная социалистическая собственность была буквально растащена вчерашними *слугами народа*. В Беларуси государство даже в период *бурных 90-х* не выпустило из своих рук экономику в свободное рыночное плавание, оставив основные средства производства под контролем руководства страны. Белорусское чиновничество, в отличие от

российского, не трансформировалось в олигархат, посягающий на политическую власть. Служилый люд остался всего лишь инструментом в руках политического руководства. У отечественной бюрократии лишь поменялся сюзерен. Если раньше это была коммунистическая партия, то ныне чиновничество полностью подчиняется президентской вертикали. Однако роль и значение государственных служащих в жизни белорусского общества принципиальным образом не изменились. Чиновничество по-прежнему остаётся самым влиятельным после политического руководства страны социальным слоем в Беларуси. Государственно-административный аппарат по-прежнему контролирует львиную долю экономики страны, всю жилищно-коммунальную систему, образование и здравоохранение, спорт, науку и культуру. В нашей, относительно небольшой, стране ныне функционируют 25 министерств, а также обладающие правами министерств 9 государственных комитетов и 6 концернов, в России, превосходящей Беларусь по территории в 81,3 раза, а по численности населения почти в 14,5 раз, учреждено всего 16 федеральных министерств. В Польше, с населением, почти в четыре раза превышающим белорусское, их всего 15. В соседней Литве о 3,4 миллионном народе заботятся лишь 13 министерств. А в Швеции, сопоставимой с нашей страной по численности населения, а по площади в два раза большей, насчитывается только 12 министерств. Причём управляют немногочисленные шведские министерства своей страной настолько эффективнее белорусских чиновников, насколько выше уровень жизни у тамошних шведов по сравнению с нашими соотечественниками. Выходит, счастье народа отнюдь не в большом количестве начальников, якобы пекущихся о благосостоянии людей. Скорее, наоборот: чем меньше чиновников в той или иной стране, тем лучше живёт её народ. А чем меньше чиновников и, соответственно, чем меньше у них полномочий, тем ниже коррупционные риски. Тесная взаимосвязь между уровнем коррупции и благосостоянием граждан настолько очевидна, что не требует особых доказательств. Достаточно сопоставить место страны в коррупционном рейтинге с её индексом развития человеческого потенциала. Поэтому противодействие коррупции является одним из важнейших условий процветания страны и её населения.

- [1] Крамер, С. Н. 1991. *История начинается в Шумере*. 2-е изд., измен. Пер. с англ. Ф.Л.Мендельсона. Предисл., пер. шумерских поэтических текстов и коммент. В.К.Афанасьевой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- [2] *Русский фольклор* / Сост. и примеч. В.Аникина. – М.: Худож. лит., 1985.
- [3] Даль, В. 1989-1991. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т. 1.
- [4] Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. № 9.
- [5] Демидова, Н.Ф. 1987. *Служилая бюрократия в России и её роль в формировании абсолютизма*.
- [6] *Псковская Судная грамота* // Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М., 1984. Цит. по: Куракин А.В. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. 2002. № 9. С. 35-48.
- [7] Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. № 9.
- [8] *Полное собрание законодательства Российской Империи*. Т. V. № 2726. Цит. по: Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. № 9.
- [9] *Чистые руки*. 1999. № 2. С. 42. Цит. по: Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. 2002. № 9.
- [10] Мельников, В.П., Нечипоренко, В.С. 2000. *Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность*. Ч. I. М. Цит. по: Куракин А.В. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. 2002. № 9.

Summary

What we today call bribery, long enough in human history represents one of the main ways people interact. In pre-statist era exchange of gifts in any combination: the gift the gift or a gift for the service , for the gift of obedience or protection, for the desired action or inaction was beneficial relationship between people are compensated . Even the gods of our ancestors, for that matter, and our faithful contemporaries have done and continue to make offerings, anticipating them their request for forgiveness or beneficence. Such compensatory exchange of gifts between individuals and entire nations was a way to organize and was the pillar of the model of non-market economy and the social interaction of primitive society. Gifts fastened kinship relations, brotherhood, vassalage and domination. And vassal, bringing gifts to his master as a sign of devotion, could count on responses gifts, sometimes in excess of material value to their offerings, as was the case, for example, in ancient China. Often the gift largely characterized not so much by the person to whom he raised as generosity and nobility of the donor.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 39-53]

Paweł Czarnecki

ISM Presov

Reflections on sexual ethics

Modern computational issues of sexual ethics

Key words: *ethics, sexuality*

Sexual ethics is an exceptional field in the area of ethics, owing to its close relation with extra-ethical concepts, mainly religious ones. This fact distinguishes it from such ethical disciplines as: ethics of business or eco-ethics. However you can speak about Christian and non-Christian (e. g. utilitarian) concepts within those ethics, it is impossible to speak about utilitarian sexual ethics – such ethics, as a separate field, simply does not exist. Wanting therefore to formulate and justify values and principles relating to sexual relations, one must on one side consider values and the principles based upon them formulated by Christian ethics, and on the other hand take into consideration arguments speaking for including the sphere of sexuality into "lay" ethical reflexion. In other words, one must ponder whether sexual drive and the behaviors that directly follow therefrom should undergo ethical evaluation, or whether, as a sphere of privacy, they should remain outside the interest of ethics.

Often one encounters the opinion that ethical evaluation encompasses only those kinds of actions which exert influence over other people. Of course not every action causing results which influence other people is subject to ethical evaluation, although it would be hard to unambiguously indicate such kinds of actions which do not, in any circumstances, undergo ethical judgment. For example, a house built in a city doubtlessly affects other people, as it changes the view and it can hamper movement on a certain area, but these results do not undergo ethical

judgment. However the same house built in an area which is touristically attractive can make the landscape ugly, at the same time lowering income from tourism, therefore the results of its construction one can judge as morally bad. This example shows that actions which in themselves do not usually undergo ethical judgment can become subject to such judgment, in so far as their results limit freedom of other people.

An ethical theory treating sexual drive as an integral element of the "structure" of man is for example catholic sexual ethics. However these ethics do not maintain that sexual drive or instinct in themselves undergo ethical evaluation, considering this drive as a part of man's natural biological endowment. According to catholic ethics, all actions undertaken under the influence of sexual drive, including love and having offspring, do undergo ethical judgment.

Some of the thoughts on the principles of catholic sexual ethics were undertaken by Karol Wojtyła. As a priest he thought the basic difficulty in case of catholic sexual ethics is the justification for moral norms. Such justification, according to Wojtyła, is not possible without calling at a specific concept of man. Because catholic ethics brings about personalistic concept of man, sexual ethics is also based on personalism.

The basis of personalism is the thesis saying that man is a person, that is indivisible whole composed of body and soul. From the definition of a person it follows that regardless of which aspect of man's existence we consider, we should do it with regard of this indivisible whole. Also the bases of sexual ethics should be considered and justified basing on personalist vision of man, treating the sphere of sexuality as an indivisible element of man as a person (not as a field connected exclusively with biological or psychological plane of human activity).

Another central thesis of personalism is the view that it is the person that is always the target of action and as such should not be treated as means to satisfy needs or drives of any kind. Concerning sexual ethics, Karol Wojtyła emphasizes that it is not only about the need to discharge sexual tension, but also about needs of higher rank, like for example the need for closeness, intimacy, or the need to be happy. The bond between man and woman is a bond of two persons, and thus fragmentary treatment of another person, seeing in him or her only a man or only

a woman, that is – a medium serving to justify biological and psychological needs – is against personalist ethics.

The basis of a bond of two persons should be love, that is a feeling engaging the whole person, and not only his or her sexual drive. Not every feeling, however, that would colloquially be called love can be a justified basis to enter sexual relationship – that is why Wojtyła differentiates between love in purely psychological sense from the love between two persons. Love between persons is a realization of the "personalist norm", that is the call for unconditional love of another human being, that is why it always has an ethical dimension. The basis of love in the personalist sense is the affirmation of another person as a person, which should be differentiated from the affirmation of certain values (that is: traits allowing for the satisfaction of one's own needs) residing in the other person. The value of man as a person should be particularly differentiated from "sexual value" whose vehicle can be either man as a whole together with his personality (then we speak about love in psychological sense) or only his body as a "tool" for satisfying sexual drive (desire). Without this completion, a bond between two people would be only a transaction boiling down to the giving of one's body to someone of the opposite sex, who in return would give his or her body and personality, thanks to which the two parties would experience intense sensual sensations.

From the above remarks it does not follow, that love in psychological sense is not important for a bond of two people. K. Wojtyła stresses however, that love in psychological sense must be subordinated to love in the ethical sense, because only then man is capable of controlling his or her own sexual drive. Moreover, according to Wojtyła, love in ethical sense is not only a kind of a controlling body, but also it is complementary to love in psychological sense. Love which is an affirmation of the other person, that is, in other words, treating the other person as a person, Wojtyła calls integral love. The purpose of this love is not the body of another man – in that case we would be speaking about desire – neither is it man as representing the other sex, but man in all the aspects of his or her existence – that is, a human person. Love so understood does contain an element of sensual love (eroticism), which however in no way is the most important element and should be subordinated to other elements.

The above statements have important practical consequences, because from the fact that love in personalist sense is the basis of a bond of two people follows the rule commanding control over one's own drive. Wojtyła points namely to the fact, that a drive as a force, which in some way "drives", that is somehow directs our action, is in conflict with freedom. At the same time, sexual drive is given to man, it constitutes a part of his nature and although it does not directly influence his actions, it causes something to "happen" to man. Exactly this difference between something "happening" to man (or in man) and acting under the influence of the drive is, in Wojtyła's opinion, a key one from the point of view of personalist responsibility.

Wojtyła speaks also about "natural sequence of events", meaning that sexual union is a consequence of "integral" love as well as of the sacrament of marriage. In other words, what happens first is psychological and spiritual union of two people, whose outer expression is the sacrament of marriage, which in turn creates the frames for sexual union. Only reciprocal love between man and woman as persons creates the space for realization of sexual drive. The purpose of the bond between man and women is not, however, mutual satisfaction of the need for happiness and love, but having offspring, that is why a bond based on personalist love involves a necessity of sacrifice.

The acceptance of the views presented above depends, of course, first of all on the view of the world we purport. This personalist perception of love is possible to be accepted entirely by believers, to who this problem presents itself in a relatively simple way: sexual contacts are acceptable only in marriage¹. Whereas all those, who would indeed be inclined to accept some of the basic theses of personalism (like the principle of human dignity) do not have to accept at the same time all the consequences which follow from those theses for the personalist ethics of K. Wojtyła.

Lay ethics, as I have mentioned, is reluctant to speak about the sphere of sexuality, treating it as a sphere which is not subject to ethical evaluation. Still, one can encounter attempts to settle some norms having to do with human sexual behav-

¹ From the definition of person it follows also, that it is unethical to use contraception, artificial insemination or sterilisation. Cf. *Encyklopedia bioetyki. Personalizm chrześcijański*, pod red. A. Muszali, Polskie Wydawnictwo Encyklopedyczne, Radom 2007.

iors understood from the stances which are neutral from the point of view of opinion or religion.

One can also point to some ways of justifying the opinion, that sexual activity should not be excluded from the realm of interest of ethics. In relation to sexual relationships one can first of all assume, that the possibility of formulating ethical evaluation depends not on the deed alone, but on its results, which in turn can depend on circumstances which are not directly connected to the sphere of sexuality. However such treatment does not allow to include into ethical thought sexual relations as such, it enables analyzing the results of this kind of relationship for the persons involved and telling whether there is a need to formulate separate ethical norms protecting from those negative results (e. g. principles concerning betrayal, rape, prostitution etc.)

It is not, however, the only possible approach to sexual ethics free of opinion. Sexual relations can also be treated as a realization of one of the essential rights of all men, that is the right to satisfy sexual drive. Assuming that the need of satisfying this drive belongs to basic human needs, and its suppression can lead to serious negative consequences – social as well as psychological – we are facing the necessity to answer two questions: the question about acceptable forms of satisfying this drive and about the limitations in its satisfactions (to the latter we are going to come back later in the course of the hereby considerations).

The first question does not seem to pose greater difficulties: as unacceptable we regard such sexual behaviors which in any way hurt the other man. As an example of contacts which are impossible to accept ethically one can mention rape or sexual contacts with people under age. It is worth stressing that these actions are morally bad regardless whether they lead to objectively negative results for the victims: rape on a person under the influence of intoxicants undergoes negative ethical evaluation regardless whether this person realizes that he or she was raped. Negatively evaluated are also intentions of entering sexual contacts (e. g. sex in exchange for material benefits).

Finally, it is possible to say that sexual ethics does not relate exclusively to relations between two people. Sexual drive residing in the individual is a drive directed towards other people, at the same time however it can become a basis of certain attitudes or ways of living which also can undergo ethical evaluation.

A man consciously resigning from getting involved into a lasting bond based on deep feelings takes a definite stance towards life, which has influence not on him alone, but also on his closer and further social environment. Resignation from a lasting relationship usually means resignation from having offspring. The influence of this kind of decision on the society is not felt as long as such person constitute the margins, but the moment they become common (and it seems that presently we are facing exactly such situation) their effect on the future of the society becomes obvious. Often we can encounter a popular opinion that this lifestyle is "selfish". This opinion seems to be based on the conviction that if this lifestyle was embraced by all, society would be in danger of annihilation.

Obviously one can answer here that in fact this conscious choice is only an appearance covering emotional problems disabling one from entering lasting relationships. Besides the very increase in the ratio of people deciding to live a lonely life one can just as well consider the cause of social crisis as its result. In the latter case one should rather speak about objective processes occurring in society, and not about moral responsibility.

It is also worth noticing that norms of sexual ethics can also serve as justification for negative ethical evaluation of certain behaviors or attitudes not immediately connected with sexual ethics, such as contraception, AIDS, homosexuality or even abortion.

Relatively close to sexual ethics is the problem of ethical evaluation of contraception. Using contraception is strongly rejected by personalist ethics, as this kind of ethics assumes that the sexual act is a purposeful act, which however does not aim at satisfying the partners but at calling into being a new life². This point of view is however impossible to accept by all those who evaluate the sexual act exclusively with regard to its consequences or intentions. It is also worth noticing that evaluation of contraception from the point of view of sexual ethics to a certain extent overlaps with its evaluation from the point of view of medical ethic (that is, sexual ethics is up to this extent an element of medical ethics). The problem of both these ethics is e. g. the right of patients to use contraceptives, including the contraceptives preventing pregnancy up to 72 hours from sexual inter-

² Cf. J. Orzeszyna, *Antykoncepcja*, in: *Encyklopedia bioetyki. Personalizm chrześcijański*, chief ed.. A. Muszali, Polskie Wydawnictwo Encyklopedyczne, Radom 2007, pp. 43 and onwards.

course. Moreover the problem of contraception belongs to the range of competence of medical ethics because contraceptives are available mostly on prescription. Thence for example during the discussion concerning the novelization of the Codex of Medical Ethics in 2003 the proposition was refuted which proposed that the doctors have the right to provide information about contraception only to those patients who would ask about it themselves.

The problem of ethical acceptability of contraception gained special importance in the face of AIDS epidemic. In many poorly developed African countries, popularization of contraceptives might significantly contribute to the decrease in the number of cases of HIV contamination. According to the proponents of availability of using those measures, maintaining the ban on contraceptives has important practical consequences: the opposition of religious organizations, especially catholic church, makes the distribution of contraceptives among poorly educated inhabitants of poor countries difficult. The opponents of the availability of contraception, however, point to the fact, that the same effect could be achieved by abiding the rules of sexual ethics, that is simply by limiting sexual contacts to one person. There is also a middle stance, according to which using contraception is indeed evil, but a bigger evil is the spreading of AIDS, and one should simply choose the lesser evil. From that point of view using contraception still remains an "intrinsically bad" deed³ and it is possible to accept only under exceptional conditions.

One should also mention the problems connected not so much with sex, but with human sexuality, such as artificial procreation or abortion. The prohibition of artificial procreation can follow not only from the fact that such operation involves a risk to the life of human fetus, but also from the conviction that the only worthy "place" for calling into being a new man is marriage. On the other hand, the prohibition of using the contraceptives which prevent the nesting of the inseminated egg in the uterus can be justified as a special case of the ban on abortion.

³ The expression „intrinsically bad deeds” is to be found in the encyclic „*Veritatis splendor*” (1993). The Pope writes there, that intrinsically bad deeds are: contraception, as well as „direct sterilisation, masturbation, pre-marital intercourse, homosexual intercourse and also artificial insemination” (p. 47).

The problem of ethical evaluation of homosexuality seems to belong to sexual ethics, as it concerns broadly understood relationship of two persons of the same sex, and not only sexual relationship. One can namely imagine homosexual relationship in which sexual contacts do not play dominant role (that is, they are not the chief goal of the relationship), or even such relationships where these contacts do not occur. On the other hand, sexual ethics does refer to the sphere of human sexuality, but as I have mentioned, the only possible definition of sexuality for the use of ethical discussion is the projecting definition. If we then consider emotions towards the sexual partner an element of sexuality, it will be justified to include into sexual ethics also the problem of homosexuality.

Thus the opponents of moral acceptability of relationship of people of the same sex bring by the argument calling at the fact of humans being endowed with gender. They point to the fact that because man has features not possessed by woman and the other way round, then man and woman in a way complement each other, complete each other. On this basis it is possible to formulate the thesis, that as a sexual being, man in a "natural" way turns to the other sex, strictly to some psychosomatic features of individuals of opposite sex. This way, on the ground of sexual ethics, it is possible to differentiate natural and unnatural sexual drive, accepting as morally acceptable only the first kind of sexual drive.

A separate ethical problem is the evaluation of behaviors usually viewed as pathology, such as zoophilia, fetishism, masochism and the like. A proponent of liberalism in sexual ethics would simply say that such behaviors are not subject to negative ethical evaluation under the condition that they do not involve suffering of any living being. Such a simple answer does not seem to be satisfying for two reasons. First, pathological behavior seem to be objectively harmful for the persons who undertake them and even if they do not cause suffering of people or animals, in the long run they can lead to psychological suffering of the interested party themselves. Sexual activity is doubtless a condition of a satisfactory relation of two people, starting a happy family, having offspring etc. All the "substitute" forms of satisfying the sexual drive can become the reason for which those goals shall not be reached, which to some individuals can become a reason for loneliness, lack of fulfillment, and general sense of there being no meaning to life.

Another cause, for which pathological sexual behaviors can be judged as morally bad is the lack of social acceptance to most, if not to all their forms. However it is possible to argue that if the society does not accept certain behaviors which have no influence on the third party, one should rather blame the society for lack of tolerance and undertake attempts leading to changes in attitude and not identify social lack of acceptance with negative moral evaluation. There is doubtlessly a lot of sense in such a statement, however in the case of sexual behaviors we deal with reaction based on deeply rooted sexual drive, due to which it is not certain to what extent such a change of social attitudes is possible at all. A certain hint here is the change of social reaction to homosexuality, still it is hard to hope on that basis that society would be able with equal ease to accept e. g. zoophilic tendencies. This lack of acceptance puts the persons showing this kind of tendency under the threat of rejection or even active aggression, it can therefore become a cause of those people being harmed.

For the above reasons it seems that the society has a moral obligation to give help to those people who wish either to change the direction of their sexual drive either through psychotherapy, or to diminish their drive by the use of medicine. Namely, the social health service should finance help for those people, and the society should accept the fact of carrying certain costs concerning that matter.

A separate problem is the moral right to enter sexual relationship. Usually it is assumed that this right is one to which every individual is entitled, whereas depriving anybody of this right is a morally wrong deed. It is obvious, however, that this right is not limitless and in some situation an individual can be deprived of the possibility to satisfy his or her sexual drive. An example can be the celibate of priests or the rules binding for example monks in a Buddhist monastery. The proponents of the view that having a sexual life is a necessary condition of psychological health speak sometimes about "forcing" celibate on priests, monks or nuns, it seems though that the very possibility of living a celibate life for years testifies to the opposite.

The possibility of living in celibate without any perceptible consequences for the psyche does not of course testify to the fact that it would be lawful to deprive anybody the right of sexual activity. Moreover, celibate is always a result of conscious decision, free choice, not force. We have no right to deprive anyone of the

possibility to satisfy hunger or the possibility to move for the sole reason that those people are on diet or they lead life within the walls of a cloister. Also the example of people convicted to prison does not really broaden our view, because in the case of prisoners the lack of possibility to satisfy sexual drive is a result of their being deprived of the right to freedom. It is because practically the deprivation of freedom ordained by the court means the taking away from the individual certain number of particular rights, such as the right of free movement, the right to use the mass media, the right to work etc. The right to satisfy sexual drive belongs, in other words, to the group of rights whose deprivation is defined as the deprivation of freedom⁴.

Still, one can indicate circumstances in which depriving someone of the right to satisfy their sexual drive not involving depriving them of other rights seems ethically acceptable. We deal with such situation first of all in the case of people mentally disabled. Some of such people feel sexual drive with the same force as the fully mentally able people do, and at the same time are not capable of realizing the consequences of sexual contacts. There is thus the necessity to settle, whether the wardens of such people have a moral right to deprive them of the possibility of having those contacts.

The rule of full intellectual and emotional maturity seems impossible to use here, since abiding by that rule would force us to prohibit sexual contacts to teenagers, who also have not reached full emotional maturity and are not always able to fully realize the consequences of their own actions. Besides, there are different degrees of disability, and thus it is impossible to formulate a norm which in the same degree would work with all persons suffering from intellectual disability. The most reasonable solution seems to be for the wardens to decide individually in relation to each of their wards, possibly after consulting the doctor and the psychologist.

An interesting notion of group fault in the case of rape has been proposed by American ethicists, L. May and R. Strikwerda. This idea merits special treatment here, as it touches upon one of the key problems of sexual ethics, namely the responsibility of men and women for the unethical deeds resulting from sexual

⁴ Some of those particular freedoms can be returned to a prisoner in the course of his sentence, including the right of entering sexual relationship.

drive. However the thoughts presented by May and Strikwerda concern rape only, one can felicitously refer them also to other deeds, such as betrayal. L. May and R. Strikwerda argue that, just as the responsibility for mass murders belongs to all societies, not only to the immediate executors, so in the case of rape the fault falls not only on the raper, but on the whole group of men. They conclude therefrom, that men should actively counteract rape and sexual violence.

In justification of their view, those authors differentiate four ways of understanding responsibility for rape: direct responsibility of the wrongdoer; lack of responsibility resulting from the fact of his following biological instinct; the co-created social environment characterized by brutality and violence, co-created by men and women; the responsibility of "patriarchal" social structure⁵.

The first ways of understanding responsibility for rape are regarded by the authors as wrong. Assuming the thesis of exclusively individual responsibility would mean the necessity to say that the group of men remains outside the scope of responsibility, which in the opinion of the authors stands in contradiction to the empirical data, which indicate that men turn out to be more prone to rape when they are in a group (e. g. the example of rapes committed by soldiers in the time of war). Empirical data undermine also the thesis of rape being biologically conditioned (more strictly, conditioned by the differences in attitudes towards sex shown by men and women, formed in result of natural selection). If this hypothesis was right, then the level of rape in different societies around the world would be more or less the same, whereas in fact there are societies where rapes practically do not occur. As concerns the idea that the whole society, thus also women, participate in transmitting patterns of behavior which are full of violence, the authors are inclined to find only partially right. They think that although indeed some women have some influence on the transmission of attitudes fostering rape and violence, it is a mistake to ascribe equal responsibility for rape to men and women.

The aptest thesis, according to the authors, is the fourth thesis, according to which men have "non-distributive responsibility" for rape. This kind of responsibility means that although an individual man does not carry responsibility for

⁵ L. May, R. Strikwerda, *Mężczyźni w grupach: zbiorowa odpowiedzialność za gwałt*, in: *Filozofia moralności*, ed. J. Hołowka, Warszawa 2000, p. 43 onwardst.

rape, as this, individually, is carried only by the agent of the rape, he does carry some responsibility as a member of the group of men. Within the whole of social life, the authors identify a set of norms, attitudes and behaviors obtaining only to men, defining this set by the name "male culture". This culture is absorbed by men in the course of socialization. This of course opens a field for actions aiming at changing male attitudes. The authors do not charge every individual man with the responsibility for each rape, they do think however, that the very participation in this culture and the acceptance of it puts on men some kind of responsibility and commitment regarding the phenomenon of rape as such. "We think rather," the authors say, "that in western societies rape is deeply rooted in the broader culture of male socialization. Those who are the most involved in maintaining this culture must also realize that they are responsible for its harmful aspects"⁶

Towards the views referred above one can propose a range of critical remarks. The basic mistake seems to be treating rape and sexual violence as a phenomenon caused by one factor only. What seems particularly unconvincing are the arguments against the thesis of biological background of this kind of violence. The authors repeatedly point to rapes on Bosnian Muslim women during the war in former Yugoslavia as a crowning piece of evidence that in proper conditions nearly all men are capable of rape. The example of rapes committed during wars, especially mass rapes, committed on women belonging to the nation perceived as enemy does not seem to be a telling one as there is no possibility of deciding whether rape is here a manifestation of "pure" violence or rather is a part of a broader campaign of violence, aiming at physical extermination of the enemy. Besides, the war itself is a "socialization" process, in result of which men and women lose the mental barriers disabling them to perform acts of violence in the time of peace. During the war there may be at play some additional factors triggering rape which can not be rightfully compared to phenomena proper to societies in time of peace.

Also the argument of cultural variability of attitudes of men towards sexual violence and rape does not seem convincing, as it does not contain any explanation of the reasons for those cultural differences. The knowledge of cultures remote

⁶ Ibidem, p. 63.

from the European culture is sometimes superficial, and first of all it concerns the state in which those cultures are now. That is why it is impossible to ascertain that in those cultures there are no mechanisms preventing rape, which are hard to accept in the western culture (e. g. cruel punishment of the agents of rape by male relatives of the victim), thanks to which the biological drive inclining some men to rape has been successfully suppressed.

Also treating men as a uniform group is a vast simplification (not only by the above mentioned authors but first of all by feminist philosophy). Probably not every man is in equal measure capable of rape, and this inclination may depend in equal degree on socialization, biological inclinations of all men, and hereditary and non-hereditary individual features. There are also differences in the number of rapes committed by representants of different social groups, that is why speaking of the responsibility of men as a uniform group seems to be a serious oversimplification. In western societies one can probably indicate groups of men in which violence and rape not only does not meet approval, but also is universally condemned.

Also "female culture", with which we deal in closed societies of women (e. g. in prisons) does not seem fully free from sexual violence. Because women prove capable of this kind of violence, one should think of reasons why most of the cases are committed by men. One of possible explanation is the thesis that within female culture there are factors which inhibit violence with sexual background, passed from generation to generation in the same process of socialization which makes all men potential rapers and causes women to be obedient creatures, victims of male domination.

Finally, the very concept of socialization should be considered unclear in ethical context. Socialization is a process in which a child learns the rules of social life, wanting therefore to find an answer to the question of the connection between socialization in "male culture" with the phenomenon of rape one ought to indicate the rules and ways of evaluation causing men to be inclined to rape. The view that what is at stake in that case is the image of woman as a potential victim of rape is hard to justify, if only for the reason that the number of rapes in urban societies, where the changes in social awareness are the deepest and occur the fastest, is not decreasing at all. Equally justified we can consider the view that it is

the lack of unambiguous patterns caused exactly by the speed of social changes which is responsible for the high level of sexual violence (and violence in general) in those societies.

For the fact that socialization is not capable of triggering or suppressing behaviors based mainly on a biologically conditioned drive speaks also the fact that in every society there is a certain percentage of people in which sexual drive concerns the same sex and that this percentage is probably stable regardless of repressional attitude of particular cultures towards homosexuality. It is also impossible to explain other kinds of sexual behaviors involving harm to persons, towards whom they are directed, e. g. pedophilia also cannot be explained by "collective non-distributive responsibility".

The above remarks do not mean of course that there is no specific pattern of "male culture", encompassing violence towards women. Such a pattern probably exists, and because it is passed in the course of socialization, it can probably be corrected. The existence of such pattern however cannot form a basis to burden men as a social group with moral responsibility, because it is not the only cause of acts of violence towards women and men. At most one can justify the theses of co-responsibility of men, although this thesis seems trivial: it is obvious that women as well as men learn in the process of socialization a whole range of norms and attitudes on which ground in western societies there happen innumerable unethical deeds.

Whereas the view according to which the responsibility of women and men in the case of sexual violence is not equal seems to mean only that men and women commit different number of unethical deeds, while women (accepting the existence of "collective non-distributive responsibility") as a group also would carry responsibility for crime and other unethical deeds of sexual background committed by women.

The thesis of collective male responsibility for rape seems to be exaggerated, still the above thoughts prove the importance of sexual education. Generally it is thought that sexual ethics deal mainly with the evaluation of contents included within the school subject often called "preparation for life in the family". If we assume that schools are obliged to teach youths certain knowledge about human sexuality, the question springs up about the scope of that knowledge, the way of

passing it and about who should transfer that knowledge. Even the most "objective" knowledge about adolescence or contraception is often to some extent entangled in a specific philosophy of man and it assumes certain truths about the nature of human sexuality. Because parents and teachers assuming a personalist point of view speak for almost entire "cleaning" of this subject of contents concerning sexual life, and the rest would wish for preparing the adolescent youth to undertaking sexual activity, it seems impossible to reach compromise in that matter, which in that case would mean choosing subject matter impossible to be accepted by everyone.

In Poland nearly nobody devotes attention to the problem of relations between sexes and the stereotypes connected with sex functioning in our society. Settling a common stance would not be in this area so difficult as in questions immediately concerning sexual behaviors. If then sexual ethics would be able to formulate postulates concerning sexual contacts which would be possible to use in the scale of the whole society, the postulate to include in education materials, thanks to which a change would occur in the way women and men are perceived and how their roles in society are seen, seems to be fully justified.

Summary

Ethics of sexuality is an exceptional field within the realm of ethics, due to its close connection with extra-ethical concepts, mainly religious ones. This fact differentiates sexual ethics from other ethical disciplines, such as ethics of business or eco-ethics. This is because, however one can talk about Christian or non-Christian (e.g. utilitarian) concepts within those ethics, there is no way one could talk about utilitarian ethics of sexuality: such ethics as a separate discipline simply do not exist. In my article I would like to formulate and justify values and principles relating to sexual relations. In order to do so, one has on one hand to consider the values formulated by Christian ethics, as well as the principles built on them – and, on the other hand, to look at arguments for including the sphere of sexuality within “lay” ethical reflexion. In my considerations as main research problem I pose the thesis: should sexual drive and the behaviours immediately resulting therefrom undergo ethical evaluation, or as a private sphere, they should remain outside the scope of interest of ethics.

PROSOPON NR 1/ 2013

[s. 55-70]

Slavomír Dolinský

Katolícka univerzita v Ružomberku

Vznik, vývoj a sociálny význam mediácie v dejinách ľudstva

The origin, development and social importance of mediation in human history

Key words: *law, action, dispute resolution, behavior*

Význam slova mediácia je odvodené od latinského slova *medius*, čo znamená stredný, prostredný, ale taktiež nestranný, nerozhodný a neurčitý. Mediácia má korene v staroveku i v stredoveku. Informačným zdrojom sú najmä filozofické diela. Z obdobia starovekej Číny sú to spisy Konfucia, ktoré obsahujú návody, na riešenie konfliktných situácií, ktoré sú dnes skoro v nezmenenej forme, ako hlavný komponent aplikované v čínskom súdnom systéme doteraz [Tomášek, 2004: 32].

Spory a konflikty sú pretvárajúcou a nevyhnutnou súčasťou života ľudí. Zastávajú dôležitý význam ako pre jednotlivca, tak i pre celú spoločnosť. Ponúkajú impulzy k uskutočneniu sociálnych zmien a podnecujú individuálny vývin jednotlivca. Na prvý pohľad sú neviditeľné a majú rôzne charakteristiky. Tu aj malé zdroje odlišnosti medzi ľuďmi sa môžu stať príčinou mnohých konfliktov. V našom živote nie je potrebné, aby sme konflikty podnecovali alebo ich potláčali, pretože pôsobia negatívne. Je potrebné, aby sme sa skôr zamerali na ich riešenie a za použitia vhodných komunikačných techník a praktík. (<http://www.justice.gov.sk/wfn.aspx>).

Už niekoľko tisíc rokov sprevádza ľudstvo kontradiktórny spôsob riešenia sporov, ktorý sa odráža aj do budúcnosti. Veď história skúmania kvality života je spojená s úsilím, ako ľudia žijú dnes. Dnes túto otázku môžeme definovať ako *welfare monitoring* a *social reporting*, t. j. zisťovanie, opisovanie, analýza, sledovanie, vysvetľovanie a oznamovanie informácií o tom, ako ľudia žijú svoj život v rôznych časoch a na rôznych miestach. Zisťovanie a sledovanie sa uskutočňuje prostredníctvom sociálnych indikátorov [Bačová, 2008: 21].

Hnutie sociálnych indikátorov usiluje zaznamenať zmeny v spoločnosti ako celku, v sledovanej oblasti (doméne) alebo v určitej populácii, kým meranie kvality života vychádza primárne zo sociálno-psychologického výskumu, ktorý kladie dôraz na úlohu jedinca a jeho individuálnu percepciu životnej situácie. Takže systémy sociálnych indikátorov majú zvyčajne širší záber a kvalita života je často len jednou z oblastí sociálneho monitorovania [Bačová, 2008: 22].

Mediácia a staroveká Čína

Pre prvopočiatky ľudskej spoločnosti je charakteristická i skutočnosť, že ľudia si sami svojim rozumným úsudkom nedokázali vysvetliť niektoré prirodzené javy, preto si vytvorili kategóriu nadprirodzených síl, mýtov, ktoré mali podľa ich predstáv niektoré procesy ovplyvňovať. Mýty boli nielen súčasťou nábožensko-magických obradov, ale z nich sa vychádzalo pri interpretácii práva. Aplikácia práva ešte nevychádzala z racionálnych zásad, ale mýtom ovplyvnených predstáv o *vôli nebies, príkazoch nebies a prirodzenom poriadku vecí*. Vznikla predstava o priamom genetickom vzťahu božských síl s panovníkom, takže sa panovník začal pokladať za *syna nebies*. Tento titul sa čínskym panovníkom prisudzoval do dvadsiateho storočia. Touto epochou sa nebesia pokladali za najvyššiu silu, ktorá riadila a kontrolovala všetko. Nebesia nemali len sakrálny charakter, ale predovšetkým z nich vychádzal morálny a etický dôraz. Panovala predstava, že veľké nebesia trestajú nehodných, odmeňujú cnostných. Cnosť v sebe zahrňuje sakrálny prvok, prvok oddanosti bohom, ktorý ma byť obzvlášť silný u panovníka, ako syna nebies. Panovník môže vládnuť len vtedy, ak je nadaný cnosťou. Stratí cnosť, stráca i právo vládnuť. V tomto období sa sformovalo veľa zásad, siahajúcich do rôznych okruhov spoločenských vzťahov. V politickej rovine to bolo učenie o príbuzenstve panovníka z nebesami,

keď sa panovník začal pokladať za *syna nebies* a svoju ríšu začal pokladať za nebesia. V právnej filozofickej rovine sa sformovala zásada *prijímať príkaz nebies* a zásada *trestať v mene nebies*. Uvedené právne filozofické tézy sa ďalej rozvinuli do princípov *morálkou predstavovať nebesia a uctievaním morálky chrániť ľud*. V týchto princípoch sa odrážajú pevné vzťahy medzi prirodzeným poriadkom vecí, ktorý určuje vôľa nebies so spoločenskými vzťahmi [Tomášek, 2004: 36].

Staroveká Čína sa považuje za ideové východisko mediácie. Odvoláva sa na učenie Konfúcia, v ktorom dominuje otázka histórie spolunažívania. Z toho pohľadu jednostranné riešenie a konfrontácia vedú k rozpadu vzťahov. Obojstranne, multilaterálne akceptovateľné postupy sa uprednostňujú a jedine sa považujú za perspektívne. (<http://www.justice.gov.sk/wfn.aspx>).

Konfúcius a konfuciánstvo – klasické čínske právo

Rozsah myšlienok, ktoré razil Konfucius (asi 551-479 pr. Kr.) presahuje horizont teórie politiky a práva. Konfuciánstvo, ako filozofický základ, zasiahlo predovšetkým morálku, etiku a ideológiu [Tomášek, 2004: 38].

Konfúcius vychádzal zo staročínskych predstáv o prirodzenom poriadku vecí, ktorý sa má odrážať v spoločenských vzťahoch. Proti anarchii privilegovaných rodov stavia poriadok, ako napodobeninu vesmírneho poriadku, ktorý má ovplyvňovať spoločnosť a riadiť všetky vzťahy medzi ľuďmi. Proti sile majetku stavia v súlade s predchádzajúcim učením silu cnosti a princíp etiky. Konfúcius buduje svoj názor podobne ako grécki filozofi na racionalite a neodvoláva sa na nadprirodzené príkazy. Na druhej strane racionalizuje staročínske predstavy a usiluje o pretváranie myslenia ľudí tak, aby ľudia uznávali predpísané autority a aby bolo možné používať tieto autority k ovládaniu spoločnosti.

Konfúcius sa vo svojich názoroch zameril na usporiadanie vzťahov medzi ľuďmi, lebo práve reguláciu spoločenských vzťahov je vždy nutné pokladať za prostriedok riadenia spoločnosti. Za veľmi dôležitý znak spoločenských vzťahov považoval Konfúcius ich hierarchizáciu podľa systému *päť vzťahov*. Tu práve išlo o nasledujúce vzťahy: medzi panovníkom a poddaným, medzi otcom a synom, medzi manželom a manželkou, medzi starším súrodencom a mladšími súrodencami, medzi priateľmi. K týmto uvedeným piatim vzťahom Konfúcius napísal: „*Nech je otec otcom, syn synom, panovník panovníkom a úradník úradníkom*“

[Tomášek, 2004: 38]. Tento výrok mal charakter imperatívu, aby v chaotickom svete každý človek poznal svoje postavenie v spoločnosti a podľa toho plnil svoje povinnosti, prípadne využíval svoje práva.

Kritériom určovania nadradenosti a podradenosti subjektov v každom vzťahu nebol pôvod ani bohatstvo, ale ušľachtilosť a cnosť. Inými slovami, v hierarchii vyššie postavený subjekt nebol nadriadený len formálne, ale preto, že bol napríklad starší, t. j. ušľachtilejší. Podľa tohto princípu sa riadilo i Konfúciovo učenie o hlave štátu, ktorou mohol byť len ušľachtilý muž. Šľachetný muž musel mať podľa Konfúcia dve základné vlastnosti: ľudskosť a zmysel pre povinnosť.

Ľudskosť – Konfúcioue chápanie ľudskosti bolo veľmi široké a zahrňovalo mnoho kvality ako skromnosť, spravodlivosť, dôstojnosť, nezištnosť, spravodlivosť, lásku k ľuďom a iné. Ľudskosť bola takmer nedosiahnuteľným ideálom, ktorému podľa Konfúcia zodpovedali len starší Číňania.

Zmysel pre povinnosť – dosiahnutie kategórie ľudskosti bolo pre získanie povesti šľachetného muža nedostatočné. Každý kandidát na ušľachtilého muža musel mať aj zmysel pre povinnosť. Zmysel pre povinnosť vyplývala z vnútorného presvedčenia o tom, že treba postupovať určitým spôsobom. Povinnosť je morálnym záväzkom, ktorý si mravný človek berie na seba sám. Pocit povinnosti je spravidla určený poznaním a vyššími mravnými princípmi, v žiadnom prípade nie prospechom. Konfúcius učil, že ušľachtilý muž uvažuje o povinnosti, nízky človek o prospechu.

Na základe učenia o šľachetnom človeku, Konfúcius žiadal, aby tí, ktorí stáli vyššie v morálnom vzťahu, boli príkladom pre ostatných, aby mali k ostatným humánny vzťah, aby sa snažili výchovou premeniť nižšie stojaceho, s cieľom posilniť jeho vnútornú kvalitu.

Piatimi vzťahmi nie je charakterizovaný vzťah nadradenosti a podriadenosti, ale najmä dvojsmernosť. Napríklad: otcovská láska – synovská povinnosť. Ak európsky humanizmus prostredníctvom duše objavil existenciu človeka, tak učenie Konfúcia malo smerovať k tomu, aby človek svoju vlastnú existenciu objavil prostredníctvom druhého človeka. Objavenie vlastného bytia prostredníctvom druhej osoby, malo pôsobiť proti individualizmu a egoizmu, t. j. proti vlastnostiam, ktoré tradičná čínska ideológia hodnotí ako veľmi nebezpečné [Tomášek, 2004: 61-62].

V otázke sankčného mechanizmu, Konfúcius vytvoril vlastnú koncepciu. Sankciu videl predovšetkým v morálnom odsúdení. Pokiaľ niekto porušil morálne pravidlo, prehlásilo sa o ňom že *stratil tvár*. Strata tváre mohla mať dva druhy: *absolútna strata tváre* a *relatívna, dočasná strata tváre*.

V niektorých menej dôležitých prípadoch, mohol rušiteľ stratiť tvár len relatívne, resp. dočasne, potom sa nevyučovalo, že mu bude možné znovu *získať tvár*. Naopak, absolútna strata tváre bola večným a nenapraviteľným morálnym trestom. Vplyvom tejto časti doktríny, akákoľvek vina v právnom zmysle, znamenala absolútnu alebo relatívnu stratu tváre [Tomášek, 2004: 63-70]

Vďaka koncepcii prirodzeného poriadku vecí a piatich vzťahov, vznik zodpovednosti nebol viazaný len na rušiteľa morálnej povinnosti. Zodpovednosť za porušenie morálneho pravidla, i za porušenie prirodzeného poriadku vecí sa prenášala i na subjekt postavený v hierarchii vzťahov nad rušiteľom. Tento nadriadený subjekt podľa koncepcie zodpovednosti Konfúcia mohol resp. mal rušiteľovi v deliktnom konaní zabrániť, pretože bol ušľachtilejší a mravne vyspelejší. Na nižšej úrovni spoločenských vzťahov sa často používala solidárna, resp. kolektívna zodpovednosť. Napríklad: Celá obec zodpovedala a delikt jedného obyvateľa, otec je potrestaný za správanie svojho syna a podobne. Dôsledná aplikácia uvedeného postulátu viedla v Číne k systému vzájomného pozorovania, dozoru a podozrievania ľudí [Tomášek, 2004: 79-82].

Konfúcius v učení o kultu predkov (sao) zašiel ďalej ako kresťanské prikázanie *cti otca svojho a matku svoju*, lebo princípu sao dal hlboký zmysel sociálneho poriadku a zmenil ho v prvú povinnosť každého Číňana. Na tomto základe Konfúcius rozpracoval učenie o synovskej úcte. Synovská úcta bola základom pre dosiahnutie ľudskosti a každý bol viazaný byť poslušným synom. Táto skutočnosť mala samozrejme ďalší dopad na morálku, etiku a filozofiu [Tomášek, 2004: 84-86].

S princípom kultu predkov (sao) súvisí konfúciánsky kult rodiny. Rodina bola považovaná za srdce spoločnosti a jej záujmy boli vysoko nadradené nad záujmami jednotlivca. Dospelé deti sa ženili alebo vydávali len na základné výberu, ktorý urobil rodič. Konfúcius pojem láska vysvetľuje ako individuálnu emóciu, ktorá musela ustúpiť pred kolektívnym záujmom rodiny. Konfúciánske učenie propagovalo kult veľkej rodiny – rodinného klanu. Učenie o kultu rodiny

má význam nielen pre sociálne a sociologické charakteristiky vývoja čínskej spoločnosti, ale i pre charakteristiku ekonomiky a práva. Vo vnútri rodiny a rodinných klanov sa vytvárali vlastné sociálne a ekonomické zákonitosti, takže rodiny a rodinné klany spravidla boli uzatvorenými jednotkami s vlastnou štruktúrou. Sila a autorita takýchto jednotiek umožňovala, že im často a ochotne štátne orgány zverovali správu a riadenie, napríklad obce. Rodiny a rodinné klany sa stali v pojme čínskeho práva samostatnými nositeľmi právnej subjektivity, niekedy významnejšími ako jednotlivci [Tomášek, 2004: 92-100].

Pri budovaní učenia o štáte a práve konfuciánski učenci vychádzali z prvotných čínskych predstáv a prirodzenom poriadku vecí a o tom, že prirodzené právo je vôľa nebies, nemenná a večná. V tomto systéme má výnimočné postavenie panovník, ktorý je ako *syn nebies* obdarený *prírodným právom vydávať príkazy*. Takáto koncepcia sa v čínskej teórii charakterizuje slovami *vláda sa uskutočňuje ľuďmi*. Proti tejto koncepcii stálo učenie, ktoré vychádzalo z pojmu *vláda sa uskutočňuje právom*. Školu, ktorá bola na takomto učení založená, predstavuje ligisti, preto ich niekedy nazývame tiež školou právnikov. Základom légistickej doktríny bolo prvenstvo písaného práva. Dodržiavanie písaného práva bolo vynucované železnou disciplínou, ukladaním ťažkých trestov i za malé priestupky. Cieľom légistov bolo vytvoriť despotickú štátnu organizáciu založenú na právom vymedzenej podriadenosti subjektov. Vládca sa musí opierať o zákony, pomocou týchto zákonov riadiť spoločnosť. Konfúciánsky ľudomil mohol byť podľa légistov síce ľudomil, ale nemohol naučiť ostatných, aby boli ľudomilí. Ligisti v dôsledku toho kládli veľký dôraz nielen na sankčný mechanizmus, keď rozprávali systém päť trestov a ich ukladanie, ale i na stimulačný mechanizmus, a to rozpracovaním systému odmiem. [Tomášek, 2004: 65].

Konfuciánstvo a legismus, napriek odlišnostiam, mali veľa spoločného. Prívrženci obidvoch doktrín uvažovali racionálne. Pre oba tábory, bol panovník najvyššia inšancia, ministri, úradníci jeho pohlaví pomocníci. Ľud bol len masou, ktorú je potrebné ovládať spôsobom, potrebným pre vlastné blaho. V období čínskeho cisárstva Chan (206 pr. Kr. - 220 po Kr.) myslitelia Konfúcia začali vstupovať do štátnych služieb, brať do ruky riadenie zeme s celým centralizovaným štátnym aparátom. Pôvodné konfuciánstvo vyzývalo učiť sa od

predkov, na základe štúdia samostatne premýšľať. Chánske konfucianstvo začalo raziť doktrínu absolútnej nedotknuteľnosti starých kánonov a mudrcov. Ak chcel úradník hájiť záujmy štátu, musel si osvojiť prísny systém konfucianstva a kánony. Potom každý prvok musel byť bezvýhradne aplikovaný do praxe. Tung Čung-šu (asi 175 - asi 104 pr. Kr.) je považovaný za tvorca systematizovaného a ortodoxného výkladu konfucianstva, ako oficiálnej štátnej ideológie. Rozšíril teóriu vzájomných vzťahov v súčinnosti nebies a človeka. Uplatnením metafyziky vzťahov jin a jang, vytvoril predstavu o nenarušiteľnej jednote medzi nebesami, človekom a zemou. Jeho doktrína vychádzala z predpokladu, že každý je podriadený vôli nebies. Umožňovala tak autoritatívne riešiť teoretické a praktické problémy v danej dobe. Konfucianstvu bola daná možnosť zaujať postavenie vedúcej ideológie čínskej spoločnosti [Tomášek, 2004: 94-97].

Interpretačné rozhodnutia a interpretačné zásady v práve Chanov. Na rozdiel od európskej a americkej praxe v súdnictve, v Číne existoval inštitút, ktorý ovplyvňoval tvorbu práva sudcov, t. j. interpretačné rozhodnutia. Okolo roku 200 pr. Kr. nariadil chanský cisár Kao-cu sudcom, aby sa v nejasných súdnych prípadoch obracali na vyšších štátnych úradníkov, prípadne na samotného cisára zo žiadosťou ako interpretovať zákony a ako aplikovať právo na konkrétne situácie. Učenec Tung Čung-šu vypracoval metódu, podľa ktorej mala byť, podpísaným spôsobom koordinovaná rozhodovacia prax, aby boli zohľadnené historické okolnosti a aby nové sudcovské právo odpovedalo súdnym rozhodnutiam predkov [Tomášek, 2004: 103]. Rozsudky mali byť prijímané v súlade s morálnymi obyčajami, tresty mali byť ukladané v súlade s vôľou nebies. Vôľa nebies sa odrážala vo vyvažovaní princípov jin a jang. Princíp jang predstavoval zhovievavosť princíp jin prísnosť. Prvý princíp bol princípom života a slobodný, druhý, princípom smrti a potrestania. Princíp jang prevažuje v letnom období, princíp jin v zimnom období. Panovník, ktorý vládne v súlade s vôľou nebies, musí byť zhovievavý k svojmu ľudu a musí ho viesť. Súčasne musí viesť ukladať spravodlivé tresty. Spravodlivý musí viesť v rovnováhe udržiavať princípy jin jang. Odrazom vzťahov jin a jang je vzťah k úmyslu pri spáchaní trestného činu. Trestný čin spáchaný v zlom úmysle, musí byť potrestaný ťažkým trestom podľa princípu jin. Trestný čin, spáchaný

neúmyselne, v dobrej viere, z nedbanlivosti, musí byť potrestaný podľa princípu jang, čiže buď ľahkým trestom, alebo páchateľ môže zostať i bez trestu. Princípy jin a jang nepôsobili len pri rozhodovaní sudcu o vine, ale aj pri rozhodovaní sudcu o treste. Poľahčujúce okolnosti boli princípom jang, priťažujúce okolnosti boli princípom jin [Tomášek, 2004: 104].

Mediácia v rímskom práve

Rímske právo poznalo mediáciu od éry Justiniána. Mediátora nazývalo internuncius, médium, intercessor, philanthropus, interpolator, interpres, conciliator, interlocutor a nakoniec mediátor. Je to obdobie rokov 527-565, ktoré nazývame justiniánske obdobie, obdobie vlády východo-rímskeho cisára Justiniána I. [Rebro, Blaho, 1991: 42].

Moderné európske práva budujú na koncepcii právneho poriadku ako uzavretého právneho systému, obsahovo logického celku, z ktorého pri aplikácii možno vyvodíť odpoveďou na každú právnu otázku. Rímske právo spočívalo omnoho viac v právnych rozhodnutiach jednotlivých prípadoch, teda malo kauzauistický charakter. V rímskom právnom poriadku sa nestretávame so všeobecnými formulovanými normami, zákazmi a príkazmi, ale skôr len s právnymi prostriedkami, ako riešiť konkrétne sporné situácie, t. j. žalobami, námietkami, rôznymi opatreniami. Rozhodnutia týchto sporných prípadov a situácií však neboli rozhodnutiami súdu, precedensmi, ale dobrozdaniami a vyjadreniami právnikov vyslovenými v spojitosti s konkrétnym sporom alebo teoretická úvaha (responsum alebo consilium) [Rebro, Blaho, 1991: 44-45]

Rímsky právny poriadok bol právom rímskej otrokárskej spoločnosti. Preto jeho výrazným poslaním a funkciou bolo presadzovať vôľu a záujmy rímskych otrokárov proti širokým masám otrokov a drobných slobodných chudákov. Za právne pravidlá bolo považované: čestne žiť, druhému neublížovať, každému dať, čo je jeho. Rímska otrokárska realita úplne protirečila týmto usľachtilým výrokom [Rebro, Blaho, 1991: 46].

Rímske občianske právo upravovalo vzťahy medzi rímskymi občanmi navzájom, ako aj medzi občanom a štátom. Postupom času, s územným rozvojom Rímskej ríše sa prejavili dva významné nedostatky v rímskom občianskom práve. Predovšetkým princíp personality, ktorý brzdil styky Rimanov s ostatným

obyvateľstvom a prílišná formálnosť rímskeho občianskeho práva. Tieto nedostatky sa odstránili v nastolení právomoci rímskych magistrátov, najmä prétorov. Rímsky magistráti boli viazaní civilným zákonom, ale v rámci vládnej a správnej právomoci patrilo im nariaďovacie právo, ktoré mali vyjadriť ústne alebo písomne. Z hľadiska rozvoja súkromného práva boli významné písomné súdne edikty, ktoré sa týkali výkonu súdnej právomoci, teda riešenia právnych sporov medzi občanmi. Takúto súdnu právomoc mali len niektorí úradníci, konkrétne mestský prétor, cudzinecký prétor, v provinciách miestodržiteľ. Právomoc prétora sa obmedzovala len na výkon súdnictva. Predsa však svojimi pomocnými prostriedkami významne prispieval k tvorbe práva. Prétor na ochranu majetkových záujmov rímskych občanov vytvoril také formy pomocných prostriedkov, ktoré nespočívali v strnulých pravidlách civilného práva, ale na magistrálnej právomoci. Napríklad, prétor uviedol občana do držby cudzieho pozemku, keď sa tento dostal do situácie, z ktorej mu hrozila škoda. Hovorí sa tu o prétorskom práve, o úradníckom práve aj o magistrálnom práve. Tým sa dosiahla nesporná pružnosť v rozhodovaní sporov medzi rímskymi občanmi. [Rebro, Blaho, 1991: 49].

Žaloba a námietka v rímskom práve. Subjektívne právo je právnym základom ochrany a ochrana sama sa uskutočňuje formálnym prostriedkom, ktorý nazývame žalobou. Žaloba v modernom chápaní je abstraktným prostriedkom, jej náležitosti určuje procesné právo. Žalobu možno použiť na ochranu akéhokoľvek subjektívneho práva. Žalobca nemusí kvalifikovať svoje subjektívne právo, ako základ žaloby, to je vecou súdu.

Rímski právnici výrazom žaloba označovali rovnako materiálne subjektívne právo, aj jeho procesnú ochranu. Rímska žaloba (*actio*) vyjadrovala vždy len určité subjektívne právo, takže každé subjektívne právo malo svoju žalobu. Dôsledne o subjektívnom práve v Ríme možno hovoriť len vtedy, keď sa ten, kto sa uchádzal o ochranu, mohol oprieť o žalobu danú na jeho situáciu. Preto si musel predovšetkým odpovedať na otázku, akú žalobu má k dispozícii. Nevhodný výber žaloby znamenal jeho neúspech. Rímska žaloba síce vychádzala jednostranne od žalobcu, ale vrcholila v dohode o spore, v ktorej sa žalobca a žalovaný v prítomnosti prétora dohodli o rozhodcovi ich sporu, ako aj za akých

podmienok žalovaný súhlasí, aby ho rozhodca, sudca, odsúdil v prospech žalobcu [Rebro, Blaho, 1991: 52].

V po klasickej a justiniánskej dobe sa pojem rímskej žaloby priblížil novodobému chápaniu. Súviselo to s tým, že rozhodovanie súkromných sporov takmer celkom prevzal štátny úradník. Tým žaloba stratila niekdajší zmluvný charakter. Stala sa jednostranným aktom na ochranu subjektívneho práva. Tým sa aj odčlenila materiálna stránka od procesnej. Žaloba nadobudla dvojaký význam. Jednak ako procesný prostriedok a jednak ako súdne vymáhateľný nárok [Rebro, Blaho, 1991: 91-92].

Rímsky občiansky proces. Rímska žaloba (actio) bola skôr dohodou – zmluvou. Po celé stáročia o nej nerozhodoval štátny orgán. Rozhodovanie sporov medzi občanmi štátnym orgánom bolo až výsledkom dlhého vývoja [Rebro, Blaho, 1991: 58].

Spočiatku štát chránil celotriedne záujmy, neskôr preberal ochranu aj individuálnych, súkromných záujmov a subjektívnych práv príslušníkov vládnucej triedy. Podľa inej hypotézy, prechod od svojpomoci k štátnej ochrane nebol bezprostredný, ale cez spoločenský tlak na členov, ktorí sa ocitli v spore, aby ho riešili v dohode o rozhodcovi. Do rozhodcovského riešenia občianskych sporov začali vstupovať pontifikovia, najmä tým, že ho vtlačili do náboženských rituálnych foriem. Takýto formalizmus podľa vtedajších predstáv zabezpečoval riešenie sporu priazeň a ochranu bohov. Pontifikovia formulovali a odporúčali žalobcovi riešiť žalobu. Nie každý žalovaný bol ochotný podriaďiť sa len z úcty pred pontifikmi a bohmi. Postupom času sa žalovaní stávali vzdorovitejší, dokonca aj v prípadoch, keď nárok žalobcu bol jasný. Takéto prípady priam volali po zákroku štátnych orgánov. Nemajúc dostatok dôvery v pomoc pontifikov, žalobcovia sa začali obracať so svojimi sťažnosťami nielen na pontifikov, ale aj na štátne orgány, ako nositeľov štátnej moci, ktorá zahŕňala aj funkciu rozhodovať spory, deklarovateľ, čo je v danej situácii právom. Ak žalovaný zotrval v odpore proti žalobe, magistrát odkázal sporové strany na súkromného rozhodcu, sudcu, aby celú spornú záležitosť preskúmal, zozbieral dôkazy, aby celú vec rozhodol v tom rámci, ako ju strany vymedzili pred magistrátom. Poslaním magistráta nebolo osobne rozhodovať v spore medzi stranami, ale skôr len predsedať sporu, aby bol riadne nastolený, poskytnúť

pomoc žalobám, ktorým žalovaní neodporovali alebo ktoré boli celkom jasne podložené. V prípadoch, keď žalovaný žalobe odporoval alebo keď sa mu sporná záležitosť zdala pochybnou, dal magistrát o žalobe rozhodnúť súkromnému rozhodcovi, a to v medziach, ktoré sporné strany spresnili v konaní *in iure*, teda pred magistrátom. Takéto rozdelenie funkcií medzi magistrát a sudcu bol kvalifikované priamo za geniálne, lebo ním sa prenášala zodpovednosť za nestrannosť sudcu celkom na sporné strany [Rebro, Blaho, 1991: 98-99]

V rímskom práve zabezpečenie súdnej ochrany subjektívnych práv sa realizovalo troma procesnými systémami: legisakčným, formulovým a kogničným. Pre legisakčný proces bolo charakteristické, že magistrátovo preskúmanie sa obmedzovalo len na to, že vzal na vedomie tvrdenia sporových strán a potom nasledoval priamy ochranný zákrok samého magistra alebo magistrát odkázal spornú vec na súd. Pri formulovanom procese bol už magistrát aktívnejší. Podobne sa oboznámil so stanoviskami žalobcu a žalovaného a v spolupráci s nimi vymedzil vlastný predmet a rozsah sporu a s týmto vymedzením odkázal vec na sudcu. V kogničnom procese magistrát (štátny úradník) úplne prevzal preskúmanie i rozhodnutie spornej veci. Tým odpadlo rozdelenie procesu na dve štádia a nebolo treba ani súkromného sudcu [Rebro, Blaho, 1991: 100].

Sporné strany. Tak ako je to v súčasnosti, ani v rímskom práve nemohol byť civilný spor bez sporových strán. Ako sporové strany nevyhnutné vystupovali žalobca (*actor*) a žalovaný (*reus*). Sporovou stranou bol prevažne jednotlivec, ale mohli ňou byť aj viacerí jednotlivci spoločne. Význam sporových strán však nebol len v tom, že bez nich nemohlo dôjsť k preskúmaniu spornej strany, ale aj v tom, že strany vlastne ovládali celý priebeh sporu, mohli spor nielen uviesť do pohybu a usmerniť ho žalobnou žiadosťou, námietkou, ale mohli ho aj kedykoľvek skončiť späť vzatím podanej žaloby, alebo jej uznaním, alebo zmierom. Sporové strany disponovali vzatím podanej žaloby, alebo jej uznaním, alebo zmierom. Sporové strany disponovali celým sporom [Rebro, Blaho, 1991: 105-106].

Všetky tri druhy súdnych procesov mali za cieľ rozhodnúť už existujúce súkromnoprávne spory. Ak sa má zabezpečiť medziľudské nažívanie, nemožno ochranu práv ponechať len na súd. Treba sa usilovať predchádzať súdnym sporom najmä v záujme vládnucej triedy, aby sa spoločenský život rozvíjal

v pokoji a v rámci nastoleného poriadku. Takto hľadel na svoju činnosť aj prétor, nielen ako nositeľ jurisdikčnej moci, ale ako nositeľ impéria, teda neobmedzenej štátnej moci. Z tejto pozície bol priamo vedený bdiieť nad pokojom a poriadkom v spoločnosti, nečakať vždy, kým sa spory medzi občanmi vyostria natoľko, že ich bude treba riešiť na súde. Jeho mimožalobná činnosť sa prejavuje vydanými opatreniami a rozhodnutiami, ktoré sa týkali súkromných práv. Z týchto rôznych prétorských zákrokov sa vytvorila celá škála prostriedkov, ktoré sa v rozmanitých situáciách využívali mimo legisakčného, formulovaného a kogničného procesu ako doplnok súdnej ochrany. Takými doplňujúcimi prostriedkami, ktoré sa týkali ochrany súkromných práv a boli výkonom nie súdnej moci, ale magistrátneho impéria boli: interdikty, vrátenie do predošlého stavu, prétorské stipulácie, uvedenie do držby [Rebro, Blaho, 1991: 113-114].

Mediácia v Grécku

Aténske súdnictvo, jediné o ktorom máme podrobnejšie vedomosti vďaka zachovalým obhajovacím rečiam Aristotelovej Aténskej ústave, vyznačuje sa dvoma prekvapujúcimi črtami: neexistovalo štátne zastupiteľstvo a počet porotcov bol neobyčajne veľký. Mestskí úradníci len zriedkakedy dávali popud na súdny proces. Či už išlo o súkromné spory alebo o verejné spory, súd sa konal takmer vždy na základe žaloby prostého občana, ktorý buď cítil osobne poškodený, alebo sa domnieval, že človek, ktorého žaloval, spôsobil škodu obci, polis, do ktorej patril. Úradne sa podporovali udavači z povolania, sykofanti, inak pliaga aténskej demokracie. Ak obžalovaného uznali vinným, udavač dostal odmenu, ktorá mohla dosiahnuť polovicu vymeranej pokuty. Je pravda, že žalobca bol povinný vopred zaplatiť kauciu, a ak nezískal aspoň päťtinu hlasov porotcov, musel platiť vysokú pokutu. Atény mali svoju políciu. Ich veliteľmi boli *Jedenásti*. Mohli zatknúť každého zlodēja alebo zločinca. Oni podávali žalobu, aj keď išlo o udanie. Vraždy súdili rozličné súdne dvory alebo areopág. Všetky ostatné spory patrili do právomoci ľudového súdu. Zapisovateľ prečítal spis, ktorý zostavil vyšetrojúci úradník. Predseda dal potom postupne slovo žalobcovi a žalovanému. Každý musel hovoriť sám, bez obhajcu. Mal však možnosť objednať si obhajovaciu reč u odborníka a naučiť sa ju naspamäť. Stránka mohla požiadať súd o povolenie, aby jej pomáhal, alebo ju zastupoval výrečnejší priateľ,

ktorý nebol obhajcom z povolenia a nesmel dostať honorár. Členovia súdu museli cez celé rokovanie mlčať. Potom ich vyzvali, aby hlasovali. Keď uznali obžalovaného za vinného väčšinou hlasov a trest nebol stanovený zákonom, konal sa odhad trestu. Slovo dostal obžalovaný, aby sa sám vyjadril, aký trest sa mu zdá spravodlivý [Hlaváček, 1977: 420-451].

Slovo dialóg, *dia-logos* (gr. skrze slovo), označovalo metódu určenú starogréckym mysliteľmi a rétorami k odkrývaniu pravdy. Dialógu sa mohli zúčastniť aj viacerí, než len dve osoby. Takýto dialóg môžeme viesť aj sami v sebe. Dnes sa slovo *dialóg* synonymický splýva s rozhovorom. Dialógom sa riešia rôzne problémové situácie. Zároveň je to určitý systém otázok a odpovedí. [Vybíral, 2000: 96].

Mediácia v stredoveku

V stredoveku sa mediácia výraznejšie aplikovala pri riešení trestných činov. Okolo roku 1300 sa postupne začína včleňovať do trestného konania v súvislostiach s náhradou škody medzi poškodeným a obvineným.

Pri rozhodovaní o treste nadobúdala na význame súvislosť medzi trestným činom a škodou, materiálnou alebo psychickou a tiež okolnosti spáchania trestného činu. Z hľadiska ľudskej psychiky boli predmetom skúmania, čo bolo nebývalým momentom pri rozhodovaní o treste. Významné zmeny boli dosiahnuté v rámci procesov vražd v afekte, kde vrah nemusel byť stále, na rozdiel od predchádzajúceho posudzovania trestného činu, vždy popravený. Spáchanie trestného činu a trest zaň, sa posudzoval v širšom, optimálnejšom rozmedzí, spoločnosť a pozostalí. Pri spoločných stretnutiach medzi obvineným a pozostalými obeť:

- o podmienkach odškodnenia,
- o nákladoch na pohreb,
- o súdnych poplatkoch,
- o výživnom a výchovnom pre maloletých pozostalých obeť

vznikla dohoda o spôsobe a rozsahu odškodnenia. Jedným zo základných cieľov v dohode bolo nielen *zmiernenie* strán, ale aj *dohovor* o neusilovaní sa o pomstu. Na mieste vraždy postavil vrah zvyčajne kamenný kríž, alebo kaplnku, ako výraz uznania viny, prejavu ľútosti a pre výstrahu svojim súčasníkom, čo sa dá

podkladať za určitú vykonateľnosť uzavretej dohody a potvrdenie jej záväznosti. Stredoveké procesy a dohody v rámci nich zvyčajne iniciovala cirkev, ale iniciátormi boli tiež predstavitelia obce, mešťanostovia a rada starších. Takto uzavreté dohody sa nazývali *compositio*. (Porov.: <http://www.justice.gov.sk/wfn.aspx>). I napriek zásadným rozdielom v postavení delikventa, nemajetný sa na rozdiel od majetného, nemohol zo zločinu vyplatiť a podliehal fyzickým trestom. Boli uzatvárané dohody v zmysle tzv. zadosťučinenia spravodlivosti [Holá, 2003: 27-28]

Gibs popisuje spôsob riešenia konfliktov v niektorých afrických kultúrnych oblastiach. Nachádza v nich evidentnú paralelu so súčasnou formou mediácie vo viacerých bodoch. Upriamuje pozornosť hlavne na susedské a komunitné spory, ktoré sa tradične riešili bez prítomnosti rozhodovacej autority, t. j. autority správmi rozhodnúť o spore iných. Riešenie sa viaže ku komunitnému životu. Konflikt sa prejednáva v širšom pléne a trpezlivo sa hľadá dohoda. Podobne prvky riešenia vnútro skupinových sporov môžeme nájsť aj v spolunažívaní niektorých kmeňov amerických indiánov. (Porov.: <http://www.justice.gov.sk/wfn.aspx>).

Mediácie v minulosti a dnes

Pojem mediácia zahŕňa rôzne špecifiká, ktoré závisia od samotného sporu, jeho účastníkov, mediátora a tiež prostredia, v ktorom je mediácia poskytovaná. Vzniknuté konflikty sú rôzne – od rodinných po obchodno-právne, preto je aj mediácia rôznorodá a jej špecifické charakteristiky závisia od toho, či konflikt vznikol v rámci rodiny, medzi susedmi, v práci, medzi zmluvnými stranami a pod. Takýto pohľad na mediáciu je typický pre súčasnosť. Zmienky o nej však pochádzajú už z obdobia staroveku a stredoveku, najmä z diel filozofov. V období *ranej Číny* o spôsoboch riešenia konfliktných situácií hovoril Konfúcius a jeho učenie sa takmer v nezmenenej forme zachovalo a je prítomné v čínskom súdnom systéme dodnes. Aj *staroveké Grécko* poznalo iné ako súdne formy riešenia sporu. Jednalo sa o rozhodcovské súdy, pred ktoré museli sporiace sa strany povinne predstúpiť a riešiť svoj spor ešte pred tým, ako sa obrátili na súd. Rozhodca mal autoritu a plnú vážnosť. Musel mať viac ako 60 rokov, životné skúsenosti a byť bezúhonný. Odmietnutie funkcie rozhodcu preňho znamenalo

stratu cti. Okrem rozhodcovských súdov existovali aj súkromní rozhodcovia. Starovekí Gréci v tom období poznali aj ľudové súdy, na ktoré sa mohli odvolať. Neskôr boli idey mediácie prítomné v učení sofistov a veľkých gréckych filozofov Sokrata, Platóna a Aristotela. V *stredoveku* sa mediácia využívala pri riešení trestných činov a postupne sa včlenila do trestného práva. Mala význam najmä pri znášaní následkov a preberaní zodpovednosti vinníka za spáchaný skutok. Predmetom dohôd boli spôsoby a rozsah odškodnenia, napríklad náklady na pohreb pokiaľ došlo k vražde, výživné výchovné pre maloletých pozostalých a pod. Dohoda mala okrem iného za cieľ zamedziť tendenciám poškodeného pomstiť sa a zmierenie oboch strán. *Súčasnú ponímanie* mediácie stojí na troch základoch: 1) komunikácii, 2) vyjednávaní a 3) štruktúrovanom procese. K vzniku mediácie ako ju poznáme dnes prispel príchod čínskych a židovských prisťahovalcov do USA a Kanady v 50. a 60. rokoch 20. storočia. Najskôr sa začala overovať a uplatňovať v laboratórnych podmienkach, neskôr – koncom 60. a začiatkom 70. rokov – bola aplikovaná do riešenia spoločenských konfliktov v oblasti politiky pre rozvoj záujmových spoločenstiev a postupne sa zavádzala aj do ďalších oblastí. V Európe je najviac využívaná vo Francúzsku, Nemecku a Veľkej Británii. (Porov.: *Príručka pre odbornú a laickú verejnosť*. <http://www.justice.gov.sk/wfn.aspx?pg=155&htm=15/1575.htm>).

Literatúra

- [1] Bačová, V.: *Kvalita života a sociálny kapitál*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2008. s. 22).
- [2] Holá, L.: *Mediace způsob řešení mezilidských konfliktů*. Praha: Grada Publishing a. s., 2003. 192 s. ISBN 80-247-0467-6).
- [3] Hlaváček, L.: *Lexikón gréckej civilizácie*. Bratislava: Tatran, 1977.
- [4] Hruškovič, I.: *Islamský právny systém a proces jeho formovania*. Bratislava : Univerzita Komenského, 1997. 122 s. ISBN 80-7160-0881.
- [5] Montesquieu, Ch.: *Duch zákonov*. Bratislava : Tatran, 1989. 299 s. ISBN 80-222-0096-4, preložila Puškárová, M.
- [6] Rebro, K. – Blaho, P.: *Rímske právo*. Bratislava : Obzor, 1991. 321 s. ISBN 80-215-0158-8.
- [7] Tomášek, M.: *Dejiny čínskeho práva*. Praha : Academia, 2004. 369 s. ISBN 80-200-1190-0.
- [8] <http://www.justice.gov.sk/wfn.aspx> (07.03.2008).

- [9] Vybíral, Z.: *Psychologie lidské komunikace*. Praha : Portál 2000. 263 s. ISBN 80-7178-291-2.

Summary

The emergence and development of mediation occurred in different historical periods, in different geographical areas and various categories of social practice. It also used in various forms, which are more or less approaching today's understanding of mediation. Mediation as an approach, the idea of conflict resolution by a third, independent party there for several centuries, as adversarial way. Go for mediation in the history of ideas, is to go back through many centuries, until the beginning of mankind.

PROSOPON NR 1/ 2013

[s. 71-83]

Eva Hvizdová st. – Eva Hvizdová ml.

International School of Management ISM Slovakia in Prešov

Segmentácia spotrebiteľov na trhu cestovného ruchu - segmentačné premenné a typológia

Segmentation of consumers in the tourism market - segmentation variables and typology

Key words: *Consumer, consumer behaviour, criteria, segmentation, typology*

Ak hovoríme o segmentácii trhu, máme tým na mysli rozčlenenie trhov do homogénnych skupín, ktoré sa vzájomne líšia svojimi potrebami, charakteristikami a nákupným chovaním, a na ktoré je možné pôsobiť modifikovaným marketingovým mixom. Nutnými podmienkami úspešnej segmentácie každého trhu je dostatočne veľká populácia, ktorá disponuje značnou sumou peňazí, ktoré by mohla utrácať, a dostatočne veľká rozmanitosť, ktorá umožní rozdelenie trhu na pomerne veľké segmenty podľa zvolených strategických premenných veličín (napr. demografických, psychologických,...). Práve prítomnosť týchto podmienok v USA, Kanade, západnej Európe, Japonsku a v iných priemyselných krajinách robí tieto trhy veľmi príťažlivé pre celosvetových predajcov.

V súčasnosti firmy akoby upúšťali od masovej reklamy a orientujú sa skôr na rozčlenenie trhu a na výber cieľového trhu – targeting. Pri targetingu identifikuje firma trhové segmenty, následne si vyberie jednu alebo viacej skupín cieľových zákazníkov a snaží sa prispôbiť marketingové programy pre každú z nich.

Autorka Jakubíková (2009) konštatuje, že podľa vyjadrení marketingových odborníkov neexistuje žiadny jednoznačný spôsob ako segmentovať trhy. Množstvo metód segmentácie trhu je však značné. Segmentácia sa realizuje podľa širokej

škály premenných, od jednoduchých demografických až po relatívne komplikované premenné zohľadňujúce hodnoty a postoje zákazníkov.

V začiatkoch procesu segmentácie na trhu cestovného ruchu prevládali základné kritéria, na základe ktorých bolo možné segmentovať trh, to znamená, že boli odvodené od tzv. prvotne vytvorených segmentačných kritérií (Kotler, Armstrong, 2007; Gučík, 2006, Ferner, 1993).

Obr. 3: Kritéria pre špecifikáciu segmentov

SEGMENTY NA ZÁKLADE DEMOGRAFICKÝCH CHARAKTERISTÍK					
Podľa veku	Podľa rodinného statusu	Podľa životného cyklu rodiny	Podľa pohlavia	Podľa sexuálnej orientácie	Podľa reči, jazyka, prípadne dialektu
deti mládež , teens 18 dospelí dospelí v druhej mladosti mladší seniori seniori starší seniori	slobodný/á ženatý vydatá rozvedený/á	rodina bez detí – manželia rodina jednotlivcov – single families zväzok registrovaného partnerstva mladá rodina bez detí mladá rodina s deťmi rodina s dospievajúcimi deťmi rodina s dospelými samostatnými deťmi rodina s deťmi a so starými rodičmi starí rodičia s vnúčatami	muž žena	heterosexuáli bisexuáli homosexuáli	goralský dialekt rusínsky dialekt rómsky jazyk šarišské nárečie zemplínske nárečie záhorácke nárečie ...

Zdroj: (Novacká, Kulčáková, 1996; Pizam, Mansfeld, 2000; Swarbrooke, Horner, 2007; Woodside, Martin, 2008)

Vedci sa dlhé roky snažia vyprodukovať typológiu turistov a ich správanie. V mnohých prípadoch však typológie vznikli na základe málo alebo žiadnych empirických údajov. Preto by pri plánovaní marketingových činnosti bolo nemúdre brať také typológie doslovne. Viac menej môžu poslúžiť ako základňa úvah o zákazníkoch, najmä v oblasti segmentácie trhu. Môžu pomôcť:

- navrhnúť typy nových produktov, ktoré by oslovili určité skupiny turistov,
- upozorniť na skupiny turistov, ktoré by mohli byť ochotné platiť vyššie ceny za určité výhody, napríklad za exkluzivitu a služby,
- ukázať, ktoré distribučné kanály by mohli byť pre určitý typ turistov najefektívnejšie,
- rozhodnúť, ktoré posolstva zamieriť na určité typy turistov.

Musíme si uvedomiť, že väčšina údajov sa zakladá na rozdelení turistov do určitých kategórií, ale pritom je rovnako dôležité pochopiť, ako turisti vnímajú sami seba. Marketing znamená pracovať s obrazom, ktorý turisti majú sami o sebe, rovnako ako s realitou ich rozhodnutia o kúpe zájazdu. Túto skutočnosť môžeme veľmi dobre ilustrovať známou diskusiou o tom, kto je turista a kto turista – prieskumník (objaviteľ). Existuje názor, že turista je niekto, kto si kupuje zájazd ako balíček dopredu zostavených služieb, zatiaľ čo cestovateľ je človek, ktorý si svoju dovolenku plánuje sám úplne nezávisle. Vznikla domienka, že cestovateľ je v porovnaní s turistom čosi lepšie alebo nadradenejšie. Pracovníci marketingu najmä v menších cestovných kanceláriách im vychádzajú v ústrety a predávajú im predstavu, že ich produkt nie je balíček, ale naopak ide o „voľný program“ pre nezávisle sa rozhodujúcich cestovateľov. Zákazník tak kupuje predstavu o sebe samom, ktorá je jeho práním, nie realitou.

Oblasť segmentácie spotrebiteľov na trhu cestovného ruchu je v súčasnosti pomerne málo preskúmaná, no na základe našich štúdií si uvedieme niekoľko typológií turistov, aby sme zistili, čím môžu prispieť k marketingu cestovného ruchu.

Sociológ Cohen delí turistov na štyri nasledujúce typy (Woodside, Martin, 2008):

1. Organizovaný masový turista je turista, ktorý si kupuje dovolenku ako balíček služieb, volí niektorú populárnu destináciu, väčšinou ide spoločne so

skupinou priateľov a často trávi dovolenku v hoteli alebo jeho bezprostrednom okolí.

2. Individuálny masový turista je človek, ktorý si kupuje voľnejší balíček umožňujúci väčšiu slobodu pohybu, napríklad letecký zájazd kombinovaný s použitím prenajatého automobilu. Obvyklé sa drží udržiavaných ciest, ale príležitostne sa pustí i do odvážnejších akcií.

3. Turista – prieskumník (objaviteľ) si plánuje svoje cesty sám, zámerne sa vyhýba kontaktom s inými turistami a pokúša sa zoznamovať s miestnymi obyvateľmi. Viac menej chce mať pritom úroveň komfortu a bezpečnosti.

4. Turista – tulák sa chce stať súčasťou miestnej komunity aj keď dočasne. Tento turista nemá žiadny dopredu pripravený itinerár a snaží sa dištancovať od akejkoľvek formy cestovného ruchu.

Daný autor označuje prvý typ ako inštitucionalizovaných cestovateľov a posledné dva typy ako neinštitucionalizovaných cestovateľov. Pre cestovné kancelárie inštitucionalizovaní cestovatelia samozrejme predstavujú cieľový trh. Naproti tomu destinácie súvisiace s rozvojom udržateľného cestovného ruchu by sa pravdepodobne zameriavali prednostne na neinštitucionalizovaných cestovateľov.

Cohen (Swarbrooke, Horner, 2007) ďalej delí turistov podľa typu zážitkov, ktoré hľadajú.

1. Rekreačný turista, ktorému ide skôr o fyzickú rekreáciu než o kultúrnu alebo spoločenskú náplň.

2. Diverziálny turista (hľadajúci rozmanitosť), ktorý sa snaží zabudnúť na starosti každodenného života.

3. Zážitkový turista, ktorý hľadá autentické zážitky.

4. Experimentálny turista, ktorý hľadá užší kontakt s miestnou kultúrou.

5. Existenciálny turista, ktorý má úmysel plne sa ponoriť do cudzích kultúr a životných štýlov.

Je samozrejmé, že týmto odlišným skupinám turistom je potrebné podávať odlišné informácie o ponúkanom produkte.

Smith (Long, 2004) identifikoval sedem typov turistov.

1. Objavitelia patria k malej skupine a cestujú takmer ako antropológovia. Obmedzuje ich skutočnosť, že je stále menej a menej miest, kde sa dá niečo objavovať.

2. Elitní turisti sú regulérni skúsení cestovatelia a vyberajú si drahé a často „na mieru šité“ cesty.

3. Nekonvenční turisti sa snažia uniknúť ostatným turistom.

4. Neobvyklí turisti podnikajú individuálne výlety mimo organizovaný program, aby sa zoznámili s miestnou kultúrou.

5. Nastavajúci masoví turisti cestujú do zavedených rekreačných centier, kde aj napriek tomu turistika doposiaľ nedominuje. Viac menej vyhľadávajú skôr to, čo je im blízke, než miestnu kultúru.

6. Masoví turisti sú súčasťou masového turizmu, očakávajú rovnaké štandardy zariadenia, aké majú doma.

7. Charteroví turisti sa len málo zaujímajú o cieľ cesty alebo sa oň nezaujímajú vôbec za predpokladu, že si dovolenku užijú podľa svojich predstáv, čo znamená, že budú mať úroveň stravovania a ubytovania takú, na ktorú sú zvyknutí.

Organizácia, ktorá chce predávať zájazdy týmto odlišným skupinám, musí každej z nich adresovať odlišné posolstvo. „Nekonvenčným“ turistom musí prezentovať skutočnosť, že cieľ cesty je spokojné miesto, zatiaľ čo „neobvyklých“ turistov by mala informovať o možnostiach voliteľných výletov. „Charterových“ a „masových“ turistov naproti tomu bude musieť uistiť, že v rekreačnom stredisku nájdu požadovaný štandard stravovania a ubytovania.

Plog v roku 1977 spojil správanie turistov s osobnostnými rysmi a rozlíšil psychocentrikov a allocentrikov. Prví sú menej dobrodružní, ľudia uzatvorení do seba, ktorí dávajú prednosť známym rekreačným centrom a spoločnosti ďalších turistov. Druhí sú odvážnejší a radi postupujú rizika. Dávajú prednosť neobvyklým, exotickým cieľom ciest a skôr individuálnemu cestovaniu. Pre organizácie je veľmi ťažké prakticky využiť takúto typológiu, pretože by to vyžadovalo zhromaždiť ťažko dosiahnuteľné zložité informácie o osobnostiach turistov (Swarbrooke, Horner, 2007).

Feifer a Urry (Long, 2004) identifikovali vznik post – turistov ako produkt postmodernej doby. Tento turista žije v dobe masovej komunikácie a informačných technológií, ktoré mu umožňujú informovane voliť dovolenku. Dáva najavo, že neexistuje autentický turistický produkt a pokladá predkladané udalosti za to, čím v skutočnosti sú. Cestovný ruch je pre neho hrou a on spokojne prestupuje z jednej kategórie do druhej kategórie. Dnes sa rozhodne peši putovať Južnou Afrikou, na budúci rok možno zvolí masovú rekreáciu v Benidorme. Môžeme konštatovať, že post – turista robí tradičné typológie turistov zbytočnými. Táto skupina predstavuje pre priemysel cestovného ruchu veľkú výzvu so svojim rafinovaným poňatím turistických balíčkov a svojou neochotou začleniť sa do určitého typu alebo segmentu.

Správny turista (good tourist)

Tento veľmi moralistický prístup ku klasifikácii turistov vznikol v nedávnych rokoch, čiastočne vďaka práci autorov Wooda a Housa (1992). Turista je nábádaný k tomu, aby sa správal trvale udržateľným spôsobom a aby sa cítil dobre, pokiaľ sa takto správa. Uvádzajú, že väčšina turistov sa môže usilovať o pripojenie sa k tejto skupine. Pre organizácie z oblasti cestového ruchu môže táto skupina predstavovať potenciálne lukratívny trh, ktorému je potrebné predávať produkty vyvolávajúce v zákazníkovi pocit, že pri ich kúpe sa zachoval správne.

Autori Wells a Gubar (Schannel, Yeona, Backer, 2012) segmentovali zákazníkov trhu cestovného ruchu na základe životného cyklu rodiny. Táto segmentácia je známa aj pod pseudonymom „plných“ a „prázdnych hniezd“. Životný cyklus rodiny sa veľmi často používa v marketingu produktu cestovného ruchu. Ako si môžeme všimnúť, prevažná časť cestovných kancelárií ponúka katalógy dovolení, ktoré sú zámerné cielené na jednotlivé segmenty životného cyklu rodiny (Obr. 4).

Veľmi zaujímavú štúdiu priniesli už v roku 1988 autori Nichols a Snepenger, ktorí sa zaoberali vplyvom dominantnosti pohlavia v manželstvom zväzku na výber dovolenky. Z výskumnej štúdie vyplynulo, že tam, kde vo väčšej miere rozhodovala manželka bol zber informácií o destinácií na nižšej úrovni a preferovala sa dovolenka v kratšom časovom predstihu. V mieste dovolenky sa

väčšinou v tomto prípade míňalo menej peňazí a nevyužívali sa miestne atrakcie. V rodinách, kde mal rozhodujúce slovo manžel, bola situácia opačná (Pizam, Mansfeld, 2000).

Obr. 5: Segmentácia na základe životného cyklu rodiny

Mládenecká fáza	mladí slobodní ľudia, ktorí už nežijú s rodičmi
Bezdetní novomanželia	
Plné hniezdo I	najmladšie dieťa do 6. Rokov
Plné hniezdo II	najmladšie dieťa nad 6. Rokov
Plné hniezdo III	starší manželia s deťmi, ktoré sú na nich závislé
Prázdné hniezdo I	hlava rodiny pracuje, deti sú mimo domova
Prázdné hniezdo II	hlava rodiny v dôchodku
Osamelá vdova (vdovec) v dôchodku	

Zdroj: Schannel, Yeonan, Backer (2012).

Dosť častou využívanou technikou v oblasti cestovného ruchu je socioekonomická metóda JICNARS (Join Industry Committee for Newspaper Advertising Research), ktorá má svoj pôvod vo Veľkej Británii. Vychádza zo zásady, že spoločenská trieda určuje, ktoré produkty a služby bude zákazník nakupovať (Obr. 5). Táto metóda segmentuje ľudí do šiestich spoločenských stupňov A, B, C1, C2, D, E.

Obr. 6: Metóda segmentácie JINCARS

Spoločenský stupeň	Spoločenské postavenie	Povolanie hlavy domácnosti	Podiel domácnosti (%)
A	Vyššia stredná trieda	Vyššie manažérske	3
B	Stredná trieda	Stredné manažérske	10
C1	Nižšia stredná trieda	Majstri, úradníci	24

Spoločenský stupeň	Spoločenské postavenie	Povolanie hlavy domácnosti	Podiel domácnosti (%)
C2	Pracujúca trieda s kvalifikáciou	Kvalifikovaní robotníci	30
D	Pracujúca trieda	Nekvalifikovaní robotníci	25
E	Stredná trieda	Dôchodcovia, vdovy	8

Zdroj: Branston, Stafford (2003)

Ďalšou známou metódou používanou pre oblasť typológie spotrebiteľov je metóda geografickej segmentácie ACORN (A Classification of Residential Neighbourhoods), ktorá sa riadi demografickými a socioekonomickými kritériami. Vychádza zo zásady, že zákazníci, ktorí žijú v odlišných typoch sídlisk, majú odlišné profily aj v ostatných premenných. Podľa danej metód rozoznávame 17 skupín obytných zariadení a 54 sídliskových typov, z ktorých každý má iné požiadavky (Frain, 1999).

Autori Gonzales a Bello (2002) vytvorili segmentáciu spotrebiteľov na základe životného štýlu, ktorú aplikovali na trh cestovného ruchu. Vytvorili päť dôležitých zákazníckych skupín.

1. Spotrebiteľia milujúci domov (home – loving) – kladú veľký dôraz na pokojný životný štýl doma, v rodinnom kruhu, s veľmi konzervatívnymi a vyhranenými názormi, náročný segment. Odporúčania pre cestovný ruch: títo spotrebiteľia obdivujú prírodné krásy a kultúru, uprednostňujú kvalitu pred cenou, majú radi dlhšie pobyty s domáckou atmosférou.

2. Idealisti (idealistic) – jedinci s úprimnými názormi, majú radi spravodlivosť, zodpovednosť, sú flexibilní a tolerantní. Odporúčania pre cestovný ruch: títo spotrebiteľia preferujú kratšie výlety u priateľov, riadia sa cenou, majú radi výhodné ponuky cestovných kancelárií (poznávacie zájazdy).

3. Autonómni (autonomous) – spotrebiteľia s vysokou dávkou slobody a samostatnosti, vedia si užívať každý okamih života, míňajú radi peniaze. Odporúčania pre cestovný ruch: preferujú nočné výlety, uprednostňujú kratšie výlety v hoteloch.

4. Hedonisti (hedonistic) – priťahuje ich všetko nové, radi si užívajú v kruhu svojich priateľov, majú radi zložité veci. Odporúčania pre cestovný ruch: uprednostňujú kratšie výlety v špičkových hoteloch, väčšinou cestujú v skupine svojich priateľov.

5. Konzervatívci (conservative) – jednotlivci s vyhranenými názormi, s prísnyimi postojmi, nenávidia nočný život. Odporúčania pre cestovný ruch: preferujú krátke výlety v blízkosti vidieckych sídel u priateľov.

Autorka Wickens (2002), ktorú inšpirovala Cohenova typológia turistov, segmentovala navštevníkov rezortu Kalimeria (pobrežná dedina) na ostrove Chalchidiky do piatich zaujímavých klastrov.

1. Typ kultúrneho dediča (The Cultural Heritage Type) – táto skupina turistov kladie vysoký dôraz na históriu Grécka a kultúru. Navštívili dané miesto minimálne dvakrát v priebehu šiestich rokov. Zaujímajú sa hlavne o grécke jedlo, hudbu, rastliny, zvieratá a milujú západ slnka. Využívajú organizované zájazdy do Solúna a priľahlých dedín. Cestujú do Grécka prevažne v máji, júni a septembri, pretože sa vyhýbajú vysokým teplotám.

2. Typ zabávača (The Fun Type) – títo turisti hľadajú nočné kluby a zábavu, nevyhľadávajú poznanie za kultúrou a históriou Grécka. Riadia sa cenou zájazdu, využívajú zájazdy typu last – minute. Bavia sa na pláži do skorých ranných hodín, väčšinou prichádzajú do Grécka kvôli sex – turizmu.

3. Valentínsky typ (The Valentine Type) – ide o skupiny žien v strednom veku, ktorí cestujú do Grécka buď osamelé alebo s priateľkou. Sú inšpirované romantickým filmom „Shirley Valentine“ a podľa toho sa aj správajú. Hľadajú „krásneho gréckeho gentlemana“, pre ktorého môžu na budúci rok opäť zavítať do Grécka. Veľmi radi sa opaľujú na pláži a využívajú všetky dostupné atrakcie.

4. Slniečny typ (The Sun Type) – táto skupina turistov cestuje do Grécka iba pre slnko a more. Celý deň trávia na pláži a plávajú v mori. Prichádzajú sem z oblastí, kde je prevažne celý rok nepriaznivé počasie a z krajín, ktorým chýba more. Väčšinou títo turisti navštívili Grécko prvý krát.

5. Domáci typ (The Home Type) – táto skupina turistov sa vyznačuje každoročným príchodom na dané miesto. Títo turisti sa cítia v Grécku už ako doma, majú tu svojich priateľov a okruh známych, na ktorých sa každoročne

veľmi tešia. Poznajú grécke zvyky a práve pre dobré skúsenosti sa sem neustále vracajú.

Častým hľadiskom je ich rozdelenie podľa správania sa a charakteru požadovaného produktu cestovného ruchu (Goeldner – Ritchie, 2009).

1. ekoturista – má kladný vzťah k hodnotám prírodného a kultúrneho prostredia, cestuje sám do destinácií za pokojom a poznávaním,
2. kongresový turista – je súčasťou pracovného kolektívu, ktorý preferuje realizovať interné školenia a semináre mimo firmy a spájať ich s pestrým programom,
3. kultúrny turista – je športovcom a fanúšikom určitého druhu športu, športovo sa oblieka, navštevuje športové podujatia a sám vo voľnom čase športuje,
4. kúpeľný turista – je pracovne vyčerpaný a často si dopraje antistresové pobyty cez predĺžené víkendy v kúpeľoch alebo wellness centrách,
5. obchodný turista – využíva najmä hotelové ubytovacie zariadenia mestského typu v súvislosti s obchodnými cestami, ktoré sú súčasťou jeho pracovnej náplne.

Efektívne využitie typológie by vyžadovalo podrobné údaje o zákazníkoch a ich potrebách. Tieto údaje v oblasti cestovného ruchu chýbajú a ich zhromažďovanie je nákladné a problematické, pretože turisti považujú za neľahké popisovať výskumným pracovníkom, ako sa správajú a prečo sa tak správajú. Lebo, pokiaľ ako základ pre typológiu použijeme porovnávanie, je tu nebezpečenstvo zaujatosti na strane pozorovateľa, ktoré môže ovplyvniť výsledky. Pováčšine sú typológie príliš zjednodušené a stereotypné, než aby mohli vystihnúť všetky typy správania turistov, ktoré je možné v praxi pozorovať. Prevažná časť typológií neberie do úvahy fakt, že zákazník sa môže presúvať medzi jednotlivými typmi svojimi reakciami na rôzne činitele ovplyvňujúce jeho správanie. Tieto činitele môžu zahŕňať napr. zmeny množstva peňazí alebo tiež množstvo voľného času, ktoré má k dispozícii, novovzniknuté rodinné problémy, nemoc, nutnosť kompromisu s názormi ostatných členov skupiny, s ktorými sa zákazník chystá stráviť dovolenku.

- [1] Branston, G., Stafford, R. 2003. *Media Students Book*. 3 vyd. Canada: Routledge.
- [2] Ferner, F.-K. 1993. *Marketing cestovného ruchu*. 1. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- [3] Foster, T. R.V. 2002. *Jak získať a udržať zákazníka*. Praha: Computer Press.
- [4] Frair, J. 1999. *Introduction to Marketing*. 4 vyd. London: EMEA.
- [5] Goeldner, R. Ch., Ritchie, R. B. 2009. *Tourism: Principles, Practices, Philosophies*. 11. Vyd. Canada: Wiley.
- [6] Gonzales, A. M., Bello, L. 2002. The construct „lifestyle“ in market segmentation. The behaviour of tourist consumer. In *European Journal of Marketing*, č. 1/2.
- [7] Gordon, F., Goldsmith, R. 1998. *Consumer Psychology for Marketing*. 2 vyd. Oxford: EMEA.
- [8] Gučík, M. et al. 2006. *Manažment cestovného ruchu*. 1. vyd. Banská Bystrica: Slovak-Swiss Tourism.
- [9] Horner, S., Swarbrooke, J. 2003. *Cestovní ruch, ubytování a stravování, využití volného času*. Praha: Grada Publishing.
- [10] Hudson, S. 2008. *Tourism and Hospitality Marketing: A Global Perspective*. Cambridge: SAGE.
- [11] Hvizdová E. a kol. 2007. *Základy marketingu*. Prešov: Vydavateľstvo Michala Vaška.
- [12] Hvizdová E. a kol. 2012. *Základy marketingu*. Prešov: Vysoká škola medzinárodného podnikania ISM Slovakia.
- [13] Jakubíková, D. 2009. *Marketing v cestovním ruchu*. Praha: GRADA Publishing.
- [14] Kaspar, C. 1995. *Úvod do manažmentu cestovného ruchu*. 1. vyd. Banská Bystrica: EF UMB.
- [15] Kotler, P. Keller, K. L. 2007. *Marketing management*. 12. vyd. Praha: Grada Publishing.
- [16] Kotler, P., Armstrong, G. 2007. *Marketing*. Praha: Grada Publishing.
- [17] Long, L. 2003. *Culinary Tourism*. USA: University Press of Kentucky.
- [18] Novacká, L. 1993. *Marketingový management podnikov cestovného ruchu*. Bratislava: Elita.
- [19] Novacká, L., Kulčáková, M. 1996. *Klient v cestovnom ruchu*. 1. vyd. Bratislava: Eurounion.
- [20] Pizam, A., Mansfeld, Y. 2000. *Consumer behavior in travel and tourism*. New York: Routledge.
- [21] Schannel, H., Yeoman, I., a Backer, E. 2012. *Family Tourism (Multidisciplinary Perspectives)*. Canada: Channel View Publication.
- [22] Swarbrooke, J., Horner, S. 2007. *Consumer Behaviour in Tourism*. 2 vyd. USA: Routledge.

- [23] Wickens, E. 2002. *The Sacred and the Profane. A Tourist Typology*. In *Annals of Tourist Research*.
- [24] Woodside, A., Martin, D. 2008. *Tourism Management (Analysis, Behaviour and Strategy)*. Cambridge: CABI.
- [25] Wood, K., House, S. 1992. *The Good Tourist*. 2 vyd. Londýn: Mandarin.

Summary

The concept of market segmentation is closely related to the concept of diversity. Without diverse market with many different people with different history, origin, interests, needs, wants and perceptions, we would hardly be able to segment the market. The diversity of the global market makes the market segmentation attractive, viable and potentially high yield strategy. The segmentation of the tourism market is an important part of understanding consumer behavior and is characterized by intensity.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 85-91]

Yuriy O.Karyagin

Sumy National Agrarian University

Ukrainian Concert Culture as needs Undeveloped developing

Key words: *culture, concert, developing*

The new laws on mass performances make the situation even worse. Natalia Korolevska, the head of Industrial, Regulatory and Commercial Politics Committee of Verkhovna Rada, notes that after proposed amendments to the law 'On Tour Events in Ukraine' are adopted, ticket prices will increase by 25-50%, because organizers will have to prepay the events before being allowed to hold them. This, in turn, increases financial risks (Liga). As of now, the main concert-going public seemingly consists of students and intellectuals, and if the prices rise, they will not be able to visit live shows as often as now. This will also result in organizers being less likely to hold events which could be risky in terms of income; as a result, the number of good shows will drop.

In general, people from the post-Soviet countries tend to think of themselves as of educated and culturally rich, especially in comparison with the 'spiritless West'. However, in reality, it is the other way round, and the examples concerning concert culture are illustrative to prove this. In this paper, the author will prove that the Ukrainian culture of organizing and attending concerts lacks many features that are characteristic to the states where such culture is already developed, taking Western Europe as an example. It is important to note that this

2 essay mostly deals with non-classical music, as, by default, it is more popular and thus affects more people. The goal of this research is to find out the critical

problems and determine what can be changed for the better in the Ukrainian concert culture.

The first problem - and an obvious one - is the quantity of the concert halls in Ukraine. Even in Kyiv, the performances are usually held in five or six venues. There is also a number of clubs, but most of them are either not suited for live music, or too small, or have very old equipment, which can easily spoil the performance. This causes the problematic situation when organizers have trouble finding the place for the artist to perform if the 'good' clubs are already reserved for the specific date - and sometimes artists have to play in absolutely inadequate conditions just because there are no alternate variants. This is the situation in the capital city with more than three million inhabitants; in other cities, the situation is even worse, and sometimes there are only two or three more or less venues (including clubs) suitable for performance.

However, one might note that there are much less young Ukrainian bands than in Western countries, and the stars going to worldwide tours do not usually perform in Ukraine; thus the demand for concert halls is limited. This is true; but the crucial point is that the existing halls cannot satisfy the demand for *quality*. Most of Ukrainian clubs and music halls were not built with purpose of live performances, and thus there are severe problems with the sound (Trashman). As an experienced visitor of concerts, the author totally agrees with this point: such problems in the halls like MVC are obvious, and the artist's sound operator has to try very hard to overcome the acoustic drawbacks immanent to these halls.

Sergey Kalugin, a Russian guitarist and singer, has written an Internet-spread essay *Koncertny Zvuk: instrukciia-pamiakta posetiteliu zok-koncerta*, where he explains the peculiar problems of post-Soviet music halls and their sets of apparatus. He starts with explaining some specific principles of the electric sound and basic elements of scene equipment, which allow musicians to hear each other while performing. Then, Kalugin continues to tell his readers about sound sources which should be heard by the audience. After this introduction, the author writes about the real situation with apparatus in music halls and clubs in the post-Soviet countries. First of all-musicians have to play without hearing the sound which is heard by the audience — the needed speakers *iprostrely*)

3 are not installed in our venues. They only hear themselves and their colleagues, which is similar to blind flying in aviation. Secondly, on modern concerts, the most active listeners usually come to the 'fan zone' near the scene. But the speakers for the whole venue are on the sides of the scene, and thus do not cover this zone. In foreign halls, it is normal to install special speakers for the 'fan zone'; for our concerts, Kalugin proposes a bitter choice - either to listen in the centre of the hall, or to have fun under the scene. Thirdly, a music hall, which was actually built for performances, is by itself a musical instrument, similar to the recording studio. When musicians play, the sound resonates from the walls, floor and ceiling, and makes them vibrate. If the hall is planned for music, the resonances are calculated and pre-defined - in this way, the building process is similar to tuning a musical instrument. If it is not, the walls should at least consume sound - otherwise parasite resonances will make a concert in such a hall unbearable. However, this is precisely the case of halls like Mijnarodny Vystavkovy Centr (MVC). Finally, the speakers directed at the public are either cheap and produced by no-name companies, or too weak for music (this is true to halls which were built for speeches), or are in bad conditions due to overuse.

Certainly, these arguments may be countered by saying that the quality of venues is sufficient, and the ideal performances in halls which lack the aforementioned attributes, such as the concert of A-HA in MVC, prove this. But, judging from the author's personal experience both as a visitor and as an organizer, Kalugin's testimony is actually applicable to the Ukrainian venues. The only flawless music hall in Kiev seems to be Palats Ukraina; all others certainly suffer from some or all the problems described by Kalugin. This makes concerts less comfortable than possible for both performers and listeners. And certainly, if one attends a concert with failed live sound, there is a possibility that he or she will not visit concerts anymore, thinking that it is normal for live shows in general.

Of course, even in the worst hall, the sound *can* be satisfactory, if the high-quality equipment is installed and good sound producers work with it, as in the case of A-HA. However, most bands can not allow themselves to bring the entire set of equipment with them. Organizers have to loan the apparatus themselves from the third party, which is expensive and connected with financial risks. Problems with transportation (which usually requires a truck) and installation (organizers

have to conduct it themselves) are included. And still, all these efforts can be ruined by artist's or venue's sound producers if they are not competent enough.

4 At the same time, as Vladimir Trashman notes, Ukrainian organizers tend not to fulfill the artists' requirements - both in technical and in mundane spheres. For example, foreign artists include five-star hotels in their riders, because they know that otherwise they risk being settled in a three-star one. It is not uncommon for our organizers to cheat artists or to treat the event as a possibility to earn money, without thinking about the quality of the show (Trashman). This signals the lack of organizational culture and ethics. Having the experience of organizing musical events, and being acquainted with other groups of promoters, the author understands that this does not concern *all* organizers. But generally, as artists state, in Ukraine, sometimes whether a concert is to be held is decided a week before the show time, and the culture or promoter-performer relations is low (Yarmola).

So far, we have covered the problem of Ukrainian concert organization. Another aspect of concert culture is attendance. The visitors in our country tend to come much later than the show actually has to start. While discussing organizational matters with my colleague from *Leif Eriksson* creative group, I mentioned that 15 minutes after the declared time is a reasonable moment to start the show. Her reaction was, 'Come on. Do *you* really come to the concert the time it has to start?' My response that I usually come 20 or 30 minutes earlier seemed to be shocking. And, in fact, masses of people do come later. Surely, one may say that some of them might have got into a traffic jam, or had personal problems of any sort, and that is, certainly, a reasonable excuse. But actually, it is common for attendees to drink wine in the bar or beer in the corridor – depending on the concert status - after the declared show time. This, in turn, causes organizational problems: the performer surely will not come on the scene if half of the audience is still to come. And sometimes concerts are delayed by half an hour, or even more, just by this reason. Except for showing disrespect to the performer, people who come to the show late steal songs from themselves - artists often have to leave the town the night after the show, and thus, if the concert starts later, the setlist may be cut. Irrational Slavic propensity towards breaking the rules seems to be the only possible explanation for this kind of behavior.

Finally, there is a problem of popular demand. The statistics demonstrate that the highest minimal prices in Kyiv this season are set on the show of Stas Mikhaylov, a Russian chanson performer with unpretentious music. At the same time, good artists sometimes have to switch the *на,II\$ freca^se- tftey* fail to gather major venues

5 (Trashman). In addition, Ukrainians do not follow modern music tendencies: for example, in rock music, the most popular performers are those from the old times, such as Deep Purple, and modern rock stars are hardly known, and thus not invited to Ukraine.

According to the arguments stated above, it is logical to come up with the conclusion that the Ukrainian concert culture is still, due to reasons not covered by this essay, not developed enough in comparison with the Western world. During this study, some specific problems have been found which have to be dealt with in order for our concert culture to increase. First of all, the number and quality of existing venues, where live music can be performed, are definitely not enough. Second, there are problems with equipment in our music halls and clubs, which cause discomfort for both artists and visitors. They are to be solved by both sound producers and local organizers; however, some Ukrainian organizers do not care about the resulting sound, as their goal is only to earn money, and they may even cheat the artists. Finally, the audience has no culture of attending concerts, not managing even to come in time, and does not seemingly demand good music. This is possibly the most important notion, as without demand there will be no supply of the good sound. All of these problems can be actually solved by common efforts of the state, businessmen, and public itself. The state should take down the amendments to the law 'On Tour Events in Ukraine' and, in fact, simplify the bureaucracy concerning the concert organization, which will make the tickets cheaper than now. Businessmen should think of investing funds in building of new, modern concert halls with European-level equipment and sound. Petty businessmen can also buy good equipment sets and loan them out to the performers; the competition between such enterprises may be encouraged by the state to prevent local monopolies. But all these initiatives should be demanded by the public. If people *en masse* understand that Stas Mikhaylov and similar music is primitive, and stop visiting such shows but go to the classical music or rock concerts, the market laws will

inevitably cause new quality venues to be built and favoring laws to be signed. In turn, the state has to take measures to inform people what good music is through informative, organizational, and financial support of such music. If these measures are implemented, the music culture and taste of our society will generally rise, which will contribute to the people's personal development in future.

Worts Cited

- [1] Dawidziuk S., (red. nauk) Jakość kształcenia w szkolnictwie wyższym, rozwój innowacji w gospodarce, systemy podatkowe (wybrane zagadnienia) Wyd. WSM Warszawa 2009.
- [2] Dawidziuk S., Entrepreneurship - towards dreams, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Menedżerskiej w Warszawie im. Leszka J. Krzyżanowskiego, Warszawa 2014, ss Sustainable development - scientific debut 2013, red. Stanisław Dawidziuk, Henryk A. Kretek, Anatolij Kuzmińskij, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Menedżerskiej w Warszawie im. prof. Leszka J. Krzyżanowskiego, Warszawa 2014.
- [3] Dawidziuk S., Kreatywność w metodzie Montessori i współczesnym systemie edukacyjnym [w:] Autokreacja innowacyjna w procesie wychowawczym, red., Izabela Kust, Joanna Michalak-Dawidziuk, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Menedżerskiej w Warszawie im. prof. Leszka J. Krzyżanowskiego, Warszawa 2014.
- [4] Dawidziuk S., Magisterské, bakalářské a inženýrské práce. Metodická příručka pro studenty. Vysoké školy manažerské ve Varšavě, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Menedżerskiej w Warszawie, Karvina-Nové Město 2014.
- [5] Dawidziuk S., Przedsiębiorczość białkiem rozwoju społeczno-gospodarczego, wyd. WSM Warszawa, 2011.
- [6] Dawidziuk S., Przedsiębiorczość droga do sukcesu w biznesie, Wyd. WSM - SIG Warszawa 1999.
- [7] Dawidziuk S., Rola marketingu w działalności politycznej w: Zeszyty Naukowe WSM SIG Nr 1, Wyd. WSM SIG 1998 r., s. 103-116.
- [8] Dawidziuk S., Zarys dydaktyki ogólnej z elementami metodyki szkoły wyższej (wybrane zagadnienia): Warszawa: Oficyna Wydawnicza WSM, 2008.

- [9] Kalugin, S. *Koncertnyj zvuk: pamyatka posetatelyu rok-koncerta*. 08 May 2007. 29 Feb. 2012 <<http://www.music.poltava.ua/articles/C20070508/>>
- [10] LIGA Business Inform. *Kvytky na koncerty v Ukraini mojuť podorozhchaty vdvichj*. 23 Nov. 2011. 29 Feb. 2012 <http://news.liga.net/ua/news/culture/565715-kvitki_na_kontserti_v_ukra_n_mozhut_podorozhchati_vdvch.htm>
- [11] Trashman, V. *Live in sevastopol: Mechta s dostavkoj na dom*. 10 Dec. 2011. 29 Feb. 2012 <http://sev-navigator.com/blogs/tajm-aut/Hve_in_sevastopol_mechta_s_dostavkoj_na_dom>.
- [12] Yarmola, O., *Meni khochetsja viryty, scho skoro v Ukraini nastane khvylyya renesansu*, 13 Dec. 2011. 29 Feb. 2012 <http://interviewer.com.ua/culture/oleksandr-yarmola/>

Summary

Music is an important part of our emotional and spiritual life. And certainly, no technical device can communicate the emotions one receives when sitting in the music hall and enjoying live performance by the favorite artist. This is especially true in the era of music consumption, when even CD quality - forget about vinyl - is forgotten in favor of MP3 format, which is more comfortable in use but is known for faults of compression. Certainly, live performances give feelings incomparable with listening to such recordings. But Ukraine lacks the culture of attending and organizing live shows, and this is a problem to deal with if we want the new generations to understand what musical beauty is about. Music enriches personality, and Ukrainians now are effectively deprived of it.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 93-104]

Jiří Koleňák, Vratislav Pokorný, Eva Pindešová

VSKE Brno

Connatural Management approach to preparation and development of individuals in the business environment

Key words: *management, business, environment*

Introduction

The aim of this article is to introduce the concept of Connatural Management Approach (CNM) and its potential for quality development of an individual in relation to management of organizations and processes as well as management of people and human systems. This approach has been developed at Newton College in Brno, where the need has arisen to search for other ways of skills development of professionals who are expected to effectively realize their potential and keep developing under the dynamically changing conditions of the market environment.

Current approaches to description of human skills of working within organizational environment vary and take different views into account. The overwhelming majority, however, only distinguishes between hard and soft skills (For example Plamínek (2004, 2005) within the context of soft skills development draws attention to managing oneself as well as managing people, teams and companies). These approaches describe what organizational environment requires from humans, they emphasize performance or decision-making processes, or search for an optimal environment for the identified competencies or skills of an individual to be applied (For example Armstrong (2007), Šuleř (2008), Koubek (2008), Fol-

warcná (2010) and others). In terms of training professionals for the business environment, it becomes clear that in addition to these two traditional factors of development, it is useful to focus on what we started to call subtle skills (By subtle skills we understand fine understanding of situations or context and mental acuteness – qualities not to be noticed or analyzed immediately, which however created “added” value of an individual and their orientation and functioning within the particular situational context). The present CNM model focuses on methods of developing these fine skills and natural talents of each individual, which enable them to effectively realize their potential in the unceasingly changing world.

The reversible process directed to oneself emphasizing individualism and individuation is a very significant pattern of our thought process (We use the term of individuation in the sense of: „a long-term process in which a man becomes an individual“, (New academic dictionary of loanwords, 2007) that is a different person (in our concept in terms of mind and cognition in particular) from other individuals of the same class and kind. From the perspective of psychological approaches we understand process from the perspective of C. G. Jung's concept of psychology. The term individuation can be understood in the context of autopoiesis as a conscious autopoiesis of a mind and a man, which is the basis of cognitive management concept). Nordstrom, K. and Ridderstrale, J. (2006) note in the book titled *Karaoke Capitalism: Daring to Be Different in a Copycat World* that when one wants to “move forward“, they must follow their individual, internal path, path of imagination and authenticity. Imitating, following the rules, regulations and algorithms, etc. create a sense of security. Such behaviour is, however, predictable and can be expected [More in Saliger, Pokorný, Pindešová. (Cognitive management, 2010)].

We therefore consider the concept of P. M. Senge (2007) inspiring. In it, he formulates five basic areas, or disciplines, which he applies to any human system in terms of the ability to survive and develop in a changing environment. By disciplines he means personal mastery (professionalism), mental models (fluctuant and critical thinking), vision sharing (communication - dialogue), team learning, and the fifth, final discipline, systemic thinking (the ability to view systems as wholes). Personal mastery is based on competence and professional skills, but it

also presents further development potential, i.e. lifelong discipline. People who have reached personal mastery are aware of their own “ignorance, incapacities and areas they need to work on. They are very self-confident at the same time.” The awareness of one’s own incompetence on one hand, and self-confidence on the other might seem a paradox, but it is actually a force that is permanently driving one to improve. This paradox is also what makes one different from an expert as described by N. N. Taleb (2011). The issue of personal, i.e. professional mastery is further elaborated upon within the framework of Cognitive Management (For more, see Concept of Professionalism (Saliger, Pokorný, Pindešová, 2010). Similar questions are also addressed by Pink (2011, p. 90) who points out three laws of mastery (Three laws of mastery according to D. Pink: 1. Mastery is a way of thinking (Pink describes a behavioral view of Carol Dweck according to whom people’s beliefs predetermine their achievements); 2. Mastery is pain (based on army officers’ training experience); 3. Mastery is asymptote (it shows mastery is not finite, one can approach it, but never achieve it completely). in the context of motivation. Even though he draws from results of behavioural research, he emphasizes autonomy and connaturality. *“The point is not keeping our natural predisposition hidden, but on the very contrary – revealing it”* [Pink, 2011: 67].

Connatural management

Connatural Management (CNM) can be simply defined as being natural and spontaneous. The term as such covers two aspects:

1. Management by nature, meaning managing connatural qualities of people and human systems;
2. Management by nature, meaning cultivating the ability to distinguish between the natural and the artificial as well as respecting natural conditions and effects of situations, environments and human and organizational potential.

One of the aspects of CNM is individual skills development for an effective action in the cognitive domain. The cognitive domain applies to thinking as well as information and experience processing. Knowledge is “created” in this domain and knowledge eventually leads to any decision. Decision itself is, however, only one stage of the process. A decision has the form of information and knowledge which make sense within a particular context (Context within the meaning of

'spinning' (Latin con-texo = intertwine). As a behavioural pattern decision actually co-creates reality. This is based on coherence and correspondence, that is on unity of references and integrity of context. A decision can be rational, sensible, wise or unwise.

The terms rationality, sensibility, and wisdom are considered as follows:

1. We understand the ability to logically consider information and knowledge in the framework of a given cognitive model as rationality.

2. We understand two main qualities of a thinking process in particular, that is volatility within the cognitive continuum as per K. R. Hammond [in Kostroń, p. 47 – 66], and the ability of system thinking in the context of thoughts of P. M. Senge (2007, p. 24) as reasonableness. It is the ability to act mentally in two directions or modes. This is mainly based on the ability to differentiate, i.e. to separate, distinguish, categorize, and work with particularities or components. The second mode is geared towards relationships, relations, similarity, reciprocity, context, and the whole. These are the aspects, for which the traditional critical thinking reduction to formal logic operations, seems to be insufficient.

3. We understand the aspect of personal mastery according to P. M. Senge (2007) as wisdom and we suggest the following thought of Z. Neubauer as a relevant illustration of the term: *"Just by listening to the sound of the word - wisdom - how natural (although certainly not common), we hear the same; experienced reasonableness and understanding, truthfulness indifferent to disputes, justice of conciliation, not judging but goodness, in which the opposites meet. "Wise is not a man who is well-educated, who knows a lot, but one who understands even completely opposite attitudes to his own. He can simply 'absorb' them and relate to them. Wisdom includes openness, represents perceptiveness, provides space for understanding. When I come to a wise man for advice, I do not expect only his opinion on my problem, or instructions or a lecture; I mainly seek the opportunity for counsel - to know how to deal with myself. I know that in the vicinity of a wise man I can find the capacity within me, to see my own situation and view myself from its perspective. Perspective of wisdom is the distance from what worries and burdens me, space to retreat out of an impasse. We touched upon this already at the beginning, in the context of acquiring skills related to the art of communicating them to the others - less gifted and apt - or on the contrary more gifted and more apt. If it wasn't for wisdom, there would be no development and no growth of experience in this world:*

information would be merely twisted and lost, like in a game of Chinese whispers.
 "Neubauer (2002, p. 135-136).

It is fundamental for a decision, how it is understood, how it is grasped and subsequently implemented in the physical domain, so an important element is the way the decision is shared as knowledge (information) and applied to a specific context. Various models and metaphors make understanding cognitive processes, thinking, decision-making and knowledge inception and sharing accessible. One of the current models is the model using cybernetics language. Hardware and software are good examples (For more see for example [Neubauer, 2002: 102]). The background of the so-called soft skills or skills necessary for cooperation with people, knowledge sharing, and human systems managing suggests itself. This mechanistic model surely allows for some categorization of reality and its understanding in the current post-modern paradigm. In the background of this model we can sense the traditional differentiation between the tangible and the intangible, body and soul or the physical and the metaphysical. There are however other models, the principles of which may currently be applied. A Taoist concept presented not only by Lao-Ć, but mainly by Sun-Ć and Zhuang Zhou is similar in terms of its application potential.

The mechanistic hard/soft model, aptly adopted from cybernetics, is obviously not sufficient to describe all the aspects of developing a manager. There is a lot of specific individual skills and knowledge necessary to react flexibly within a particular context to be taken into account. Neubauer, when considering the subjectivity and autonomy in conjunction with the mechanistic concept notes: *"real 'cyberneticists' know that what they express by their works, had to be understood in its entirety first and grasped within sense. They know it is necessary to stand in the centre of the core of a given problem, and be a master of expressing this unifying intuition and that software cannot be developed and tweaked by a simple trial-and-error method, or mechanistic relocation of structural 'blocks'". "Meanwhile, they do not worry whether or not thinking specifies its laws to matter, or whether or not thinking is an expression of laws of the matter, but they implement the reciprocity of software and hardware for each piece of installed equipment over again. And they realize that the separation of both sides (soft and hard-) is on the one hand the very source of their technical success, at the same time, however, that it represents the biggest obstacle in the imitation of natural beings, i.e.*

living beings, cells, organisms, brain. Self-managing (self-regulation) of living entities lies in what we called with Hofstadter "wetware". The boundary between the program, the installation device and the output is smooth and the proportion of the two sides is self-regulated too. In these considerations we want to see the living unity of thoughts and life, which the living beings represent via the current experience. It is important to realize that the default experience, "I think, therefore I am" is not an exclusive exercise of a human spirit, wholly adventitious to nature, as Descart's basis of modern age science has been reassuring us for centuries, but a physical performance of any living matter as such. [Neubauer, 2002: 92].

Given the assumption that organizations are human systems, and as such, because they consist of human beings, they are alive in a way too, the above mentioned way of thinking appears to be inspiring to the extent that it allows us to create a model which may contribute to an effective development of human skills and human systems. Human knowledge development and the unceasingly changing social and market environment require such a model more and more urgently. The hard/soft model has its advantages and disadvantages. One of the advantages is that it creates "people" for the existing systems and familiar environments, usually with the characteristics typical for the environment of the second wave as per A. Toffler. One of the disadvantages is that it does not allow any significant quality development of systems and environments of the third wave.

Besides the traditional hard and soft skills, the connatural management approach also presents the so-called subtle skills. These are inherent to every individual; they might even have been genetically encoded. In our environment subtle skills are suppressed by social development of society as well as the "usual" model of management decision making, and it is therefore difficult to apply them. Sensitive perception of feelings and intuition can be the key to managerial success in the present, highly competitive, business environment. Similar thoughts can be found in F. Hroník (2008), who highlights the need to search for a „*solid point in oneself*“, i.e. managerial integrity as a necessary tool of every individual operating within managerial environment.

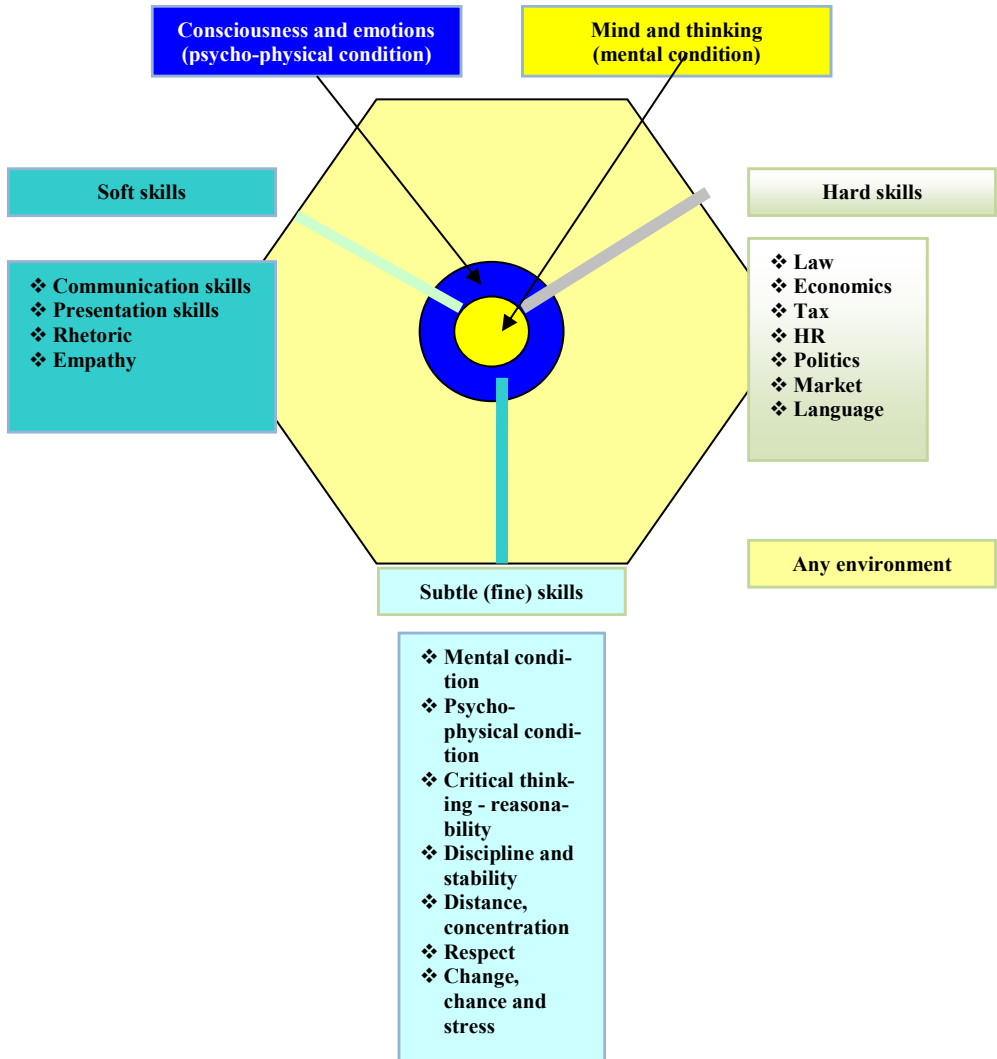
CNM focuses on qualities which are to a certain extent inherent to all people, therefore also organizational human systems. These qualities are also included in all possible situation contexts in which people can find themselves. In other

words, they are inherent to any context, and may apply anywhere and anytime. These are not properties and capacities as described by psychologists, sociologists or structured and categorized by philosophers. They are closely related to what is called tacit or implicit skills; what Dreyfus brothers would call non-rationalized practice; what is related to the flow effect aspects as per Csikszentmihalyi; personal mastery according to P. M. Senge or the approach of a master as depicted in a story by Zhuang Zhou in the chapter "Principles of growing life". *"Master chef was opening the bull for prince Wenhui. Every swing of his hand, each stretch of his arm, each step of his feet, each bend of his knee, each ring and turn of the blade piercing through created something like a desirable tone in a piece of music, which in its harmony far exceeded the dance of a Mulberry orchard or the famous choir of Leader Ordaining.*

Within the CNM model we have called these inherent qualities which can influence management and cultivation 'subtle skills'. They are based on the natural potential of a man, on the ability to step outside of the usual schemes of knowledge, models of thinking, behaviour and decision-making standards. In this sense CNM focuses on the way of thinking similar to the one described by Zhuang Zhou.

The following scheme presents a three dimensional model of managerial skills and individual skills within them. The basis of the model consists of three dimensions of skills - hard skills: professional and system skills; soft skills: interpersonal skills; and subtle skills: individual skills (fine and implicit).

Figure 1: Three dimensional model of Connatural Management approach

Source: own

We perceive as subtle skills the natural abilities of an individual, which are applied to decision making and behaviour in changing situational contexts.

- Mental condition relates to cognitive and decision making optimum.
- Psycho-physical condition relates to the balance and harmony of the inner systems of an individual.
- Critical thinking – reasonability. In terms of subtle skill this does not represent and cannot be confused with analytical thinking and logical judgements. It exceeds, or rather includes, these aspects. Mobility within the cognitive continuum also requires feelings and intuition. Critical thinking (krinó - I judge) is excluded from the practical application of the usual context of formal logic methods in order to be able to apply it not only to linear problems, but also to heuristics or problems requiring decision making under uncertainty, permanent changes or under the influence of stochastic processes, etc.
- Discipline and stability are related to the states of mind functions. Stability applies to the ability of avoiding extremes, i.e. moving within the optimal continuum of critical thinking. Discipline is related to the fact that I am aware of the subject of my consciousness and therefore also of what I think and how I think. This allows one to "discipline" and control one's train of thought.
- Distance and concentration relate to the ability of following particular subject matter; pursuing particular intention in the context of vision and situation. The ability to work with a gap, stereotypes, and subject-object reactive status is also relevant to this.
- Respect represents the ability of a fully responsible relationship to oneself, a team, a company, an environment.
- Change, chance and stress represent the ability to consider change a permanent aspect of being, and related effects of parallel processes, accidents, loads - stress and crisis.

To us high quality training of future managers means constant dedication to developing various methods and approaches which we actively apply to the process of preparing and educating them. The value created by this process has three different levels. The first level is the basic level of knowledge. The second level is

about skills. The subject (the value) of the highest level is a long-term conscious self-development and cultivation of tacit knowledge and meta-abilities (Meta-abilities indicate "continuous attention and more conscious practical application of our attitudes" Mindell (2009, p 12). The use of various techniques, such as effective management and administration of people and human systems, may be in the case of various managers significantly affected by meta-abilities, which ultimately determine the quality of their work) that increase one's competence to operate in various circumstances, i.e. subtle skills. The hard and soft skills development takes place within the first two levels of the education process and subtle skills development is the third way to achieve managerial mastery. Anthropologist Edward Hall states that "people are learning organisms par excellence. Their desire to learn is as strong as sexual desire - but it wakes much earlier and dies much later" (More in Senge (2007, p. 31). To wake up the desire, this hunger for learning, the urge for self-development and at the same time to offer the environment, approaches, and ways to achieve set goals is the ultimate target of our endeavour.

At Newton College we apply the CNM approach within the framework of special courses and training beyond the credit curriculum. Using our methods, we try to stimulate resources, potentials and simply everything that may lead to changes. True learning is not about absorbing information. It is a process of recreating ourselves.

One of the currently offered products is management training called "**x-tream management**". This training combines elements of crisis, project, and cognitive management with a special emphasis on the CNM approach. It focuses on development of three levels, three areas of competence:

- Taking care of oneself (self-control – managing stress and related emotions – preventing being a burden to the team / personal professional competence);
- Taking care of the immediate environment (partner, the team/professional and team competence/);
- Taking care of a broader reference environment (the company - professional and managerial competence).

The training has elements of a development centre and it is geared towards individual and pro-team skills which are crucial for further development of decision making and reacting skills to manage standard, challenging, extra-ordinary and extreme situations. Methods of intuition development, critical thinking, concentration, relaxation, etc., are used in the training. The training program allows participants to creatively and usefully apply their own experience and knowledge in a specifically modelled environment. Besides the reflexion method, complex diagnostics of mental and psycho-physical condition of each participant is also part of the training.

Conclusion

In the article we have introduced the basic ideas of the Connatural Management approach (CNM) which focuses in particular on the development of subtle skills, or natural potentials and skills, which are inherent to everybody. As Newton College teachers one of our objectives is to be proactive in preparing professional managers for their future careers. This means constant monitoring of the business environment; i.e. what is currently required from a manager. It becomes clear that it is necessary to develop not only hard and soft skills, but also subtle skills, as tools to achieve managerial mastery. We consider the CNM approach very effective and useful in terms of responding to this need.

Literature:

- [1] Armstrong, M. *Řízení lidských zdrojů. 10.vydání. Nejnovější trendy a postupy.* 1.vyd. Praha: Grada Publishing, a.s.2007. ISBN 978-80-247-1407-3.
- [2] Folwarczná, I. *Rozvoj a vzdělávání manažerů.* 1. vyd.Praha: Grada, 2010. ISBN 9788024730677
- [3] Hroník, F. *Manažerská integrita.* Brno: Motiv Press 2008. ISBN 978-80-90133-0-6.
- [4] Kostroň, L. *Psychologie vytvoření úsudků,* Masarykova univerzita v Brně, Brno, 1997, ISBN 80-210-1646-9.
- [5] Koubek, J. *Řízení lidských zdrojů. Základy moderní personalistiky.* 4. rozš.vyd. Praha : Management Press, a.s.2008. ISBN 978-80-7261-168-3.
- [6] Kraus, Jiří, et al. *Nový akademický slovník cizích slov.* 1. vyd. Praha: Academia, 2007. ISBN 978-80-200-1351-4.
- [7] Mindell, A. *Metadovednosti.* Olomouc:ANAG, 2009. ISBN 978-80-7263-523-8.
- [8] Mistr Zhuang. *Sebrané spisy .* Maxima: 2006 . 1.vyd. ISBN: 8086921018

- [9] Neubauer, Z. *Golem*. Praha: Malvern, 2002. ISBN 80-902628-8-0.
- [10] Nordstrom, K. A Ridderstrale, J. *Karaoke kapitalismus: nenapodobujte! V businessu vítězí odlišnost*. Praha: Grada, 2006. ISBN 80-247-1209-1
- [11] Pink, H. D. *Pohon*. Olomouc: Anag, 2011. ISBN 978-80-7263-671-6.
- [12] Pink, H.D. *Úplně nová mysl*. Praha: Ideál, 2008. ISBN 978-80-86995-05-2.
- [13] Saliger, R., Pokorný, V., Pindešová, E. *Kognitivní management*. Brno: Univerzita obrany, 2010. ISBN 978-80-7231-768-4.
- [14] Senge, P. *Pátá disciplína (teorie a praxe učící se organizace)*. Praha: Management Press, 2007. ISBN 978-80-7261-162-1.
- [15] Šuleř, O. *5 rolí manažera*. Brno: Computer Press, 2008. ISBN: 978-80-251-2316-4
- [16] Taleb, N. N. *Černá labuť (následky vysoce nepravděpodobných událostí)*. Praha: Paseka, 2011. ISBN 978-80-7432-128-3.

Summary

The aim of this article is to introduce the concept of Connatural Management Approach (CNM) and its potential for quality development of an individual in relation to management of organizations and processes as well as management of people and human systems. This approach has been developed at Newton College in Brno, where the need has arisen to search for other ways of skills development of professionals who are expected to effectively realize their potential and keep developing under the dynamically changing conditions of the market environment.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 105-124]

Jana Kollárčiková

Vysoká škola zdravotníctva a sociálnej práce sv. Alžbety v Bratislave

Determinanty vzniku, vývoja, dôsledky a možnosti riešenia závislosti od alkoholu u žien

Determinants of emergence, development, consequences and possible solutions of alcohol dependence in women

Key words: *abstinence, alcoholism, stress, alcoholism, treatment, social reintegration, Žakovce at IKV, socioterapia, social communication*

Úvod

V príspevku poukazujeme na stále aktuálny problém v spoločnosti, ktorý je zároveň aj problémom individuálneho jedinca, závislého od alkoholu alebo inej drogy, s dopadom na jeho bio-psycho-socio- a duchovnú ako aj etickú zložku jeho osobnosti.

Teoreticky popisujem v mojich prácach (2003, 2007) a následne aj praktickým prieskumom sme v teréne zisťovali atribúty, ktoré môžu byť príčinou alkoholizmu u žien, zároveň sledovala vývoj, dôsledky a zároveň aj možnosti riešenia pre ženy, ktoré sú závislé od alkoholu, ktoré tvorili skúmanú vzorku v práci autorky.

Na Slovensku je alkohol tolerovanou a dokonca aj preferovanou drogou. „Keby naša civilizácia mala na dva dni vytriezvieť, na tretí deň by umrela z výčítiek svedomia.“ [Lowry, In: Bútora, 1989: 57].

Týmto príspevkom chceme stručne popísať problematiku determinantov vzniku, vývoja, dôsledkov ale aj možnosti riešenia závislosti od alkoholu u žien.

Téma nás zaujala, pre svoju aktuálnosť a rozšírenosť na Slovensku. Je to problém, ktorý sa týka nielen závislého jednotlivca, ale zasahuje aj jeho rodinu, priateľov, kolegov v práci, susedov i celú spoločnosť.

V oboch prácach [Kollárčiková, 2003 a 2007] bližšie popisujeme príčiny vzniku závislosti od alkoholu, priebeh a dopady alkoholizmu na závislého jedinca. Podrobnejšie v praktickej časti sme prieskumom overovali niektoré fakty o alkoholizme s liečenými ženami závislými od alkoholu ako aj s abstinujúcimi alkoholičkami.

Sociálno-psychologické a zdravotné dimenzie alkoholizmu bližšie popisuje autorka v jednotlivých podkapitolách jej prác.

Predprieskum spočíval v oboznámení sa s protialkoholickou liečbou na oddelení pre ženy /ďalej PAL/ v Psychiatrickej nemocnici v Prešove a tiež s liečenými ženami závislými od alkoholu, ktoré tvorili našu skúmanú vzorku v čase od 07.10.2002 do 26.10.2002. V tom istom období sme navštevovali aj abstinetský klub /ďalej len A-klub/ v Prešove spolu s liečenými alkoholičkami, ktoré mali pravidelné klubové stretnutia ako súčasť ich terapie.

Všetky liečené ženy boli ochotné zodpovedať a naše otázky, ktoré sme v predprieskume realizovali technikou neštandardizovaného rozhovoru. Vopred sme im zaručili diskretnosť a anonymitu ich osobnosti a ubezpečili, že informácie, ktoré sme zistili, použijeme len pre účely práce.

Vzhľadom k malému počtu liečených žien sme k následnému prieskumu volili *kvalitatívne metódy*, konkrétne otvorený individuálny rozhovor s neštandardizovanými otázkami a pozorovanie. Pripúšťame možnosť aj menej relevantných výpovedí liečených žien.

Zúčastňovali sme sa aj na stretnutiach v prešovskom A-klube, kde sa pravidelne stretávali každý piatok muži a ženy abstinujúci od alkoholu aj od iných závislostí a povinne tí, ktorí boli hospitalizovaní na PAL v Psychiatrickej nemocnici v Prešove.

Hlavným stanoveným cieľom v prieskumnej časti diplomovej práce bolo hľadanie príčin vzniku závislosti od alkoholu u žien v skúmanej vzorke žien, poukázanie na vzťahy medzi osobnosťou a prostredím, osobnosťou a prežívaním. Zaujímavé boli aj výsledky zo stanovenej hypotézy motivácie odchodu na PAL a predstava o vlastnej resocializácii liečených žien-alkoholičiek.

Zo základného cieľa prieskumu sme odvodili nasledujúce vedľajšie ciele:

1. preskúmať dôvody vzniku pravidelného abúzu u žien závislých od alkoholu
2. posúdiť, do akej miery zasiahol alkohol rodinu ženy závislej od alkoholu
3. zistiť vývoj závislosti od alkoholu u žien a jeho prejavy
4. zistiť, kto dal žene závislej od alkoholu podnet na PAL, v prípade skúmanej vzorky aj pre opakovanú liečbu
5. určiť, či ženy-alkoholičky sa stotožnili s opakovanými závermi odborných vyšetrení, že sú závislé od alkoholu

Vo *východiskovej hypotéze* v práci /2003/ sme predpokladali, že u žien závislých od alkoholu prevládajú psychologicko-genetické príčiny alkoholizmu, ktoré sa viažu na nepriaznivé rodinné prostredie z detstva a záťažové situácie počas jej života. Ďalej sme predpokladali, že odchod na PAL bol motivovaný dobrovoľne a pri opakovanej recidíve viera v úspešnosť liečby klesá a liečená alkoholička si priznáva rolu závislej od alkoholu.

Vytýčili sme päť čiastkových hypotéz:

V prvej hypotéze sme predpokladali, že abúzus alkoholu u mladších žien vzniká preto, že sú citlivejšie a vonkajšie podnety, u starších žien z dôvodu samoty.

V druhej hypotéze predpokladáme, že v nukleárnej rodine žien závislých od alkoholu sa vyskytol alkoholizmus.

V tretej hypotéze očakávame, že ženy závislé od alkoholu v rozvinutom štádiu závislosti majú stupňovanú agresivitu.

Vo štvrtej hypotéze predpokladáme, že PAL ženy – alkoholičky absolvujú na nátlak rodiny a zamestnávateľa.

V piatej hypotéze očakávame, že liečené alkoholičky sa stotožnia s rolou závislej od alkoholu.

Naším *objektom skúmania* boli ženy závislé od alkoholu liečené na oddelení PAL v Psychiatrickej nemocnici v Prešove, od začiatku realizácie prieskumu 07.10.2002 do ukončenia prieskumu do 26.10.2002. V tom istom období sme navštevovali aj A-klub /abstinentský klub/ v Prešove s liečenými alkoholičkami, ktoré mali pravidelné klubové stretnutia ako súčasť ich terapie. S abstinujúcimi ženami od

alkoholu sme sa aj osobne stretli v ich domácom prostredí, po vopred dohodnutom stretnutí s nimi.

Alkoholizmus nie je obmedzovaný vekom, ale my sme pokladali za dôležité vymedziť vekové ohraničenie žien, na ktoré sa budeme v prieskume odvolávať. Vychádzame z Kundovho [Kunda, a kol, 1998] rozdelenia klinického obrazu žien alkoholičiek. Skorý začiatok abúzu alkoholu mladších žien popisuje už v adolescencii a neskorší začiatok abúzu alkoholu u starších žien vo veku 30, 35, až 40 rokov (podrobnejšie sme popisovali obidva typy ženského alkoholizmu v teoretickej časti tejto práce).

Analýza výsledkov a overovanie hypotéz:

V analýze prvej hypotézy sme sa zaoberali vznikom abúzu alkoholu u žien, konkrétne v Psychiatrickej nemocnici v Prešove na oddelení PAL.

Päť žien v našej skúmanej vzorke bolo vydatých, jedu rozvedená a jedu slobodná. Okrem slobodnej ženy závislej od alkoholu mali všetky deti.

Úzus alkoholu uvádzali všetky liečené alkoholičky už v adolescencii, ako príležitostné pitie alkoholických nápojov v partii kamarátov. Abuzérsky pití alkohol uvádzalo šesť žien v našej skúmanej vzorke vo veku 35-40 rokov a jedu žena v sedemnástom roku života.

Väčšina žien v našej skúmanej vzorke začali alkohol nadužívať s kamarátkami v partii, v práci i po nej, rovnako aj v spoločnosti ích ľudí. Len jedu žena závislá od alkoholu začala piť opakovane alkoholické nápoje s manželom a jedu začala s abúzum tajne.

Príčiny, ktoré uvádzali pri vzniku abúzu alkoholu boli rôzne. Mladšie ženy-alkoholičky uvádzali, dôvod, aby zapadli medzi ich kamarátov, a cítila sa uvoľnenejšie. Staršie ženy závislé od alkoholu uvádzali najčastejšie príčiny ich pravidelného užívania alkoholických nápojov konflikty v rodine, dlhodobé krízy v manželstve, nevera manžela, časté hádky s partnerom, ktoré súviseli s jeho nezájumom o jej problémy a domácnosť. Cítili sa byť opustené. Rovnako sa cítili opustené byť ženy, keď sa ich už dospelé deti odsťahovali z domu za ich prácou alebo si založili vlastnú rodinu. Jedu žena uviedla aj spolu-nadužívanie alkoholu s jej manželom.

Konštatujeme, že prvá hypotéza sa nám v prieskume potvrdila. K. Nešpor a T. Zima /2001/ uvádzajú, že ženy v období prechodu sú viac ohrozené vznikom závislosti. Tiež dodávajú, že žena pod vplyvom alkoholu je častejšie vystavená násiliu.

V druhej hypotéze sme analyzovali, či sa alkoholizmus vyskytol v nukleárnej rodine žien závislých od alkoholu v našej skúmanej vzorke.

Rozhovorom a analýzou chorobopisov liečených žien sme zistili, že v každej ich rodine sa vyskytol alkoholizmus minimálne u jedného z rodičov. Taktiež tri ženy v prieskume uviedli alkoholizmus aj u ich troch vlastných sestier. Zaujímavý poznatok bol tiež, že ženy v prieskumnej vzorke nebývali v spoločnej domácnosti s rodičmi ani s ich súrodencami. Pritom všetky skúmané ženy uviedli, že si pamätajú alkoholizmus ich rodičov z detstva, čo ovplyvnilo ich správanie a prežívanie v neskoršom ich vývine.

Štyri ženy závislé od alkoholu, v našej prieskumnej vzorke skonštatovali, že potrebujú prítomnosť kamarátov aj sa s nimi zabaviť, aj napriek tomu, že už tiež majú vlastné rodiny. Tri ženy – alkoholičky uviedli, že nevyhľadávajú stretnutia s kamarátmi, sú uzavretejšie introvertované povahy, hoci v minulosti sa s kamarátmi cítili veľmi dobre.

Pri rozhovore s liečenými ženami závislými od alkoholu sme pozorovali ich paralingvistické prejavy správania – tempo a intonáciu v reči, očný kontakt, držanie a polohu tela a ďalšie ich prejavy v správaní. Asertívne sme ženy vypočuli a akceptovali ich prejavy v komunikácii.

V prieskume sa nám druhá hypotéza potvrdila a uvádzali sme aj niekoľko overených tvrdení, z ktorých uvedieme teraz aspoň jedno tvrdenie: S. Kunda a kol. [1998: 88] konštatuje, že na „vzniku závislosti od alkoholu u žien sa v polovici prípadov podieľa rodinná alkoholizácia, kde u 65% aspoň jeden rodič bol alkoholik, duševná porucha sa zistila u 20%, neúplná rodina u 75% a tretina nebola vychovávaná rodičmi.“

V tretej hypotéze sme zisťovali bio-psycho-sociálne dopady závislosti od alkoholu u žien v našej skúmanej vzorke, konkrétne sme predpokladali s ich prehĺbujúcou závislosťou aj stúpajúcu agresivitu žien – alkoholičiek.

Rozhovorom s liečenými ženami – alkoholičkami sme zistili, že dve z nich nemajú momentálne žiadne zdravotné problémy. Jedna liečená žena závislá od al-

koholu popisuje svoju dlhodobú bolesť chrbtica a obličiek. Z jej záznamov v chorobopise sme vyčítali, že trpí vredovou chorobou dvanástnika, pyloronefritídou, coxartrózou a ďalšími zdravotnými problémami. Jedna žena závislá od alkoholu z našej skúmanej vzorky uviedla, že trpí psoriázou a anémiou, tri liečené ženy – alkoholičky uviedli, že majú „iba menštruačné problémy.“ Podrobnejšie autorka popisuje v práci /2003/ zdravotné ťažkosti žien alkoholičiek v prieskumnej vzorke.

Sociálne následky alkoholizmu u žien, súviselo aj s ich rodinnými problémami. Niektoré liečené klientky – závislé od alkoholu si uvedomovali aj stratu svojej nenahraditeľnej pozície v rodine, stratu dôvery kolegov v zamestnaní a tiež aj pracovného miesta v práci.

Dodávame, že jeden sociálny problém vyvolal iný problém a ten ďalší, a preto nemôžeme presne určiť iba jednu sociálnu udalosť, ktorá bola dôsledkom (alebo príčinou) ? závislosti od alkoholu u žien.

Väčšina liečených žien alkoholičiek nám uviedla, že pod vplyvom alkoholu a neskôr aj keď boli triezve, zaútočili slovne aj bitkou na svoje deti a chceli ublížiť aj sebe. Pri rozhovoroch s liečenými ženami závislými od alkoholu, na tému násilia v rodine chceli rozprávať, ale odmietali riešiť problém násilia v ich rodine. Niektoré chránili aj ich manželov, ktorý boli neraz tiež násilícky na ženy alebo aj na ich deti.

Zo záverov nášho prieskumu popisujeme, že u žien závislých od alkoholu, stúpala u niektorých agresivita s pokračujúcou ich závislosťou a častými opakovanými recidívami. Týmto zistením potvrdzujeme tretiu hypotézu.

Analýzou štvrtej hypotézy sme zisťovali, kto dal žene závislej od alkoholu v našej skúmanej vzorke podnet na protialkoholickú liečbu.

Štyri liečené ženy – alkoholičky nám uviedli, že okrem Pal, ktorú absolvovali v čase nášho prieskumu, opakovane boli na PAL päťkrát, jedna liečená alkoholička bola a PAL trikrát, jedna žena uviedla, že zo závislosti od alkoholu sa opakovae liečila dvakrát a jedna žena absolvovala druhú hospitalizáciu a oddelel PAL.

Z výsledkov výpovedí hospitalizovaných klientiek závislých od alkoholu sme zistili, že o rodinných problémoch, ktré nám uviedli, že sa v ich rodinách vyskytovali, niekde ich dokonca uvádzali za hlavnú príčinu ich závislosti od alkoholu,

ale pri opakovanom ich podľahnutí alkoholickým nápojom, tieto dôvody nespomínali aj napriek ich pretrvávaniu.

Nedôvera k vlastnej schopnosti abstinovať, neriešené konflikty doma, depresia a opustenosť boli hlavné príčiny poslednej recidívy, ktoré uvádzali ženy v priebehu nášho prieskumu.

Vplyv ich rodiny mal rozhodujúci význam pri prvej, a rovnako v čase prieskumu aj poslednej Pal. Nátlak zamestnávateľa, ktorý dal podnet na ich Pal v období, keď boli zamestnané, sme v čase realizácie prieskumu vylúčili, ale nami štvrtú hypotézu potvrdzujeme.

Piatou hypotézou sme si overovali, akú majú predstavu o vlastnej resocializácii ženy závislé od alkoholu po ukončení Pal a do akej miery sa stotožnili s ich stanovenou diagnózou závislej od alkoholu.

Všetky ženy - alkoholičky v našej skúmanej vzorke si priznali svoju, už dávnejšie stanovenú diagnózu závislosti od alkoholu, s ktorou boli aj stotožnené.

Väčšina liečených žien v prieskume uviedlo, že po ukončení Pal chcú pravidelne navštevovať A-klub a jedna žena závislá od alkoholu odmietla klubové stretnutia z osobných dôvodov.

Získanými informáciami v prieskume potvrdzujeme piatu hypotézu.

Počas prieskumu, na stretnutiach v prešovskom A-klube abstínujúce alkoholičky rozprávali aj o prežívaní ich vlastnej abstinencie a jeden z príbehov uvedieme aj v tomto príspevku: Pani Darina, 52 ročná: Veľmi som sa hanbila za to, že pijem. Bála som sa kolegom vo firme a všetkým ľuďom pozrieť do očí. „Keď som sa cítila lepšie, znova som pila, až tu som pochopila, čo znamená nepiť - nie alkohol, ale ja som silnejšia, a preto nad ním neprehrám.“

Priekumom sme potvrdili našu *východiskovú hypotézu, v ktorej prevládala rodinná alkoholizácia, podporovaná nepriaznivým rodinným prostredím z detstva a záťažovými situáciami počas ďalšieho života.*

V práci /2003/ sme kazuistickou metódou realizovali príbeh zo života abstínujúcej alkoholičky, ktorá si želala, ako aj v závere nášho rozhovoru uviedla „aby deti závislých rodičov, nekráčali po tých istých cestách ako ona.“

Počas prieskumu sme kladne hodnotili ochotu žien s nami hovoriť o problémoch s alkoholizmom a z neho vyplývajúcimi dôsledkami. Upútala nás ich otvorenosť a potreba rozprávať o svojej rodine.

Zistili sme v ich živote prítomnosť násilia v partnerských vzťahoch, ktoré je závažným sociálnym problémom, ohrozujúcich bezpečnosť, telesnú a duševnú integritu každej ženy.

Vypozorovali sme záujem žien podeliť sa so svojimi osudmi niekomu, ako tvrdili „komu ešte na nás záleží a dokáže nás vypočuť a poradiť.“ Tieto slová v nás vyvolali presvedčenie o potrebe nevyhnutnosti sociálnych pracovníkov na takýchto oddeleniach.

Záver našej diplomovej práce bol pre nás novým začiatkom pre pokračovanie v téme alkoholizmu žien v našej nasledujúcej, **rigoróznej práci**, v ktorej sme okrem príčin a následkov alkoholizmu ponúkli aj *možné riešenia ako sa dá zvíťaziť nad závislosťou*.

Zatiaľ nie je známy iba jeden faktor, prečo žena vzdelaná, aj bez vzdelania, vydatá či rozvedená, slobodná alebo s deťmi, mladšia alebo staršia,...užíva nadmerne alkoholické nápoje.

Problém abúzu a závislosti od alkoholu je problémom multidisciplinárnym.

Alkoholizmus žien zasahuje ich osobnostnú, citovú, biologickú, psychologickú, sociálnu aj duchovnú zložku. Aké sú predipozície, rozdielnosti, charakteristiky, vývoj a následky alkoholizmu u žien? Zasahuje alkoholizmus žien aj jej celú rodinu? Existujú možnosti riešenia ako zvládnuť závislosť od alkoholu u žien?

Zistili sme podobnosť ale aj rozdielnosť vzniku, vývoja i následkov alkoholizmu u žien, ako aj v ich spôsoboch resocializácie.

Sme si vedomí, že nie je možné obsiahnuť celkovú a jednoznačnú charakteristiku a analýzu závislosti od alkoholu u žien. V práci sme sa snažili podať stručnú charakteristiku alkoholizmu žien a získať konkrétne fakty prostredníctvom terénneho priekumu.

Alkoholizmus popisujeme ako bio-psycho-sociálny a duchovný problém.

Základné faktory pre vznik závislosti od alkoholu a iných drog, popisuje autor Kredátus, J. /1999/: látka-droga samotná, osobnosť, sociálne prostredie, vyvolávajúce podnety a frekvencia.

Autor Borstein [1994, in: Janosíková, Daviesová, 1998] chápe závislosť ako zložku štyroch súviaciach, samostatných komponentov: kognitívny, motivačný, afektívny, behaviorálny. Zároveň spomínaný autor uvádza aj *osobnostné charakteristiky* súvisiace s vysokým stupňom závislosti: sugestibilita a flexibilita, ochota

a povoľnosť, prispôsobivosť a poddajnosť, citlivosť a uvedomovanie si, ašpirovanie a ambicióznosť.

Rizikové skupiny ľudí, ktoré nadužívajú alkohol sú : adolescenti, seniori, ženy. *Dlhotrvajúci stres* zvyšuje riziko problému s alkoholom a môže byť jedným z rizikových faktorov rozvoja závislosti.

Dôsledky alkoholizmu v rodine postihujú nielen závislého člena ale aj všetkých jeho rodinných členov.

„Takmer každý druh úzkosti, obáv a strachu sa zmierni, keď človek vie, že v ťažkej chvíli nie je sám a všetkými opustený.“ Tieto slová, ktoré som prečítala raz v jednej nemocnici na nástenke, viedli autorku príspevku zamyslieť sa nad riešením : ako pomôcť aj ľuďom, ktorí podľahli závislostiam od alkoholu alebo iných látok.

Úspešnosť celkovej protialkoholickéj liečby spočíva v tom, aby závislý jedinec od návykovej látky *dlhodobo abstinoval* a aby zmenil svoj spôsob života. Preto závislý jedinec potrebuje podporu v jeho abstinencii pokračovať dlhodobo, u partnera, rodiny, priateľa i tereapeutov v socioterapeutickej liečbe.

Potrebu správnej sociálnej komunikácie so závislým jedincom je základom úspechu liečby pri závislostiach.

Predmetom ďalšieho nášho prieskumu bolo zisťovanie, príčin, vývoja a dopadov závislosti od alkoholu v skúmanej vzorke abstinujúcich žien závislých od alkoholu, následne popísanie možností riešenia ich alkoholizmu a resocializáciu. Zvolili sme metódu kauzálneho prístupu.

Predprieskum spočíval v oboznámení sa s Inštitútom Krista Veľkňaza /IKV/ v Žakovciach, okres Kežmarok, ktorý má v náplni svojej činnosti pomoc chorým, postihnutým, bezdomovcom, pomoc starým i opusteným ľuďom.

Prioritne nás zaujímala pomoc poskytovaná abstinujúcim ženám, ktoré tvorili našu skúmanú vzorku v čase od 20.11.2005 do 27.11.2005.

Inštitút Krista Veľkňaza je spoločnosťou kňazov a laikov žijúcich vo svete. Na území Slovenskej republiky, IKV *schválilo Ministerstvo vnútra SR dňa 22.11.1992 ako občianske združenie v zmysle zákona č. 83/1990*, tým bola povolená jeho činnosť. Bližšie o činnosti IKV pozri prácu autorky /2007/.

V minulosti všetky skúmané ženy navštívili protialkoholickú liečbu (Pal), z nich štyri absolvovali liečbu opakovane a dve ženy absolvovali Pal raz. Liečbu zo

závislosti od alkoholu v kombinácii s inou drogou, v minulosti absolvovali dve ženy.

Všetky ženy boli ochotné s nami spolupracovať odpovedať na naše otázky, ktoré sme v prieskume realizovali technikou *neštandardizovaného rozhovoru*. Vopred sme im zaručili diskretnosť a anonymitu ich osobnosti a ubezpečili, že informácie, ktoré sme zistili použijeme len pre účely tejto práce.

Alkoholizmus je celoživotná choroba, ktorá sa nedá vyliečiť, avšak dlhodobou abstinenciou, resocializáciou, zmenou životného štýlu a vierou v Boha, sa dá predchádzať vzniku a neskôr aj minimalizovať bio-psycho-sociálne dôsledky spôsobené závislosťou od alkoholu. Základom je zmeniť závislého človeka zvnútra, kde ho nemenia ľudia, či spoločnosť, ktorí sú len nástrojom, ale viera, že ich mení ich predovšetkým Boh.

Po absolvovanej protialkoholickej liečbe prichádzajú dobrovoľne do IKV aj abstinujúci závislí od alkoholu, ktorí sa chcú duchovne obohatiť a napraviť krivdy, ktoré v minulosti spáchali.

Alkoholizmus sa dá liečiť, ale nie vyliečiť. Pre plnohodnotný život abstinujúceho alkoholika je nevyhnutná celoživotná abstinencia a zmena ich životných hodnôt. Životné príbehy nám boli ochotné porozprávať všetky skúmané ženy a tiež odpovedať na naše otázky v rozhovore.

Analýza výsledkov

V *analýze prvej hypotézy* sme sa zaoberali dôvodmi a faktormi, ktoré viedli abstinujúce ženy ku vzniku ich závislosti od alkoholu, konkrétne v resocializačnom stredisku - Inštitúte Krista Veľkňaza v Žakovciach, v okrese Kežmarok.

Všetky skúmané ženy spájala ich neľahká minulosť. Väčšina z abstinujúcich žien pochádzali z problémových, nukleárnych rodín, a neskôr aj samé žili asociálnym a hýrivým spôsobom života. Abstinujúce alkoholičky udávajú konfliktovosť aj násilie rodičov v ich nukleárnych rodinách. Niektoré zo žien uvádzali ich týranie v domácnosti bitkou a krikom.

Rodina nám pripadá ako najsamozrejmejší sociálny útvar ľudskej spoločnosti, v ktorom by mali vyrastať deti. Rodina je pre dieťa širšou sociálnou súvislosťou, teda čo je reprodukované jednotlivými členmi rodiny, nezávisle od ich individuálnych a osobnostných charakteristík. Základné charakteristiky rodiny, ovplyvňujúce život dieťaťa sú: veľkosť rodi-

ny, ktorá žije v spoločnej domácnosti; vzťahy a komunikácia so širším príbuzenstvom; orientácia na tzv. ženskú alebo mužskú líniu (matrilinárna alebo patrilinearita); počet dospelých mužov a žien, ktorí majú rolu rodiča (Kövérová, Š., 2003). Autorka ďalej definuje nukleárnu a neúplnú rodinu. Nukleárna rodina je rodina, v ktorej žijú len rodičia a ich vlastné alebo adoptované deti. Jedinými dospelými v rodine, ktorí sa o dieťa starajú, venujú mu čas, sú jeho rodičia. Neúplné rodiny bývajú pokladané za rodiny rizikové.

V **druhej hypotéze** sme predpokladali zmeny funkcií rodiny a jej interpersonálnych vzťahov v nukleárnej ako aj rozšírenej rodine. Predpokladali sme tiež, že alkoholizmus u žien negatívne vplýval aj na ich sociálne okolie.

Rozhovorom s abstinujúcimi alkoholičkami v prieskume sme zistili *neúplnosť a rizikovosť ich primárnych rodín*. Iba jedna abstinujúca alkoholička, pani E. mala bezproblémovú primárnu rodinu, aj duchovne založenú, ktorá plnila všetky funkcie rodiny. Pani E. bola nábožensky založená, mala ukončenú strednú odbornú školu. Okolnosti, pre ktoré nadužívala alkohol, uvádzala - rozvod jej manželstva, ktoré bolo bezdetné, čo bolo v čase prieskumu ex-manželovým dôvodom na podanie rozvodového konania. Vzťahy rodičov v jej primárnej rodine po rozvode manželstva boli oslabené, komunikácia medzi nimi bola nejasná, ich sebahodnotenie bolo nízke, v jej správaní prevládala bojzlivosť, neúprimnosť a celkové zanedbanie jej osobnosti (neupravenosť, zanedbanie stravovania, hygieny, a pod.), strata dôvery sociálneho okolia a kolegov v práci, kde mala aj pracovné problémy a z dôvodu jej prehlbovaného alkoholizmu ju z práce prepustili. Uvádzali, že aj *nezamestnanosť* mala vplyv a súvisela aj so stupňujúcou závislosťou od alkoholu

V prieskume sa nám **druhá hypotéza potvrdila** a pre účely tohto referátu uvedieme jedno z overených tvrdení autorov:

„Utajené pitie alkoholu devastuje v rodine komunikáciu, vzájomnú dôveru, naruša hodnotový systém. Zdôvodňovanie pitia rozoráva vzájomné vzťahy, pozitívne emočné prejavy, sexuálnu aktivitu,...čím sú narušené všetky funkcie rodiny - reprodukčná, ekonomická, výchovná, ochranná i emocionálna. Závislosť ženy znamená podstatne väčšie ohrozenie jej rodiny. Ženy zostávajú desaťkrát častejšie pri svojom závislom manželovi, ako manželia po boku závislých žien“ [Heller, Pecinovská, 1996: 79]. Autor ďalej konštatuje, že u detí závislých rodičov sa v ich detstve vyskytujú rôzne formy duševných porúch a sú ohrozené aj v zvládaní životných situácií.

Sociálne kontakty žien sú ich závislosťou od alkoholu viac narušené, izolovanejšie od okolia a partner preberá zodpovednosť za rodinu a hľadá pomoc u ostatných žien v rodine.

Rodina je chápaná ako základná bunka spoločnosti. Má ochrannú, posilňujúcu ako aj stabilizujúcu funkciu, ale zároveň môže aj napomáhať k závislostiam a mať destabilizujúcu funkciu.

Pri vzniku alkoholizmu a zároveň aj pri jeho dôsledkoch, je popisovaný spätný začarovaný kruh alkoholizmu, kedy alkohol je príčinou, ale môže byť aj dôsledkom alkoholizmu.

V tretej hypotéze predpokladáme sociálne, negatívne následky u abstinujúcich žien závislých od alkoholu, spôsobené ich dlhodobým alkoholizmom.

Podrobnejšou analýzou životných skúseností žien alkoholičiek, sme dospeli k záveru, že väčšina z nich začala nadužívať alkohol, z rôznych dôvodov, a až následkom ich dlhodobej abstinencie mali zmenené aj ich sociálne situácie. Pozitívnym krokom bola aj jej *duchovná zmena*, viera v Boha.

Väčšina abstinujúcich alkoholičky v prieskume, uvádzali pri našom rozhovore, domácu alkoholizáciu rodičov. Všetky tri žili často aj bez domova, v zanedbanom sociálnom, zdravotnom i psychickom stave.

Opäť môžeme konštatovať, že závislosť od alkoholu u žien môže byť príčinou, ale aj dôsledkom negatívnych sociálnych javov. Zároveň konštatujeme, že bezdomovectvo môže byť dôvodom ale aj následkom závislosti od alkoholu.

Alkoholizmus žien spôsobuje negatívne sociálne dôsledky, avšak v našej skúmanej vzorke abstinujúcich alkoholičiek nemôžeme zabudnúť vyzdvihnúť aj pozitívny sociálno-duchovný následok abstinujúcich žien závislých od alkoholu, ktorý sme počas prieskumu vyzozorovali. Počas ich resocializácie v IKV dospeli k duchovnému záveru, že našli „skutočného kamaráta - Boha,“ ktorý im pomohol nájsť správnu cestu v živote, pomohol zmeniť rebríček ich hodnôt a naučil žiť plnohodnotne.

Zároveň prekonali aj ich bariéru a odstup z minulosti voči rómskym ženám závislým od alkoholu, s ktorými mali spoločný problém - závislosť a môžeme konštatovať, že práve abstinencia a duchovná sila ich spojila a pomohla odstrániť z ich životov alkohol.

Týmto zistením potvrdzujeme čiastočne, aj našu tretiu hypotézu.

Alkoholizmus žien zasiahne ich sociálnu situáciu natoľko, že sa ocitnú na ulici, bez domova, bez pomoci druhých a nedokážu žiť plnohodnotným samostatným životom. Deti

a mládež, ktorí opustili brány detských domovov, sú často formovaní ulicou a bez jedla, alkoholu, či trestnej činnosti, sa často bez strechy nad hlavou, nedá prežiť. Jednotlivé životné osudy žien, ktoré žijú vo vlastnej či náhradnej rodine, môžu byť na jednej strane príčinou ale aj následkom ich závislosti.

Na základe teoretického oboznámenia sa s činnosťou sekulárneho inštitútu Krista Veľkňaza v Žakovciach, Dom Božieho Milosrdenstva je domom, kde je poskytovaná komplexná starostlivosť o ženy, spoločensky neprispôsobivé, po opustení detských domovov i po výkone trestu, kde sa im poskytuje aj resocializácia. Po ich dovŕšení osemnásteho roku života sú odkázané na seba, ak nemajú žiadnych príbuzných. V schopnosti postarať sa o seba je u týchto dievčat a žien deficit. Tento dom je medzipristátím, po ktorom ony znova odštartujú do bežného života. V súčasnosti sa poskytujú služby v troch bytových jednotkách, ktoré sú v bezplatnom prenájme, na dobu neurčitú. Začiatok poskytovania tejto sociálnej, psychologickkej a duchovnej služby je od 25.10.1998. Ich cieľom je poskytnúť komplexnú starostlivosť ženám a dievčatám, ktoré sa nachádzajú, v pre nich neriešiteľnej alebo ťažko riešiteľnej situácii. Tieto služby nie sú časovo obmedzené. V tomto Dome Božieho Milosrdenstva sa personál snaží motivovať dievčatá a ženy k prácam, ktoré majú rozdelené podľa dní v týždni. Sú to rôzne služby potrebné pre chod domu - upratovanie, varenie, pranie, domáce práce. Toto zariadenie navštevujú aj kňazi, ktorí sa snažia o duchovnú obnovu v ich živote. Tento Dom je úzko prepojený s činnosťou IKV v Žakovciach (opravujú i perú prádlo pre chlapov, ktorí bývajú v Dome Božského Srdca Ježišovho v Žakovciach; upratujú budovu pre telesne postihnutých; pomáhajú pri pečení, zaváraní a pod.).

Bezdomovecťo [Jandourek, 2001: 39] je popísané ako „životná situácia ľudí bez prístrešia, ktorí môžu mať trvalý pobyt, ale nežijú tam, hľadajú pravidelný a primeraný prírbytok na prenocovanie. Časť bezdomovcov tvoria bývalí psychiatrickí pacienti alebo osoby závislé od alkoholu a iných drogách, ale veľká časť sa do skupiny bezdomovcov dostala z osobných príčin - rozpad rodiny, strata zamestnania a pod. Prevažujú medzi nimi ľudia nekvalifikovaní.

P. Hartl a H. Hartlová (2000, s. 73) uvádzajú aj komunitné projekty pomáhajúce zaisťiť týmto ľuďom jedlo, prístrešie, zdravotnú starostlivosť a možnosť zapojiť sa do protialkoholických programov - centrum krízovej intervencie, psychoterapeutická krízová intervencia.

Štortou hypotézou sme si overovali zdravotné následky alkoholizmu u žien.

Prostredníctvom analýzy dokumentov skúmajúcich žien závislých od alkoholu, sme zistili zdravotno-psychické dôsledky, spôsobené ich dlhodobým užívaním alkoholu.

Okrem základnej diagnózy - závislosti od alkoholu, mali aj pridružené diagnózy, spôsobené alkoholizmom.

V čase realizácie nášho prieskumu boli všetky skúmané ženy závislé od alkoholu správne orientované osobou, časom, priestorom i situáciou, avšak v ich minulosti mali zaznamenané závažné zdravotné i psychické problémy. Popisované, u troch žien boli alkoholické halucinózy a alkoholické depresie.

Konzum alkoholu sa spomína ako etiologický faktor u mnohých ochorení - choroby tráviaceho systému, gynekologické ochorenia, srdcovicve choroby, choroby dýchacieho systému, neurologické choroby, poruchy endokrinného systému aj krvitvorného systému. Zaznamenané boli aj poranenia a choroby kože.

Získanými informáciami v prieskume **potvrďujeme štvrtú hypotézu** a uvádzame nasledujúce overené tvrdenie autora Kolibáša E. a Novotného V. (1996), ktorí popisujú, že *pravidelná konzumácia alkoholu zhoršuje aj zdravotný stav človeka. V nemocničných zariadeniach je hospitalizovaných veľa pacientov s často s nepoznanými alkoholovými problémami. V závislosti na detekčnom instrumente uvádzajú, že až tretina pacientov na somatických oddeleniach má ochorenie, ktoré je len manifestáciou somatickej komplikácie alkoholizmu. Uvádzajú tiež, že somatickí lekári výrazne podhodnocujú výskyt pacientov s alkoholizmom v ich klientele. Vysoký výskyt alkoholikov bol ich výskumom zaznamenaný na neurologickom a kľčnom oddelení, menší na internom a najmenší na kožnom oddelení.*

V **piatej hypotéze** očakávame, že abstinujúce ženy závislé od alkoholu, majú záujem riešiť problém ich závislosti, abstinenciou a zmeniť ich doterajší spôsob života, bez alkoholu.

Podmienkou k prijatiu do resocializačného zariadenia IKV v Žakovciach, je aby jedinec závislý od drogy, bol po absolvovaní liečby jeho problémov s drogou v zdravotníckom zariadení.

Všetky abstinujúce ženy závislé od alkoholu, v našej skúmanej vzorke absolvovali protialkoholickú liečbu.

Ako *dôvody ich recidív* uvádzali: permanentný stres v rodine (nukleárnej aj rozšírenej); *nezhody* v partnerskom/manželskom súžití; nepochopenie a *osamelosť*

v rodine; neúplnosť rodiny; *neplodnosť* (1 žena) a s tým súvisiaci aj rozvod jej manželstva a následne aj stupňovaná jej závislosť od alkoholu; *nezamestnanosť*; *bezdomovectvo* - ako príčina ale aj následok ich závislosti od alkoholu. Dôvody ich recidív alkoholu uvádzali niektoré ženy aj *spoluzávislosť* manžela.

Pozitívne uvítali možnosť resocializačného zariadenia v Žakovciach, ktoré im poskytuje novú, *duchovnú nádej pre ich dlhodobú abstinenciu*.

Získanými informáciami v prieskume **potvrďujeme piatu hypotézu**.

U ľudí závislých od alkoholu, bezprostredne po ich protialkoholickú liečbu by mala nastúpiť ich celoživotná abstinencia. Vychádzajúc z doterajších poznatkov, prikláňame sa k názoru autorov, ktorí popisujú, že alkoholizmus je skôr choroba duše ako choroba tela. Neexistuje liek, ktorým by sa alkoholizmus úplne vyliečil. Každý jedinec závislý od alkoholu, má šancu skončiť s alkoholizmom, prostredníctvom jeho celoživotnej abstinencie a duchovnej skúsenosti s Bohom a viery v moc Ježiša Krista.

Aj v Biblii (Iz. 5,11-12) sa popisuje „že tí, čo sa nechávajú rozpaľovať vínom, nehľadia na skutky Božie a neovšimajú si diela Božích rúk.“

Resocializácia v Žakovciach, kde sme uskutočňovali náš terénny prieskum, vychádzala z 3 základných pravidiel: zákaz alkoholu a návykových látok; prevencia a zákaz trestnej činnosti a pracovná terapia.

V rámci socioterapie je nevyhnutné učiť závislého jedinca zvládať aj neprímerané záťažové situácie. Metodický postup aktívneho sociálneho učenia programového (ASUP), popisuje autor J. Kredátus (1989): prvú fázu popisuje ako kontaktnú. V druhej fáze, realizačnej terapeut rozdelí abstinentov do riešiteľských skupín (7-9 členné), ktoré by mali byť homogénne, podľa dĺžky abstinencie. Po vstupnej inštruktáži, abstinent prejaví svoj názor na zvolený problém, ktorý obhajuje. Keď posledný člen z riešiteľskej skupiny skončí svoju písomnú prípravu, začne skupinová diskusia. V priebehu sociálneho tréningu vedúci skupiny a terapeut priebežne sledujú počet vyslovených návrhov každým riešiteľom. Návrhy na riešenie sa nazývajú znakové významové jednotky. Pri analogickom alebo negatívnom návrhu, terapeut diskusiu zastaví. Na záver, je vhodné, aby celá riešiteľská skupina vyhodnotila všetky návrhy a stanovila ich poradie z hľadiska spoločenskej správnosti alebo významnosti riešenia. Pri rodinnej terapii sa odporúča, aby sociálny tréning absolvoval aj partneri abstínujúceho jedinca. Vychádza sa zo vzorca, ak niekto v rodine trpí závislosťou od alkoholu, potom mu rodina túto závislosť umožňuje!

Odborníci sa zhodujú v tom, že rodina má dôležitú úlohu v udržiavaní, liečbe a po-liečebnej starostlivosti pacienta so závislosťou. Počíta sa s ňou ako s možnou účinnou silou pri liečbe a doliečovaní nielen jedného, ale aj ďalších členov rodiny.

V našom prieskume, abstinujúce alkoholičky mali rozdielne životné príbehy, ale spo-ľochný cieľ, ktorý si presvedčivo obhajovali - už nikdy nepiť a neubližovať najbližším!

Záver

Alkoholizmus vedie k bio-psycho-sociálnym a duchovným následkom. Alko-holizmus u žien je značne rozšírená téma, preto aj v našom príspevku poukazu-jeme na jej patologickosť a zároveň odporúčame aj možné alternatívy boja proti tejto chorobe, ako zvíťaziť nad závislosťou.

Závislosť od alkoholu je negatívnym sociálnym javom, ktorý spôsobuje škody spoločnosti i jednotlivcom, je príčinou rozvratov manželstiev a ohrozuje zdravý vývoj detí a mládeže.

Rodina je priestorom citovej záštity, osobnej intimity, miestom spoločných cieľov, pre dieťa je školou sociálneho učenia a socializácie. Alkoholička poskytuje dieťaťu psychologicky nevhodný, sociálne nežiadúci model roly ženy, matky a manželky.

Pri vytváraní motivácie k trvalej abstinencii je veľmi dôležitá kvalita rodinných a partnerských vzťahov. Pri absencii rodinného zázemia je prognóza podstatne horšia. Samotná abstinencia ešte nezaručuje pokoj v základnej či nukleárnej rodi-ne, preto je nevyhnutné ovplyvniť vzťahy medzi všetkými členmi rodiny, aby sa vylúčilo najmä ohrozenie detí.

Dôležitým predpokladom úspešnosti resocializácie je spolupráca so závislým jedincom ako aj s jeho najbližšou rodinou. Účinná prevencia, resocializácia, zme-na životných hodnôt a duchovná viera jedinca je nádejnejšia, ako utajovanie al-koholizmu a neriešenie problémov vyplývajúcich z tejto choroby.

Prieskumom sme potvrdili, že sociálne okolie ženy závislej od alkoholu, vráta-ne jej rodinných vzťahov ovplyvnilo príčinné súvislosti vzniku jej alkoholizmu. Potvrdilo sa nám v oboch prieskumných prácach, že *primárna rodina* ženy závislej od alkoholu, má skôr pre ňu *destabilizujúci význam*.

Aj v ďalšej práci autorky sme potvrdili, že alkohol môže byť príčinou ako aj dôsledkom alkoholizmu.

Prieskumom sme zistili aj pozitívnu zmenu osobnosti abstinujúcich alkoholických a ich duchovným prežívaním, resocializáciou a vierou v Boha dokázali víťaziť nad ich alkoholizmom. Chceme poukázať na dôležitosť duchovnej zložky, ktorá bola nadobudnutá a rozvíjaná, častokrát až po nadobudnutí negatívnej skúsenosti žien závislých od alkoholu.

Počas prieskumu sme kladne hodnotili ochotu abstinujúcich žien od alkoholu, hovoriť o ich problémoch s alkoholizmom a z neho vyplývajúcimi dôsledkami. Zistili sme prítomnosť násilia v ich rodine a partnerských vzťahoch. Vypozorovali sme ich záujem pomáhať aj inak postihnutým ľuďom, a touto prácou a resocializáciou v tomto zariadení, zároveň pomáhali aj sebe.

Veríme, že táto práca pomôže pri ďalšom odhaľovaní a skúmaní komplikovanej problematiky alkoholizmu, ale zároveň je aj návodom pre ľudí závislých od alkoholu, ktorí majú záujem spoločne zvíťaziť nad ich ťažkosťami spojenými s alkoholom.

Zoznam bibliografických odkazov

- [1] André, I., Novotný, V. et al. 2003. Toxické psychózy-diagnostické úvahy. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, ISSN 0862 - 0350, roč. 38, č. 3, s. 137-142.
- [2] Bindasová, O. 1998. „Ponúknuť seba ako príklad.“ In *Závislosť*, vydáva agentúra Závislosť, registrované MK SR, pod číslom 873/93, roč. 6, č. 19, s. 14-15.
- [3] Bolfík, J. 1999. Kluby abstinujúcich-možnosti zaradenia ich aktivít do resocializačného programu a vytváranie proabstinenčnej klímy za spolupráce s odbornými zložkami. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, roč. 34, č. 5, s. 309-310.
- [4] Bútor, Martin. 1989. *Mne sa to nemôže stať*. Martin : Osveta, 353 s. ISBN 80-217-0067-9.
- [5] Dóci, I., Kovářová, M. 2002. Akamprosát v liečbe závislosti od alkoholu. Prehľad literatúry za posledné tri roky (1999-2001). In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, ISSN 0862 - 0350, roč. 37, č. 2, s. 91-98.
- [6] Dóci, I., Kovářová, M., Pavlov, P. 2004. *Zneužívanie alkoholu a nelegálnych psychotropných látok ako sociálny problém*. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, roč. 39, č. 4-5, s. 237-248.

- [7] Dóci, I., Pavlov, P. 2004. Zneužívanie psychotropných látok a násilie v rodine v USA. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, ISSN 0862-0350, roč. 39, č. 1, s. 37-45.
- [8] Drobná, H., Huttová, M., Neščáková, E. 2000. *Matka závislá od psychoaktívnych látok a jej novorodenec*. II. časť. Situácia na Slovensku. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, ISSN 0862 - 0350, roč. 35, č. 2, s. 67-74.
- [9] Frk, V., Kredátus, J. 2002. *Komunikácia v personálnej a sociálnej praxi*. Prešov : Cuper, 143 s. ISBN 80-8889-25-X.
- [10] Frouzová, M. 1996. Ženy a drogy. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, roč. 31, č. 5, s. 269-275.
- [11] Geringerová-Woititzová, J. 1997. *Dospelé deti alkoholikov*. Bratislava: Sofa, 157 s. ISBN 80-85752-50-6.
- [12] Heise, L., Pitanguy, J., Germain, A. 1998. Násilie páchané na ženách – skrytá ujma na zdraví. In *Študijný materiál vypracovaný pre Svetovú banku*, Aspekt Bratislava a Pro familia Humenné.
- [13] Heller, J., Pecinová, O. et al. 1996. *Závislosť známa neznáma*. Havlíčkův Brod: Avicenum – Grada Publishing, 162 s. ISBN 80-7169-277-8.
- [14] Honzák, R., Novotná, V. 1988. *Ako sa dobre cítiť medzi ľuďmi*. Bratislava : SPN, 151 s. ASD 067-335-88.
- [15] Honzák, R., Novotná, V. 1994. *Kríze v živote, život v krízi*. Praha: Road.
- [16] Hosek, J. 1998. *Sám proti alkoholu*. Praha : Grada Publishing, 182 s. ISBN 80-7169-624-2.
- [17] Jančovičová, H., Heretik, Sr., A. Ritomský, A. 2003. Osobnostné faktory adolescentov konzumujúcich legálne psychoaktívne látky. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, ISSN 0862-0350, roč. 38, č. 4-5, s. 213-230.
- [18] Jančovičová, H., Ritomský, A., Heretik, A. sr. 2004. Osobnostné faktory adolescentov konzumujúcich legálne psychoaktívne látky - nikotínové cigarety. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, ISSN 08620350, roč. 38, č. 4-5, s. 213-230.
- [19] Jandourek, J. 2001. *Sociologický slovník*. Praha : Portál, 288 s. ISBN 80-7178-535-0.
- [20] Kolibáš, E., Novotný, V. 1996. *Alkoholizmus a drogové závislosti*. Bratislava: Univerzita Komenského, 113 s. ISBN 80-223-1078-6.

- [21] Kollárčiková, J. 2003. *Determinanty vzniku a vývoja závislosti od alkoholu u žien*: diplomová práca. Prešov : FF PU, 2003, 113 s.
- [22] Kollárčiková, J. 2007. *Determinanty vzniku, vývoja, dôsledky a možnosti riešenia závislosti od alkoholu u žien*: rigorózna práca. Prešov: VŠZaSP sv. Alžbety Bratislava.
- [23] Ústav sociálnych vied a zdravotníctva bl.P.P. v Prešove, 2007, 118 s.
- [24] Kondáš, O., Kratochvíl, S., Syřišťová, E. 1985. *Psychoterapia a reedukácia*. Martin: Osveta.
- [25] Kredátus, J. 1996. *Môj otec už nepije*. Prešov : Cuper, 34 s. ISBN 80-901139-8-2.
- [26] Kredátus, J. 1998. *O efektívnej komunikácii abstinenta*. In *Závislosť*, roč. 6, č. 20-21, s. 18-19.
- [27] Kredátus, J. 1999. *Nevstupuj do začarovaného kruhu drogy*. Prešov : Cuper, 63 s. ISBN 80-88890-08-X.
- [28] Okruhlicová, Anna, Čejková, Viktória, GABURA, Ján. 1990. *A sme rodina*. Bratislava : Živena, 64 s. ISBN 80-85177-11-0.
- [29] Oláh, Michal. 2005. *Sociálnoprávna ochrana detí*. Prešov : PBF PU v Prešove, 201 s. ISBN 80-8068-349-2.
- [30] Oláh, Michal. 2005. *Supervízia v sociálnej práci - jej filozofia, formy, školy, ciele a súčasť stav*. Prešov : PBF PU v Prešove, 85 s. ISBN 80-8068-307-7.
- [31] Strieženec, Š. 1996. *Slovník sociálneho pracovníka*. Trnava : AD, 255 s. ISBN 80-967589-0-X.
- [32] Strieženec, Š. 1999. *Úvod do sociálnej práce*. Trnava : AD, 215 s. ISBN 80-967589-6-9.
- [33] Súkeník, L. 1985. Alkohol, budúca matka a jej dieťa (1.časť). In *Protialkoholický obzor*, roč. 20, č. 2, s. 117-119.
- [34] Súkeník, L. 2004. Ženy a toxikománia. Skúsenosti z násilia podporujú toxikománie u žien. In *Alkoholizmus a drogové závislosti*, roč. 39, č. 3, s. 164.
- [35] *Supervízia v sociálnej práci - súčasť prax a perspektívy [CD-ROM]: Vedecká konferencia s medzinárodnou účasťou, konaná v dňoch 5.-7. októbra 2006 v Malej Lučivnej*. 2006. Tajomník konferencie PhDr. Michal Oláh, PhD.
- [36] Predsedníctvo konf.: doc. Scherpner, PhD. et al. Prešov : PBF PU v Prešove, Katedra kresťanskej antropológie a sociálnej práce. ISBN 978-80-8068-577-5.

- [37] *Zákon O Rodine* č. 94/1963 Zb. z. Úplné znenie zákona vyhlásené pod č. 66/1983, čiastka 13 Zb. z.
- [38] Zapletalová, K. 2006. Príčiny bezdomovectví. In *Sociální práce/ Sociálna práca*, ISSN 1213-6204, roč. 2006, č. 1, s.119-124.
- [39] Združenie Abstinencov Slovenska. 1997. *Buď zdravý-buď potrebný. Doliečovanie, subjekty, ozdravovacie programy*. Rohožník : ZAS, 26 s.
- [40] Žiaková, E., Čechová, J., Kredátus, J. 2001. *Psychosociálne aspekty sociálnej práce*. Prešov: Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešoviensis, 192 s. ISBN 80- 8068-060-4.
- [41] Žucha, I. 1981. Poznámky k behaviorálnej terapii alkoholizmu. In *Protialkoholický obzor*, indexové číslo 49478, roč. 16, č. 5, s. 257-259.

Summary

Alcoholism leads to the bio-psycho-social and spiritual consequences. Alcoholism in women is considerably extended theme, therefore, in our contribution to its activities and at the same time resistance pathology and at the same time we also recommend possible alternatives to combat this disease, how to triumph over addiction.

Alcohol addiction is a negative social phenomenon, which causes damage to companies and individuals, is the cause of problems in marriage and threatening the healthy development of children and youth.

Recovering alcoholic-woman a child psychologically unsuitable, unwanted social model provides the role of women, mothers and wives.

In another work of the author, we have confirmed that alcohol may be the cause as well as the consequences of alcoholism.

We also found a positive change in the personality of the abstinent survey alcoholic woman and their spiritual emotion, resocializáciou and faith in God have managed to succeed over their alcoholism. We want to point out the importance of the spiritual component, which has been acquired and developed over the years, often until after the entry into force of the negative experiences of women dependent on alcohol.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 125-135]

Ніна Анатоліївна Крахмальова

Інститут вищої освіти НАПН України (Київ, Україна)

Тенденції комунікаційної діяльності Університетів України

Trends communication activities Ukraine Universities

Key words: *market of educational services, universities of Ukraine, of communication activity, users of educational services, optimum complex of elements of communications of universities, public relations, publicity activity, international educational exhibition measures.*

Постановка проблеми та її актуальність

Вища освіта в суспільстві відіграє складну економічну функцію, а саме стисло впливає на стан економіки та динаміку її розвитку через людський потенціал. В той же час, зміни економічних умов викликають потребу в нових моделях розвитку вищої освіти. Українська економіка переходить на інноваційно-інвестиційний рівень розвитку, що вимагає і модернізація вищої освіти, зміст якої залишається актуальною проблемою і сьогодні. Одним із напрямів вирішення цієї проблеми є використання сучасних управлінських технологій, серед яких чільне місце відводиться комунікаціям університетів. З економічного погляду комунікації на освітньому ринку розглядаються як необхідний інструмент управління діяльністю університетів.

Для підвищення конкурентоспроможності та вдосконалення діяльності університети ефективно використовують різні форми комунікацій, які

забезпечують одночасне розповсюдження і отримання широкого спектру економічної, технічної і комерційної інформації.

Аналіз наукових праць, присвячених розв'язанню проблеми

Визначення, значення та необхідність використання комунікацій організаціями різних сфер діяльності відображено у працях багатьох зарубіжних та вітчизняних науковців, зокрема: Е. Г. Беккер, Т. Н. Бурделова, А. Ю. Юданов, І. М. Грищенко, І. М. Сіняєва, Т. Н. Парамонова, О. М. Шереметьєва, І. М. Красюк, Д. Е. Шульц, С. І. Танненбаум, Р. Ф. Лаутерборн, Ф. Котлер, Карен Ф. А. Фокс, Чічановський А. А., Ян В. Віктор, та ін.

Однак, недостатньо досліджено сутність та вплив комунікацій на здійснення ефективної діяльності організації. Зокрема, меншою мірою висвітлено використання комунікацій університетами з урахуванням особливостей вітчизняних та іноземних споживачів освітніх послуг та інших зацікавлених осіб задля цільового інформування споживачів і інших аудиторій, з метою формування знань про університет та освітні послуги, які він продукує, досягнення розуміння та отримання зворотної реакції у вигляді дій, заклик до яких закладений у змісті інформації, що передається.

Метою статті є визначення ролі комунікацій у контексті успішного функціонування університетів на ринку освіти України та раціонального вибору складових комунікацій для забезпечення чіткості, послідовності і максимізації впливу комунікаційних програм на цільові аудиторії шляхом незаперечної інтеграції всіх окремих звернень.

Виклад основного матеріалу

Враховуючи високий рівень глобалізаційних процесів у різних сферах життєдіяльності суспільства та світовому масштабі університети існують та розвиваються в умовах постійних перетворень, надто динамічного зовнішнього середовища, жорсткої конкуренції. Тому система вищої освіти України безумовно потребує подальшого реформування відповідно до вимог, потреб сучасного розвитку соціально-орієнтованої економіки та до умов інтеграції України у європейське освітнє співробітництво, оскільки у державі визначений Європейський вектор розвитку в усіх сферах діяльності, зокрема в сфері освіти.

Такі тенденції сприяють необхідності розкриття існуючого потенціалу у сфері освіти, його інтелектуалізації. Виходячи з проблеми загострення конкуренції, університети просто змушені більш активно змагатися за потенційного споживача їх освітніх послуг - абітурієнта, часто із залученням нетрадиційних методів та підходів, які раніше не були властивими освітній галузі, а належали виключно до сфери бізнесу, а саме інструментів комунікацій, адже, на ринку освіти України пропозиція переважає попит. Слід зазначити, існуюча тенденція комунікаційної діяльності університетів направлена на:

- формування, розвиток і презентацію матеріально-технічної бази університету;
- організацію матеріальної бази для підготовки офіцерів запасу, яку здійснює університет;
- створення і презентацію інтелектуальної власності університету;
- розробку, розвиток і вдосконалення фірмового стилю університету, зустрічі випускників різних поколінь, створення власного фірмового стилю одягу і уніформи (для служби охорони, мантиї для професури і студентів тощо);
- вдосконалення системи матеріального і морального заохочення студентів, викладачів і співробітників (премії, стипендії, призи, дипломи і т.п.);
- організацію відпочинку студентів, заняття спортом, розвиток культурних вподобань, оздоровлення і т.п. [7].

Втім, в умовах конкуренції на ринку освітніх послуг традиційні методи комунікаційної діяльності (профорієнтації), що використовувалися університетами продовж десятиліть і на які, в основному, покладалися завдання залучення майбутніх студентів, стають недостатньо ефективними через те, що розраховані на інші соціально-економічні умови. Сьогодні асортимент освітніх послуг на українському ринку є вельми великим. Та в умовах ринкової економіки він може істотно змінюватися, тому що університети змушені враховувати вимоги зовнішнього середовища. До того ж, основні освітні послуги часто доповнюються супутніми послугами,

власниками чи виробниками яких виступають університети, отримуючи при цьому додатковий прибуток.

Важлива роль у діяльності університетів України та закордоном належить комплексним комунікаційним заходам. У цьому напрямку важливим є використання комунікацій, які не тільки повинні інформувати абітурієнтів та зацікавлених осіб про його цілі, діяльність та пропозиції, а також мають мотивувати їх до вибору саме цього університету.

Доречно зауважити, що процес організації комунікації з ринком використовує цілий комплекс засобів і різну внутрішню структуру. Всі разом вони складають складний комплекс *promotion-mix*, що означає як система просування товару [6]. При цьому, комунікативний процес є основою спілкування, організація якого залежить від розуміння системи, структури процесу й природи комунікації, яка є явищем системним та має елементну базу [11]. Нині проблеми комунікації мають фахівці майже всіх сфер діяльності, а проблеми дослідження комунікативних процесів належать до глобальних проблем цивілізації [9].

У межах університету комунікацію слід розглядати як багаторівневий процес обміну інформацією для забезпечення зв'язку між його працівниками, підрозділами, студентами, абітурієнтами, всіма зацікавленими особами, тощо. До того ж, при обміні інформацією відправник і одержувач є рівнозначними учасниками комунікативного процесу та проходять декілька етапів, завдання яких – скласти повідомлення і використати канал для його передачі у такий спосіб, щоб обидві сторони зрозуміли вихідну ідею [5]. До цих етапів належать: зародження ідеї; кодування і вибір каналу; передавання інформації; декодування. Отже, комунікація університету - це процес передачі інформаційних потоків на основі використання комунікаційних принципів, функцій та форм для забезпечення поінформованості та взаємодії суб'єктів ринку освіти.

Слід відмітити, що комплексна система комунікацій університету включає: рекламу, профорієнтаційну роботу, виставкову діяльність, паблік рілейшенз (PR), особисті комунікації, Інтернет, корпоративну індивідуальність, спонсорство, незаплановані комунікації та ін. Такі комунікації набувають багато форм, зміст яких має бути спланований для

задоволення потреб цільової аудиторії та досягнення цілей університету. При цьому, університету необхідно використовувати єдиний логотип у засобах масової інформації та інших комунікаціях для збільшення впізнання закладу і для ідентифікації з ним кожної комунікації. Це дозволяє формувати та координувати чітку, послідовну та переконливу уяву про освітній заклад та послуги, що ним надаються [2].

Таким чином, комунікаційні технології виступають у якості основного інструменту університетів, завдяки яким вони можуть досягати та утримувати конкурентну позицію на освітньому ринку України.

Як показують результати дослідження, вищій освіті як сфері суспільної діяльності, притаманний неспинний динамізм, ринкова гнучкість і адаптивність, прогресивна науковість, інновації, ділова креативність, відкритість до різного роду суспільних перетворень тощо [4]. В свою чергу, ефективна модернізація національної системи освіти є запорукою соціально-економічних та науково-технічних досягнень і головною передумовою інтеграції України в європейський освітній простір.

За таких умов, для університетів постає необхідність в узгодженості та координації усіх зусиль у сфері просування своїх послуг, а саме використання системи елементів комунікацій, що дають змогу інтегрувати окремі повідомлення для забезпечення послідовного і цілеспрямованого впливу на різні групи адресатів комунікації.

Деякі науковці вважають, що для кожної організації високою мірою актуальним є створення власних комунікацій, направлених на досягнення місії з урахуванням побудови моделі стратегії спілкування [8]. При обґрунтуванні набору таких комунікацій необхідно враховувати основні компоненти, критерії та послідовність етапів розроблення комунікаційної стратегії. Адже, характер кожної організації відображається саме у передачі інформації та комунікації з зовнішнім середовищем [10]. Та і організація існує завдяки передачі інформації та комунікації. Тобто, комунікація є основним інструментом стратегії та практичної реалізації ринкових цілей організації.

Визначальним завданням комунікаційної діяльності університетів є підбір оптимального комплексу елементів комунікацій, який дозволить

максимально ефективно довести необхідну інформацію цільовій аудиторії [7]. Якщо вибір буде правильним, різні елементи комунікації будуть взаємно посилювати вплив на споживача. Важливу роль при цьому відіграє послідовність застосування елементів комунікації, так як при використанні одного із них часто відкриваються широкі можливості іншим. Як приклад, рекламні об'яви про надання освітніх послуг та діяльність університету можуть спонукати абітурієнтів чи зацікавлених осіб звернутися до навчального закладу через електронну пошту за більш детальною інформацією або зателефонувати чи навіть відвідати його.

В міру швидкого розвитку Internet стає все більш важливим каналом зв'язку університетів із майбутніми абітурієнтами, їх батьками, родичами і іншими зацікавленими особами, що передбачає значні зміни у комунікаційній діяльності університетів. Користувачі персональних комп'ютерів у різних країнах світу все більше часу проводять у мережі, менше уваги приділяючи іншим засобам комунікацій. Сучасні університети, зрозумівши важливість такого каналу зв'язку, представляють себе у мережі, створюючи Web-сайти, де містять інформацію про освітні послуги, факультети, спеціальності та спеціалізації, напрями підготовки (на рівень бакалавра, спеціаліста, магістра, аспіранта, докторанта), вартість навчання, можливості працевлаштування студентів. Не менш важливими повідомленнями є інформація про гуртожитки, спортивний стадіон, басейн, культурний центр університету, фестиваль моди та інші заходи, що організовуються ним. Крім того, висвітлюються різні події із життя університету, зустрічі з відомими людьми у нашому суспільстві, як із вітчизняними так і з іноземними представниками різних сфер діяльності.

Важливим елементом комунікацій для більшості університетів України є розроблення ефективних програм паблік рілейшенз (PR) та цілеспрямоване застосування їх методів у сфері функціонування освітньої галузі, а також усвідомлення їх актуальності [4]. Університети постійно співпрацюють з широкими колами громадськості, для потреб якої здійснюється підготовка студентів. Саме в цих колах формується громадська думка про університет та якість послуг, які він надає [2]. Раціонально організована робота PR дозволяє встановити ефективне співробітництво із спільнотою та

формуванню і зміцнюванню позитивної громадської думки про навчальний заклад, якість його освітніх послуг. Розроблення програми комплексу заходів PR сприяє підвищенню авторитету університету у його навколишньому оточенні та створенню його позитивного іміджу. Позитивний імідж організації будь-якої сфери діяльності, а саме університету підвищує конкурентоздатність на ринку, приваблює споживачів та партнерів, збільшує обсяг продажу товарів чи послуг і, як наслідок, прибутку організації або навчального закладу.

Для університету, якщо імідж важливий для залучення абітурієнтів на бюджетні місця, то стосовно платного навчання він є важливим подвійно. Особливу роль у формуванні іміджу університету відіграють випускники [1]. Робота з налагодження відносин із випускниками може розпочатися із моніторингу їх кар'єри, створення клубу випускників як способу формування мережі взаємодопомоги, залучення випускників до життя університету. Відносини із випускниками відіграють дві важливі функції:

- створення неформальної спільноти людей, чия доля пов'язана з університетом, при цьому вигоди кожного із учасників тим більші, чим сильніший імідж університету;
- допомога університету як центру спільноти – лише випускники, що зберегли зв'язки із навчальним закладом, нададуть йому фінансову, інформаційну, лоббістську та іншу підтримку.

Важливе значення має те, що випускники є представниками різних сфер людської діяльності, займають відповідні посади, тобто виступають не безпосередньо від університету і те, що недосяжно для одного випускника, може бути доступним іншому. Разом випускники в спроможні досягти набагато більше, тому що, створюються можливості для реалізації могутнього синергетичного ефекту.

Одним із основних засобів просування освітніх послуг та елементів комунікаційної діяльності університетів є реклама, яка складається із неособистісних форм комунікації, що здійснюються через оплачені медіа-носії. Ефективна рекламна кампанія університету передбачає:

- постановку цілей; визначення бюджету, що в повній мірі залежить від його фінансових можливостей;

- розроблення ефективних рекламних повідомлень;
- вибір відповідного медіа-носія;
- оцінювання ефективності реклами для пропозицій, коригування та зміни рекламної діяльності у майбутньому.

Втім, на початку розроблення програми рекламної кампанії університету слід визначитися із цільовою аудиторією, необхідним охопленням та частотою рекламних звернень, описати бажану зворотну реакцію, адже ефективність впливу рекламних повідомлень визначається наявністю зворотного зв'язку.

Для здійснення ефективної діяльності на освітньому ринку університети ефективно використовують виставки як форму комунікацій, які забезпечують одночасне розповсюдження і отримання широкого спектру необхідної інформації [4]. Адже, виставкові заходи сприяють обміну інформацією, надають можливість порівняння однорідних освітніх послуг, що пропонують не тільки вітчизняні освітні заклади, а й зарубіжні, умов їх продажу, якості та ціни, забезпечують безпосередність спілкування з цільовою аудиторією, створюють передумови для контактів професіоналів в освітній сфері і т.п. Крім того, міжнародна виставка є дієвим механізмом реалізації планів інтеграції України до європейського освітнього простору, становлення системи європейської освіти, підготовки університетів та педагогічних працівників до розширення сфери та інтенсивності контактів з європейськими країнами та світовою культурою. До того ж, міжнародні виставки освітніх послуг орієнтують систему вітчизняної освіти на вирішення пріоритетних завдань сталого розвитку нашої країни. Слід відмітити особливу важливість у залученні іноземних абітурієнтів, прийняття участі університетів України у міжнародних виставкових заходах за кордоном. Зазначені заходи дають нагоду їх учасникам та відвідувачам ознайомитись із міжнародним досвідом навчально-виховного процесу, сучасними науково-методичними розробками, інноваційними та інформаційними технологіями навчання, авторськими проектами, новими зразками засобів навчання.

При формуванні комплексу елементів комунікацій, університетам слід враховувати важливий напрям комунікаційної діяльності – визначення та

задоволення інформаційних потреб викладачів, співробітників, чинних студентів та інших представників внутрішнього середовища, адже у свою чергу вони теж є каналами передачі інформації цільовим аудиторіям [3].

Отже, можна зробити висновок, що для досягнення поставлених цілей університети ефективно використовують різні комунікаційні засоби та їх комбінації, які забезпечують одночасне розповсюдження і отримання широкого спектру різноманітної та необхідної інформації. Та для здійснення ефективної комунікаційної діяльності університети мають враховувати існуючі тенденції, а саме:

- свідому комунікаційну діяльність університету у конкурентному середовищі, що має свої цілі та характер переконання і направленість на досягнення тактичних та стратегічних цілей;
- виділення не тільки цілей, а й форм, інструментів, що використовуються як одночасно так і послідовно у процесі комунікації та є взаємоузгодженими;
- передбачення шляхів зворотного зв'язку та його наявність, у якому реакція отримувача інформації є одночасно сигналом для подальших дій університету;
- багаторівневий характер комунікації, реалізація якої включає декілька послідовних етапів (рівнів);
- можливість розрахунку економічного ефекту комунікаційної діяльності, що є вагомим ознакою, пов'язаною з економічним характером комунікації;
- зменшення комунікаційного бюджету за рахунок ретельного підходу до відбору та координації елементів комунікацій.

Зважаючи на це університетам України все ж таки, доцільно використовувати тільки ті комбінації інструментів комунікацій, які краще за інших підходять для ефективного досягнення стратегічних цілей, при цьому, вибір та інтенсивність застосування комплексу комунікаційних елементів є важливими не тільки для університетів, а й для всіх інших учасників комунікаційного процесу.

Висновок

На сучасному етапі розвитку ринку освітніх послуг в Україні та за кордоном, успішне функціонування університетів вимагає повної орієнтації на конкретного споживача освітніх послуг з довгостроковими відносинами, а не на окремі сегментні ринки споживачів. Стійка конкурентна позиція університету на ринку вищої освіти забезпечується саме комплексними комунікаціями, як єдиним функціональним напрямом де координуються усі засоби комунікацій, основою яких є використання єдиного логотипу університету.

Слід зазначити, що ефективна комунікаційна діяльність відіграє вирішальну роль в успішному управлінні університетом та суттєво впливає на значимість його конкурентної позиції на вітчизняному ринку освітніх послуг та в інших країнах.

Застосування комплексного підходу до комунікацій дозволить зменшити університетам бюджет комунікаційної діяльності, оскільки, такі комунікації ретельно координують та узгоджують використання необхідних елементів комплексу комунікацій, уникаючи дублювання, що вкрай важливим є для державних університетів України, де кошти завжди були обмежені.

Літературні джерела

- [1] Беккер Е. Г. Бренд и экономическая устойчивость вуза: монография / Е. Г. Беккер, Т. Н. Бурделова, А. Ю. Юданов. – М.: КНОРУС, 2012. – 208 с.
- [2] Бортник Є. М. Управління зв'язками з громадськістю. / Є. М. Бортник. – М.: ФБК-Пресс, 2007. 127 с.
- [3] Грищенко І. М., Крахмальова Н. А. Інструменти та форми маркетингової комунікації на ринку освітніх послуг // Ефективність організаційно-економічного механізму інноваційного розвитку вищої освіти України. К.: Вісник КНУТД. Тем. вип. №4, 2012. - С. 298-307.
- [4] Ф. Котлер. Стратегічний маркетинг для навчальних закладів / Ф. Котлер, Карен Ф. А. Фокс, [пер. з англ.].– К.: УАМ, Вид. Хімджест; 2011.– 580 с.
- [5] Красюк І. Н. Маркетинговые коммуникации: Учебник / Под ред. И. Н. Красюк. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 272 с.
- [6] Руделіус В. Маркетинг. Підручник / В Руделіус, О. М. Озарян, О. А. Виноградов та ін.: Ред.-упор. О. І. Сидоренко, П. С. Редько. – К.:

- Навчально-методичний центр «Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти в Україні», 2005. – 422 с.
- [7] Економічні умови забезпечення якості освітніх послуг у системі вищої освіти / колектив авторів: за ред. чл.-кор. НАПН України, д-ра екон. наук, проф. І. М. Грищенко. – К.: Педагогічна думка, 2012. – 364 с.
- [8] Чічановський А. А. Інформаційні процеси в структурі світових комунікаційних систем. / А. А. Чічановський, О. Г. Старіш. Підручник . – К.: Грамота, 2010. - 568 с.
- [9] Шарков Ф.И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь-справочник. – М.: Изд «Альфа-Пресс», 2006. – 352 с.
- [10] Шульц Д. Е. Новая парадигма маркетинга. Интегрируемые маркетинговые коммуникации / Пер. с англ. – М.: Д. Е. Шульц, С. И. Танненбаум, Р. Ф. Лаутерборн. Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2004. – XXII, 233с.
- [11] Ян В. Виктор. Продвижение. Система коммуникации между предпринимателями и рынком / Ян В. Виктор / Пер. с польского - Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2003, - 480 с.

Summary

In the article investigational nature of communication, which is the phenomenon the system and has an element base, set tasks of of communication activity of universities, the optimum complex of elements of communications of universities is considered what will allow maximally effectively to prove necessary information a having a special purpose audience, their influence is analysed on the successful functioning of universities, investigational tendency of of communication activity of universities of Ukraine.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 137-148]

Michaela Lapošová

Inštitút filozofie, FF PU v Prešove

Prejavy ideového pluralizmu a indoktrinácie vo filozofii Štefana Polakoviča a maximiliána chladného-hanoša v rokoch 1939 – 1945

Manifestations of ideological pluralism and indoctrination in philosophy of štefan polakovič and maximilián chladný-hanoš between 1939-1945

Keywords: *nation, state, christianity, ideology*

V období predmníchovskej Československej republiky nastala z hľadiska možnej indoktrinácie filozofie špecifická situácia. Niektoré filozofické smery, resp. koncepcie boli pod vplyvom oficiálnej „čechoslovakistickej“ politiky (osobitne *masarykizmus*), niektoré (najmä *slovenský novotomizmus*) rozvíjali napr. svoju koncepciu *národa* v intenciách národno-emancipačnej ideológie Hlinkovej slovenskej ľudovej strany. Poukazuje na to tiež J. Balážová, keď konštatuje, že v predmníchovskej ČSR „aj filozofické myslenie ako súčasť myšlienkového diania na Slovensku bolo výrazne ovplyvnené úsilím o emancipáciu slovenského národa a rozvíjalo sa ako súčasť národno-politických a národno-obrodeneckých programov“ [Balážová, 1998, s. 146].

Netreba strácať zo zreteľa skutočnosť, že Slovensko sa – vďaka feudálnemu dedičstvu z čias Uhorska – ocitlo v spoločnom štáte s Českom, v zjavne nerovnoprávnom postavení. Paternalistický prístup vládnucej českej buržoázie – presadzujúcej politiku „čechoslovakizmu“ – sa čoskoro „podpísal“ pod otvorenie

„slovenskej otázky“, ktorá napokon vyústila až do „česko-slovenského rozkolu“ (M. Hodža). Súčasne sa však žiada poznamenať, že „štátna ideológia I. ČR, založená na ideí čechoslovakizmu, našla svojich obhajcov a aktívnych propagátorov i medzi slovenskou inteligenciou (vrátane niektorých predstaviteľov dobovej slovenskej filozofie- pozn. autor), pričom slovenskí čechoslovakisti obraňovali svoj postoj Masarykovou ideou malého národa“ [Balážová, 1998, s. 148].

V „zajatí“, či aspoň v „službách“ ideológie sa teda v predmníchovskej Československej republike neocitla len slovenská náboženská filozofia (a osobitne jej koncepcia *národa*), ale tiež filozofia zdôrazňujúca „čechoslovakizmus“ na českej i slovenskej strane.

Iná situácia nastala po vzniku samostatného Slovenského štátu (14. 3. 1939), kedy sa nielen oficiálna politika a ideológia tohto štátu, ale tiež *filozofia národa* na Slovensku zásadne mení, a to najmä pod vplyvom spojenectva vojnového slovenského štátu s hitlerovským Nemeckom.

* * *

Ako v každej ideológii, tak aj v ideológii slovenského (vojnového) štátu, sa na rôznej úrovni (a rôznym spôsobom) prelínali idey filozofické, teologické, politické, sociologické, etické, atď. Niet pochybností o tom, že dominantné miesto v tejto ideológii patrilo (od jej vzniku až do konca) ideám kresťanského náboženstva a osobitne ideám obsiahnutým v teológii, vo filozofii a v sociálnej doktríne svetového katolicizmu.

Oficiálnou ideológiou vojnového slovenského štátu bola ideológia *slovenského národného socializmu* a jej najpodstatnejšou súčasťou bola koncepcia kresťanského, resp. „Kristovho nacionalizmu“.

Napriek tomu, že viacerí bádatelia zdôrazňujú „priamu“ nadväznosť uvedenej ideológie na ideológiu *nemeckého národného socializmu* žiada sa poznamenať, že medzi týmito ideológiami neboli len zjavné analógie, ale tiež výrazné diskrepancie, odlišnosti a nezhody.

Slovenský národný socializmus sa hlásil ku kresťanstvu a dostával aj prívlastok „kresťanský“. Nemecký národný socializmus kresťanstvo nerešpektoval, ba dokonca bol pápežom Piom XI. označený za „novopohanstvo“.

Rovnako možno diferencovať aj medzi slovenským „kresťanským nacionalizmom“ a nemeckým nacizmom.

Hlavný predstaviteľ slovenského vojnového štátu – Jozef Tiso (1887-1947) spoluutváral koncepciu *kresťanského nacionalizmu* už počas predmníchovskej Československej republiky. Uvedená koncepcia nadväzovala na štúrovskú národno-emanipačnú iniciatívu.

Kresťanský nacionalizmus mal byť pôvodne *stmelujúcim* prvkom ideológie všetkých slovenských autonomistov. Kalkuloval jednak s ideou „Kristovej lásky“ k vlastnému národu a jednak so všeobecne postulovaným prikázaním: „Miluj svojho bližneho ako seba samého“. Zrejme aj z tohto dôvodu sa – pôvodne – v koncepcii kresťanského, či „Kristovho nacionalizmu“ nezdôrazňoval ani jeho konfesiónálny, teda katolícky rozmer.

Koncepcia slovenského „kresťanského nacionalizmu“ vyplývala z Tisovho chápania *národa*, ako spoločenstva ľudí, ktorí sú: „jedného pôvodu, jedného telesného typu, jednej povahy, jednej minulosti, jednej reči, jedných obyčajov, jednej kultúry, rovnakých cieľov a tvoria na súvislom území organický celok“ [Polakovič, 1941, s. 45]. Takto chápaný *národ* má – podľa *Tisovej náuky* – transcendentný pôvod. Je špecifickým produktom „Božej kreativity“ a v hierarchii hodnôt stojí nad človekom – jednotlivcom. Láska k vlastnému národu – v takto chápanom nacionalizme – nevyučovala úctu k iným národom, ale skôr naopak, rešpektovala právo všetkých národov na vlastnú (samostatnú) existenciu, atď.

Po vzniku samostatného Slovenského štátu (v r. 1939) sa však uvedené chápanie kresťanského nacionalizmu zjavne radikalizovalo. Poukazuje na to aj J. Balážová, keď v súvislosti s analýzou Tisovho chápania kresťanského nacionalizmu, napísala: „Myšlienka národnej jednoty, podrobenie sa jednotlivca záujmom celku s prihliadnutím na vodcovský princíp v takto organizovanom národnom celku, nevyhnutne viedla k totalitnému chápaniu národa“ [Balážová, 1998, s. 151].

Napriek tomu, by sa však ani *totalitná verzia* Tisovho kresťanského nacionalizmu nemala (z čisto ideologického hľadiska) stotožňovať s víziou hitlerovského nemeckého nacizmu, a to hneď z niekoľkých dôvodov: nemecký nacizmus bol ako taký *antislovanský*, *antisemitský* a v konečnom dôsledku aj

antikresťanský. Ako to zdôrazňuje aj T. Münz: „forsíroval nemeckú národnú cirkev, odtrhnutú od Ríma a kresťanstva vôbec, hovoril o národnom náboženstve...zavádzal nové sviatky, za právo pokladal len to, čo prospievalo nemeckému národu, zavrhol všeľudskú kresťanskú lásku a bol v každej súvislosti proti nadnárodnému univerzalizmu, na ktorom si katolicizmus tak zakladal“ [Münz, 1998, s. 156]¹.

Slovenský kresťanský nacionalizmus - na rozdiel od nemeckého nacizmu - neabsolutizoval ani význam *národa* a *štátu* ako nejakých definitívnych, či *konečných útvarov*, lebo tak nad národom, ako aj nad štátom „tróni“ ich tvorca - Boh. V tomto kontexte treba vnímať aj skutočnosť, že „všetci autori obdobia Slovenského štátu, ktorí písali o nacionalizme...hlásali, že národovosť je v súčasnosti len prechodná hodnota smerujúca k ešte vyššej pozemskej hodnote, ktorou je humanita, a ktorá spojí všetkých ľudí na najvyššej úrovni. Tak si to napokon žiadal aj katolícky univerzalizmus“ [Münz, 1998, s. 158].

Problematiku indoktrinácie filozofie na Slovensku počas vojnového Slovenského štátu komplikuje viacero skutočností. Samotná katolícka filozofia tu totiž mohla byť (a vo viacerých prípadoch aj bola) jednak pod vplyvom (a dokonca i v „službách“) *ideológie slovenského národného socializmu* a jednak sa „tlaku“ zo strany tejto ideológie bránila tým, že sa odvolávala na ideové východiská a hranice katolíckeho (teologicko-filozofického) *univerzalizmu*. Zatiaľ, čo prvá podoba indoktrinácie bola charakteristickou pre J. Tisu a čiastočne aj Š. Polakoviča, druhú orientáciu (v katolíckom tábore) reprezentoval najmä Maximilián Chladný-Hanoš.

Dokladá to aj známa diskusia o tzv. „nacionálnej otázke“, ktorá sa rozprúdila aj na stránkach *Filozofického zborníka* v roku 1943. Uvedenej diskusii predchádzalo vydanie troch prác o *kresťanskom nacionalizme*: 1. výberu z Tisových prác, ktorý vyšiel pod názvom *Tisova náuka* [Bratislava 1941, ed. Š. Polakovič], 2. Polakovičovej práce *K základom Slovenského štátu* [Turčiansky sv. Martin 1939] a jeho následnej štúdie *Ideové piliere slovenského národného socializmu* In: Slovenské

¹ Z tohto hľadiska neprekvapuje, že pápež Pius XI. už v roku 1937, nemecký národný socializmus - v encyklike „Mit brennender Sorge“ (O postavení katolíckej cirkvi v Nemecku) - odsúdil ako „novopohanstvo“.

pohľady, roč. 57, 1941, č.1, s. 30 - 43), 3. práce Maximiliána Chladného-Hanoša s názvom *Láska k národu* [Turčiansky sv. Martin 1941].

Konštatovali sme už, že podstatnou súčasťou ideológie vojnového Slovenského štátu bolo Tisovo chápanie kresťanského nacionalizmu zdôrazňujúce nielen existenciu samostatného Slovenského štátu, ale tiež jeho politický program (a vôbec systém) slovenského národného socializmu. Vojnový „slovenský štát sa podľa nemeckého vzoru stal diktatúrou s jednou ideológiou, jednou stranou a jedným vodcom“ [Münz, 1992, s. 24].

Napriek tomu, že J. Tiso sa *programovo* hlásil k téze o tom, že medzi „nacionálne podloženým socializmom a kresťanstvom... nesmie byť rozkol“ [Tisova náuka, 1941, s. 177], v konkrétnej politickej praxi uvedenú tézu - viackrát - doslova ignoroval. Stalo sa tak najmä vtedy, keď Hitlera verejne prezentoval ako „legendárneho bojovníka“, ktorí vraj spravodlivo mení pomery medzi národmi v „rozdelenej Európe“, keď neváhal ospravedlňovať jeho agresívnu expanziu na Východ i na Západ s údajným cieľom „spájať“ oddelené európske národy v zmysle tzv. „etnickej komasácie“, atď. [Tisova náuka, 1941, s.180-181].

Uviedli sme už, že Tisove názory na problematiku *národného socializmu* i *kresťanského nacionalizmu* vybral a zostavil do podoby *Tisovej náuky* Štefan Polakovič. Napriek tomu, že sám na tieto názory nadväzoval, neznamená to, že sa so všetkými aj bezvýhradne identifikoval.

V zhode s Tisovými názormi bol Polakovič pri koncipovaní pôvodnej verzie kresťanského nacionalizmu, pri zdôrazňovaní samostatnosti slovenskej štátnosti ako aj formulovaní *ideových pilierov* slovenského národného socializmu. Súčasne však treba dodať, že sa nestotožňoval ani s Tisovým tolerovaním nemeckého agresívneho expanzionizmu, ani s jeho „oslavovaním“ Hitlera, ako „legendárneho bojovníka“... za prirodzenoprávnu... etnickú komasáciu európskych národov“, ktorá „spravodlivo mení národnostné pomery v novej Európe... Naopak... vydal brožúru *Warum eine freie Slowakei?*, v ktorej... odsudzuje teóriu o poslaní jedného národa vládnuť nad druhým z titulu jeho fyzickej prevahy, zamieňanie moci s právom a iné názory, ktoré zastával aj nemecký nacizmus“ [Münz, 1992, s. 24].

Svoje názory na kresťanský nacionalizmus a slovenský národný socializmus - obsiahnuté v práci *K základom slovenského štátu* - Š. Polakovič označil, resp.

charakterizoval ako „slovenskú štátnu filozofiu“ [Polakovič, 1939, s. 8]. Poplatnosť tejto „filozofie“ ideológii nemeckého a slovenského národného socializmu pritom vyjadril – azda najkoncentrovanejším spôsobom – v štúdií s názvom *Ideové piliere slovenského národného socializmu*.

Hneď v úvode tejto štúdie Š. Polakovič konštatuje: „Ak si všimneme dôkladne základné princípy nemeckého národného socializmu a porovnáme ich s kresťanským dedičstvom nášho ducha, skonštatujeme, že niektoré princípy národného socializmu sú veľmi zdravé a že sú to tie, ktoré podstatne charakterizujú národný socializmus a ktoré neprijať by bolo prejavom nepochopenia doby“ [Polakovič, 1941, s. 30].

V záujme objektívnosti však treba dodať, že nešlo tu o mechanické, či výslovne epigónske preberanie princípov nemeckého národného socializmu. Samotný Polakovič, totiž, v zápätí poznamenáva, že niektoré – z týchto princípov – „nášmu duchu nezodpovedajú, lebo sú plodom čisto nemeckej duchovnosti a ako svojrázny nemecký prvok, vyrastený na nemeckej pôde, je neprenosný, a preto túto druhú časť ideovej náplne integrujeme z vlastného ideového fondu“ [Polakovič, 1941, s. 30].

Medzi princípy, ktoré sú spoločné slovenskému a nemeckému národnému socializmu Polakovič zaraďuje: *vodcovský princíp, princíp ľudovosti štátu, princíp skutkovosti, princíp obetavosti a všeobecného dobra, princíp celku* a ďalšie.

Vodcovským princípom „reaguje národný socializmus“ – podľa Polakoviča – „proti parlamentárnemu zriadeniu štátu, ktorého nositeľom bol demokratický liberalizmus²... Podstatou vodcovského princípu je, že na čele štátu stojí vodca... v rukách vodcu je sústredená najvyššia, ničím neohraničená moc pre uskutočňovanie všeobecného dobra. V jednom národe môže byť len jedna vôľa a jeden prejav tejto vôle, vodca“ [Polakovič, 1941, s. 30-31].

V súvislosti s *princípom ľudovosti štátu* Polakovič zdôrazňuje, že „národný socializmus vychádza v chápaní štátu z prirodzene daného spoločenstva,

² Akoby na okraj k tomu Polakovič dodáva, že „parlamentarizmus pre svoje známe chyby (neúčelnosť, korupčnictvo, nedbanie na záujmy ľudu, nezodpovednosť, atď.) nielen sa prežil, ale stal sa nenávidenou štátnou formou. Slabosť vlád v rozličných štátoch... vynucovali si vládu silnej ruky, ktorá berie na seba zodpovednosť za vykonané alebo nevykonané činy“ [Polakovič, 1941, s. 30].

duchovnej a krvnej pospolitosti, ktorou je národ... teda... národ vzatý ako krvné a kultúrne osudové spoločenstvo“ [Polakovič, 1941, s. 33].

Charakterizujúc *princíp skutkovosti* Polakovič konštatuje, že „národný socializmus a fašizmus vychádzajú z poznania dynamičnosti bytia a života, a preto ich základnou smernicou sú skutky a zas skutky... je lepšie konať ako hovoriť“ [Polakovič, 1941, s. 34].

Zaujímavým spôsobom vymedzuje *princíp obetavosti a všeobecného dobra*. V tejto súvislosti vyjadril aj svoj názor na citlivý problém *vojny*, pričom – okrem iného – napísal: „Niekedy je vojna nevyhnutná, a to vtedy, keď treba zachraňovať hodnoty, ktoré sú väčšie než všetky hrôzy vojny a než život človeka... Chcieť teda za každú cenu pokoj, t. j. bezvojenný stav, i za cenu odňatia neodcudziteľných práv, je zločinom na prirodzenom zákone... pod pojem všeobecného národného dobra patrí často i pojem vojny... národný socializmus prenáša sa od dobra jednotlivcov k dobru národa ako celku a žiada od nich najvyššie obeť v prospech tohto celku, ktorý tu bude žiť i vtedy, keď súčasnej generácie už nebude“ [Polakovič, 1941, s. 34-35].

Na *princíp obetavosti a všeobecného dobra* nadväzuje *princíp celku*, ktorý je spoločný ako nemeckému tak i slovenskému národnému socializmu. Tento princíp sa – podľa Polakoviča – prejavoval už v Hlinkovej zásade: „Všetko pre národ, nič pre seba“. Polakovič však tejto zásade vytyka „subjektívne znenie“ (obsiahnuté vo formulácii „nič pre seba“) a navrhuje: „namiesto tohto subjektívneho znenia zaviesť objektívne znejúcu zásadu (ako znie i nemecká): *Dobro národa nadovšetko*“ [Polakovič, 1941, s. 37].

V zápatí však Polakovič upozorňuje, že na ideológiu národného socializmu sa vzťahuje aj tzv. „národnosocialistický princíp svojráznosti“ v dôsledku čoho „v nemeckom národnom socializme sú niektoré svetonáhľadové vložky, ktoré robia národný socializmus v Nemecku *nemeckým*, čiže spôsobujú, že pre ich ideovú tvárnosť možno si ich predstaviť len na pôde Nemecka... Slovenský národný socializmus, dostáva svoju svetonáhľadovú tvárnosť z pokladov dedičných hodnôt slovenských, ktorých nositeľom je naša kultúrna tradícia a zamýšľanie nášho ľudu“ [Polakovič, 1941, s. 41].

V tejto súvislosti, národnosocialistickú svojráznosť slovenského národného socializmu, Polakovič exemplifikuje najmä na dvoch princípoch: 1. princíp

tradície, 2. princíp hierarchie hodnôt. *Princíp tradície* zdôvodňuje – okrem iného – slovami: „ak tradícia je pevným cementom národa, jeho nehybným podstavcom, tak túto tradíciu treba i uskutočňovať, t.j. dať jej všetky možnosti uplatnenia a vplyvania na súčasný život... Slovenský národný socializmus musí sa stať oddaným služobníkom a uskutočňovateľom slovenskej tradície tak ideovej, ako aj faktovej. Zo stránky ideovej vernosť k tradícii kresťanskej jasne vyplýva z prejavov našich vedúcich. Táto vernosť ku kresťanskej tradícii... musí sa prejavovať vo faktoch... sú u nás inakšie pomery ako boli v Nemecku... Kým v Ríši a v Rakúsku robotnícka vrstva bola odcudzená nielen Cirkvi, ale i Bohu bývalými sociálnodemokratickými a komunistickými nadhádzačmi, ktorí zas naši pôdu pripravenú protestantom, u nás robotníckej masy nemali sa kedy odcudziť Bohu a Cirkvi“ [Polakovič, 1941, s. 37-38]. Z uvedeného robí Polakovič záver, že práve zachovávanie kresťanského dedičstva (ako jadra národnej tradície Slovákov) je najvyšším „príkazom“ slovenského národného socializmu.

Neprekvapuje, že tento „príkaz“ našiel svoje dominantné miesto aj v *princípe hierarchie hodnôt*, kde sa Polakovič dokázal dištancovať aj od tak preferovanej (a postulovanej) „hodnoty“ nemeckého národného socializmu akou bola *rasa*. Dokladajú to aj tieto jeho slová: „V nemeckom národnom socializme spomínajú sa ako základné hodnoty tieto: rasa, pôda, práca, ríša, a česť. Tieto hodnoty i my uznávame za veľmi dôležité: i pre nás fyzicky zdravé pokolenie, láska k hrude slovenskej, starosť o prácu, oddanosť k štátu a národná česť majú svoju veľkú cenu. Tieto hodnoty však zaradujeme medzi ostatné hodnoty na miesto, ktoré im prislúcha podľa prirodzených noriem, no za absolútne najvyššie ich nepokladáme. Najvyššou hodnotou pre nás je Ten, od ktorého pochádza všetko bytie a život a ku ktorému speje celé stvorenstvo. K tomuto absolútnemu bodu vesmíru je zameraný každý človek bez rozdielu ako k svojmu definitívnemu cieľu“ [Polakovič, 1941, s. 41].

V analyzovanej štúdií Polakovič zjavne rešpektuje „svojrásnosť slovenskej verzie národného socializmu, a to tak vo vzťahu k problematike dobového chápania *rasizmu*, ako aj uznávania hodnôt a práv iných národov. Svedčí jednak o tom skutočnosť, že samotný pojem *rasa*³ nahrádza slovným spojením *fyzická*

³ Na okraj sa žiada pripomenúť, že keď už aj použije pojem „rasa“, ako je tomu napr. v diele „K základom slovenského štátu“, tak na rozdiel od vtedy oficiálnej nemeckej koncepcie, neváha

zdatnosť a jednak jeho – vtedajšie presvedčenie. že: „slovenský národný socializmus rešpektuje život a ostatné hodnoty iných národov, nemá dobyvačných úmyslov, lež všetku svoju energiu, ide venovať tvorbe hospodárskeho a sociálneho blahobytu“ [Polakovič, 1941, s. 43].

Uviedli sme už, že diskusiu o „nacionálnej otázke“ (a tým aj podobách indoktrinácie počas vojnového Slovenského štátu) ovplyvnili tiež názory Maximiliána Chladného-Hanoša obsiahnuté v jeho práci *Láska k národu* (1941).

Nazdávame sa, že už na jeho prístupe k riešeniu tzv. „nacionálnej otázky“ a vôbec jeho chápaní kresťanského nacionalizmu, možno exemplifikovať zaujímavú skutočnosť, totiž to, že aj keď dvaja autori, t.j.: M. Chladný-Hanoš i Š. Polakovič, hovoria takmer „to isté“, pričom používajú aj takmer „tie isté“ pojmy, nie je to „to isté“.

Príčin tejto skutočnosti je nepochybne viac. Dve sú však – podľa nášho názoru – dominantné. Prvou príčinou sú rozdielne filozofické východiská ich chápania *národa* (i riešenia „nacionálnej otázky“), druhou je rozdielna podoba indoktrinácie ich filozofickej koncepcie.

Obaja vyššie uvedení autori privítali vznik samostatného Slovenského štátu a obaja rešpektovali jeho kresťanské ideologické piliere, či základy. Symbolicky možno dokonca konštatovať, že obidvom „ležal“ osud slovenského národa (úprimne) na srdci. V konkrétnej snahe – spoločensky a politicky – ovplyvniť tento osud sa však zjavne odlišovali. A odlišovali sa už v základných ideových východiskách, ktoré sa postupne premietli aj do odlišných podôb indoktrinácie ich „nacionálnej“ koncepcie.

Zatiaľ, čo Š. Polakovič pristupoval aj k riešeniu „nacionálnej otázky“ z pozície blondelizmu (t.j. filozofickej koncepcie francúzskeho filozofa Maurice Blondela), M. Chladný-Hanoš uplatňoval takmer ortodoxné stanoviská novotomizmu. „Ak Polakovič doŕahoval svoje myslenie až k slovenskému národnému socializmu a v jeho rámci až k nacionalistickej, politickej a ideovej diktatúre, Chladný-Hanoš zostával na pozíciách katolíckeho univerzalizmu, do ktorého včleňoval aj slovenský nacionalizmus. O národnom socializme nehovoril a zdá sa, že ho ani neprijímal“ [Münz, 1992, s. 23].

napísať, že „všetky rasy a všetky národy sú rovnocenné, a to na základe práva prirodzeného“ [Polakovič, 1941, s. 61].

Primárne pozadie názorov M. Chladného-Hanoša na problematiku *národa* tvorilo, resp. predstavovalo učenie katolíckej cirkvi, z ktorého – podľa neho – vyplýva, že ako človek, tak aj národ je produktom Božej kreativity, že ako človek, tak aj národ majú svoj „najpôvodnejší pôvod“ v Bohu a jestvujú predovšetkým z jeho vôle. Boh stvoril svet i človeka z „lásky“ a Boh prikázal aj človeku, aby miloval svojho bližneho ako seba samého. Láska človeka k iným ľuďom a teda aj k svojmu národu a iným národom „prameni“ už z Božieho plánu so svetom v dôsledku čoho je sui generis „posvätnou“ [porovnaj Chladný-Hanoš, 1941, s. 32 a nasledujúce].

Od takto chápaného *národa* a takto chápanej lásky k *národu* odvodzuje aj svoje chápanie kresťanského nacionalizmu, ktoré odlišuje tak od „nemeckého nacizmu“ ako aj „sovietskeho komunizmu“. Opiera sa pritom o encykliky pápeža Pia XI. – „Divini Redemptoris“ (*O bezbožníckom komunizme*) a „Mit brennender Sorge“ (*O postavení katolíckej cirkvi v Nemecku*).

Z pozícií uvedených encyklík odmieta tak nekresťanský nemecký nacizmus, ako aj ateistický komunizmus, resp. „slobodomurársky“ kozmopolitizmus a liberalizmus. Bližšie sa však politickým charakteristikám týchto „nekresťanských“ ideológií nevenuje. Bližšie sa nevenuje ani tzv. *etatizmu*, ktorý v duchu Hegelovej filozofie štátu a práva povyšuje štát nad jednotlivého človeka i nad národ. M. Chladný-Hanoš naopak zdôrazňuje, že národy plnia v dejinách významnejšie poslanie než štáty, zároveň sa však „dokazuje“, že aj nad najpočetnejšími národmi a najväčšími štátmi stojí univerzálne kresťanské náboženstvo a osobitne „všeobecný, resp. univerzálny katolicizmus“.

Tým, že sa M. Chladný-Hanoš politickým dimenziám kresťanského nacionalizmu „vyhýba“, nadobúda aj indoktrinácia v prípade jeho koncepcie iný charakter než tomu bolo napríklad v koncepcii Š. Polakoviča. Zatiaľ, čo Š. Polakovič je – vo vyššie analyzovaných prácach – pod zjavným vplyvom politickej ideológie vojnového Slovenského štátu, M. Chladný-Hanoš sa pohybuje v hraniciach oficiálnej ideológie svetového (*všeobecného*) katolicizmu, ktorý rešpektuje národnú rôznorodosť, a teda odmieta tzv. „totalitný nacionalizmus“, v ktorom aj *láska k národu* stráca svoj kresťanský charakter a zmysel. Na ilustráciu pritom neváha uviesť aj „nekresťanskú“ *Lásku k národu*, ktorá sa prejavila v nemeckom nacizme [Chladný-Hanoš, 1941, s. 103].

M. Chladný-Hanoš nevyzdvihuje ani potrebu „násilnej“ jednoty obyvateľov vojnového Slovenského štátu. Naopak: „jeho stanovisku skôr zodpovedá národná pestrosť po každej stránke. Fašizmus a nacizmus si všíma len okrajovo a len ako súdobé nacionálne hnutia, o slovenskom národnom socializme vôbec nehovorí, nezdôrazňuje potrebu jednoty slovenského národa, jednej strany, jedného vodcu. Poslaním každého národa (a teda aj slovenského) je jednak prejavovať božiu múdrosť a bohatstvo, jednak pretvárať sa podľa ideálu dobra... národ nepotrebuje nevyhnutne aj štát, lebo jeho poslanie je kultúrne⁴ a nie politické“ [Münz, 1992, s. 28].

Z uvedeného vyplýva, že už v názoroch na koncepciu kresťanského nacionalizmu (a predovšetkým na politické dimenzie tejto koncepcie) vytvorili sa počas vojnového Slovenského štátu dve základné (ideové) línie: jednu možno odvodiť z *Tisovej náuky*, resp. z jej Polakovičovej prezentácie, druhú z práce M. Chladného-Hanoša s názvom *Láska k národu*. Spolu s T. Münzom si myslíme, že „len línia Chladného-Hanoša v slovenskom nacionalizme za Slovenského štátu sa uberala zlatou strednou cestou... Uznávala realitu slovenského národa, hlásila sa k nemu... no nevyzdvihovala jeho jednotu na úkor prirodzenej diferenciacie všetkých zložiek jeho života. Nepodľahla nacionalistickej ideológii HSLS, ktorú táto strana prevzala z nacizmu a iba sa snažila prikryť ju plášťom kresťanstva, čím ho skompromitovala. Nepodľahla žiadnej politickej ideológii, a preto si zachovala charakter kresťanského nacionalizmu. Naproti tomu tisovsko-polakovičovská línia... uprednostňovala jednu stranu, obmedzovala slobody, okliešťovala prirodzenú životnú pestrosť, provokovala šovinizmus“ [Münz, 1992, s. 29].

Koncepcia kresťanského nacionalizmu v názoroch Š. Polakoviča a M. Chladného-Hanoša „vyvolala“ už v roku 1943 – na stránkach Filozofického zborníka – zaujímavú diskusiu na tému: Nacionalizmus ako ideológia.

⁴ Národ M. Chladný-Hanoš definuje ako „ľudské spoločenstvo, ktoré na základe kultúrnej jednotnosti prejaví vôľu, aby ho pokladali výslovne za osobitný národ“ [Chladný-Hanoš, 1941, s. 32].

Literatúra

- [1] Balážová, J.: *Tradicionalistická katolícka koncepcia národa a nacionalizmu na Slovensku v prvej polovici 20. storočia*. In: *Filozofia*, roč. 53, 1998, č. 3.
- [2] Chladný-Hanoš, M.: *Láska k národu*. Turčiansky sv. Martin 1941.
- [3] Münz, T.: *Nacionálna otázka u katolíckych teológov za Slovenského štátu*, In: *Filozofia*, roč. 47, 1992, č. 1.
- [4] Münz, T.: *Filozofické základy ideológie slovenského štátu*, In: *Filozofia*, roč. 53, 1998, č. 3.
- [5] Polakovič, Š.: *Tisova náuka*. Bratislava 1941.
- [6] Polakovič, Š.: *Ideové piliere slovenského národného socializmu*, In: *Slovenské Pohľady*, roč. 57, 1941
- [7] Polakovič, Š.: *K základom Slovenského štátu*. Turčiansky sv. Martin 1939

Summary

This article is an attempt to clarify the situation after the rise of Slovak State. Its politics, ideology and philosophy of nation. It is focused on philosophy of Š. Polakovič and M. Chladný-Hanoš from the perspective of dogmatism and pluralism in their thoughts. The paper analyse 'ideology of slovakian national socialism', which is faced with Christ's nationalism' and ' German national socialism'.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 149-181]

Dagmar Marková, Stanislava Lištiak Mandzáková

Katedra všeobecnej a aplikovanej etiky FF UKF v Nitre

Katedra špeciálnej pedagogiky PF PU v Prešove

„Mať deti?“ : O morálnych hodnotách a reprodukcií. Eticko-deskriptívna slovensko-česká komparatívna sonda

„To have a children?“: About moral values and reproduction. Ethical-descriptive Slovak and Czech comparative search

Key words: *Reproduction. Reproductive Aspirations. Ethics. Morality. Descriptive Ethics. Research. Values. Partnership. Sexuality*

Úvod¹

Sexualita mala oddávna v prvom rade inštrumentálnu hodnotu (ako nástroj na reprodukciu) a iba okrajovo si ľudia pripúšťali, že je aj zdrojom pôžitku. Autonómnosť hodnoty sexuality bola zásadne a definitívne presadená sexuálnou revolúciou v 60. rokoch 20. storočia – najmä prostredníctvom rozšírenia hormonálnej antikoncepcie (Bianchi, 2002).

Podľa Haškovej a Zamykalovej (2006) nie sú verejné diskusie o rodičovstve a bezdetnosti oprosté od noriem, naopak, sú často otvorene alebo skryto politické, ideologické a taktiež generačné.

Filadelfiová (2005) uvádza, že pre verejný diskurz v oblasti demografického vývoja sú na Slovensku za posledné roky charakteristické dva prístupy:

¹ Príspevok vznikol vďaka podpore grantov: APVV 0604-10: *Udržateľná reprodukcia na Slovensku: psycho-sociálne skúmanie*. VEGA 1/0942/11: *Zvyšovanie kvality života klientov s ťažším mentálnym postihnutím v domovoch sociálnych služieb v oblasti sexuality a partnerských vzťahov*.

Prvým je „moralizujúci“ prístup, ktorý je založený na panike nad zrútením starých hodnôt (tradičné usporiadanie domácnosti, prísna sexuálna morálka, „správne“ miesto ženy pri deťoch a rodinnom krbe) a opiera sa o koncept „úpadku rodiny“ alebo „odklonu od rodiny“.

Druhý prístup nie je principiálne ujasnený, ide vlastne o súbor rôznorodých reakcií na morálnu paniku prezentovanú v súvislosti s demografickým vývojom a zmenami v rodinných štruktúrach (odpoveď na moralizujúci prístup). Atakuje mýtus o „rozpade rodiny“ a pokúša sa dokladať faktami, že súčasný rodinný život sa mení a nie rúca, že rodinné hodnoty zostávajú stále silné (vysoká hodnota rodiny a pozitívne postoje k manželstvu a rodičovstvu) a nové rodinné formy odrážajú zdravú rôznorodosť.

Podobne možno rozlišovať pesimistickejšie a optimistickejšie nazeranie (Hantel-Quintmann, 2002):

V rámci pesimistickejšieho nazerania je zdôrazňované, že ľudia sa často sobášia, až keď chcú dieťa (a ani vtedy nie vždy), pribúda sterilita, možno badať aj odmietanie rodičovstva, v manželstve sa partneri starajú predovšetkým o svoju vzájomnú lásku a autonómiu a časté sú rozchody, ženy sú nespokojné s tradičnými rolami v domácnosti a v zamestnaní, zdá sa, že dospelým sa darí lepšie, zatiaľ čo na deti je nazerané ako na vzťahovo konzervatívne bytosti. Podstata krízy rodiny je krízou partnerských vzťahov, v širšom zmysle krízou ľúbostných vzťahov.

V rámci optimistickejších nazeraní sa približujeme k „raju“ medziľudských vzťahov. Možnosti výberu partnerských a rodinných foriem sa na začiatku 21. storočia zdajú byť neohraničené – popri tradičnej rodine s matkou, otcom a deťmi dnes existuje množstvo alternatívnych rodinných foriem. Od rodinných foriem sa odlišujú nerodinné životné formy, napr. single, ktorí/é bývajú sami/y a vyznačujú sa chcenou bezdetnosťou, bezdetné páry, nezobášené spolužitia alebo partnerské vzťahy, kde dospelí bezdetní partneri bývajú oddelene atď.

Na nasledujúcich stranách sa zameriavame práve na súvislosti preferencií morálnych hodnôt a reprodukčných aspirácií v partnerskom vzťahu a komparujeme odpovede českých a slovenských účastníkov a účastníčok výskumu mladšieho, stredného a staršieho dospelého veku.

Výskum

V rámci výskumu, ktorý mapoval minoritné a majoritné sexuálne životné štýly slovenských a českých heterosexuálnych mužov a žien mladšieho, stredného a staršieho dospelého veku a ich socio-kultúrne kontexty, sme sa zamerali aj na otázky reprodukčných aspirácií, t.j. želania mať dieťa/deti v súčasných partnerských vzťahoch v súvislostiach s preferenciami morálnych hodnôt v partnerských a sexuálnych vzťahoch.

Výskumné metódy a charakteristika výskumného súboru

Celkovo sme vo výskume využili viaceré metódy: dotazník, sémantický diferencál, modifikovanú verziu Sternbergovej škály lásky, Škálu sexuálnej spokojnosti, modifikovanú zúženú časť Smittovej metodiky sebahodnotenia v oblasti sexuality, hĺbkové interview, písané sexuálne príbehy, fókusové skupiny. Vzhľadom na zameranie príspevku uvádzame len výsledky, ktoré sme získali prostredníctvom dotazníka a ktoré sú koncentrované na reprodukčné aspirácie v súčasnom partnerskom vzťahu a morálne hodnoty v partnerských a sexuálnych vzťahoch u dotazovaných osôb.

Výskumnú vzorku tvorilo spolu 754 osôb mladšieho, stredného a staršieho dospelého veku zo Slovenska a Českej republiky, ktorí/é uviedli, že majú v súčasnosti trvalý partnerský vzťah².

Výskumný súbor zo Slovenska tvorili denné/í a externé/í študenti a študentky Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, Univerzity Komenského v Bratislave, Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, Prešovskej univerzity v Prešove a ich detašovaných pracovísk. V rámci Českej republiky sa výskumu zúčastnili študenti a študentky: Univerzita Hradec Králové a Slezská univerzita v Opavě. Vzorka nebola reprezentatívna.

Výskumný súbor možno stručne charakterizovať nasledovne:

- Slovenská republika - 66%, Česká republika - 34%;
- Vek: mladší dospelý vek - 82%, stredný dospelý vek - 11%, starší dospelý vek - 7%;
- Priemerný vek: 23,65 rokov;

² Dôvodom tejto podmienky bol predovšetkým charakter dát a sledovaná premenná „reprodukčné aspirácie v súčasnom partnerskom vzťahu“.

- Pohlavie: Mužov – 25%, žien – 75%;
- Náboženské presvedčenie: považujem sa za „veriaceho/u katolíka/čku – protestanta/ku – príležitostne chodím do kostola“ (38%); považujem sa za „veriaceho/u katolíka/čku – protestanta/ku – nechodím do kostola“ (23%); považujem sa za „veriaceho/u katolíka/čku – protestanta/ku – pravidelne chodím do kostola“ (21%), považujem sa za „ateistu/ateistku“ (14%), „iné“ (4%).

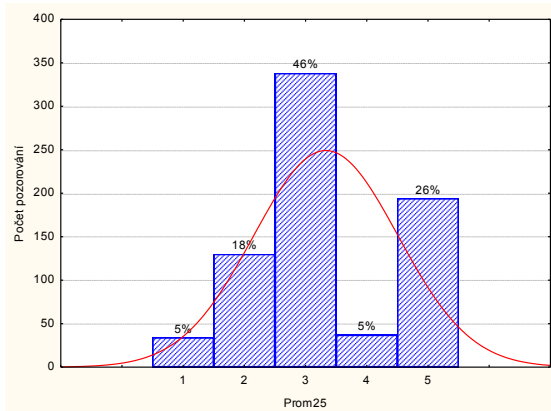
Výskumné zistenia

1. Želanie mať dieťa/deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou

Základnou otázkou, ktorou sme v rámci výskumu sledovali reprodukčné aspirácie u účastníkov a účastníčok výskumu bola otázka, či chcú mať deti/dieťa so súčasným partnerom/partnerkou. Odpovede sú prezentované v grafe č. 1. Možno vidieť, že väčšina opýtaných plánuje alebo už má deti. So súčasným/ou partnerom/partnerkou si deti neželá len 5% opýtaných mužov a žien a 18% zvolilo odpoveď „nie som si istý/á, neviem“. Najčastejšou odpoveďou bolo „áno, želim si mať deti so súčasným partnerom/partnerkou, ale neskôr“ (46%). Odpoveď „najradšej hneď“ uviedlo 5% respondentov a respondentiek. Deti/dieťa má 26% z opýtaných mužov a žien. Z uvedeného je zrejmé, že chcená bezdetnosť nie je preferovaným životným štýlom dokonca ani vzhľadom len k tým reprodukčným aspiráciám, ktoré sa viažu na želanie mať deti/dieťa s terajším/ou partnerom/partnerkou.

Vo vzťahu ku komparácii odpovedí respondentov a respondentiek ohľadom reprodukčných aspirácií so súčasnou/ným partnerkou/partnerom podľa toho, či respondenti a respondentky pochádzali zo Slovenskej republiky alebo Českej republiky, z priestorových dôvodov neuvádzame percentuálne zastúpenie odpovedí prostredníctvom grafu, ale obmedzíme sa len na prezentáciu výsledkov Mann-Whitneyovho testu.

Graf 1: Ašpirácie mať deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou u účastníkov a účastníčok výskumu

Legenda:

Želanie mať deti – otázka: Želáte si mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti?

1 – nie; 2 – nie som si istý/á, neviem; 3 – áno, neskôr; 4 – áno, najradšej hneď; 5 – už máme dieťa/deti.

Výsledky Mann-Whitneyovho testu (tabuľka 1) naznačujú, že vzhľadom na ašpirácie mať deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou sa odpovede respondentov a respondentiek z Českej a Slovenskej republiky štatisticky významne neodlišujú.

Tab. 1: Výsledky Mann-Whitneyovho testu – ašpirácie mať deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou Česká a Slovenská republika

Promenná	Mann-Whitneyův U test						
	Sčt poč. skup. 1	Sčt poč. skup. 2	U	Z	Úroveň p	Z upravené	Úroveň p
Prom25	174880,5	94130,50	57994,50	-0,875926	0,381071	-0,935012	0,349783

2. Morálne hodnoty v sexuálnych a partnerských vzťahoch a reprodukčné ašpirácie v súčasnom vzťahu – slovensko-česká komparácia

Morálne hodnoty v sexuálnych vzťahoch

V rámci výskumu sme zisťovali aj preferencie vybraných morálnych hodnôt v partnerských alebo sexuálnych vzťahoch.

V tabuľke č. 2 sa nachádzajú výsledky Mann-Whitneyovho U testu, ktoré sa týkajú rozdielov v preferenciách morálnych hodnôt v sexuálnych vzťahoch z hľadiska príslušnosti účastníkov a účastníčok výskumu k Českej a Slovenskej republike. Z tabuľky možno vidieť, že ani v jednej položke, ktorá sa vzťahovala na morálne hodnoty v sexuálnych vzťahoch, nebol zistený štatisticky významný rozdiel medzi odpoveďami dotazovaných osôb z Česka a Slovenska.

Tab. 2: Výsledky Mann-Whitneyovho testu: preferencia morálnych hodnôt v sexuálnych vzťahoch – Česká a Slovenská republika

Proměnná	Mann-Whitneyův U test Označené testy jsou významné na hladině $p < ,05000$						
	Sčt poč. skup. 1	Sčt poč. skup. 2	U	Z	Úroveň p	Z upravené	Úroveň p
Prom31	189131,5	95503,5	61833,5	0,79891	0,42434	0,85154	0,39446
Prom32	186701,5	97933,5	63941,5	-0,05668	0,95479	-0,05684	0,95466
Prom33	186632,5	98002,5	63872,5	-0,08098	0,93545	-0,08128	0,93521
Prom34	184705,5	99930,0	61945,0	-0,75965	0,44746	-0,76403	0,44484
Prom35	189250,5	95384,5	61714,5	0,84081	0,40045	0,91710	0,35908
Prom36	187343,5	97291,5	63621,5	0,16936	0,86551	0,17003	0,86498
Prom37	187945,5	96690,0	63020,0	0,38114	0,70309	0,38250	0,70209
Prom38	187491,5	97143,5	63473,5	0,22147	0,82472	0,22238	0,82401
Prom39	185515,5	99120,0	62755,0	-0,47445	0,63517	-0,47602	0,63405
Prom40	184697,5	99937,5	61937,5	-0,76229	0,44588	-0,77736	0,43694
Prom41	185221,5	99413,5	62461,5	-0,57779	0,56340	-0,57968	0,56212
Prom42	187830,5	96804,5	63134,5	0,34083	0,73323	0,34272	0,73180
Prom43	185566,5	99068,5	62806,5	-0,45632	0,64816	-0,45791	0,64701
Prom44	189822,5	94813,0	61143,0	1,04203	0,29739	1,04589	0,29560
Prom45	187137,5	97497,5	63827,5	0,09682	0,92286	0,09725	0,92252

Legenda:

Hodnoty v sexuálnych vzťahoch:

31 – tradícia; 32 – osobná sloboda; 33 – zodpovednosť; 34 – zábava; 35 – láska; 36 – vášeň; 37 – rozkoš; 38 – stálosť; 39 – intimita, blízkosť; 40 – vernosť; 41 – vzájomná dohoda; 42 – nezávislosť; 43 – bezpečnosť; 44 – fyzické uspokojenie; 45 – vonkajší výzor/atraktivita.

Konkrétne výsledky, ktoré sa týkajú preferencie jednotlivých morálnych hodnôt v sexuálnych vzťahoch sú prezentované v grafoch č. 2 – 16, vždy zvlášť pre odpovede účastníkov a účastníčok výskumu v Českej republike a v Slovenskej republike. Čísla na škále predstavujú poradie, ktoré im dotazované osoby pridelili.

Môžeme vidieť, že tradícia ako morálna hodnota sa umiestňuje najčastejšie na poslednom mieste (graf č. 2) a to bez ohľadu na to, či ide o respondentov a respondentky z Českej alebo Slovenskej republiky. Ako najdôležitejšiu hodnotu v sexuálnych vzťahoch ju uviedlo 2% opýtaných mužov a žien.

Odpovede, ktoré sa týkajú osobnej slobody ako morálnej hodnoty v sexuálnych vzťahoch sú pomerne rozptýlené bez ohľadu na príslušnosť k Českej alebo Slovenskej republike (graf č. 3).

Vo vzťahu k hodnote zodpovednosť môžeme konštatovať, že najčastejšie sa u slovenských aj českých respondentov a respondentiek umiestnila na treťom mieste. Aj v tejto položke sú však odpovede rôznorodé (graf č. 4).

V grafe č. 5 sa nachádza percentuálne zobrazenie odpovedí, ktoré sa týka morálnej hodnoty „zábava“. U slovenských i českých respondentov sa vo väčšine prípadov umiestnila na predposlednom mieste.

Láska sa podľa očakávania nachádza na prvom mieste dôležitosti ako morálnej hodnoty v sexuálnych vzťahoch ako u českých, tak aj slovenských účastníkov a účastníčok výskumu (graf č. 6).

Vášeň sa umiestňuje tiež na popredných miestach dôležitosti morálnych hodnôt v sexuálnych vzťahoch (graf č. 7). Najčastejšie ju opýtaní/é muži a ženy umiestňujú na štvrté miesto dôležitosti.

Dôležitosť „rozkoše“ ako hodnoty v sexuálnych vzťahoch je rôzna (graf č. 8). Umiestňovaná je však okolo stredy a najčastejšie je umiestnená na deviatom

mieste dôležitosti bez ohľadu na to, či ide respondentov a respondentky z Českej alebo Slovenskej republiky.

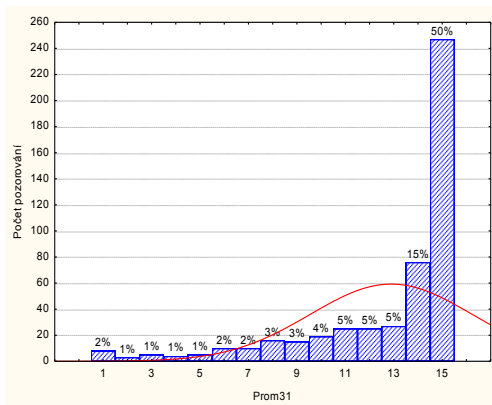
Pre hodnotu stálosť je príznačné tiež rozptýlené rozloženie na základe prisúdenia poradia podľa dôležitosti v sexuálnych vzťahoch respondentmi a respondentkami v Čechách a na Slovensku (graf č. 9). To isté platí pre hodnotu intimita a blízkosť (graf č. 10), vzájomná dohoda (graf č. 12), bezpečnosť (graf č. 14).

Vernosť sa umiestnila najčastejšie na druhom mieste dôležitosti (graf č. 11) hodnotovej preferencie v sexuálnych vzťahoch u opýtaných slovenských a českých mužov a žien.

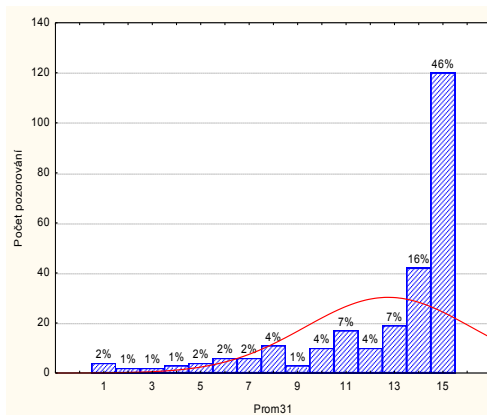
Prekvapuje, že nezávislosť ako morálna hodnota v sexuálnych vzťahoch skôr posledné miesta dôležitosti (graf č. 13). Spomínané platí aj pre hodnotu fyzické uspokojenie (graf č. 15) a atraktivita a telesná príťažlivosť (graf č. 16).

Z uvedeného možno usudzovať, že dominantne prevažujú v zaberá sexuálnych vzťahoch skôr tradičné morálne hodnoty ako láska a vernosť v porovnaní s hodnotami ako nezávislosť, fyzické uspokojenie či príťažlivosť a pod. I keď, na druhej strane, sú i respondenti a respondentky (ale nie väčšinovo zastúpení/é), ktorí/é umiestnili spomínané hodnoty v opačnom poradí podľa morálnych preferencií.

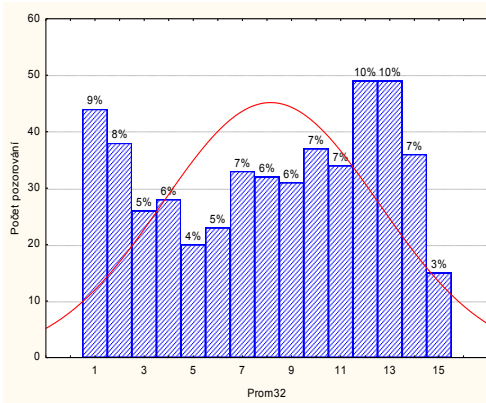
Graf 2.1: Hodnota tradícia: SR

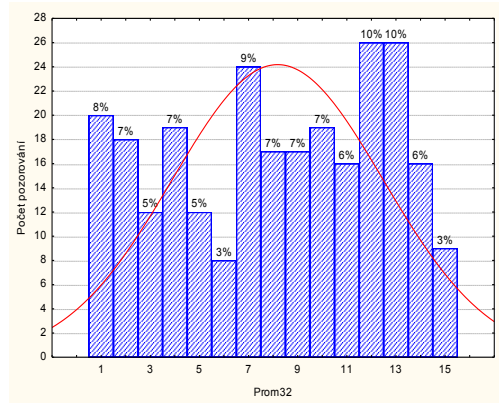
Graf 2.2: Hodnota tradícia: ČR

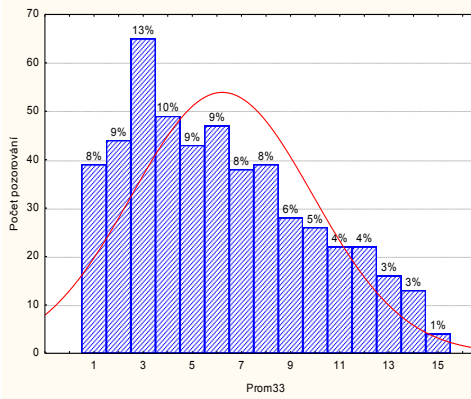
Graf 3.1: Hodnota osobná sloboda: SR

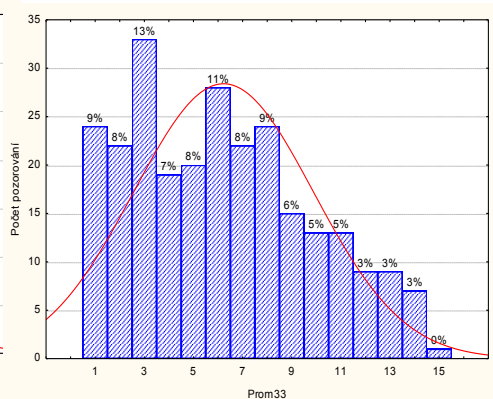
Graf 3.2: Hodnota osobná sloboda: ČR

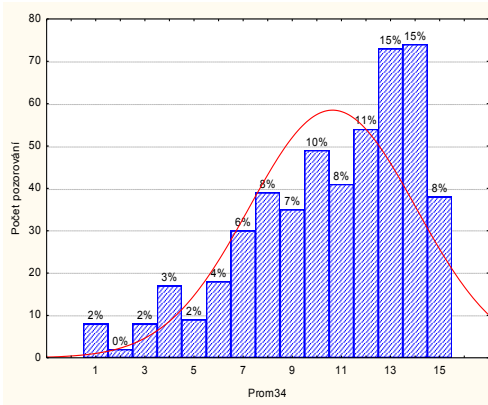
Graf 4.1: Hodnota zodpovednosť: SR

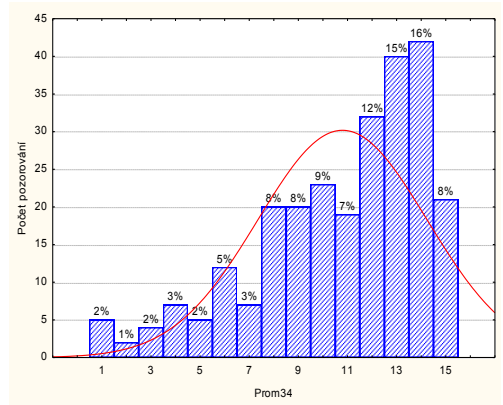
Graf 4.2: Hodnota zodpovednosť: ČR

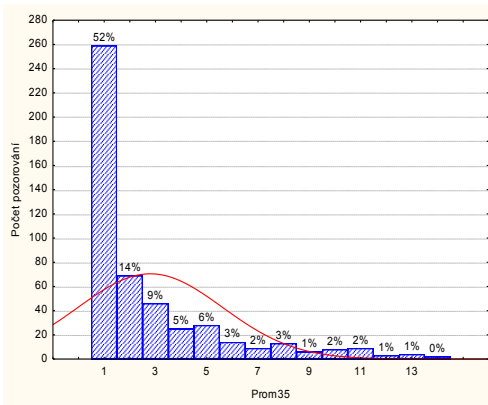
Graf 5.1: Hodnota zábava: SR

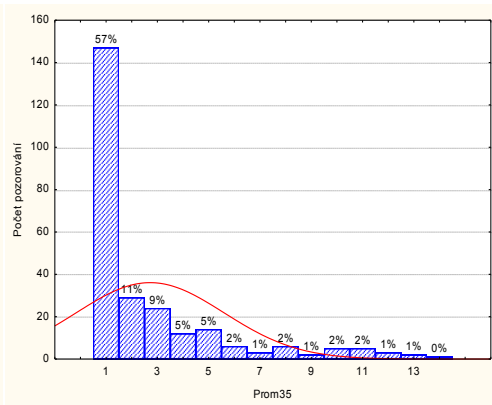
Graf 5.2: Hodnota zábava: ČR

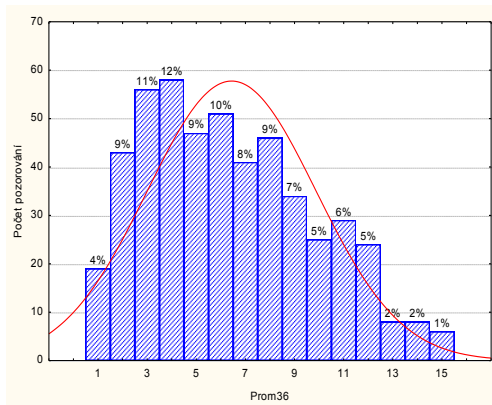
Graf 6.1: Hodnota láska: SR

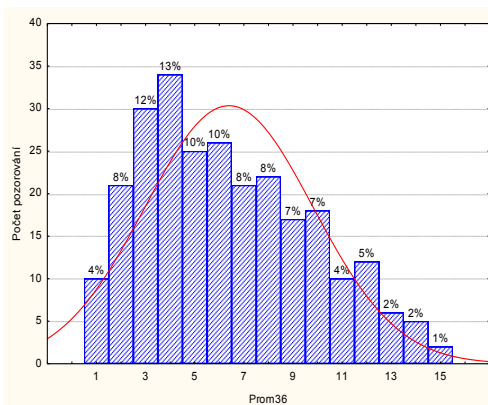
Graf 6.2: Hodnota láska: ČR

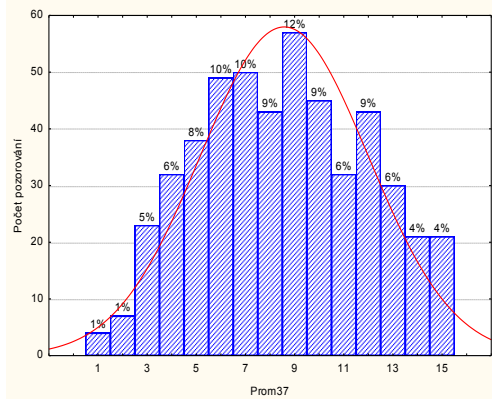
Graf 7.1: Hodnota vášeň: SR

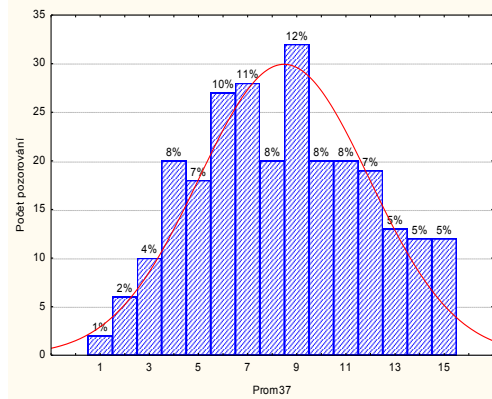
Graf 7.2: Hodnota vášeň: ČR

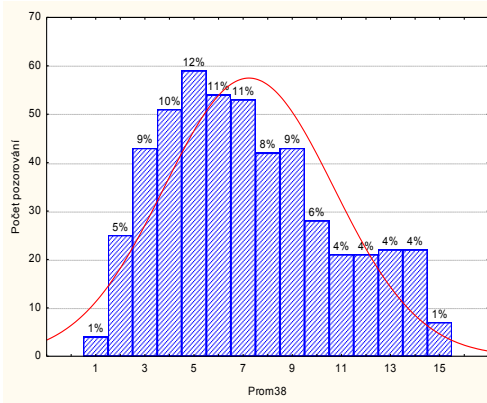
Graf 8.1: Hodnota rozkoš: SR

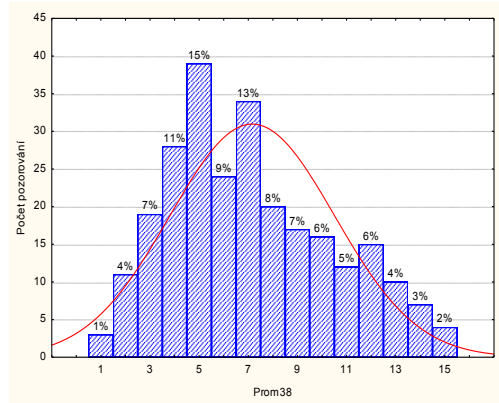
Graf 8.2: Hodnota rozkoš: ČR

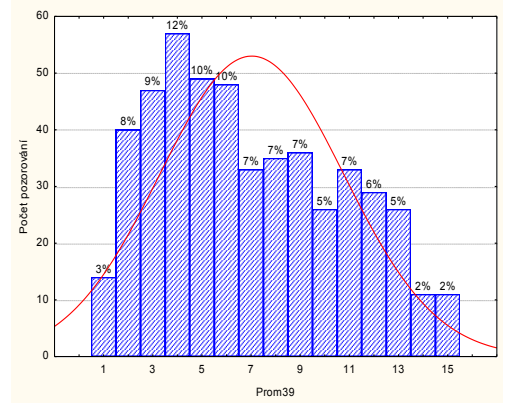
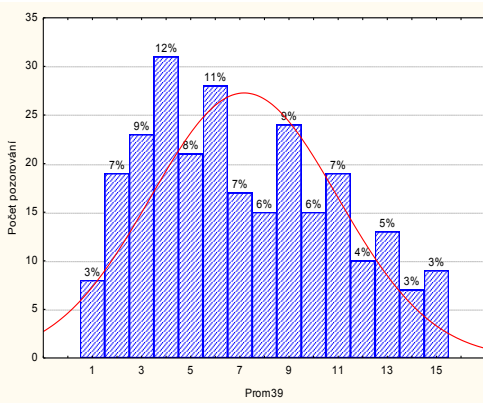
Graf 9.1: Hodnota stálost': SR

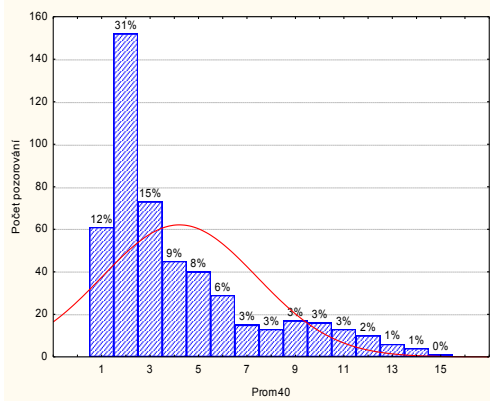
Graf 9.2: Hodnota stálost': ČR

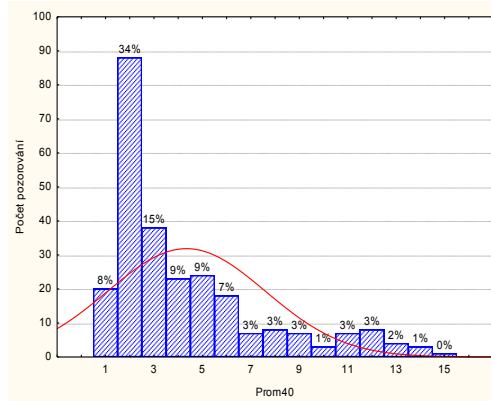
Graf 10.1: Hodnota intimita, blízkost': SR **Graf 10.2: Hodnota intimita, blízkost': ČR**

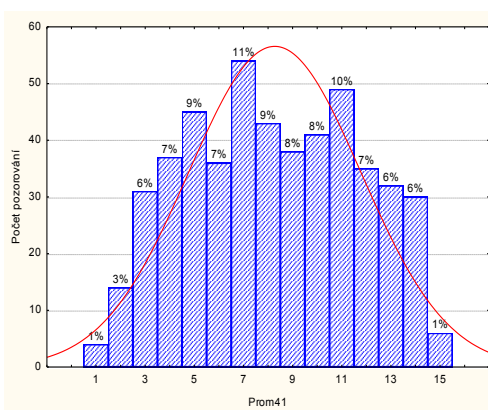
Graf 11.1: Hodnota vernosť: SR

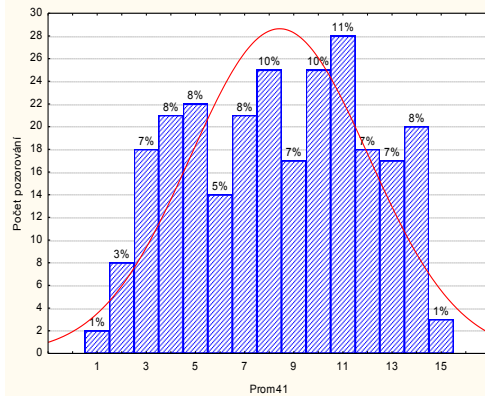
Graf 11.2: Hodnota vernosť: ČR

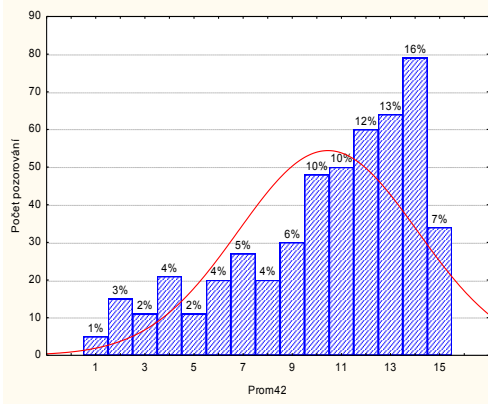
Graf 12.1: Hodnota vzájomná dohoda: SR

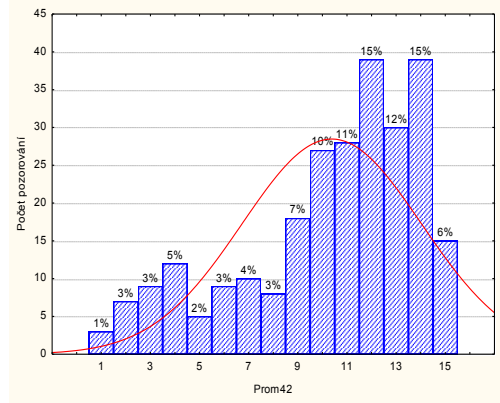
Graf 12.2: Hodnota vzájomná dohoda: ČR

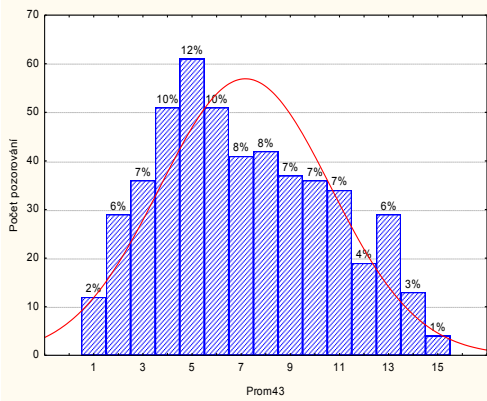
Graf 13.1: Hodnota nezávislost': SR

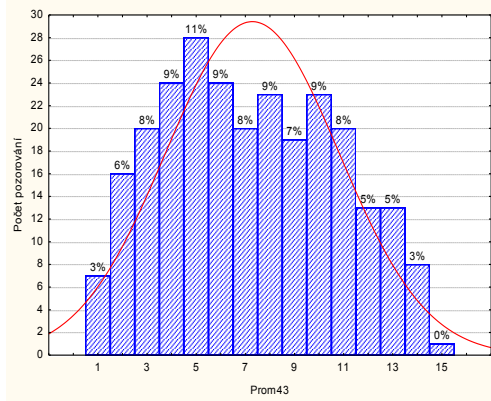
Graf 13.2: Hodnota nezávislost': ČR

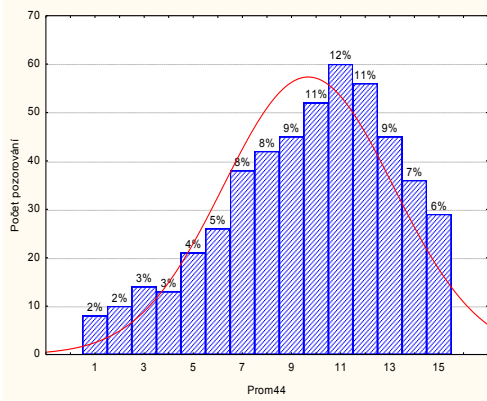
Graf 14.1: Hodnota bezpečnost': SR

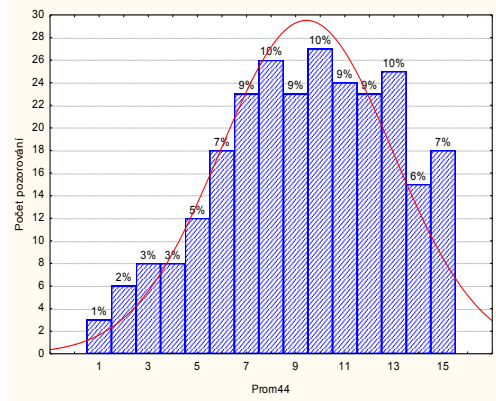
Graf 14.2: Hodnota bezpečnost': ČR

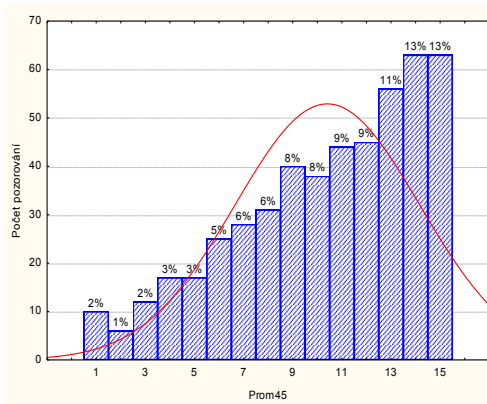
Graf 15.1: Hodnota fyzické uspokojenie: SR

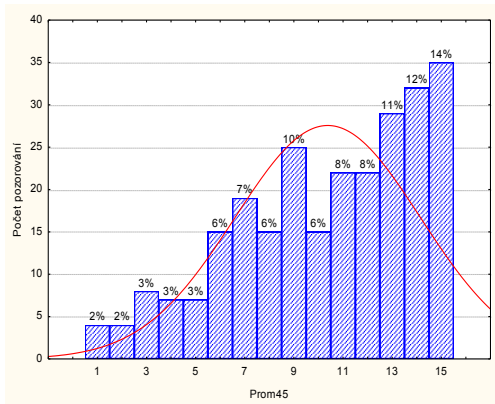
Graf 15.2: Hodnota fyzické uspokojenie: ČR

Graf 16.1: Hodnota atraktivita: SR

Graf 16.2: Hodnota atraktivita: ČR

Reprodukčné aspirácie a preferencia hodnôt v sexuálnych vzťahoch

V tabuľke č. 3 sú uvedené výsledky, ktoré sa týkajú korelácií³ deklarovaných reprodukčných aspirácií slovenských mužov a žien mať dieťa/deti v súčasnom partnerskom vzťahu vo vzťahu k preferencii hodnôt v sexuálnom vzťahu.

Z tejto tabuľky možno vidieť, že aspirácia účastníkov a účastníčok výskumu zo Slovenska mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti, pozitívne koreluje s hodnotou v sexuálnom vzťahu: vášeň.

Aspirácia opýtaných mužov a žien zo Slovenska mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti, negatívne koreluje s preferovanými hodnotami v sexuálnom vzťahu: tradícia, stálosť a zodpovednosť.

Tab. 3: Aspirácie opýtaných mužov a žien mať deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou v súvislosti s preferenciou hodnôt v sexuálnom vzťahu - korelácie (Slovenská republika)

Spearmanovy korelace	
Označ. korelace jsou významné na hl. $p < ,05000$	
Proměnná	Prom25
Prom31	-0,158550
Prom32	0,008210
Prom33	-0,095689
Prom34	0,071684
Prom35	0,005287
Prom36	0,111891
Prom37	0,033031
Prom38	-0,207593
Prom39	0,087375
Prom40	-0,037336
Prom41	-0,038819
Prom42	-0,021258
Prom43	0,069967
Prom44	0,040565
Prom45	0,087888
Prom25	1,000000

Legenda: Hodnoty v sexuálnych vzťahoch: 31 - tradícia; 32 - osobná sloboda; 33 - zodpovednosť; 34 - zábava; 35 - láska; 36 - vášeň; 37 - rozkoš; 38 - stálosť; 39 - intimita, blízkosť; 40 - vernosť; 41 - vzájomná dohoda; 42 - nezávislosť; 43 - bezpečnosť; 44 - fyzické uspokojenie; 45 - vonkajší výzor/atraktivita.

V tabuľke č. 4 sú uvedené výsledky, ktoré sa týkajú odpovedí respondentov a respondentiek z Českej republiky, konkrétne korelácií deklarovaných reprodukčných aspirácií českých mužov a žien mať dieťa/deti v súčasnom partnerskom vzťahu vo vzťahu k preferencii hodnôt v sexuálnom vzťahu.

³ Uvedené je nutné interpretovať v súlade s použitou škálou v rámci výskumného nástroja.

Z tejto tabuľky možno vidieť, že aspirácia účastníkov a účastníčok výskumu z Česka mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti pozitívne koreluje s hodnotou v sexuálnom vzťahu: intimita a blízkosť.

Aspirácia opýtaných mužov a žien z Česka mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti negatívne koreluje s preferovanými hodnotami v sexuálnom vzťahu: tradícia a stálosť.

Tab. 4: Aspirácie opýtaných mužov a žien mať deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou v súvislosti s preferenciou hodnôt v sexuálnom vzťahu - korelácie (Česká republika)

Spearmanovy korelace	
Označ. korelace jsou významné na hl. p <,05000	
Proměnná	Prom25
Prom31	-0,172699
Prom32	-0,058598
Prom33	-0,092264
Prom34	0,115072
Prom35	0,065761
Prom36	0,109128
Prom37	-0,005281
Prom38	-0,191586
Prom39	0,157616
Prom40	-0,018445
Prom41	0,019974
Prom42	-0,070279
Prom43	0,063791
Prom44	0,040753
Prom45	0,030490
Prom25	1,000000

Legenda: Hodnoty v sexuálních vztazích: 31 – tradícia; 32 – osobná sloboda; 33 – zodpovednosť; 34 – zábava; 35 – láska; 36 – vášeň; 37 – rozkoš; 38 – stálosť; 39 – intimita, blízkosť; 40 – vernosť; 41 – vzájomná dohoda; 42 – nezávislosť; 43 – bezpečnosť; 44 – fyzické uspokojenie; 45 – vonkajší výzor/atraktivita.

Morálne hodnoty v partnerských vzťahoch

V dotazníku sme sa zamerali aj na zisťovanie preferencií vybraných morálnych hodnôt v partnerských vzťahoch.

V tabuľke č. 5 sa nachádzajú výsledky Mann-Whitneyovho U testu, ktoré sa týkajú rozdielov v preferenciách morálnych hodnôt v partnerských vzťahoch z hľadiska toho, či pochádzali respondenti a respondentky z Českej alebo Slovenskej republiky. Obdobne, ako to bolo pri rozdieloch v preferenciách hodnôt v sexuálnych vzťahoch, tak aj vzhľadom na morálne hodnoty v partnerských vzťahoch nebol zistený štatisticky významný rozdiel medzi odpoveďami dotazovaných osôb z Česka a Slovenska prostredníctvom Mann-Whitneyovho U testu ani pri jednej položke.

Tab. 5: Výsledky Mann-Whitneyovho testu: preferencia morálnych hodnôt v partnerských vzťahoch – Česká a Slovenská republika

Proměnná	Mann-Whitneyův U test Označené testy jsou významné na hladině $p < ,05000$						
	Sčt poř. skup. 1	Sčt poř. skup. 2	U	Z	Úroveň p	Z upravené	Úroveň p
Prom46	188670,1	95965,0	62295,0	0,6364	0,52450	0,6381	0,52337
Prom47	188745,1	95889,1	62219,5	0,6630	0,50733	0,6664	0,50513
Prom48	185576,1	99059,0	62816,0	-0,4529	0,65056	-0,4542	0,64965
Prom49	190786,1	93848,1	60178,5	1,3816	0,16708	1,4468	0,14794
Prom50	187144,1	97491,0	63821,0	0,0991	0,92104	0,0994	0,92076
Prom51	187927,1	96707,1	63037,5	0,3749	0,70767	0,3773	0,70595
Prom52	185263,1	99371,1	62503,5	-0,5630	0,57343	-0,5814	0,56094
Prom53	183496,1	101139,1	60736,0	-1,1853	0,23588	-1,1882	0,23474
Prom54	188455,1	96179,1	62509,5	0,5608	0,57487	0,5626	0,57366
Prom55	189592,1	95043,0	61373,0	0,9610	0,33652	0,9633	0,33539
Prom56	186690,1	97944,1	63930,5	-0,0605	0,95170	-0,0607	0,95158
Prom57	186509,1	98126,0	63749,0	-0,1244	0,90094	-0,1247	0,90072
Prom58	189326,1	95308,1	61638,5	0,8675	0,38562	0,8697	0,38445
Prom59	188394,1	96241,0	62571,0	0,5392	0,58972	0,5410	0,58848
Prom60	188478,1	96157,0	62487,0	0,5688	0,56948	0,5705	0,56830
Prom61	184883,1	99751,1	62123,5	-0,6968	0,48592	-0,6986	0,48478
Prom62	187511,1	97124,0	63454,0	0,2283	0,81938	0,2290	0,81885
Prom63	187735,1	96900,0	63230,0	0,3072	0,75868	0,3080	0,75807

Legenda:

Hodnoty v partnerských vzťahoch:

46 – smerovanie k manželstvu; 47 – emocionálne porozumenie; 48 – plánovanie rodičovstva; 49 – dôvera; 50 – adekvátny príjem; 51 – vzájomný rešpekt a uznanie; 52 – spoločný názor na vieru; 53 – sex; 54 – rozdelenie úloh a prác; 55 – rovnaké záujmy; 56 – rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia; 57 – možnosť osobného rozvoja; 58 – spoločné trávenie času; 59 – otvorenosť; 60 – záväzok; 61 – vášeň; 62 – voľnosť; 63 – istota.

Analogicky, ako pri hodnotách v sexuálnych vzťahoch, sú konkrétne výsledky, ktoré sa týkajú preferencie jednotlivých hodnôt v partnerských vzťahoch prezentované v grafoch č. 17 – 34, vždy zvlášť pre odpovede účastníkov

a účastníčok výskumu z Českej republiky a zo Slovenskej republiky. Čísla na škále predstavujú poradie, ktoré im dotazované osoby prideliť.

V partnerských vzťahoch ako morálnu hodnotu smerovanie k manželstvu najčastejšie umiestnili opýtaní/é muži a ženy z Česka aj Slovenska na posledné miesto (graf č. 17). Obdobne je to aj so spoločným názorom na vieru (graf č. 23).

Naopak emocionálne porozumenie hodnotí ako najdôležitejšiu hodnotu v partnerskom vzťahu najviac respondentov a respondentiek z Čiech aj Slovenska (graf č. 18). To isté platí aj pre morálne preferencie hodnoty dôvera (grafy č. 20). A pomerne vysoko je hodnotený aj vzájomný rešpekt a uznanie (graf č. 22).

Odpovede respondentov a respondentiek bez ohľadu na to, či pochádzajú z Českej republiky alebo zo Slovenskej republiky, sú vzhľadom na dôležitosť hodnoty plánovanie rodičovstva pomerne rozptýlené (graf č. 19). Najviac uvedenými boli predposledné miesta, ale celkovo možno konštatovať, že táto hodnota má rôznorodé morálne preferencie.

Adekvátny príjem sa neukazuje ako najdôležitejšia hodnota v partnerských vzťahoch, i keď sú odpovede pomerne rozptýlené (grafy č. 21). Prekvapuje, že podobne je to aj hodnotou rozdelenie úloh a prác vo vzťahu (graf č. 25).

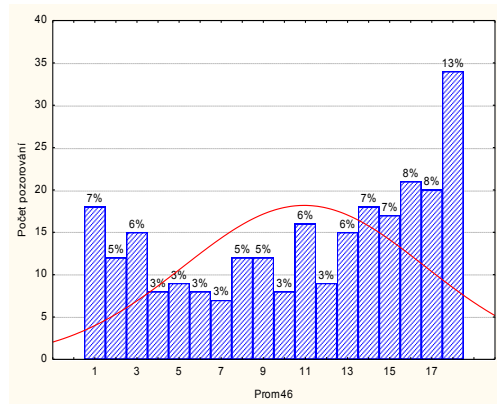
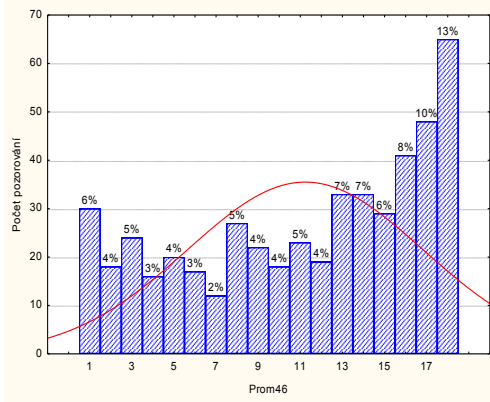
Sex sa umiestňuje najčastejšie okolo stredu (bližšie k vysokej dôležitosti), ale sú zastúpené všetky poradia dôležitosti (graf č. 24) v sexuálnych vzťahoch. Platí to aj pre rovnaké záujmy (graf č. 26), rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia (graf č. 27), osobný rozvoj (graf č. 28), spoločné trávenie času (graf č. 29), vášeň (graf č. 32).

Otvorenosť (graf č. 30) a istota (graf č. 34) je umiestňovaná na dôležitejších pozíciách, i keď i tu sú morálne preferencie pomerne rôznorodé.

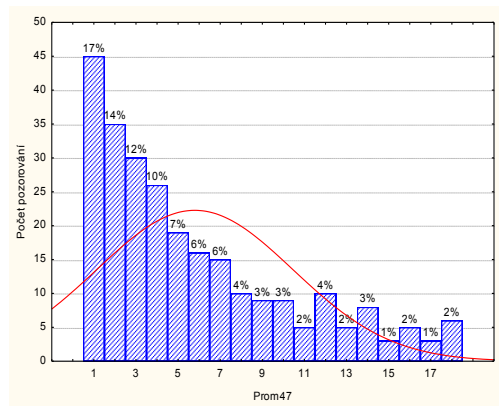
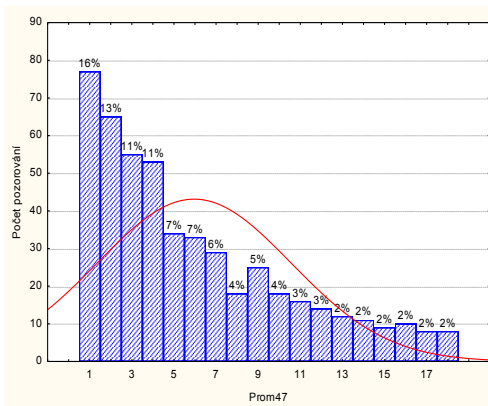
Naopak, morálne hodnoty záväzok (graf č. 31) a voľnosť (graf č. 33) sú skôr hodnotené ako menej dôležité, i keď rozptýlenosť je príznačná i pre tieto morálne hodnoty v partnerských vzťahoch.

Uvedené výsledky naznačujú, že v rámci morálnych preferencií hodnôt v partnerských vzťahoch je pomerná variabilita. Vyskytujú sa v popredí hodnoty ako porozumenie, otvorenosť a istota, kým ako menej dôležité sú hodnotené tradičné hodnoty ako spoločný názor na vieru, či smerovanie k manželstvu a záväzok.

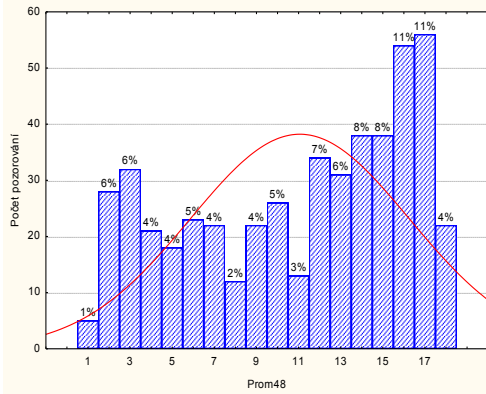
Graf 17.1: Hodnota smerovanie k manželstvu: SR **Graf 17.2: Hodnota smerovanie k manželstvu: ČR**

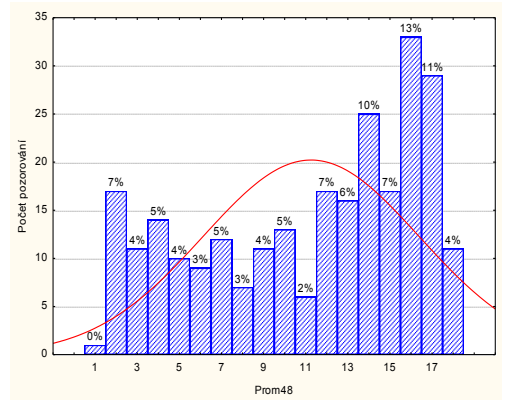
Graf 18.1: Hodnota emoc. porozumenie: SR **Graf 18.2: Hodnota emoc. porozumenie: ČR**

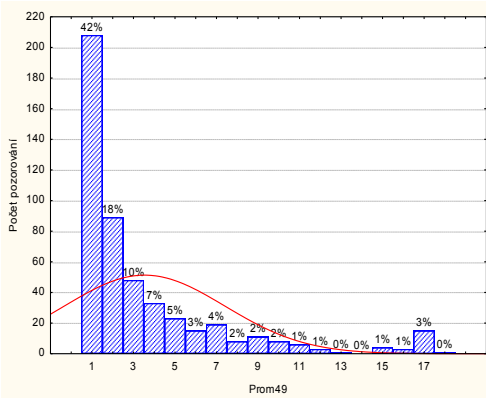
Graf 19.1: Hodnota plánovanie rodičovstva: SR

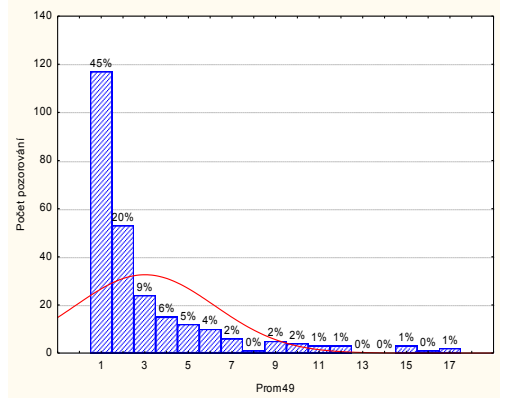
Graf 19.2: Hodnota plánovanie rodičovstva: ČR

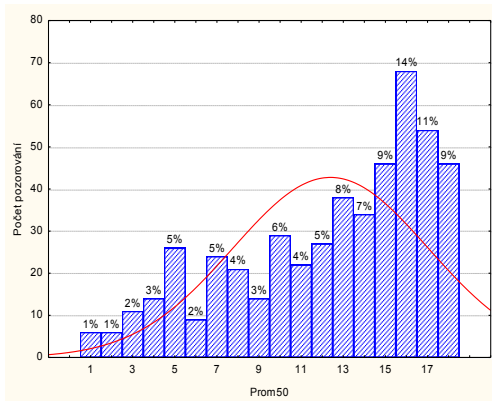
Graf 20.1: Hodnota dôvera: SR

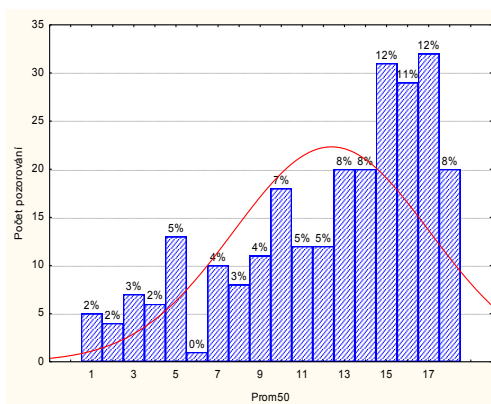
Graf 20.2: Hodnota dôvera: ČR

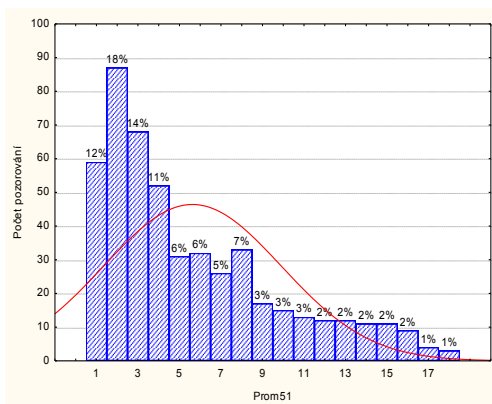
Graf 21.1: Hodnota adekvátný príjem: SR

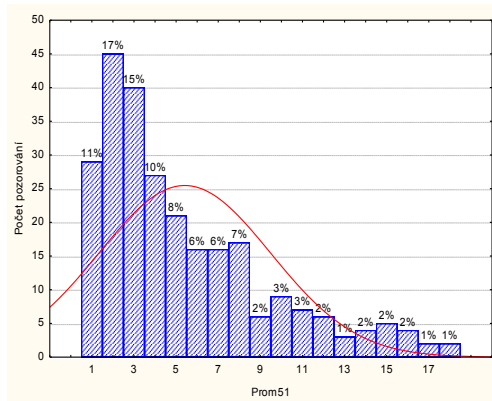
Graf 21.2: Hodnota adekvátný príjem: ČR

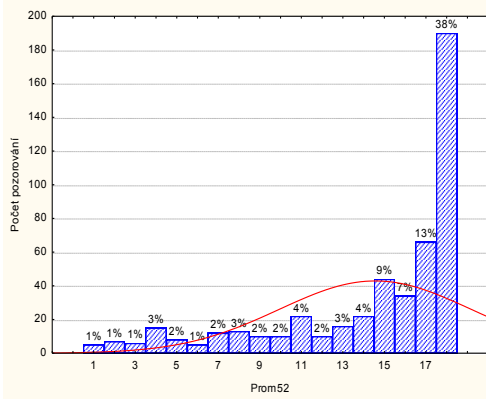
Graf 22.1: Hodnota vzájomný rešpekt: SR

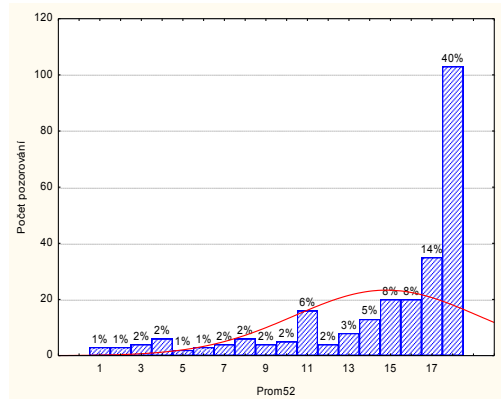
Graf 22.2: Hodnota vzájomný rešpekt: ČR

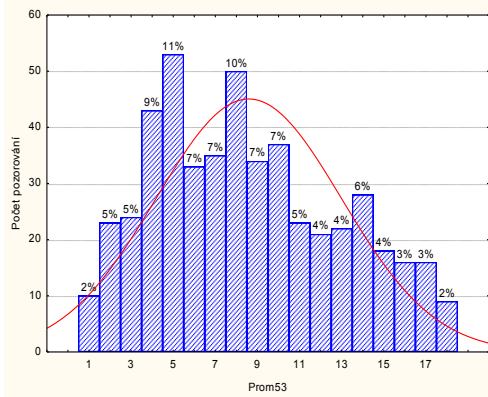
Graf 23.1: Hodnota spoločný názor na vieru: SR

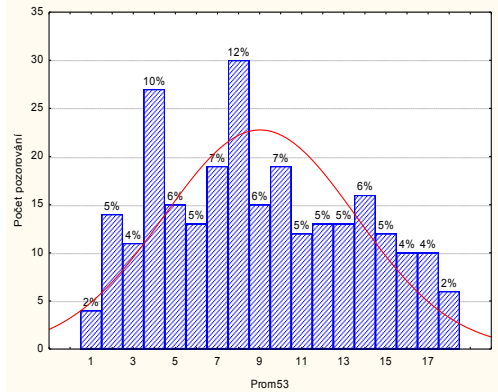
Graf 23.2: Hodnota spoločný názor na vieru: ČR

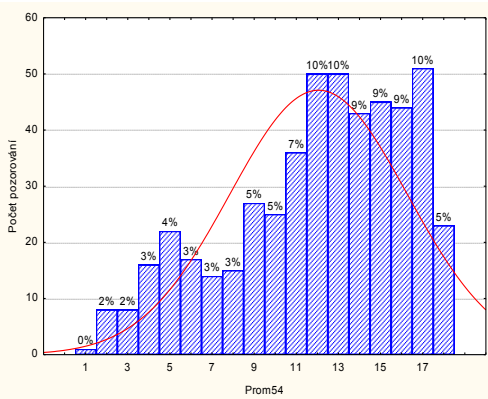
Graf 24.1: Hodnota sex: SR

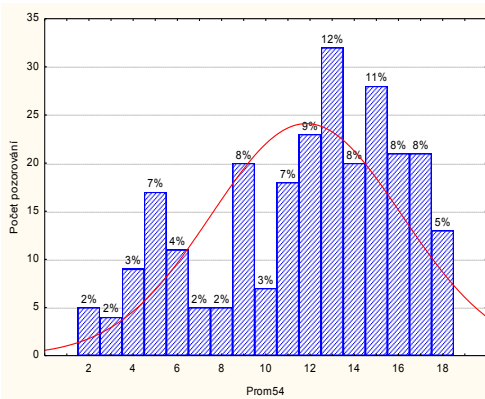
Graf 24.2: Hodnota sex: ČR

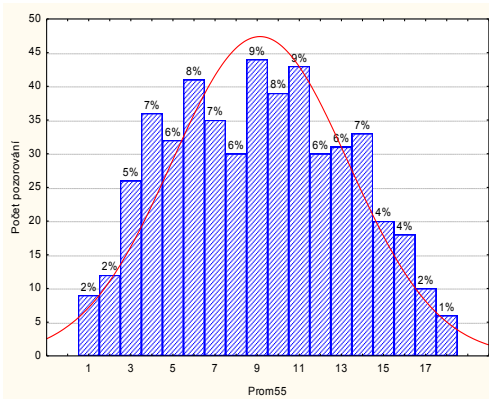
Graf 25.1: Hodnota rozdelenie úloh a prác: SR

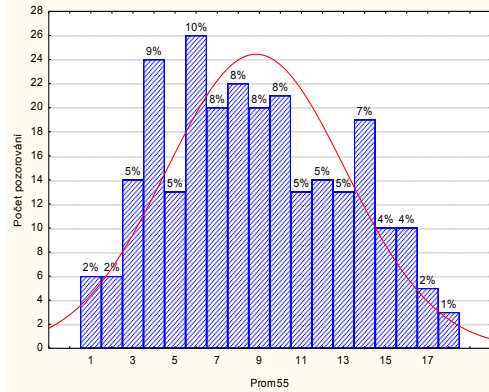
Graf 25.2: Hodnota rozdelenie úloh a prác: ČR

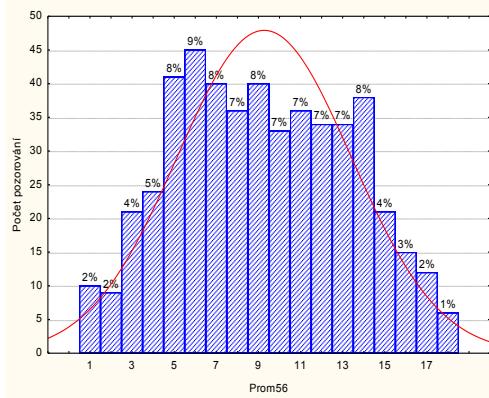
Graf 26.1: Hodnota rovnaké záujmy: SR

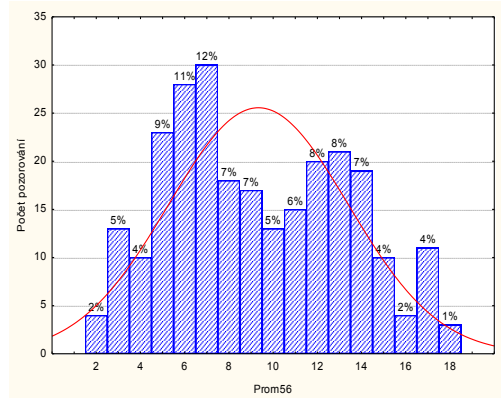
Graf 26.2: Hodnota rovnaké záujmy: ČR

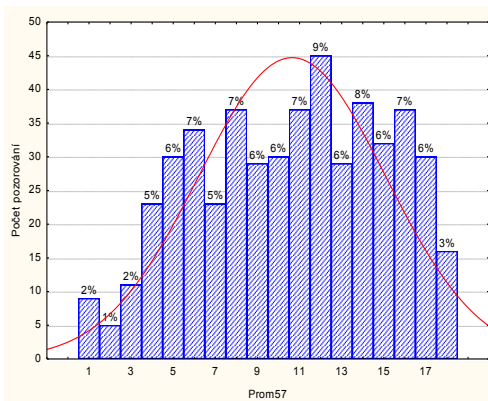
Graf 27.1: Hodnota rovnosť v rozhodnutiach: SR

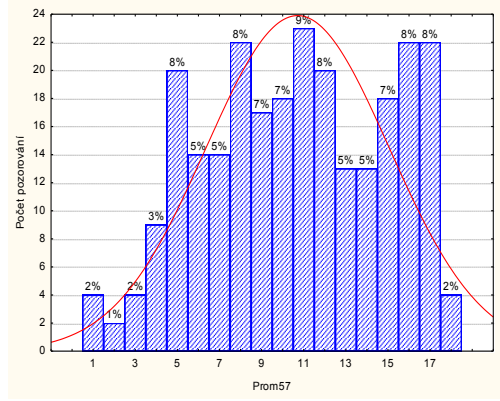
Graf 27.2: Hodnota rovnosť v rozhodnutiach: ČR

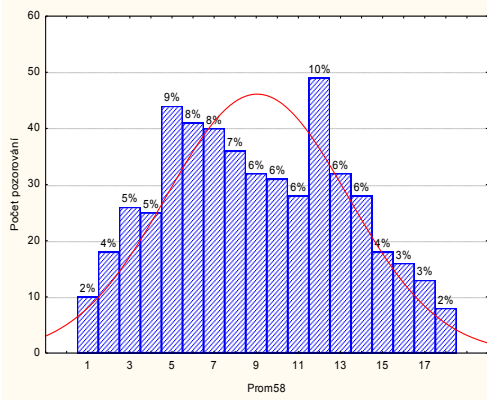
Graf 28.1: Hodnota osobný rozvoj: SR

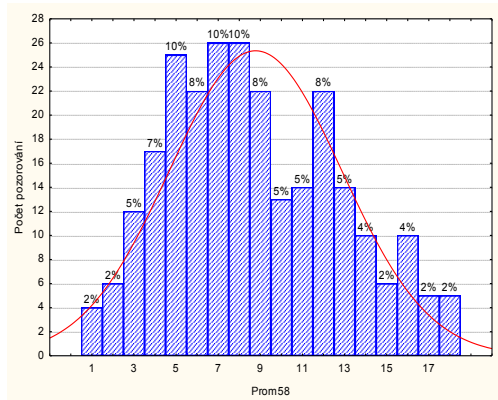
Graf 28.2: Hodnota osobný rozvoj: ČR

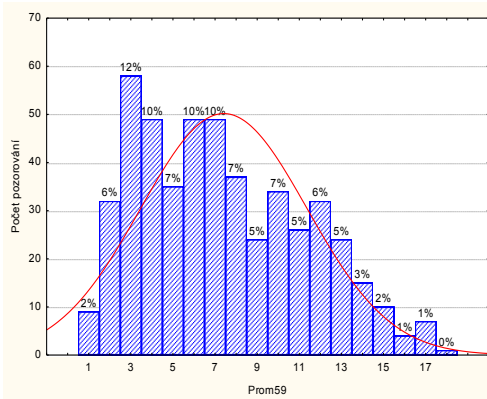
Graf 29.1: Hodnota spoločné trávenie času: SR

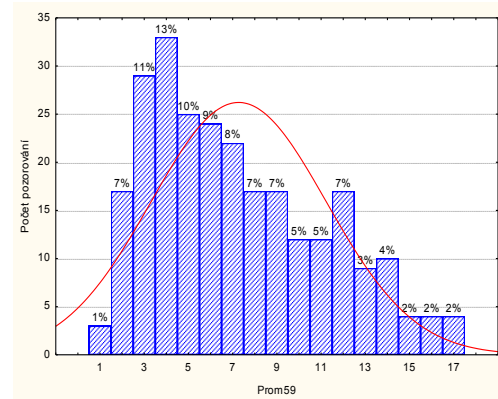
Graf 29.2: Hodnota spoločné trávenie času: ČR

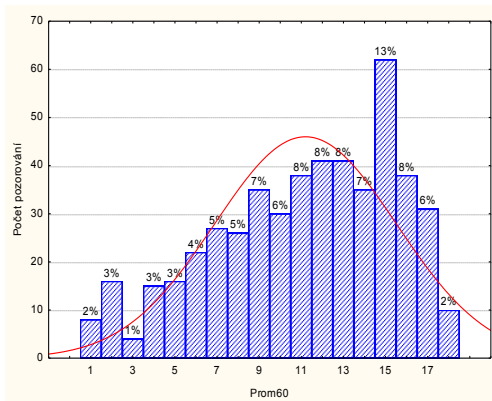
Graf 30.1: Hodnota otvorenosť: SR

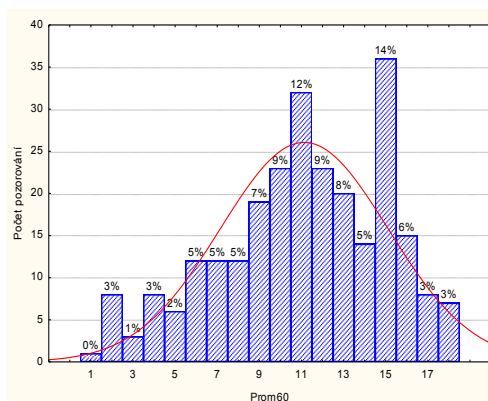
Graf 30.2: Hodnota otvorenosť: ČR

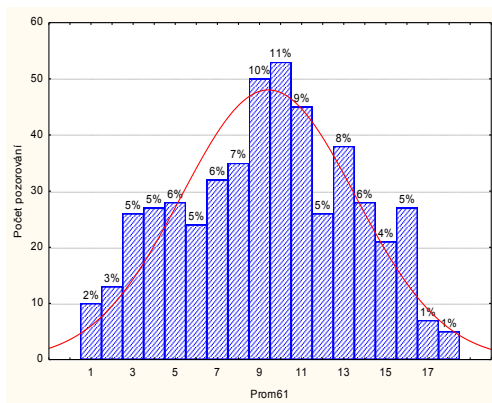
Graf 31.1: Hodnota záväzok: SR

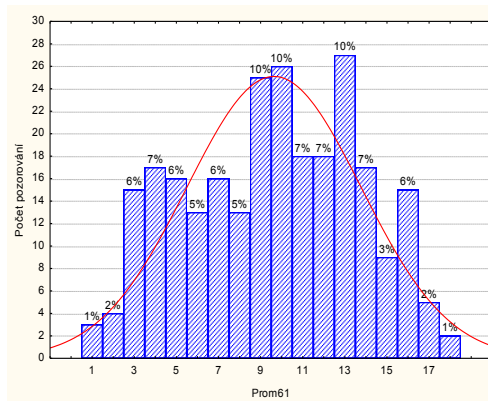
Graf 31.2: Hodnota záväzok: ČR

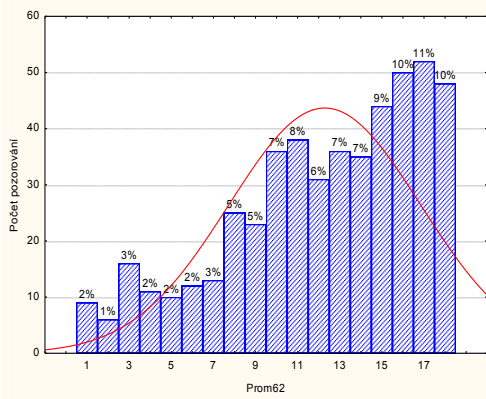
Graf 32.1: Hodnota vášeň: SR

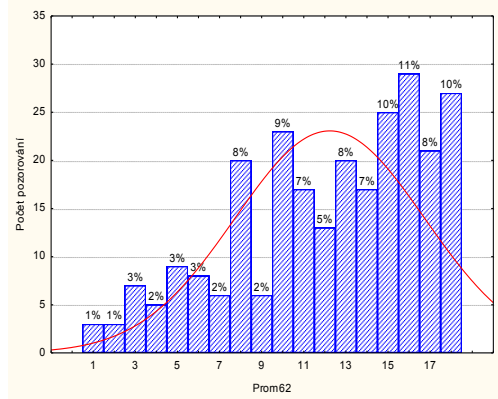
Graf 32.2: Hodnota vášeň: ČR

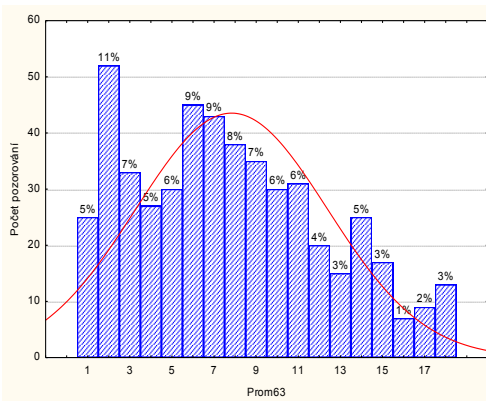
Graf 33.1: Hodnota voľnosť: SR

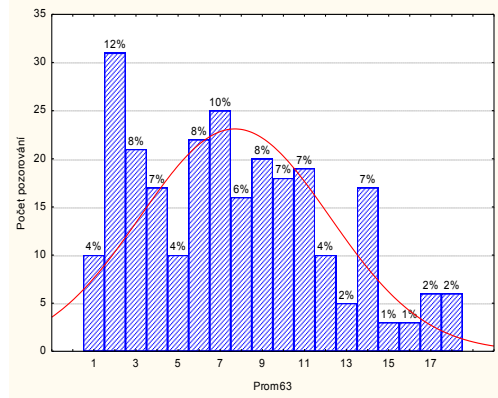
Graf 33.2: Hodnota voľnosť: ČR

Graf 34.1: Hodnota istota: SR

Graf 34.2: Hodnota istota: ČR

Reprodukčné aspirácie a preferencia hodnôt v partnerských vzťahoch

Vo vzťahu k preferencii hodnôt v partnerských vzťahoch, sú v tabuľke č. 6 uvedené výsledky korelácií aspirácií respondentov a respondentiek zo Slovenska mať dieťa/deti so súčasným/ou partnerom/kou vo vzťahu k preferencii hodnôt v partnerskom vzťahu.

Aspirácia účastníkov a účastníčok výskumu zo Slovenska mať so súčasným /ou partnerom /partnerkou deti, pozitívne koreluje s nasledovnými hodnotami v partnerskom vzťahu: emocionálne porozumenie, spoločné trávenie času, záväzok, vášeň, istota.

Aspirácia slovenských mužov a žien mať so súčasným/ou partnerom /partnerkou deti negatívne koreluje s hodnotami v rámci partnerského vzťahu: smerovanie k manželstvu, plánovanie rodičovstva, spoločný názor na vieru a rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia.

Tab. 6: Aspirácie opýtaných mužov a žien mať deti so súčasným/ou partnerom /partnerkou v súvislosti s preferenciou hodnôt v partnerskom vzťahu - korelácie (Slovenská republika)

Spearmanovy korelace	
Označ. korelace jsou významné na hl. p <,05000	
Proměnná	Prom25
Prom46	-0,189365
Prom47	0,119650
Prom48	-0,327507
Prom49	0,011422
Prom50	0,033721
Prom51	-0,059566
Prom52	-0,099433
Prom53	0,051732
Prom54	-0,075746
Prom55	0,020634
Prom56	-0,115253
Prom57	0,074258
Prom58	0,119018
Prom59	0,020601
Prom60	0,094930
Prom61	0,170261
Prom62	0,051306
Prom63	0,098522
Prom25	1,000000

Legenda:

Hodnoty v partnerských vzťahoch:

46 - smerovanie k manželstvu; 47 - emocionálne porozumenie; 48 - plánovanie rodičovstva; 49 - dôvera; 50 - adekvátny príjem; 51 - vzájomný rešpekt a uznanie; 52 - spoločný názor na vieru; 53 - sex; 54 - rozdelenie úloh a prác; 55 - rovnaké záujmy; 56 - rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia; 57 - možnosť osobného rozvoja; 58 - spoločné trávenie času; 59 - otvorenosť; 60 - záväzok; 61 - vášeň; 62 - voľnosť; 63 - istota.

V tabuľke č. 7 sú, analogicky ako v prípade preferencie morálnych hodnôt u slovenských účastníkov a účastníčok výskumu, uvedené výsledky, ktoré sa týkajú odpovedí respondentov a respondentiek z Českej republiky, konkrétne korelácií deklarovaných reprodukčných aspirácií českých mužov a žien mať dieťa/deti v súčasnom partnerskom vzťahu vo vzťahu k preferencii hodnôt v partnerskom vzťahu.

Z tejto tabuľky možno vidieť, že aspirácia účastníkov a účastníčok výskumu z Česka mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti, pozitívne koreluje s hodnotou v partnerskom vzťahu: emocionálne porozumenie.

Aspirácia opýtaných mužov a žien z Česka mať so súčasným/ou partnerom/partnerkou deti negatívne koreluje s preferovanými hodnotami v partnerskom vzťahu: plánovanie rodičovstva a rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia.

Tab. 7: Aspirácie opýtaných mužov a žien mať deti so súčasným/ou partnerom/partnerkou v súvislosti s preferenciou hodnôt v partnerskom vzťahu – korelácie (Česká republika)

Spearmanovy korelace	
Označ. korelace jsou významné na hl. p <,05000	
Proměnná	Prom25
Prom46	-0,081622
Prom47	0,153657
Prom48	-0,227695
Prom49	-0,022356
Prom50	0,082505
Prom51	-0,110941
Prom52	0,035962
Prom53	0,054895
Prom54	-0,057938
Prom55	0,083369
Prom56	-0,149077
Prom57	0,069725
Prom58	0,119826
Prom59	-0,060081
Prom60	-0,058225
Prom61	0,034601
Prom62	-0,030914
Prom63	0,078373
Prom25	1,000000

Legenda:

Hodnoty v partnerských vzťahoch:

46 – smerovanie k manželstvu; 47 – emocionálne porozumenie; 48 – plánovanie rodičovstva; 49 – dôvera; 50 – adekvátny príjem; 51 – vzájomný rešpekt a uznanie; 52 – spoločný názor na vieru; 53 – sex; 54 – rozdelenie úloh a prác; 55 – rovnaké záujmy; 56 – rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia; 57 – možnosť osobného rozvoja; 58 – spoločné trávenie času; 59 – otvorenosť; 60 – záväzok; 61 – vášeň; 62 – voľnosť; 63 – istota.

Záver

Väčšina opýtaných mužov a žien zo Slovenska i z Českej republiky plánuje mať deti (so súčasným/ou partnerom alebo partnerkou), alebo už deti má. Toto zistenie je v súlade s našimi výsledkami o reprodukčných aspiráciách u mužov a žien mladšieho dospelého veku (Marková, 2013, Lukšík, Marková, 2012).

Neboli zistené štatisticky významné diferencie v reprodukčných aspiráciách v súčasnom vzťahu medzi osobami z Českej a Slovenskej republiky a ani v hodnotových preferenciách v slovensko-českej komparácii.

Ukázali sa však určité odlišnosti v koreláciách medzi preferenciami morálnych hodnôt v partnerských či sexuálnych vzťahoch a reprodukčnými aspiráciami so súčasným/ou partnerom/kou podľa toho, či účastníci a účastníčky výskumu pochádzali zo Slovenska alebo z Českej republiky.

Bola zistená pozitívna korelácia medzi reprodukčnými aspiráciami slovenských mužov a žien so súčasným / ou partnerom / partnerkou a preferenciou hodnôt v sexuálnom či partnerskom vzťahu: vášeň, emocionálne porozumenie, spoločné trávenie času, záväzok, vášeň, istota.

Naopak, negatívna korelácia bola zistená medzi reprodukčnými aspiráciami slovenských mužov a žien so súčasným/ou partnerom/partnerkou a preferenciou hodnôt v sexuálnom či partnerskom vzťahu: tradícia, stálosť a zodpovednosť, smerovanie k manželstvu, plánovanie rodičovstva, spoločný názor na vieru a rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia.

Čo sa týka odpovedí účastníkov a účastníčok z Českej republiky, pozitívna korelácia bola zistená medzi reprodukčnými aspiráciami českých respondentov a respondentiek so súčasným/ou partnerom/partnerkou a preferenciou hodnôt v sexuálnom či partnerskom vzťahu: intimita a blízkosť, emocionálne porozumenie.

Negatívna korelácia bola zistená medzi reprodukčnými aspiráciami českých mužov a žien so súčasným/ou partnerom/partnerkou a preferenciou hodnôt v sexuálnom či partnerskom vzťahu: tradícia a stálosť, plánovanie rodičovstva a rovnaký vplyv na partnerské rozhodnutia.

V etickom kontexte naše výsledky poukazujú na to, že i keď dochádza k určitým hodnotovým a postojoým zmenám (rovnaké práva pri rozhodovaní vo vzťahu a pod.), tak postoje k reprodukcií v podobe reprodukčných aspirácií

a morálne hodnoty v sexuálnych a partnerských vzťahoch odrážajú skôr „tradičnú“ sexuálnu morálku v Schmidtovom (1996, 2003, 2004)) ponímaní. Na úrovni morálnych hodnôt sa nepotvrzuje často ideologizovaná morálna panika o chcenej bezdetnosti, ale skôr sa ako morálny ideál ukazuje tradičné želanie založiť si rodinu.

Zoznam literatúry

- [1] Bianchi, G. 2002. Intimita, sexualita a občianstvo. In: Ondrisová, S. – Šípošová, M. – Červenková, I. – Jójárt, P. – Bianchi, G. Neviditeľná menšina: Čo (ne)vieme o sexuálnej orientácii. Bratislava: Nadácia Občan a demokracia, 2002, p. 48–54. ISBN 80-968528-5-X.
- [2] Filadelfiová, J. 2005. Demografická situácia a správanie rodín vz. verejná politika v SR. In: Sociológia, Vol. 37, No. 5, 2005, p. 387–418. ISSN 0049 - 1225
- [3] Hantel-Quitmann, W. 2002. Die Globalisierung der Intimität : Die Zukunft intimer Beziehungen im Zeitalter der Globalisierung. In: Hantel-Quitmann, W. – Kastner, P. (Hrsg.) Die Globalisierung der Intimität : Die Zukunft intimer Beziehungen im Zeitalter der Globalisierung. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2002. p. 21–61. ISBN 3-89806-133-7.
- [4] Hašková, H. - Zamykalová, L. 2006. Mít děti - co je to za normu? Čí je to norma? In: Biograf : Časopis (nejen) pro biografickou a reflexní sociologii, č. 40-41, 2006. ISSN 1211-5770.
- [5] Lukšík, I. – Marková, D. 2012. Čo posilňuje aspirácie mať deti u mužov a žien na Slovensku? In: MARKOVÁ, D. – Rovňanová, L. (Ed.) Sexuality V : Zborník vedeckých príspevkov. Banská Bystrica, UMB, 2012. ISBN 978-80-557-0379-4.
- [6] Marková, D. 2013. Reprodukčné aspirácie v súčasných partnerských vzťahoch v kontexte morálnych hodnôt a Sternbergovej teórie lásky. In: Fyzika a etika VII : Vesmír – príroda- človek. Nitra, UKF, 2013, s. 144-176. ISBN 978-80-558-0244-2.
- [7] Schmidt, G. 2004. Sexualität und Kultur : Soziokultureller Wandel der Sexualität. In: Hornung, R. – Buddeberg, C. – Bucher, T. (Hrsg.). Sexualität im Wandel. Zürich: VDF Hochschulverlag AG an der ETH Zürich, 2004, p. 11–28. ISBN 3-7281-2886-4.
- [8] Schmidt, G. 2003. Zur Sozialgeschichte der Jugendsexualität in der zweiten Hälfte 20. Jahrhunderts. In: Aids Infothek : Das Magazin der Aids Info Docu Schweiz, 2003, vol.15, p. 4–9. ISSN 1021-321X.
- [9] Schmidt, G. 1996. Sexuelle Verhältnisse: Über das Verschwinden der Sexualmoral. Vollständig überarb. und erweit. Neuausgabe. Reinbek: Rowohlt, 1996. ISBN 3-499-60234-2.

Summary

In this research which was mapping minority and majority sexual life styles Slovak and Czech heterosexual men and women of younger and older adult age and their socio-cultural contexts. In this article we were concentrated on questions of reproductive aspirations in present partnerships in connection to preference of moral values in partnerships and sexual relationships. We present ion article part of Slovak and Czech study about desire to have a children with present partner, and moral values.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 183-196]

Д.О. Устрижицкая

КГУКИ, Краснодар

Российский транзит и проблема перспектив

Russian transit problem and prospects

Key words: *society, modern Russian society, the typology of societies*

В 1991-92 гг. произошли события, которые послужили отправной точкой современных реформ: путч ГКЧП и распад СССР, Пятый съезд народных депутатов России и план радикальных реформ Б. Ельцина, либерализация под руководством «правительства реформ» Е. Гайдара (1991-1992)¹. В результате этих реформ через 20 лет в России сформировалась новая экономическая, социальная и политическая реальность².

Один из основных вопросов современного отечественного обществознания – это вопрос: К какому типу относится современное российское общество? Очевидно, что ответ на этот вопрос имеет первостепенное как познавательное, так и практическое значение, например, для практики политического управления страной.

С точки зрения теории общественно-экономических формаций отечественное общество находится в крайне оригинальной ситуации –

¹ См.: *Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров* / под ред. М.К. Горшкова и др. М.: «Весь Мир», 2011. – С. 7.

² См.: М.К. Горшков, *Российское общество как новая социальная реальность. Вместо предисловия* // Россия реформирующаяся. Ежегодник/ Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. 408 с. С. 3-11; Э.М. Андреев, *Новая социальная реальность: методологические проблемы интегрального социально-философского и социологического анализа* // Личность как субъект культурной политики в современной России Материалы Круглого стола на тему "Взаимоотношение личности и общества в условиях социально-экономической нестабильности" // Общество и право. 2009. № 5(27). С.21.

переход от государственного социализма к капитализму. Такой реставрационный переход в реальной практике социально-исторического развития не только не осуществлял, но и даже не прогнозировал. Следовательно, теория общественно-экономических формаций в том виде как она разрабатывалась до этого, должна быть критически переработана. Слабыми местами этой теории является недостаточный учет многообразия видов собственности, стремление редуцировать все виды собственности к одной. Другим слабым местом можно обозначить недоучет исторической конкуренции общественно-экономических формаций и возможности социально-исторического синтеза элементов разных формаций в одном социуме.

В результате социально-экономической и политической деконструкции СССР произошел переход к обществу, экономической и политической доминантой которого является государственный и олигархический капитализм. Социальным фактом является то, что современный отечественный капитализм является реставрационным, государственно-олигархическим, по двум основным видам собственности, преимущественно ориентированным на сырьевую ренту, в значительной степени коррупционным и криминальным, как по происхождению, так и по современному состоянию, в значительной мере полуфеодальным. В предшествующей теории общественно-экономических формаций недостаточно учитывалось, что любое государство и страна не существует в «чистых» рамках одной формации.

С точки зрения стадийной теории цивилизаций мы можем констатировать наличие индустриального общества с сырьевой экономикой. Поскольку это общество «смешанное», то в нем есть отдельные вкрапления как «продвинутого» - постиндустриального общества, так и элементы архаики.

Если с точки зрения стадийной теории цивилизаций прогноз может быть оптимистическим, так как все время речь ведется о переходе к «информационному обществу», «постиндустриальному обществу», то с точки зрения циклической теории цивилизаций прогноз может выглядеть пессимистически. Например, можно допускать, что тот тип цивилизации и

тот антропологический облик индивида, который населяет геополитическое пространство «Россия» исчерпал себя. В этом случае наличный культурно-исторический тип идет к закату, а на освобождающемся географическом пространстве поселится новый «кочевник», переселившийся на него то ли в ходе мирной миграции, то ли в результате глобальной войны за передел геополитического пространства. Этот сценарий вполне укладывается в существующие теории глобализации. «Западный проект» отводит России преимущественную роль как поставщика сырья и на практике он пока и реализуется. В глобальной иерархии «потребители», производители, поставщики сырья и аутсайдеры мы не аутсайдеры, но поставщики сырья. Конечно, в нашей стране существуют «зоны» индустриальной и модернизационной продвинутой, которые оставляют почву для оптимизма.

Политической идеологией и идеологией проводившихся на первом этапе отечественных экономических реформ стал либерализм. Поскольку реформе подвергалась экономика государственного социализма, то основной пафос либеральных реформ был направлен на реализацию идеи приватизации государственной собственности. Идеальной основой такой политической линии в 1970-е и 1980-е годы служили теоретические взгляды неоклассиков и неоавстрийцев. Главными знаковыми фигурами стали «официально» мировым сообществом манифестированные идеи Ф.А. фон Хайека, Дж. Бьюкенена и Р.Э. Лукаса о вреде «активного государства»³.

Фон Хайек провозгласил главной философской идеей своего проекта спонтанность социальных и экономических явлений. Государство объявляется главным «врагом» социальной спонтанности, искажает относительные цены, структуру размещения ресурсов, дезориентирует агентов. Идеальным отражением технологических возможностей и потребительских предпочтений провозглашается конкуренция и свободное ценообразование. Основным аргументом Бьюкенена является то, что всякое государственное вмешательство реализует решения определенных чиновников, воздействия лоббирующих групп, что сводит к нулю его

³ См.: И.В. Розмаинский, «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике / И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. № 9. 2006. С. 71–82.

рациональность в экономике. Р. Лукас также подверг критике всякое вмешательство государства в экономику, так как такие действия предвидятся агентами, чьи ожидания формируются рационально.

Эти догмы законодателей моды мировой экономической мысли и их примитивное воплощение в практику российской экономики стали причиной политического волонтаризма. Ведь волонтаризм может проявляться не только в форме огосударствливания, но и в форме разгосударствливания (в данном случае как большевизм наоборот). Шокотерапевтическая политика правительства Е. Гайдара была также ангажирована зарубежными советниками и экспертами относительно стратегий трансформации плановых хозяйств в рыночные системы в 1980-х - 1990-е гг.

В настоящее время мы наблюдаем возврат в противоположность, современные критики политической экономии, социальные философы, политологии, посткейнсианские теории экономики вновь придают существенную роль государству в деле рационализации экономики. Теоретическая критика либерализма с точки зрения посткейнсианства⁴ (И.В. Розмаинский и др.) приводит к определенным обобщениям, имеющим не только экономическое, но и социально-философское значение. Существенным является то, что типологические характеристики современной экономической системы России обусловлены наследием и ролью государства. Основные институциональные характеристики современного отечественного капитализма - очень неэффективная государственная защита прав собственности и контрактов, высокие «официально-административные» и «неофициально-криминальные» ограничения доступа к различным видам экономической

⁴ См.: И.В. Розмаинский, *К формированию посткейнсианской теории государства* // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=52722>; И.В. Розмаинский, *Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход* / И.В. Розмаинский // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Том 2 (№ 1). 2004. С. 59-71; И.В. Розмаинский, *«Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике* / И.В. Розмаинский // *Вопросы экономики*. № 9. 2006. С. 71-82; И.В. Розмаинский, *Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход* / И.В. Розмаинский // *Вопросы экономики*. № 6. 2009. С. 48-59.

деятельности, а также низкая степень исполняемости законов и высокая степень их нестабильности. Все это рассматриваются как институциональная слабость современного государства. Для такой системы типичны большая роль различных олигархических и чиновничьих кланов в обеспечении принуждения к выполнению контрактов, а также низкая степень конкуренции, большая доля теневого сектора, фрагментация экономически-правового пространства и другие характеристики неэффективной институциональной среды. Среди стратегических недостатков такой системы можно назвать низкую склонность к долгосрочным инвестициям и инновациям, технологический застой, отсутствие экономического роста.

Основной выход видится на пути трансформации государственно-олигархического, криминально-бюрократического капитализма в рационально рыночный капитализм. Эффективность государства в этом случае заключается в создании соответствующей институциональной среды. Основные качества этой среды – создание равных возможностей для всех экономических агентов, справедливая судебная защита интересов и контрактов, отсутствие лазеек для неуплаты налогов.

Как оказывается, подобный экономический переход - движение к «институционально адекватному» государству зависит от интенсивности формирования гражданского общества в подобных экономических системах. Постепенное усиление контроля рядовых членов общества над деятельностью государственных должностных лиц и выработка стимулов к «дальновидности» у тех, кто приходит во властные структуры, могут в долгосрочной перспективе способствовать «отмиранию» институтов олигархического капитализма и их преобразованию в институты рыночного капитализма. Однако жесткое противодействие таким тенденциям могут оказать такие направления институциональной эволюции в условиях олигархического капитализма, как ужесточение политических ограничений, расширение прав различных элит, а также укоренение обычаев и традиций, благоприятствующих взяточничеству и вымогательству. Опыт конца первого десятилетия XXI века в России и некоторых других постсоциалистических странах показывает, что подобные

неблагоприятные изменения могут стать реальностью. В этом случае наша страна рискует быть обреченной на экономический застой с неэффективным государством, что будет прямым продолжением бюрократического социализма административно-командной системы СССР.

Таким образом, с точки зрения теоретической, роль государства в экономике не является однозначно отрицательной или однозначно положительной. Все определяется конкретными условиями и конкретными функциями государства. В случае современной России роль государства в экономике обусловлена рядом обстоятельств:

- Россия имеет обширные пространства с разреженной инфраструктурой и сетью поселений, суровыми природно-климатическими условиями, патерналистско-этатистскими традициями, северной энергоемкой экономикой, нерыночным характером развития значительных территорий;

- в условиях критического осложнения финансово-экономической обстановки государство играет главную роль в предотвращении дестабилизации;

- любые меры мобилизационного типа потребует концентрации на ключевых направлениях усилий, ресурсов, средств, человеческого потенциала, консолидации элит и нации в целом, политической воли, идеологического обеспечения, административных шагов;

- без гарантий и стимулирования со стороны государства невозможны также разрешение демографической ситуации в стране, сглаживание перекосов в межрегиональном развитии, диспропорций в размещении экономики и свехурбанизации;

- геополитическое положение России, вопросы военной безопасности в условиях глобальной конкуренции за природные и сырьевые ресурсы также требуют сильного в военном отношении государства.

В конце 1980-х гг. Россия вступила в очередной этап своей модернизации, приведшей к широкомасштабной социальной трансформации, глубина которой имела характер цивилизационного «сдвига». К середине 1990-х годов начали наблюдаться резкий спад базовых экономических показателей, фактическая деиндустриализация экономики, падение жизненного уровня

населения, беспрецедентная зависимость от импорта и практически полная внешняя неплатежеспособность Российской Федерации.

В настоящее время Российская Федерация играет в мировой экономике роль экспортера сырья и импортера потребительских и инвестиционных товаров и услуг. Сырьевая модель экономического развития не может обеспечить ни высоких темпов роста благосостояния народа, ни макроэкономической стабильности, ни международной конкурентоспособности российских предприятий, ни национальной безопасности России. Ее недостатком также является вялый научно-технический прогресс, который только и может быть основным источником современного экономического роста.

Как указывают отечественные исследователи⁵, надо менять модель экономического развития и прекратить практически бесплатное кредитование западных стран, а начать вкладывать государственные средства в реальные активы, обеспечив отток спекулятивного капитала из России и заместив иностранные займы российских госкомпаний бюджетными кредитами. Это позволит без усиления инфляции инвестировать средства Фонда национального благосостояния в развитие российской индустрии. Можно вкладывать нефтяные доходы внутри страны, не провоцируя, а замедляя инфляцию. Для этого их надо помещать в высокотехнологичные отрасли; в создание компаний на высокомонополизированных рынках; в расширение «узких мест», порождающих структурную инфляцию; в отрасли, в которых улучшатся конкурентные преимущества в случае падения цен на нефть.

Один из выходов - «диверсификационная» модель развития российской экономики, возможности которой с учетом международной конкуренции очень ограничены. В высокотехнологичных отраслях мировой экономики доминируют ТНК, в трудоемких же отраслях с традиционной технологией Россия не может конкурировать с Китаем и Индией, имеющими огромные ресурсы дешевой рабочей силы. Кроме того, в этих и в «новых

⁵ См.: Г.Г. Фетисов, *Будущее российской экономики: экспорт сырья, диверсификация или высокие технологии?* (Доклад) // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36256> Опубликовано на сайте 09/09/2008.

индустриальных» странах десятилетиями проводилась политика «догоняющего развития» с применением мер господдержки экспорта торгуемых продуктов. Япония и Южная Корея уже создали высокотехнологичную экономику. Начинают вторгаться в высокотехнологичные отрасли и китайские компании, пользующиеся мощной поддержкой государства. Поэтому возможности модели «догоняющего развития» очень ограничены.

Основной причиной неразвитости в России высокотехнологичного сектора стало создание множества технологических монополий, возникших из-за приватизации по отдельности звеньев «технологических цепочек» по производству готовых продуктов, особенно предприятий, находившихся в советскую эпоху в ведении разных министерств. Вместо межотраслевых концернов возникли сети из связанных технологически, но юридически независимых предприятий, генерирующие «инфляцию издержек». Поэтому необходимо стимулировать создание объединенных технологических цепочек в виде концернов и единых компаний.

Как отмечают некоторые авторы, если исходить из парадигмы «экономикс», в которой рассматривается наилучшее (с точки зрения максимизации суммарной прибыли и доходов индивидов) распределение ресурсов, то переход России к «высокотехнологичной» модели развития невозможен. Специалисты указывают, что если руководствоваться институционально-эволюционной теорией, в которой предприятия рассматриваются как развивающиеся и самообучающиеся организации, то возможности для мобилизационной модернизации еще есть. Политика государства должна быть направлена на создание инновационно активных российских вертикально-интегрированных корпораций. При необходимости государство должно само такие ТНК создавать, в том числе – на основе частно-государственного партнерства.

С. Хантингтон⁶ указывает несколько моделей модернизации: (1) вестернизация без модернизации, по такому пути пошли Египет и Филиппины; (2) модернизация без вестернизации, по этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, они

⁶ См.: S.P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y., 1996. P. 75.

модернизировалась, не меняя своей идентичности; (3) догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы (Россия, Турция, Мексика и др.).

И хотя догоняющее развитие беспощадно раскритиковано, но иного пути, чем постепенная модернизация трудно придумать. Финансовой «подушкой безопасности» в этом случае остается экспорт энергоносителей, потому что Запад не заинтересован плодить себе конкурентов. Поэтому он будет развивать сотрудничество лишь в выгодных для себя сферах. В то же время, в настоящее время развитие производительных сил РФ, а значит и проведение инновационно-модернизационных реформ, невозможно с опорой только на собственные силы. Поэтому задача может заключаться очень часто лишь в том, чтобы заимствовать нечто за рубежом, но сделать это лучше. Кажется, экономический феномен Японии во многом заключается в этом. России предстоит быть готовой к реализации в таком партнерстве собственных целей и иметь для этого на руках достаточные козыри, в том числе политические.

Наконец, есть прорывные отрасли, в которых отечественный производитель может занимать первые позиции. Но, представляется, что без солидной государственной поддержки это не получится.

Итак, современный российский модернизационный проект определяется предпосылками самой российской истории, положением в системе глобального сообщества и разделением труда, задачами тренда, который она стремится реализовать. Российский модернизационный проект несет в себе сочетание следующих моделей:

- «сырьевая» модель как базовая;
- «высокотехнологичная» модель как сопутствующая и модернизационная;
- «цивилизационная» модель, как ценностный выбор и выбор образа жизни и средство перехода к новому культурно-цивилизационному проекту - «обществу знания»⁷.

⁷ См.: Экономика знаний и инновации: перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2007.

Реализация суммирующей составляющей зависит от соотношения внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов и соотношения указанных моделей в практике политического и социального управления. Современное российское общество является в высокой степени стратифицированным⁸, существует большой разрыв в доходах верхних и нижних слоев, при наличии сравнительно малочисленного среднего класса. Такая социальная структура не может быть основой для полноценной стабильности. Поэтому достигнутая в настоящее время социальная устойчивость не может быть основой благополучного социума, так как она не обеспечивает не только социальной справедливости, но и социальную и экономическую динамику. Недостаточность такой социальной иерархии сказывается и в том, что неоправданными оказываются социальные ожидания многих россиян, особенно в связи с полнотой вознаграждения за качество труда. Тем не менее, оснований для проявления социального взрыва также пока нет. Главная задача видится в том, чтобы перевести сложившуюся устойчивость в динамичное состояние, связанное с модернизационными процессами, положительной экономической динамикой и развитием условий для самореализации граждан, как в структурах гражданского общества, так и в структурах профессионально-трудовой деятельности.

Внутри российского общества существуют различные субкультуры, характеризующиеся консерватизмом, традиционализмом, приверженностью модернизационным ценностям. В каждой из этих субкультур наблюдаются свои механизмы ретрансляции ценностей, социальных норм и политических установок, свои «опережающие» группы, выступающие в качестве генераторов установок. В то же время, не менее половины общества существует в рамках пограничных культурно-политических ценностей. Многие исследователи связывают общекритическое состояние современного российского общества с переоценкой традиционных ценностей идентификации. За последние годы

⁸ См.: Ю.В. Арутюнян, *О социальной структуре общества постсоветской России*. // Интернет ресурс: <http://soc.lib.ru/>; В.А. Литвинов, *Социальная стратификация и уровень жизни в современной России* // *Россия и современный мир*. 2008. № 2 (59). С. 176-180;

оформилась тенденция переориентации значительной части общества на индивидуальные ценности, что некоторые исследователи характеризуют как «революцию ценностей». Особым фактором переходного состояния общества стала регионализация сознания в различных ее формах и проявлениях. Некоторые исследователи в этой связи прогнозируют распространение ныне наблюдаемых элементов регионализации массового сознания на социально-культурную этнокультурную сферу и предполагают наличие кризиса суперэтничности. Мы рассматриваем это как часть общего антропологического кризиса. Однако картина социального кризиса возникает в том случае, когда исследователи применяют традиционную классовую и стратификационную методологию. В то же время, цивилизационный и социокультурный анализ дают несколько иную оценку. В интенциях российского социума существует значительный модернизационный тренд, связанный с формированием рациональности постиндустриального общества.

Поэтому, оценки и выводы отрицательного характера, считающие, что возникший в России в результате проводившихся с 1992 г. либеральных реформ общественный строй не соответствует коренным интересам подавляющего большинства граждан и интересам развития страны являются оправданными, но они не являются доминирующими.

Существующий строй является «смешанным» обществом с элементами олигархического капитализма, либерального капитализма, социализма, интенций информационного общества, реликтов феодализма и варварского рабства. С точки зрения социальных интересов большинства российских граждан «идеальным» было бы осуществление синтеза положительных сторон прежней общественной модели, предоставлявшей высокие социальные гарантии, и наиболее весомых достижений современного западного общества, с его гражданскими свободами, эффективной экономикой и ответственным государством. Однако историческая инициатива принадлежит модернизационному тренду, субкультуре интеллектуалов и деятелей информационной цивилизации. Они существуют в социальных мирах «параллельных» традиционным структурам и не отображаемых в картинах стратификации, ранжирующих

социум по критериям богатство/бедность. Новая, более подвижная, более синергетичная социальная среда существует глобально в сетевой форме и является носителем новой рациональности, взламывающей традиционные структуры и создающей видимость социального кризиса и хаоса.

Сказанное не означает, что перестала быть актуальной задача повышения благосостояния большинства российских граждан, ибо это способствует различного рода социальным взрывам, в том числе и в виде террора, с другой стороны, происходит социальная деградация больших слоев населения, в том числе, и путем роста смертности, люмпенизации, роста потребительства, социального иждивенчества, наркомании, алкоголизма и пр. С нашей точки зрения, надо учитывать, что в современной России переход к высокостратифицированному капиталистическому обществу произошел в ходе шоковой терапии очень быстро. Поскольку коренным образом поменялась политическая ситуация и идеология, то возникла не революционная ситуация, а антропологический кризис, проявляющийся ярче всего в депопуляции.

Однако надо понимать, что решение большинства проблем возможно как попутная задача на пути модернизации и трансформации существующего российского общества в «общество знания». Технологический и социальный прорыв лежат в одном и том же направлении реформ. В качестве двигателя прогрессивных преобразований можно рассматривать субкультуру сетевого типа, соответствующую тенденциям и запросам информационного общества.

Мы согласны, что есть определенная связь между современной политической системой и типом экономики, но не изоморфная⁹. Но в современной России сложилась корреляция «экономики трубы» и недемократического политического устройства - монополистического, бюрократического, олигархического, коррупционного в своей основе.

⁹ См.: В.Д. Виноградов, *Современный тип российского общества: социальная структура и государственность*. // Общество и власть: проблемы взаимодействия / Отв. редактор В.Д. Виноградов. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006; Бызов Л.Г. Империя: проблемы воссоздания // <http://www.netda.ru/sborniki/rustroj/rs-leontiy.htm>; Холодковский К.Г. вопросу о политической системе современной России // http://www.perspektivy.info/ru/gos/k_voprosu_o_politicheskoj_sisteme_sovremennoj_rossii_2009-03-02.htm

Верховная власть в России носит президентский, персоналистский, клановый, плебесцитарно-бюрократический характер. Реальная политическая власть является приоритетом высшей бюрократии (нескольких десятков человек) – ведущие деятели президентской администрации, важнейших министры и губернаторы, верхушка партии власти, а также главы крупных государственных корпораций.

Бюрократия как основной способ осуществления верховной власти «сверху вниз», осуществляет свои полномочия административно-командным путем, что было характерно и для советской системы. Отсюда приоритет прямых, авторитарно-силовых действий в управлении. Такая система не способна к решению стратегически сложных, многоступенчатых, ранжированных задач, не способна к методам косвенного управления. Как отмечают исследователи, то, что называют «коррупция» является необходимым элементом функционирования этой системы, это механизм системы. Кадровый состав бюрократии селекционируется по персоналистскому принципу.

Демократический режим в современной России происходит свое становление и демократия существует в симулятивных, манипулятивных, параллельных и дружественных авторитаризму и бюрократии формах своего проявления. Олигархическая и плебесцитарная формы авторитаризма, опирающиеся на кланово-элитарную бюрократию, являются основной формой политической власти.

Существующая конституция и ее выполнение имеет в основном формальное значение. Реальным центром власти в течение ряда лет был едва упомянутый в Конституции технический орган – администрация Президента, возникли не предусмотренные ею институты (Государственный совет, округа, полпреды). Парламент, партии и гражданское общество фактически превращаются в некие симулякры, а права и свободы, провозглашенные в особо защищенной усложненным порядком изменения второй главе Конституции, становятся все более декларативными. В то же время, существующая власть, Президент, особенно в предвыборный период принимают дополнительные усилия по демократизации власти.

Существующий строй является «смешанным» обществом с элементами олигархического капитализма, либерального капитализма и социализма. С точки зрения интересов большинства российских граждан, «идеальным» было бы осуществление синтеза положительных сторон прежней общественной модели, предоставлявшей высокие социальные гарантии, и наиболее весомых достижений современного западного общества, с его гражданскими свободами, эффективной экономикой и ответственным государством. В качестве двигателя прогрессивных преобразований можно рассматривать различного рода элиту. Российская политическая, экономическая и интеллектуальная элиты должны приложить все усилия для того, чтобы скорректировать развитие страны в направлении оптимизации курса социально-экономического и духовного развития страны. Вопрос конструктивности отечественных элит также пока остался без анализа. Хотя в последнее время наметился новый сценарий – «народного фронта», создаваемого вокруг «Единой России».

За рамками нашего анализа остались проблемы идеологии, духовной жизни, культуры, мировоззренческая проблематика. Более комплексный и всесторонний анализ еще ждет наших усилий. Потому что нереализованность экономических, политических, социальных ожиданий создает впечатление, что ведущим, а во многом и единственным рычагом и средством осуществления реформ и модернизации остается духовный фактор и социализация. Изменить образ жизни и культуру можно, лишь опираясь на рычаги социализации как ведущие, параллельно модернизируя экономику и технологию. К такой гипотезе приводят итоги проделанного исследования.

Summary

Discusses typological characteristics of the modern Russian society. Modern Russian society «mixed» company with elements of oligarchic capitalism, liberal capitalism and socialism. From the point of view of the interests of the majority of Russian citizens, «the ideal» was the synthesis of the positive aspects of different models: high social guarantees, civil liberties, efficient economy, the responsible state. As an engine of progressive transformations can be considered a different kind of elite.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 197-217]

Wojciech Słomski

ISM Slovakia

Ю.М. Лотмана, семиосфера в теоретико-методологической концепции

Cemiosfera in theoretical and methodological concepts
Y.M. Lotman

Key words: *cemiosfera, philosophy, Y.M. Lotman*

Подходя к оценке научной деятельности Юрия Михайловича Лотмана с позиций его отношения к семиотике, следует обратить внимание на историю развития представлений об этой области знания. Основные принципы семиотики¹ сформулировал еще в XIX веке американский философ Ч. Сандерс Пирс. В XX веке семиотика приняла лингвистический уклон под влиянием идей основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра и основателя датского лингвистического структурализма Луи Ельмелева (структурная лингвистика), а философский уклон под влиянием идей американского философа Чарльза Морриса. В 1960-1970-е годы образовалось две школы семиотики. К числу активных участников французской школы обычно относят Клода Леви-Стросса, Альгирдаса

¹ **Семиотика (греч. semeion - знак)** – одно из направлений философии, которое определяется как исследование знаков и пользуется влиянием в тех областях философии, которые имеют дело с культурой и коммуникацией. Семиотика культуры исследует культуру как иерархию знаковых систем, имеющих свою логику развития и фиксируемую семиотическими практиками. Семиотика – наука о знаковых системах, одна из специфических междисциплинарных наук XX века наряду с кибернетикой, структурной поэтикой, культурологией, виртуалистикой, в основе которой лежит понятие знака – минимальной единицы знаковой системы, или языка, несущей информацию.

Греймаса, Цветана Тодорова, Ролана Барта и его ученицу – Юлию Кристеву. Другая школа, – это так называемая тартуско-московская, которая представлена именами Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, И.А.Чернова (Тарту), В.Н. Топорова, Вяч. Иванова, Б.А. Успенского, И.И. Ревзина (Москва).

В России наиболее полное и последовательное развитие идеи структурно-семиотической школы получили в трудах Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993). Он внёс огромный вклад в культурологию своими исследованиями в области русской культуры по многим её направлениям с точки зрения семиотики. При этом ему принадлежит заслуга и в разработке собственной общей теории культуры, которую Лотман рассматривает как открытую знаковую систему и структуру. Он полагал, что система эта включает в себя кроме естественного языка множество других знаковых систем, среди которых и все виды искусства. Важно, что культура – это и «текст», всегда существующий в определенном «контексте», и механизм, создающий бесконечное многообразие культурных «текстов», и долгосрочная коллективная память, избирательно передающая во времени и пространстве интеллектуальную и эмоциональную информацию. В этом смысле большое значение имеет работа Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв» (1992), в которой он с позиций семиотики исследовал различия между «взрывными» социокультурными процессами в России, с ее противоречивой дихотомической культурой, и западной культурой, для которой характерны более плавное и менее разрушительное развитие.

В качестве простейшей знаковой системы обычно приводят систему дорожной сигнализации – светофор (три цвета). Ч. Моррис выделил три раздела семиотики: 1) синтактику (или синтаксис), изучающую соотношения знаков друг с другом; 2) семантику, изучающую отношение между знаком и его смыслом; 3) прагматику, изучающую отношения знаков с их отправителями, получателями и контекстом знаковой системы. Наиболее фундаментальной и универсальной знаковой системой является естественный язык, поэтому структурная лингвистика и семиотика естественного языка – это синонимы. Однако в XX веке семиотика стала супердисциплиной, поскольку на протяжении 1960-х гг. определенно претендовала на это. Дело в том, что огромное количество слоев культуры

можно рассматривать как язык или знаковую систему, поэтому появилась семиотика литературы, кино, живописи, музыки, культуры, стиха. Семиотика тесно связана с логикой, в частности с логической семантикой Г. Фреге, Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Р. Карнапа, с аналитической философией в целом, поскольку последняя занимались прежде всего интерпретацией языка, семантикой возможных миров, структурной поэтикой, с исследованием виртуальных реальностей, с поэтикой постмодернизма². В семиотике речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка. Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно, различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование. Границы ее размыты, потому что нечто, являющееся сообщением для одного, не является таковым для другого (например, для человека, не знающего язык, на котором передается сообщение).

Основоположником **тартуско-московской школы**³ справедливо считают Юрия Михайловича Лотмана (1922-1993). Именно он – современный русско-эстонский культуролог, филолог, литературовед и философ фундаментально апробировал модусы-методики исследования языка, интерпретировал произведения искусства, культуры в корреляции с мультиснаковыми системами-моделями. На развитие семиотической философии оказала существенное воздействие западноевропейская структуралистика-семиотика, которая была ориентирована на познание феноменов искусства, культуры, антропологии, привязывая их к контексту гуманитарных проблем. Ю.М. Лотман пришел к выводу, что базовой гуманитарной дисциплиной в исследовательском процессе должна быть структуралистика-семиотика, – дисциплина, которая исследует предикатно-свойства интерпретации знаков, которая дает возможность резюмировать

² См.: Современный словарь по культурологии / В.В.Юрчук // Мн.: «Современное слово», 1999. – 736с.

³ Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х т. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – С. 13-149.

гностическо-когнитивные потенции структуралистско-семиотического подхода с целью познания объектов, предметов, моделей, парадигм культуры, искусства. Сами знакосистемы-знакомодели искусства и культуры в целом, как считал Ю.М. Лотман, являются несколько адекватными-изоморфными знакосистемам-знакопарадигмам-лингвомоделям структуралистско - семиотической интерпретации-трансляции - модификации. К определению культуры Лотман приходит через понятие семиосферы, понимаемое как присущее данной культуре семиотическое пространство⁴.

Различение означающего, означаемого и языка выступает как отправная точка семиотического анализа. Означающим может быть физический объект, слово или какое-либо изображение. Означаемое – это понятие (*mental concept*), на которое указывает означающее, в контексте которого знак – это соединение означающего и означаемого. Отношение между означающим и означаемым может быть достаточно прямым. Знаки, относительно свободные от социального посредничества, называются *иконическими*, а зависящие от него в большей степени – *условными (символическими)*. Означающие могут указывать на различные означаемые на разных уровнях; могут существовать различные уровни означивания (сигнификации) или различные пласты значений. Знаки могут быть организованы в коды, поэтому именно культурные конвенции определяют, каким образом конструируются коды, поскольку устанавливают, какие знаки могут соединяться друг с другом, порождая определенный смысл. Семиотика ценна тем, что идентифицирует проблему, то есть она проникает за пределы сферы непосредственного действия знака и задается вопросами о более широких значениях и социальных функциях знаковых систем. Однако существует некоторое сомнение в том, дает ли семиотика нечто большее, нежели простой набор понятий для рассмотрения этих вопросов. Более того, до сих пор остается незавершенной проблема обеспечения достоверности семиотического анализа.

Специфика семиотического пространства проявляется через семиосфера, которая создает возможность коммуникации и появления новой

⁴ См.: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров.* – С.-Пб., 2000.

информации. Эти функции семиосферы актуализируются в определенном пространстве-времени, т.е. в **хронотопе**. Говоря об этой специфике семиотического пространства, Ю. Лотман вводит понятие **отграниченности от окружающего ее внесемиотического пространства**. Именно граница играет важную роль в семиосфере, в определении ее пространства и функций. Отграниченность семиосферы проявляется в том, что внесемиотические тексты, сообщения, реальности могут быть «прочитаны» семиосферой», которая, с помощью границ, переводит их, по словам Лотмана, на один из языков ее внутреннего пространства. Структура семиосферы, как и ее подструктуры, строится на двух осях: 1) на временной оси, представляющей собой прошедшее, настоящее и будущее время, и на пространственной – это внутреннее и внешнее пространство, и граница разделяющая их. Внутреннее пространство разделено на субсемиосферы внутренними границами⁵.

Каждая субсемиосфера в отдельности представляет собой семиосферу. По аналогии с семиосферой, **границы** отделяющие пространства друг от друга, и разделяющие текст изнутри, способствуют постоянному порождению новых смыслов, диалогу внутри текста и структуризации всей текстовой реальности. Новые смыслы рождаются при пересечении текстов (смысловых пространств). Все участники коммуникации должны иметь какой-то опыт и иметь навыки семиозиса. *Семиотический* опыт должен предшествовать любому семиотическому акту, так как семиотическое пространство представляет собой условие существования и работы, в определенном отношении предшествует им и постоянно взаимодействует с ними. В этом отношении язык есть функция, сгусток семиотического пространства и границы в семиотической реальности представляются достаточно размытыми. Ю.М. Лотман полагал, что обязательными законами построения семиотической системы являются бинарность и асимметрия. **Бинарность** следует понимать как принцип, который реализуется через множественность. Так как любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, то только в силу взаимодействия с

⁵ См.: Лотман Ю.М. *Статьи по семиотике и топологии культуры*. Избранные статьи в 3-х т. Т. I. Текст в тексте. – Таллин, 1992. – С. 27.

этим пространством, он способен функционировать. Неразложимым механизмом семиозиса следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Именно семиотическое пространство – это условие функционирования и развития культуры. То же касается и семантической оппозиционной раздвоенности: мир подразделяется на богатых и бедных, своих и чужих, правоверных и еретиков, просвещенных и непросвещенных, людей природы и людей общества, врагов и друзей и т.д. и т.п.

Известное место в исследованиях Ю.М. Лотмана занимают понятия логико-математической и гуманитарной семиосфер. Он подчеркивает: «Особое значение чисел и числовой символики в истории культуры общеизвестно. В большом числе конкретных исследований, посвященных разным эпохам в истории культуры, рассматриваются случаи «эпических чисел», «числовой символики», «мистики чисел» и т.п. Количество случаев, когда число приобретает, сверх своего основного цифрового значения, некоторые добавочные – культурно-типологические, очень велико»⁶. Семиотика изучает производство, строение и функционирование различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию. Она играет заметную роль в методологии гуманитарных наук, так как любые культурные феномены неизбежно закреплены в знаках и представляют собой знаковые механизмы, чье назначение необходимо рационально разъяснить. В поле зрения семиотики находятся естественные и искусственные языки. Границы семиосферы подвижны и объединяют различные подходы. Принято выделять логико-математическую семиосферу, или «**металогикку**», которая изучает метатеоретическими средствами свойства логических и математических систем, искусственно формализованных языков; и **гуманитарную**, которая изучает свойства языка и литературы. Ее интересует не поиск значения, а способ означивания, так как содержание, не облеченное в форму, не является предметом семиотических исследований. Семиотика опирается на понятие **знака** как материально-идеального образования, репрезентирующего нечто и имеющего целью передачу определенного содержания и выполняющего

⁶ Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров.* – С.-Пб., 2000. – С.430.

роль посредника в культуре. «Фундаментальным вопросом семиотики культуры, – отмечает Лотман, – является проблема смыслопорождения. Смыслопорождением мы будем называть способность как культуры в целом, так и отдельных ее частей выдавать «на выходе» нетривиально новые тексты. Новыми текстами мы будем называть тексты, возникающие в результате необратимых (в смысле И. Пригожина) процессов, то есть тексты, в определенной мере непредсказуемые⁷.

Каждой эпохе свойственен свой семиотический стиль, свои способы интерпретации текстов, в результате чего композиция и корреляция отдельных семиотических систем определяют тип культуры. Семиотика – необходимая предпосылка языковой коммуникации, в контексте которой язык представляет собой сгусток семиотического пространства с размытыми границами семиотической реальности, в основе которой лежит смыслопорождение. В своей совокупности знаки образуют язык, который в семиотической теории, с одной стороны, выступает как «интерпретант всех прочих систем», но в то же время оказывается «частным случаем семиотической функции». Как отмечает Ю. Лотман, выявление значения зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования, где код означает способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются коммуникативная и другие функции языка.

За исходную точку любой семиотической системы Ю.М. Лотмана принят не отдельный знак (слово), но отношение двух знаков, что позволило иначе взглянуть на фундаментальные основы семиозиса. Объектом анализа оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство («семиосфера»), внутри которого реализуются коммуникационные процессы и вырабатывается новая информация. Семиосфера строится как концентрическая система, в центре которой находятся наиболее очевидные и последовательные структуры, представляющие мир упорядоченным и наделенным высшим смыслом. Смыслопорождение происходит на всех уровнях культуры и этот процесс подразумевает поступление извне в систему некоторых текстов специфическую и непредсказуемую их

⁷ Лотман Ю.М. *Культура как субъект и сама-себе объект* // Семиосфера... – С.-Пб., 2000. – С. 640.

трансформацию во время движения между входом и выходом системы. Системы этого рода – от минимальных семиотических единиц до глобальных типа «культура как себе-субъект и сама-себе объект» является структурным **изоморфизмом**. Это, с одной стороны, позволяет построить их минимальную модель, а с другой – окажется чрезвычайно существенным при анализе смыслопорождения⁸.

Ядерная структура («мифообразующий механизм») репрезентирует семиотическую систему с реализованными структурами всех уровней. Движение к периферии повышает степень неопределенности и дезинтеграции, свойственные внешнему по отношению к семиосфере миру и подчеркивает значимость одного из главных понятий – границы. **Граница семиосферы** понимается Лотманом как сумма билингвальных переводчиков-фильтров, обозначающих тип социальных ролей и обеспечивающих семиотизацию поступающего извне и превращению его в сообщение. Ситуация, при которой пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, но только их совокупностью, есть не недостаток, а условие существования языка и культуры, так как диктует необходимость другого – человека, языка культуры. Граница имеет и другую функцию – места ускоренных семиотических процессов, которые затем устремляются в ядерные структуры, чтобы вытеснить их. Введение противоположных и взаимно альтернативных структурных принципов придает динамизм семиотическому механизму культуры. Моделирование неопределенности связано с типологическим описанием различных культур и набором допустимых перекодировок, с проблемой переводимости-непереводимости. Заложенные в культуре альтернативные коды превращают семиотическое пространство в диалогическое: все уровни семиосферы являются одновременно и участниками диалога (частью семиосферы) и пространством диалога (целым семиосферы). Семиотика культуры не ограничивается представлением культуры в качестве знаковой системы – само отношение к знаку и знаковости составляет одну из основных типологических характеристик культуры. Любая реальность, вовлекаемая в

⁸ Там же.

сферу культуры, начинает функционировать как знаковая, а если она уже имела знаковый характер, то становится знаком знака (вторичной моделирующей системой). Лотман сопоставляет функционально и структурно близкие «интеллектуальные объекты» и делает вывод об изоморфизме процессов порождения языка, культуры и текста⁹. Для нормального функционирования **культура**, как многофакторный семиотический механизм, должна формироваться как целостный и упорядоченный организм. Требование целостности реализуется в автодескриптивных образованиях метакультурного уровня, которые можно представить как совокупность текстов или грамматик («культура текстов», «культура грамматик»).

Понятие текста представлено Ю.М. Лотманом как исторически данное субъектно-объектное отношение, порождающее язык. В программу изучения культуры входит, согласно Лотману, различие субтекстовых (общезыковых) значений, текстовых значений и функций текста в системе культуры. Культура представляет собой сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в тексте» и образующий сложные переплетения. Понятие «текст», как другие, употребляется неоднозначно.

Согласно первого подхода его значение мыслится как некоторая первичная сущность, которая получает материальное инобытие, осуществляемое в тексте. По мнению Ю.М. Лотмана, язык предшествует тексту, а текст порождается языком. Поэтому в само понятие текста включена осмысленность, а под текстом подразумевается определенная закодированность, наличие кода полагается как нечто предшествующее. С этой презумпцией связано представление о языке как о замкнутой системе, которая способна порождать бесконечно умножающееся открытое множество текстов, постоянно наращиваемое по временной оси.

Согласно второго подхода значение текста распространяется в литературоведческих и культуроведческих исследованиях, посвященных общей типологии текстов. Текст мыслится как ограниченное, замкнутое в себе конечное образование. Одним из основных его признаков является

⁹ *Постмодернизм. Энциклопедия.* / Сост. и научн ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко / отв. ред. А.И. Мерцалова - Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. - С. 429-430.

наличие специфической имманентной структуры, что влечет за собой высокую значимость категории «границы». Если в первом случае существенным признаком текста является его протяженность в естественном времени, то во втором текст тяготеет к панхронности (например, иконические тексты живописи или скульптуры), которые образуют свое особое внутренне время, отношение которого к естественному особенно порождать разнообразные смысловые эффекты. В связи с этим меняется соотношение текста и кода (языка). Осознавая некоторый объект как текст, мы тем самым предполагаем, что он каким-то образом закодирован, презумпция кодированности входит в понятие текста. Однако сам этот код нам неизвестен, его еще предстоит реконструировать, основываясь на данном нам тексте. В общей системе культуры тексты выполняют, по крайней мере, две **основные функции**: 1) адекватную передачу значений; 2) порождение новых смыслов.

Первая функция выполняется наилучшим образом при наиболее полном совпадении кодов говорящего и слушающего и, следовательно, при максимальной однозначности текста. Идеальным предельным механизмом для такой операции будет искусственный язык или текст на искусственном языке¹⁰. Тяготение к стандартизации, порождающее искусственные языки и стремление к самоописанию, создающее метаязыковые конструкции, не являются внешними по отношению к языковому и культурному механизму. Ни одна культура не может функционировать без метатекстов и текстов на искусственных языках. Поскольку именно эта сторона текста наиболее легко моделируется с помощью имеющихся в нашем распоряжении средств, этот аспект текста оказался наиболее заметным. Он сделался объектом изучения, порою отождествляясь с текстом как таковым и заслоняя другие аспекты.

Вторая функция текста – порождение новых смыслов. В этом аспекте текст перестает быть пассивным звеном передачи некоторой константной информации между входом (отправитель) и выходом (получатель). Если в первом случае разница между сообщением на входе и на выходе информационной цепи возможна лишь в результате помех в канале связи и

¹⁰ См.: Лотман Ю.М. *Семиотическое пространство* // Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семисфера. История.* – М., 1996.

должна быть отнесена за счет технических несовершенств системы, то во втором она составляет самую суть работы текста как «мыслящего устройства». То, что с первой точки зрения – дефект, со второй – норма, и наоборот. «Текст в тексте» – это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности различных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивая ее игровой характер: иронический, пародийный, театрализованный смысл. Одновременно подчеркивается роль границ текста, как внешних, отделяющих его от не-текста, так и внутренних, разделяющих участки различной кодированности. Актуальность границ подчеркивается именно их подвижностью, тем, что при смене установок на тот или иной код меняется и структура границ. Риторическое соединение «вещей» и «знаков вещей» (коллаж) в едином текстовом целом порождает двойной эффект, подчеркивая одновременно и условность условного и его безусловную подлинность. Культура в целом может рассматриваться как текст, это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов. Как отмечает Ю.М. Лотман, поскольку само слово «текст» включает в себе этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «текст» его исходное значение¹¹.

Если мы представим себе в качестве некоторого единого мира, взятого в синхронном срезе, зал музея, где в разных витринах выставлены экспонаты разных эпох, надписи на известных и неизвестных языках, инструкция по дешифровке, составленные методистами пояснительные тексты к выставке, схемы маршрутов экскурсий и правила проведения посетителей, если мы поместим в этот зал еще экскурсоводов и посетителей и представим себе все это как единый механизм, то мы получим **образ семиосферы**. При этом все

¹¹ Лотман Ю.М. *Текст в тексте* // В кн. Ю.Лотман "Об искусстве". – СПб., 1998. – С. 423-436.

элементы семиосферы находятся не в статическом, а в подвижном, динамическом соотношении, постоянно меняя формулы отношения друг к другу. Особенно это заметно на традиционных моментах, доставшихся из прошлых состояний культуры. Эволюция культуры косвенным образом отличается от идеологической эволюции и здесь слово «служба» часто служит плохую дезориентационную службу. Как свидетельствует анализ, **структура семиосферы асимметрична**, что выражается в системе направленных токов внутренних переводов, которыми пронизана вся толща семиосферы. Перевод, замечает Лотман, есть основной механизм сознания, направленный на выявление природы сущности средствами другого языка. А поскольку в большинстве случаев разные языки семиосферы семиотически асимметричны, то есть не имеют взаимно однозначных смысловых соответствий, то вся семиосфера в целом может рассматриваться как генератор информации. Асимметрия проявляется в соотношении: центр семиосферы – ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно организованные языки. В первую очередь, – это естественный язык данной культуры. Если ни один язык (в том числе естественный) не может работать, не будучи погружен в семиосферу, то никакая семиосфера не может существовать без естественного языка как организующего стержня. Наряду со структурно-организованными языками, в пространстве семиосферы теснятся частные языки, языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры и языкоподобные полуоформленные образования, которые могут быть носителями семиозиса, если их включить в семиотический контекст. Во-первых, если в центре семиосферы описание текстов порождало нормы, то на периферии нормы, активно вторгаясь в «неправильную» практику, порождали соответствующие им «правильные» тексты. Во-вторых, целые пласты маргинальных, с точки зрения данной метаструктуры, явлений культуры вообще никак не соотносились с идеализированным ее портретом, они объявлялись «несуществующими».

Таким образом, на метауровне создается картина семиотической унификации, а на уровне описываемой им семитической «реальности» кишит разнообразие тенденций. Если карта верхнего слоя закрашена в

одинаковый ровный цвет, то нижняя пестрит красками и множеством пересекающихся границ, и смысловые токи текут не только по горизонтальным пластам семиосферы, но и действуют по вертикали, образуя сложные диалоги между разными ее пластами.

Семиотическая концепция культуры была развита в «Трудах по знаковым системам»¹², посредством систематического их наполнения новыми идеями и толкованиями и утверждалась Тартуско-Московская семиотическая школа. Она свой первый симпозиум организовала в 1962 году и тем самым закрепила союз лингвистов и литературоведов, просуществовавший много лет. Ученые, причастные к школе, ставили своей задачей найти и описать язык там, где это только возможно. Ю.М. Лотман как глава семиотической школы создает в своих произведениях семиотическую концепцию культуры, в которой рассматривает культуру как особого рода язык, как знаковую систему, исследует, каким образом эта знаковая система моделирует мир. Реальный мир для Ю.М. Лотмана есть «текст», а задача культуры – прочесть посланное миром сообщение и постичь его смысл. Ведущими понятиями концепции Лотмана являются «семиосфера»¹³ и «модель культуры». Модель культуры – это самосознание культуры, ее основная схема, дающая возможность понимать культуру и интерпретировать ее. Семиосфера – это реализация коммуникации в культуре, ее живая интерпретация. Среди многочисленных и разнообразных произведений Ю.М. Лотмана – «Лекции по структуральной поэтике» (1964), «Структура художественного текста» (1970), множество статей, ныне изданных в трехтомнике Ю.М. Лотмана.

Стремясь понять особенности культуры как языкового семиотического образования, Ю.М. Лотман говорит, что «интеллектуальное поведение» – это не только хранение и передача информации и алгоритмизированные операции по правильной ее передаче, но и способность к созданию новых сообщений. Новые сообщения всегда выступают как выходящие за рамки алгоритма – «неправильные». В культуре они выступают, однако, как полезные и необходимые, ибо являются по сути, творческими. Представим

¹² *Труды по знаковым системам* / Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1965-1983. – Вып. 2-20.

¹³ *История философии. Учебник для высших учебных заведений.* – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 556-558.

себе, говорит Лотман, два языка – континуальный (язык живописи XIX века) и дискретный (обычный естественный язык). Если переводить некоторое содержание с естественного языка на язык живописи, а потом обратно, мы получим в результате переводов текст, не совпадающий с исходным – новое сообщение. Оно адекватно исходному тексту лишь условно. Структура условно-адекватных переводов является, по Лотману, упрощенной моделью интеллектуального процесса и функционирования культуры в целом.

Человеческая культура неоднородна и многоязычна, так же, как любое интеллектуальное устройство. Яркой чертой двойственности (дуализма) в любых культурах выступает наличие словесно-дискретных и иконических (изобразительных) языков, которые выступают как взаимоподобные символы. Хотя на разных этапах человеческой культуры одна из систем может претендовать на всеохватность, структура в целом принципиально биполярна (двуполосная), как биполярен двуполушарный человеческий мозг. Человеческое переживание мира всегда строится как постоянная система внутренних переводов и перемещения текстов из линейно-словесного в мифологически-образное мышление и обратно. Точной передачи содержания быть не может и речь идет лишь о смысловой эквивалентности. Ю.М.Лотман в работе «Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера – история» отмечает, что «интегрировать противоположные семиотические структуры в единое целое должна человеческая личность»¹⁴.

Если общение между данными языками оказывается невозможным, выступает распад культурной личности данного уровня и она семиотически (а иногда и физически) просто перестает существовать.

Механизмы интеграции бывают двух родов. Во-первых, это **метаязык**, позволяющий описывать два различных языка как один. Во-вторых, это **креолизация**, когда принципы одного из языков оказывают глубокое воздействие на другой, несмотря на совершенно различную природу грамматик. Так, в немом кино принцип «слов» «фраз» был перенесен на

¹⁴ Лотман Ю.М., *Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера – история.* – М., 1996. – С. 54.

движущееся изображение, в результате чего возникла поэтика монтажа¹⁵. В толще культуры всегда идут два противоположных процесса: каждый культурно-активный язык расщепляется на два, в результате чего общее количество языков культуры растет, однако одновременно пара языков интегрируются в целостные семиотические образования. Такие интегрированные семиотические пары, обладающие способностью не только хранить информацию, но и вырабатывать новую, выступают как «культурные индивидуальности». Интегрируясь между собой, они в конечном счете образуют индивидуальность культуры.

С точки зрения Ю.М.Лотмана, индивидуальные культуры принадлежат к самой основе бытия человека как культурно-семиотического объекта. Условием же существования индивидуального сознания выступает неопределенность. Если представить некоторое устройство, которое отвечает только «да» или «нет», то оно не является сознанием, так как обладает: 1) бедным и неэффективным «всезнанием», отбрасывающим как несущественное все, кроме утверждения или отрицания; 2) отсутствие сомнений и колебаний; 3) полным пониманием между отправителем и получателем сигнала. Однако такое устройство не могло бы развиваться. О сознании в развитии можно говорить, только если у нашего устройства появится пустая клетка для будущих, еще не определенных пока состояний. Но тогда дешифровка информации внешнего мира перестанет быть данной раз и навсегда. Как отмечает Ю.М. Лотман, с введением «пустых клеток» реагирующий механизм станет гибким, способным развиваться, утратит всезнание, отсутствие колебаний, а реакция на внешнюю ситуацию уже не будет следовать однозначно, автоматически, а превратится в поступок, включающий в себя оценку и выбор. Незнание и неуверенность сопровождают развитие интеллекта, сознания, культуры. Именно потому появление феномена мысли было сопряжено с появлением религии – средства возместить неуверенность через обращение к покровительствующими существами, обладающими всезнанием. Другим средством преодолеть неуверенность является обращение к **коллективному**

¹⁵ Лотман Ю.М., *История и типология русской культуры* / Ю.М.Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.

разуму – культуре¹⁶. Культура – сверхиндивидуальный интеллект – представляет собой механизм, восполняющий недостатки индивидуального сознания.

Если бы мы могли представить себе существо, действующее в условиях полной информации, то оно не нуждалось бы в обращении к сверхиндивидуальности культуры. Однако нормальный человек действует в условиях недостатка информации. По мере роста незнание не уменьшается, а увеличивается, в этих условиях недостаток информации компенсируется ее стереоскопичностью – возможностью получать совершенно иную проекцию той же реальности, перевод ее на совершенно другой язык. Польза партнера по коммуникации заключается в том, что он – другой. Коллективная выгода участников коммуникативного акта состоит в том, чтобы развивать нетождественность тех. Моделей, в форме которых внешний мир отображается в их сознании. Это соблюдается при несовпадении кодов, образующих сознание каждого из них. Чтобы быть взаимно полезными, участники коммуникации должны разговаривать на «разных языках»¹⁷. Своеобразие индивидуальностей должно увеличиваться, что компенсируется метаязыковыми механизмами и возникновением общего языка – смеси специализированных подязыков. Соединяя в высшее единство языки (семиотические структуры), культура соединяет в мыслящее целое и различные индивидуальности. При этом входя в целое как часть, человеческая индивидуальность не перестает быть целым. Поэтому отношение между частями не имеет автоматического характера, а каждый раз присутствует семиотическое напряжение и коллизии, принимающие порой драматический характер. Богатство внутренних конфликтов обеспечивает культуре как коллективному разуму исключительную гибкость и динамичность.

¹⁶ Лотман Ю. М., *Художественное пространство в прозе Гоголя* // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.

¹⁷ Лотман Ю.М., *Каноническое искусство как информационный парадокс* // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб: Академический проект, 2002. – С. 314-321.

Идеи Лотмана выходят за рамки общепринятой схемы, где в основу брался отдельный изолированный коммуникационный акт, и исследовались возникающие при этом отношения между адресантом и адресатом. При таком подходе полагается, что изучение изолированного факта обнаруживает все основные черты семиозиса, которые можно в дальнейшем экстраполировать на более сложные семиотические процессы. Такой подход удовлетворяет известному третьему правилу «Рассуждения о методе» Декарта: «...придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного...». Кроме того, это отвечает научной привычке, ведущей свое начало со времен Просвещения: строить «робинзонаду» – вычленять изолированный объект, придавая ему в дальнейшем значение общей модели.

«Однако для того, чтобы такое вычленение было корректным, – отмечает Ю.М. Лотман, – необходимо, чтобы изолированный факт позволял моделировать все свойства явления, на которое будут экстраполироваться выводы. В данном случае этого сказать нельзя. Устройство, состоящее из адресанта, адресата и связывающего их единственного канала, еще не будет работать. Для этого оно должно быть погружено в семиотическое пространство. Все участники коммуникации должны уже иметь какой-то опыт, иметь навыки семиозиса. Таким образом, семиотический опыт должен парадоксально предшествовать любому семиотическому акту. Если по аналогии с биосферой (В. И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними. В этом отношении язык есть функция, ступок семиотического пространства, и границы между ними, столь четкие в грамматическом самоописании языка, в семиотической реальности представляются размытыми и полными переходных форм. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка»¹⁸. Конечно, и одноканальная структура есть реальность. Самодовлеющая одноканальная система – допустимый

¹⁸ Лотман Ю. М., . - С.-Пб., 2000. - С. 250.

механизм для передачи предельно простых сигналов и вообще для реализации первой функции, но для задачи генерирования информации она решительно непригодна.

Модель семиотического пространства определяется гетерогенностью и гетеро-функциональностью языков. Если мы, в порядке мысленного эксперимента, представим себе модель семиотического пространства, все языки которого возникли в один и тот же момент и под влиянием одинаковых импульсов, то все равно перед нами будет не одна кодирующая структура, а некоторое множество связанных, но различных систем. Например, если мы строим модель семиотической структуры европейского романтизма, то можем вычленить, что на одних участках семиосферы будет поддерживаться поэтика романтизма, на других – постромантическое направление. Даже эта искусственная модель не даст строгой гомологической картины, так как ученым приходится жертвовать хронологией (это касается и барокко, и классицизма, и многих других «измов»). Если же говорить о моделировании реального литературного (или культурного) процесса, то придется признать, что в семиосфере романтизма существуют разнообразные традиционные структуры, порой восходящие к глубокой архаике. Со стороны других культур наблюдаются «вторжения» в определенное семиотическое пространство, которое часто размывается за счет возмущающегося воздействия целых культурных пластов на внутренний строй «картины мира» данной культуры. Поэтому, как свидетельствует анализ, на любом синхронном отрезке семиосферы сталкиваются разные языки, разные этапы их развития, некоторые тексты оказываются погруженными в не соответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вообще отсутствовать. Порождаемые центральным текстообразующим устройством тексты играли и продолжают играть классификационную, стратифицирующую и упорядочивающую роль. Их роль заключалась в том, что они сводили мир эксцессов и аномалий, который окружает человека, к норме и устройству.

Как отмечает Ю.Лотман, мы погружены в пространство языка и не можем вырваться из этого пространства, частью которого мы являемся. Одной из характеристик модели семиотического пространства является его

неоднородность, так как на временной оси семиотического пространства соседствуют subsystemы, которые развиваются с разной скоростью циклических движений. Многие из subsystem сталкиваются с другими и на лету меняют свой облик и свои орбиты. Семиотическое пространство заполнено свободно передвигающимися обломками различных структур, которые устойчиво хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут бурно реставрироваться. Семиотические системы проявляют способность выживать и трансформироваться и, становясь другими, оставаться собой. Поэтому полностью стабильных, неизменяющихся семиотических структур, по-видимому, не существует вообще. Граница, отделяющая замкнутый мир семиозиса от внесемиотической реальности, проницаема. Она постоянно пересекается вторжениями из внесемиотической сферы, которые, врываясь, вносят с собой динамику, трансформируют само пространство, хотя одновременно трансформируются и сами по его законам. Одновременно семиотическое пространство постоянно выбрасывает из себя целые пласты культуры, которые образуют слои отложений за пределами культуры и ждут своего часа, чтобы вновь ворваться в нее настолько забытыми, чтобы восприниматься как новые.

Исследование творческого наследия Юрия Михайловича Лотмана, проведенное под углом анализа его учения о семиосфере и его места в общей теоретико-методологической концепции мыслителя, еще раз подтверждает тот факт, что культура принадлежит к самым сложным и всеобъемлющим понятиям истории человечества. Действительно, литература, посвященная этой проблеме, огромна и охватывает область от философии истории до конкретных исследований материальной и духовной культуры различных эпох.

Именно историческое изучение культуры – изучение ее судеб, эволюции, возникновения классовых культур в обществе, разделенном на классы, привлекло в своё время и Лотмана. Оказалось важным и креативным то обстоятельство, что учёный при решении этой большой и сложной проблемы обратился к рассмотрению культуры как семиотического явления. При этом он отмечал, что и логический подход вообще, и

семиотическое изучение не отрицает исторического, но оно идет с ним об руку, опирается на его данные и, в свою очередь, прокладывает ему дорогу. Таким образом, Ю.М. Лотман внёс неоспоримый вклад в рассмотрение культуры как некоторого семиотического механизма, имеющего целью выработку и хранение информации. Сам же учёный скромно замечал, что методический смысл его работ следует видеть в том, что они содержат указания на проблемы, которые еще нуждаются в рассмотрении, но не являются подведением итогов уже установленному наукой.

Summary

Approach to assessing the scientific activities of Yuri Lotman terms of its relationship to semiotics, should pay attention to the history of the development of ideas about this area of knowledge. The basic principles of semiotics formulated in the nineteenth century, the American philosopher Charles Sanders Peirce. In the twentieth century semiotics took linguistic bias influenced by the ideas of the founder of structural linguistics of Ferdinand de Saussure and the founder of the Danish linguistic structuralism Louis Elmeleva (structural linguistics), and philosophical bias influenced by the ideas of the American philosopher Charles Morris. In 1960-1970, two years formed the school of semiotics. Among the active members of the French school is usually referred Claude Levi-Strauss, Algirdas Greimas, Tzvetan Todorov, Roland Barthes and his apprentice - Julia Kristeva. Another school - the so-called Tartu-Moscow, which is represented by the names of YM Lotman, ZG Mintz, I.A.Chernova (Tartu), VN Topo, Viacheslav. Ivanov, BA Assumption, II Revzin (Moscow).

In Russia, the most comprehensive and consistent development of the idea of structural and semiotic school got in the works of Yuri Lotman (1922-1993). He made an enormous contribution to cultural studies for his research in the field of Russian culture in many of its fields in terms of semiotics. At the same time he is credited with the development of the general theory of self-culture, which Lotman considered as an open system of signs and structures. He believed that this system includes a natural language in addition to many other symbolic systems, including all forms of art. It is important that the culture - this "text", there is always a certain "context", and the mechanism that creates an infinite variety of cultural "texts", and long-term collective memory selectively transmitting in time and space of intellectual and emotional information. In this sense, the work is of

great importance YM Lotman's "Culture and Explosion" (1992), in which he explored the positions of semiotics distinction between "explosive" socio-cultural processes in Russia, with its controversial dihotolineynoy culture and Western culture, which is characterized by a more gradual and less destructive development.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 219-224]

L. Irina Sidanich

Instytut Zarządzania i Psychologii PWIE "University Education Management"
Nauk Pedagogicznych Ukrainy, Kijów

Kształcenie wartości duchowych i moralnych w procesie dydaktycznym we współczesnej szkole ukraińskiej

Courses of moral and religious direction in modern ukrainian school

Key words: *spiritual and moral education, Christian-ethics, disciplines of spiritual and moral guidance of the national school.*

The border of the XX and the XXI centuries in the history of Ukrainian school is marked with the mainstreaming of a goal of spiritual and moral education of children in domestic school, reproduction of specific human qualities in every representative of the young generation. Present state of moral education in the country is deeply unsatisfactory. R Education system, which provided not only ideological orientation, but also the spiritual, moral and aesthetic knowledge, is destroyed; objective reality is getting negative trends in children's environment [5]. All this suggests the need to strengthen the spiritual and moral education of children in modern democratic school.

Reproduction of specifically human qualities in youth is a target, its priority is enshrined in legislation, which reflects such moral categories as goodness, justice, faith, honesty, love and respect to the homeland, the sources of all these qualities are the spiritual traditions of the Ukrainian people. The Constitution of Ukraine, defining a hierarchy of objectives of the education system, puts the category of spiritual and moral development in the first place [2; 3].

In the domestic school knowledge of the interactions of people and society, the moral content of culture and religions, religious and moral values, history and basic principles of the world's religions is gained by students while training the subject «Man and the World», which propaedeutically through content-Line of Primary general education State Standard, which was adopted by the Cabinet of Ministers on April 20, 2011 № 462 «is designed for the purpose of primary school, based on cognitive abilities and needs of primary school pupils, determines the content of primary education, which based on common values and principles of science, multicultural, secular character of education, system, integrative specific, unity of education and training on the principles of humanism, democracy, civic awareness and mutual respect between nations and peoples in the interests of the individual, family, society and state»[2].

Modern education is based on the principles of person centered and competency approaches identified in the main regulations of education – state standards, programs and textbooks. The system of spiritual and moral education of children involves a process of transferring theoretical and practical knowledge, the formation of moral and spiritual values, creating conditions for successful self-identity of the student in the context of socially significant tasks and satisfaction of the moral needs and spiritual interests.

The purpose of this article is to analyze the content, forms and methods of Christian ethics curriculum recommended by the Ministry of Education and Science of Ukraine. Courses of spiritual and moral directions are disciplines focused primarily on ideological, cultural and educative characters, which are built as the foundation of existential values of modern man. They are not the faith teaching, do not provide for the study of religious observance, and should not aim at attracting a particular denomination. The study of these subjects provides pupils with respect to freedom of conscience, religious or philosophical beliefs of others, the ability to cohabit in the cultural and confessional fields of the Ukrainian society.

The task of spiritual and moral education of children in domestic schools is strengthening of the moral principles elaborated and adopted by the people, human dignity, national identity, patriotism, honesty, tolerance, kindness, compas-

sion, and nurture the spiritual unity of generations, fixing of humane relations experience, formation of moral knowledge and cultural behavior skills.

The content and objectives of spiritual and moral education of children in school are implemented according to the following pedagogical principles: commitment, education and life communication, the unity of consciousness and behavior, upbringing in joint activities, work and active role for the benefit of others, respect to the individual and at the same time reasonable demanding to him, taking into account the age and individual characteristics, continuity and consistency, unity pedagogical demands of school, family and community, love to people, nature and nation. [6].

Currently, there are several basic programs of academic disciplines of spiritual and moral guidance, approved by the Ministry of Education of Ukraine on implementation of the educational process. First of all, this is a course called "Christian Ethics in the Ukrainian culture. 1-4 classes" The curriculum is structured on three levels: ideological, ethical and cultural. The program of the first grade is called "Good Path" and reveals the fundamental moral requirement to act, to live according to the rules of the Christian conscience and integrity, understanding wise and expedient arrangement of the world, created by the Creator. Throughout the study the children are served samples of Christian service to God and his neighbor, work for the motherland, the examples of prominent figures of history and culture. The course of the second form is called "Road of Mercy" and focused on the emotional development of children, the third grade - "The Way charity" - is more practical. Program of the fourth Grade is entitled "The Way of Wisdom". The material of this course aims to develop in children sanity, observation and in-depth analysis of their moral actions and their effects [7].

The program called "Foundations of Christian Ethics. 1-11 classes" is based on linear-concentric principle, which comprises the following components: 1) worldview that promotes a holistic worldview, determining pupil's own good and creative approach to life, and 2) the historical and cultural one, based on the highest examples of Christian spiritual culture and traditions and 3) thematic component, extending school learning material in ethical and aesthetic spaces. While learning the basics of Christian ethics on the program except for the main didactic principles special principles are used: the principle of Theo centrism,

biblical foundations of education; interconfessionalism, tolerance to religious differences and peculiarities, voluntarism in the selection of subject matter, etc. [4].

The program of the extra course «Biblical history and Christian ethics. 1 – 11 classes» is compiled by a team of authors, most of whom are representatives of the Ukrainian Orthodox Church, Poltava Missionary Theological Seminary staff. The aim is to enrich children's spiritual and moral knowledge in the revival of life-sustaining thinking and acquiring action experience based on Christian doctrine, experience of the millennial tradition of Christianity in Ukraine [1].

In the training program «Ethics: spiritual principles. 1 – 11 classes» the authors recognized the right to choose a course of spiritual and moral orientation ("Ethics: Spiritual Principles", "Foundations of Christian Ethics", "Basics of religious ethics", etc.) with a program of personal improvement, according to the philosophical beliefs of students and their parents, constant promotion of holistic, spiritually stable personality, attitude and outlook which are based on the principles of Christianity, tolerance towards other religions and thus protected against moral nihilism, systematic creation of appropriate conditions for the formation of mature students, personal attitude to the fundamental problems of human existence, but abstract entities, unobtrusive, spiritually grounded help identifying values, goals, objectives, meaning of life, the widespread involvement of students in identifying spiritual and intellectual aspirations, emotional expressions of personality meaningful in close relationships, establishing of personal harmony, which originates from the spiritual heritage of the Ukrainian people (including - Christian heritage), tradition of education in Ukraine, Ukrainian deep layers of education and culture, and the work of the famous Ukrainian teacher V. Sukhomlinskiy, etc. [2].

The teaching of the subjects of spiritual and moral orientation in secondary schools is possible only if there is a written parental consent and in the presence of trained teachers. It is necessary to inform the parental public about characteristics of the study, and give them the opportunity to attend classes and extracurricular activities.

Conclusion. Identified problems of choosing curriculum courses of spiritual and moral direction in Ukrainian schools will allow to estimate the main ap-

proaches to the spiritual and moral education in the modern school, namely: 1) lack of orientation of teachers on their own spiritual enrichment and spiritual enrichment of all subjects of the educational process 2) lack of knowledge and skills of parents of students on the content of courses of spiritual and moral guidance, directly principles of Christian ethics, differences of schools and churches roles in the moral education of the students, and 3) lack of development of tolerance, awareness of the importance of spirituality for personal development of all subjects of the educational process as a necessary condition for effective activity of the national school.

Література

- [1] *Біблійна історія та християнська етика: програма факульт. курсу для учнів 1–11 кл. загальноосв. навч. закл.* [Євтух М. Б, Осадченко Р.А., Ковровський І. та ін.] – Полтава : ТОВ «АСМІ», 2011. – 132 с.
- [2] *Національний освітній глосарій: вища освіта*; за ред. Д. В. Табачника, В. Г. Кременя : - Режим доступу: <http://www.tempus.org.ua/uk/vyshha-osvita-ta-bolonskyj-proces/informacijno-analitychni-materialy/520-nacionalnij-osvitnij-glosarij-vishha-osvita.html>
- [3] Ничкало Н. Г. *Біблія // Педагогічний словник* / за ред. М. Д. Ярмаченка; АПН України, Ін-т педагогіки. – К., 2001. – С. 55.
- [4] *Основи християнської етики. 1–11 класи: навчальна програма для загальноосвіт. навч. закл.* / [Жуковський В. М., Огірко О. М., Сіданіч І. Л. та ін.] – Острог : Вид-во Нац. ун-ту «Острозька академія», 2010. – 160 с.
- [5] *Послание Иоанна Павла II ко дню мира. 1 января 2004 г.* // Теократия. Научно-популярный журнал. - № 1 (6). – 2004. – С. 4.
- [6] Сіданіч І. Л., *Божі Заповіді – моральний дороговказ для людини: навч.-метод. посіб.* / І. Л. Сіданіч, О. П. Кислашко. – К.: Грамота, 2011.– 200 с.
- [7] *Християнська етика в українській культурі: навчальна програма для учнів 1–4 класів загальноосв. навч. закл.* [Белкіна Е. В., Отульчанський О., Сіданіч І. Л. та ін.] - К. : КМПУ ім. Б. Д. Грінченка, 2007. – 30 с.

Summary

The article describes the features of selection and implementation of academic disciplines of spiritual and moral guidance in the educational process of the national school. It deals with the content, forms and methods of the main curriculums on Christian ethics: «Christian Ethics in the Ukrainian culture. 1 – 4 classes», «Foundations of Christian Ethics. 1 – 11 classes», «Biblical history and Christian ethics. 1 -11 classes», «Ethics: spiritual principles. 1 – 11 classes».

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 225-246]

Zdzisław Sirojć

Instytut Studiów nad Filozofią Słowiańską im. św. Cyryla i Metodego Wyższej Szkoły Menedżerskiej w Warszawie

Крупные города преиндустриальной эры

Major cities pre-industrial era

Key words: *cities, era, industry*

Старейшие города на Земле появились в эпоху неолита. Быстрое развитие земледелия способствовало увеличению численности населения и плотности поселений. Появились первые поселки городского типа, которые позже получили название «протогородов». По сегодняшним критериям можно сказать, что это были небольшие скопления людей, однако в те времена Чатал-Хююк, Хацилар или Иерихон, насчитывавшие несколько тысяч жителей, считались большими поселениями.

- В эпоху неолита была заложена основа цивилизаций. Первые цивилизации появились в IV тыс. до н. э. на Ближнем Востоке.
- Почему именно Ближний Восток стал источником цивилизационного развития? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, однако этому факту содействовали такие предпосылки: климатические условия; географическое положение, обильность строительного сырья, несложный доступ к другому сырью (на пример к рудам различных металлов).

Наряду с Месопотамией и Египтом на Ближнем Востоке, цивилизационными центрами стали также Индия и Китай. Первые крупные цивилизации появились в долинах рек. Их развитие тесно связано

с началом использования ирригации в сельском хозяйстве. Оросительная система многократно увеличила производительность труда, сделав возможным обеспечение пищей большего количества населения.

В числе характерных черт древних цивилизаций следует отметить: развитие городов и появление государств, социальную стратификацию и иерархизацию обществ, использование письменности, развитие научных начал, деление и измерение времени.

Особенной характерной чертой древневековья было существование рабовладельчества, возникшего вследствие процесса стратификации и иерархизации обществ, а также территориальных завоеваний. Рабы (люди, лишённые личной свободы) по-разному функционировали на древнем Востоке и в античном мире. В странах Востока было развито так называемое патриархальное рабовладельчество, где раб был почти членом семьи. Классический вариант рабовладельчества выработался позже, в древневековых Греции и Риме, где рабы стали частной собственностью и не имели никаких прав [Ясинский, 2010].

Известно, что в IV тыс. до н. э. в южной Месопотамии имела место «урбанистическая революция» (Гермин «урбанистическая революция» ввел британский ученый Дж.В.Чайльд.). Это был перелом в поселенчестве: формировались первые городские объединения со множеством поселений вокруг них, для которых города выполняли роль административных центров. В них проживало значительное количество населения, а наибольшие из этих городских объединений насчитывали по несколько десятков тысяч жителей. Для городов характерно также наличие оборонных стен, храмов и монументальных общественных зданий. Такие агломерации функционировали чаще всего в качестве городов-государств. Среди наиболее важных городов Шумера – старейшей цивилизации Месопотамии – следует назвать: Ириду, Ур, Урук, Иссин, Акшак, Марад, Забалам, Нину, Бадтибару, Гирсу, Шуруппак, Ниппур, Киш, Сиппар, Адаб, Ларсу, Лагаш и Умму [Atlas Zur Geschichte, 1981: 6]; [Авадиев 1956: 40]; [The Times Atlas of World History 1979: 57]; [Sumer, 1990: 82]; [Roux 1998: 115]; [Śliwa 2000: 81].

Основываясь на современных археологических знаниях, можно утверждать, что первым крупным городом в истории был Урук (библейский

Эрех, в настоящее время Варка), который оставался самым большим городом Земли на протяжении многих столетий. Город Урук образовался после слияния поселков-близнецов Куллаба и Эана, разрастаясь около 3300 года до н. э. в пространстве до размера более 200 гектаров, а по количеству населения – до 40 тыс. жителей. Около 2700 года до н. э. город был окружен двойным кольцом стен длиной 9 км, занимал территорию величиной 4,5 кв. км, а количество его населения на тот момент оценивается от 50 до 150 тыс. жителей. В те времена это был огромный город – самый большой на Древнем Востоке, вероятно являющийся административным и торговым центром всей Нижней Месопотамии. (Гипотезу о том, что Урук был административной столицей Нижней Месопотамии на рубеже IV и III тыс. до н. э., сформулировал [Ниссен, Warka, 1999: 76]; [Kryszczukajtis, 1967: 29]).

В конце III тысячелетия до н. э. самым большим городом Месопотамии стал Ур. Его территория (вместе с пригородами) составляла около 300 гектаров, а проживало в нем около четверти миллиона человек. Л. Мамфорд даже назвал его метрополией [Mumford, 1963: 62].

Однако крупнейшим городом Месопотамии и Ближнего Востока во II тысячелетии до н. э. был Вавилон. В Кришчукайтис назвал этот город первой крупной метрополией мира. [Kryszczukajtis, 1967: 57-58]. Геродот описал его следующим образом: «Город... расположен на территории большой равнины и имеет форму четырехугольника, длина каждой стороны которого – сто двадцать стадиев (один стадий равен около 180 м)..., застроен множеством трех- и четырехэтажных домов и пересекается прямыми улицами» [Herodot, 1957: 34-36]. Стены Вавилона также были выстроены по квадрату, одна сторона которого имела длину 22 км, и окружали территорию 484 кв. км. В городе проживало около 350 тыс. жителей. Подобно Уруку, Вавилон был самым крупным по численности населения городом на протяжении нескольких десятков столетий. Кроме того, он был столицей всей Месопотамии и самым большим культурным и экономическим центром Западной Азии, крупнейшим научным, ремесленным и финансовым центром [Kryszczukajtis, 1967: 58].

Таким образом, первые крупные города возникали вокруг центров политической власти и религиозного культа, а также мест интенсивного

обмена избытками сельскохозяйственной продукции. Чаще всего это были многофункциональные центры, выполняющие разного рода политические (административные, военные), экономические (производственные, торговые) и культурные (религиозные) функции.

В I тысячелетии до н.э. важную роль играли ассирийские города: Калах (сегодня Нимруд), Ниневия (сегодня Хорсабад) и Ашшур (Дур – Шаррукин). В VIII веке до н.э. Ниневия насчитывала 170 тыс. жителей, а длина границ города составляла около 150 км. На его территории находились не только дома, храмы и дворцы, но также сады и пастбища. Еще более крупным городом, чем бывшая тогда столицей Ниневия, был Дур-Шаррукин.

Среди других городских центров Месопотамии (особенно ее северной части) значительную роль в древние века выполняли: Мари, Борсиппа, Эшнунна, Дер, Казаллу, Терка, Экаллатум, Арбела, Вашшуканни, Таиду и Харран [Stępień, 1999: 29-78].

Среди египетских городов крупнейшим в IV тыс. до н. э. был Йераконполь, а в III тыс. до н. э. и в начале II тыс. – Мемфис. Можно утверждать, что Мемфис был практически единственным крупным городом древнего Египета в период Старого и Среднего Царства. Среди других важнейших египетских городских центров следует назвать, прежде всего, столицы: Фивы, Ахетатон (в настоящее время Телль аль-Амарна), Гераклеополь, Гелиополь, Бубастис, Саис, Буто, Аварис, Танис, Мендес [Иллюстрированный исторический атлас мира, 2001: 6-7].

С развитием Египта была тесно связана судьба Нубии и ее главных центров: Мероэ, Напаты и Куша. Зато параллельно с Месопотамией развивался Элам, а особенно его западная часть – Сузиана со столицей в Сузах. Это были значительные центры своих государств (Геродот даже называл Мероэ метрополией эфиопов), однако в масштабе региона они имели второстепенное значение.

Важную роль в истории Ближнего Востока сыграли семипериферийные государства, которые в позднейшем стали цивилизационными центрами. Идеальным примером являлось Хеттское царство, наиболее интенсивное развитие которого пришлось на II тысячелетие до н.э. Его главным центром

был город Хаттушаш (сегодня Богазкой). Среди других важнейших городов государства Хатти следует назвать: Каниш (в настоящее время Кюльтепе) и Каркемиш.

В районе соперничества между Египтом, Хатти и Ассирией лежали земли Ханаан, на которых позже сформировались: Сирия, Палестина (на территории Палестины возникли государства-края: Израиль и Иудея), а также Финикия. На этих территориях функционировало большое количество значительных городских центров, часто в форме городов-государств: Эбла, Угарит, Катна, Библ, Газа, Лакиш, Аскалон, Иерусалим, Гезер, Сихем, Мегиддо, Хазор, Акко, Тир, Сидон, Берит, Хама, Халеб, Арад, Дамаск [Stępień, 1999: 115-166].

Особую роль в развитии городов бассейна Средиземного моря сыграла финикийская колонизация. Со второй половины XII века до н. э. финикиане основывали колонии на Кипре, в Сардинии, Сицилии, Балеарских островах, а прежде всего в Северной Африке. Среди крупнейших финикийских колоний (основанных главным образом сильнейшим тогда финикийским городом – Тиром, а позже сильнейшей колонией – Карфагеном) следует назвать: Пафос, Саламис и Китион на Кипре, Коммос на Крите, Таррос и Нору в Сардинии, Мотию в Сицилии, Пальму и Маго на Балеарах, Тас Силыг на Мальте, Гадир, Тартесс, Малаку на Иберийском полуострове, Сабрату, Лептис-Магну, Хадруметум, Карфаген, Утику, Ликсус, Тингис и Могадор в Северной Африке [Steel, 2003: 84-85].

Особую роль в истории сыграл основанный в 814 г. до н. э. Карфаген. Город был окружен оборонными стенами и занимал территорию около 20 км². В этом городе до его разрушения римлянами проживало от 300 до 700 тыс. Жителей [Herodot, 1957: 81]. Центр города составляли цитадель, дворец, храмы, олтари и дома священников. Город имел два порта (военный и торговый) соединенных между собой.

Около середины I тысячелетия до н. э. значительную роль на Ближнем Востоке стала играть Персидская Держава. Она занимала почти всю территорию Ближнего и Среднего Востока. Особое значение в этой стране имели ее столицы: Сузы, Экбатана, Персеполь и Пасагарды, а также столицы 23 провинций, среди которых стоит выделить: Герат, Таксилу,

Кандахар, Бактры, Мерв, Вавилон, Сарды, Мемфис, Саис, Иерусалим, Тир и Нисибину [Edans, 2003: 130-131].

Среди других важных городских центров Ближнего Востока следует назвать: Мариб в Йемене и Тушпу (сегодня Ван) в Урартском государстве.

В III тысячелетии до н.э. в долине реки Инд и на берегу Аравийского моря сформировалась цивилизация с высоким уровнем развития, которую позже назвали цивилизацией долины Инда. Одной из ее характерных черт было значительное развитие городов. Известны такие ее крупнейшие городские центры, как: Мохенджо-Даро, Хараппа, Калибанган, Чанху-Даро, Бхататран, Ганверивала, Ракхигарми, Долавира и Лотхал. Самый большой из них – Мохенджо-Даро, по некоторым оценкам, насчитывал около 100 тыс. жителей. В этом городе были широкие улицы (от 2 до 11 метров), более чем стометровые квартиры с отопительной печью, ванной комнатой и туалетом. Город был окружен оборонными стенами и оснащен канализационными устройствами [Herodot, 1957: 51].

Цивилизация долины Инда, однако, быстро погибла по неизвестным причинам. Около II тысячелетия до н.э. на Индийский полуостров прибыли арии, воздвигнув первую цивилизацию четко индийского характера. Самым большим городским центром этого периода (II половина I тысячелетия до н.э.) была Паталипутра (современная Патна). Город насчитывал более 0,5 млн жителей и, вероятно, был самым большим на Земле. Согласно описаниям свидетелей тех времен, он был могучей метрополией, значительно превышавшей столицы Персии. Город имел густую сеть улиц и домов, базары, кабаки, театры, университет и королевский дворец [Herodot, 1957: 54-56]; [Kieniewicz 2000: 135-136].

В Восточной Азии старейшие центры городских поселений связаны с китайской цивилизацией. Уже во времена легендарной династии Сия в Китае появлялись небольшие городские центры. Зато во времена династии Шан и позже на территории Китая стали формироваться первые крупные города. Первым из них было Инь (Аньян) – столица Китая с 1384 г. до н.э. Этот город был, без сомнения, одним из наибольших азиатских городов в эпоху бронзы. Исследования показали, что древняя столица Китая Сиань, известная в древних веках под названием Тахсин, а позднее - под названием

Чанань, а также другие города, такие как Ханчжоу или Каифын, имели численность жителей на уровне более 1 млн. Значительного уровня по количеству жителей достигли также менее крупные административные центры, например, в Линзу – столице страны Оин – в III веке до н.э. проживало более 200 тыс. жителей, а позднее даже в несколько раз больше. Китайские города были административными центрами, резиденциями богатых аристократических родов либо ремесленническими и торговыми центрами [Mydel, 2000: 191]; [Kanes, 2003: 116-117]; [Rodziński, 1974: 46].

В III тысячелетии до н. э. на Крите возникла оригинальная городская культура. Среди городских построек Кносса, Фаста, Маллии и Закроса выделялись большие дворцы.

Во II тыс. до н. э. на европейском континенте в южной части Балканского полуострова родилась микенская культура. В отличие от Крита, микенская Греция практически не знала городов, зато известны огромные дворцы в Микенах и Тиринфе, позже преобразованные в цитадели.

После периода так называемых «темных веков» наступил важный, с точки зрения развития городского поселенчества, архаический период. Характерной чертой поселенческого процесса этого периода было возникновение и развитие больших городских скоплений. Это тогда сформировался *polis* – греческий город-государство, представлявший политическую общину, в состав которой входили свободные люди.

Самым важным процессом этого периода была Великая греческая колонизация, главную роль в которой сыграли богатые приморские «полисы». Она охватила практически весь бассейн Средиземного, а также Черного морей. В числе причин, обусловивших это явление, следует назвать: неравное распределение земель вследствие завладения ими со стороны аристократии; высокий прирост населения; развитие товарно-денежной экономики (первые монеты появились в Греции в VII веке до н. э., почти одновременно с их появлением в Лидии, где они были изобретены); отсутствие шансов развития для части общества [Sirojć, 2003: 29].

Колонии (греки называли их *apoikia*) основывали города-государства. По отношению к колониям они были метрополиями, от греческого *metropolis*, что значит материнский город. Именно от этого слова происходит,

приобретшее сегодня множество значений, понятие «метрополия». Вследствие колонизации произошло дальнейшее развитие торговли, увеличилась общественная миграция, а также были созданы условия для процветания городов в регионе Средиземного моря.

Некоторые колонии достигли значительного уровня заселения. Например, Сиракузы имели около 50 тыс. жителей, Акрагас – более 20 тыс. [Przeładowy atlas świata, 2000: 196]. Наиболее активными были метрополии: Коринф, Милет и Мегары в противовес таким значительным центрам, как Афины, Фивы и Аргос.

В классическом периоде наряду со Спартой главную политическую и экономическую роль играли Афины. В V веке до н.э. город-государство Афины насчитывало около 400 тыс. жителей, из которых около 50 тыс. составляли полноправные граждане города, а около 100 тыс. – женщины и дети. Кроме них, в городе-государстве проживало также более 200 тыс. рабов. В самих Афинах могло проживать 100 тыс. человек. Количество населения, политически и экономически зависимого от Афин, достигало почти 15 млн., а территория города-государства охватывала 2 400 кв. км. Афины содержали более 20 тыс. государственных служащих (чиновников), 27 тыс. военнослужащих (а также флот, состоящий из 400 кораблей), такое же количество людей получало государственные пособия [Gill, 2003: 97]. До расцвета Афин среди греческих городов только Коринф превосходил их по величине. В VI веке до н. э. количество населения Коринфа достигало 60 тыс. и был он тогда (по всей вероятности) самым большим городом Европы [Herodot, 1957: 87].

Продолжением подхода, выработанного на протяжении классических времен, являлись эллинистические города. Они строились в основном из камня, реже из кирпича. Их воздвигали без излишеств и монументальных построек. Преобладали маленькие и средние города. Более значительными становились города, насчитывающие по несколько тысяч жителей.

Особенную роль играли столицы постмакедонских монархий: Александрия, Антиохия и Пергам, и в меньшей степени – Селевкия, Афины, Пела. Среди других крупных городов этого периода следует также назвать Эфес, Милет, Смирну (сегодня Измир) и Сарды.

Самым большим городом эллинистической эпохи была Александрия, основанная Александром Македонским в 331 году до н. э. в устье одного из притоков Нила, впадающего в Средиземное море. Как писал Страбон, город имел форму хламиды (т. е. параллелограмма, обрезанного по всем четырем углам). Александрию омывали воды моря и озера Мареотис. Город пересекали прямоугольные улицы. Главные улицы города были шириной более одного плетра (около 30 м), а прекрасные парки и королевские здания занимали около $\frac{1}{3}$ его территории.

Согласно Псевдо-Каллистенесу, Александрия состояла из агломерации 16 поселений, среди которых наибольшим и старейшим был поселок Ракотис (автор называет его *metropolis*). Его размеры во времена наибольшего расцвета (в конце прошлой и начале новой эры) составляли более 0,5 млн кв. м, а население – 700 тыс. жителей (300 тыс. уже спустя 50 лет от основания) [Tkaczow, 1988: 10-18]; [Historia świata śródziemnomorskiego, 2003]; [Sverdlow, 2003: 65].

В Малой Азии крупным политическим и культурным центром был Пергам, насчитывающий в королевские времена около 40 тыс. жителей, а в римский период – даже около 160 тыс [Jastrzębowska, 1999: 138]. Еще более многочисленной метрополией был Эфес. В конце I века он насчитывал около 200 тыс. жителей (не учитывая чиновников цезаря, военных и иностранцев). Около 100 тыс. человек проживало также в Сардах [Jastrzębowska, 1999: 13, 209].

Крупные древнегреческие города имели определенную специфику: географически-топографические условия (расположение на берегах морей или на возвышенностях); полис был основной формой государства; имели тесную связь с непосредственными источниками сырья и сельским хозяйством; выполняли разнообразные, непостоянные и взаимосвязанные функции [Sverdlow, 2003: 170].

В VIII веке до н. э. на Апеннинском полуострове развилась городская цивилизация этрусков. Хозяйство этруских городов основывалось прежде всего на земледелии. Экспансия этрусков охватила также Рим, который позже завладел всей Этрурией.

Основание города в древнем Риме за,с. 57-59.лючалось в признании правового поощрения сообществу жителей. Организация городов в империи строилась по примеру римской модели. Города разделялись на несколько категорий: колонии (*coloniae*), муниципалии (*municipium*) и общины (*civitates*). Права, которыми могли пользоваться жители, зависели от категории, к которой был отнесен город [Jastrzębowska, 1999: 429-430].

Наибольшим и наиболее важным центром средиземноморской цивилизации был Рим. Согласно традиции, этот город был основан в 753 году до н. э., а во II веке его население достигло 1,5 млн человек. Среди других крупных городов римской империи следует выделить: Александрию, Антиохию, Смирну (Измир), Эфес, Пергам (Бергаму), Афины, Остью и Карфаген. Все они насчитывали более 30 тыс. жителей (а в некоторых этот показатель был выше) [Herodot, 1957: 78]; [Rutkowski, 1999: 103]. Среди западноевропейских городов крупнейшими были: Медиоланум (Милан), Лондиниум (Лондон), Лугдунум (Лион), насчитывавшие более 50 тыс. жителей, Лютегия Паризиорум (Париж) – около 50 тыс., а также Аугуста Тауринорум (Турин) и Верона – около 20 тыс [Maszkin, 1950: 95].

Следует выделить и другие важнейшие городские центры средиземноморского периода римского царства: Гадес, Новый Карфаген, Тарракон и Кордубу на Иберийском полуострове; Адрианополь во Фракии; Тибериаду в Палестине; Антиноуполь в Египте; Карфаген, Утику, Гадрумет, Хишю Региус в Африке; Цезарею в Мавритании; Нарбон и Арелат (Арль) в Галии; Трир (Августа Треверорум) и Колонию (Колония Агриппина) из надренских городов, а также Марсель (Массалию), Дамаск, Лаокидею, Дура-Европос, Милет и Пальмиру [Gill, 2003: 103].

Это была самая длительная эпоха в истории человечества. Крупные города древних веков имели такие характерные качества: многофункциональность; крепкие связи с сельскохозяйственным окружением; наличие рабовладельчества; концентрация разного рода власти; большое значение мест религиозного культа; культурное разнообразие; плотность застройки; иерархизация общества; начало общественной сегрегации (выделение городских районов для власти, иностранцев, торговцев).

В средневековье – очередной исторической эпохе – общественно-экономический строй изменился. Феодализм – это общественно-экономическая формация, суть которой заключалась в так называемом разделении собственности на землю, когда производитель (чаще всего крестьянин) имел только право на пользование по отношению к собственности, а феодальный хозяин – верховное право собственности. Феодальное общество основывалось на ленно-вассальной системе.

Среди других характерных черт средневековья следует подчеркнуть слабое развитие товарно-денежных отношений, явления реаграризации и экономической автаркии, а также классовую структуру общества; политическое и экономическое господство христианства и христианской культуры; многочисленные миграции; войны, эпидемии и крестовые походы.

Из европейского средневековья пришли также: создание основ формирования народов; начало парламентаризма; создание основ сети городов; развитие государственного самоуправления; формирование проинновационной интеллектуальной позиции [*Encyklopedia geograficzna świata*, 1996: 247-255].

Периферийными территориями по отношению к Западной Европе являлись Скандинавия и славянские государства. Из-за поздней христианизации и слабого влияния античной цивилизации эти земли значительно запоздали в цивилизационном развитии.

Крупные города как общественное явление сформировались в древности. Во времена средних веков количество городов в Европе, признаваемых большими или крупными, оставалось приблизительно сходным с древневековым, хотя концентрация населения в них немного снизилась. Вероятно, на это повлиял кризис городов во II половине I тыс. Исключения составляли города Византии и административные центры визиготов, вандалов и остроготов: Тулуза, Равенна и Толедо.

Зато в каролинской Европе выделялись два центра власти: Аахен и Арль, а также такие старые послеримские центры, как Милан, Флоренция, Кельн, Регенсбург, Марсель, Аквилея и Амальфи [Strzelczyk, 2001: 37-86].

В начале II тысячелетия в Западной Европе наблюдалось быстрое развитие городов, вызванное развитием ремесленничества и торговли. Согласно сегодняшним критериям, города тех времен не были большими – насчитывали в среднем от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч жителей. Однако количество населения некоторых из них можно назвать значительным (табл. 1).

Табл. 1. Заселенность крупнейших городов средневековой Европы¹

1300 г. ²		1400 г. ³	
Город	Население, тыс. чел.	Город	Население, тыс. чел.
Париж	200	Париж	275
Гранада	150	Брюгге	125
Венеция	110	Генуя	100
Генуя	100	Гранада	100
Милан	100	Венеция	100
Флоренция	95	Милан	90
Севилья	90	Феодосия	85
Неаполь	60	Севилья	75
Кордова	60	Флоренция	55
Кельн	55	Гант	55
Барселона	50	Лиссабон	55
Булгар	50	Великий	50
Гант	50	Новгород	
Палермо	50		
Салоники	50		
Сиена	50		

¹В средневековье доминировал расположенный на границе Европы и Азии Константинополь. От VI до X века количество населения этого города превышало 0,5 млн чел. Кроме того, в XI веке население Кордовы значительно превышало 100 тыс., а в XII и XIII веках численность жителей Киева колебалась в границах 50–60 тыс.чел.

²В 1300 г. около 50 тыс. жителей насчитывалось в таких городах, как Валенсия, Акиля, Болонья, Брюгге, Кремона, Феодосия, Брюссель, Новгород Великий, Пиза, Толедо.

³В 1400 г. около 50 тыс. жителей насчитывалось в таких городах, как Болонья, Лондон, Неаполь, Толедо, Барселона, Кордова, Феррара, Малага, Салоники, Турнай, Гданьск, Кельн, Рим, Прага.

Среди важнейших (но не перечисленных в табл. 1) городов европейского средневековья, кроме того, можно выделить такие, как Нюрнберг, Авиньон, Любек, Монпелье, Вена, Аугсбург, Эрфурт, Гамбург, Страсбург, Ульм и Дордрехт. Из сказанного следует, что кроме Парижа, в средневековой Западной Европе господствовали итальянские, фландрийские и немецкие города. В конце средних веков главные итальянские города являлись своего рода городами-государствами. Они внесли значительный вклад в развитие мирового культурного наследия, а также способствовали развитию европейской торговли с дальними странами.

В Центральной и Восточной Европе было значительно меньше больших городских центров. В конце XV века к группе крупных городов Польши можно было отнести только Вроцлав и Гданьск. Более 10 тыс. жителей насчитывали Торунь, Краков и Эльблонг [Benevolo, 1995: 199].

На Руси крупными городскими единицами являлись Киев и Новгород. К меньшим следует отнести Владимир, Чернигов и Галич [Bogucka, Samsonowicz, 1986: 199].

Очень важную роль в развитии городов северной части Европы сыграло образование союза Ганза. В 1241 году Гамбург и Любек заключили торгово-военный договор, названный Ганзой, с целью приобретения привилегий в торговле. К ганзейскому союзу присоединилось множество других городов. В XV веке он насчитывал уже 160 членов. Среди польских городов к Ганзе принадлежали Гданьск, Эльблонг, Краков, Торунь, Хелмно и Вроцлав.

В отличие от западных европейских городов, города Византии и арабские городские центры были во времена средневековья примером динамического развития. Крупнейшим городским центром на границе Европы и Азии был Константинополь. По различным источникам,

количество его жителей в разные периоды I тысячелетия колебалось от 500 тыс. до 1 млн жителей. Благодаря превосходному географическому положению, город стал крупным центром производства и торговли с далекими странами. Такими же быстро развивающимися городами Византии были Александрия, Антиохия, Фессалоники и Кесария.

Позитивное влияние на процесс развития городов оказала и цивилизация ислама. В средневековье сформировались большие городские центры, основанные на ремесленничестве и торговле, являвшиеся также центрами власти, а именно: Дамаск, Халеб, Фустат (потом Каир), Кайруан, Фес, Танжер, Кордова, Севилья, Гранада, Карфаген, Багдад, Самара, Куфа, Басра, Шираз, Ормуз, Нишапур, Герат, Ургенч, Мерв, Бухара, Самарканд, Мансура, Мекка, Медина, Аден и Маскат. Некоторые из этих городов достигли значительных размеров: Багдад, Дамаск, Кордова и группа городов Каир-Фустат насчитывали в XI веке 500 тыс. Жителей [*Historia świata śródziemnomorskiego*, 1993: 96].

Наиболее многолюдными городами средневековья были китайские города. Уже в IX веке во времена династии Танг Китай имел 15 административных центров провинций, насчитывающих более 100 тыс. жителей каждый. Среди китайских городов главную роль играли имперские столицы: Чанань, Лоян, Каифын, Ханчоу, Пекин и Нанкин. В раннем средневековье наибольшее количество человек проживало в Чанань (Сиань). Этот город был построен согласно старательно разработанному плану и поделен на прямоугольные районы [Pimpaneau, 2001: 25-33]. Несколько столетий спустя, размеры китайских городов подтвердили очевидцы: Ибн-Баттута и Марко Поло [Ibn-Battuta, 1962: 39]. Крупнейшие из городов насчитывали от нескольких сотен тысяч (Чанань, Сучжоу, Чэнду, Чунцин) до более миллиона жителей (Пекин). В XII-XIII веке в Ханчжоу проживало более 2 млн жителей [Herodot, 1957: 105-109].

Многолюдными были также города Индии: Паталипутра (Патна), Катака или Канауш. Значительную роль приобрели японские и корейские центры власти: Сонгдо (Кесон), Сеул, Нара и Киото.

В Индокитае (государстве кхмеров) в начале II тысячелетия возник огромный город Ангкор. Среди других больших средневековых городов

этого региона заслуживают внимания: Тан-Лон (Ханой), Вижая (Бинь Динь), Сукотай, Паган, а также Сингайри в Индонезии [Thackeray, Jenne-Jeno, 1997: 133].

Первые государства возникают в Африке. Их столицы также достигают больших размеров, например: Енне-Ено в IX веке в Мали (27 тыс. жителей) и Великое Зимбабве в XIV веке (18 тыс.) [Thackeray, Jenne-Jeno, 1997: 32-37].

Крупные города строились также в доколумбовой Америке. В VI веке Теотиуакан насчитывал 250 тыс. жителей. Такого же количества населения (около 300 тыс.) до испанской колонизации достигла столица ацтеков – Теночтитлан.

Значительными по масштабам были также города-государства майя. Тикаль превысил численность 100 тыс. жителей. Значительными по количеству населения были также Паленке, Копан и Чичен Ица. В северной части континента около 1000 г. большой по размерам была Кахокия (30 тыс. жителей) [Thackeray, Jenne-Jeno, 1997: 155]; [Przeglądowy atlas świata, 1998: 170-171]; [McCaferty, 2003: 162-163].

На южноамериканском континенте заслуживают внимания три центра: Куско – столица инков, которая до прибытия испанцев насчитывала около 200 тыс. жителей, Чан Чан – центр цивилизации Чиму в XII–XV веках (более 50 тыс.) и Тиауанако (III–XII века) – около 25 тыс. Человек [Duke, 1999: 143].

Для цивилизаций Мезоамерики и андийских культур характерным было: функционирование городов-государств; урбанизированность; существование культурных центров; строительство монументальных ступенчатых пирамид; развитие ремесел и торговли с далекими странами; строительство сети дорог и использование ирригации [Przeglądowy atlas świata. Ameryka Południowa, 1999: 42-45].

В итоге можно утверждать, что на развитие крупных городов в средние века влияли: развитие торговли – местной и с далекими странами; развитие ремесел; локализация в них феодальной власти; постройка зданий религиозного культа; размещение в них образовательных и научных институтов.

Крупные средневековые города были чаще всего полифункциональными центрами с преобладанием торговой функции. В числе других характерных

черт городов следует подчеркнуть: сельскохозяйственное окружение; классовую структуру общества со сформировавшимся мещанством; начало самоуправления; большую плотность застройки.

Крупные средневековые города отличались по масштабам, различным было также их расположение. Наибольшее количество крупных городов образовалось в Китае (более того, эти города имели наибольшие размеры) и в Западной Европе.

Эпоха великих географических открытий явилась началом периода нового времени, для экономики которого были характерны: изменение общественно-экономических отношений; быстрое развитие товарно-денежной экономики; развитие международной торговли; развитие финансовых институтов; протоиндустриализация; развитие судоходства; колониализм и рабовладельчество [Salamon, 2000: 125].

Развитие крупных городов в новое время обусловлено прежде всего: географическими открытиями и колонизацией; развитием судоходства и торговли с дальними странами; эффективностью сельского хозяйства и увеличением его продукции для рынка; размещением в городах финансовых институтов и аккумуляцией капитала. Характерными чертами городов нового периода истории являются: полифункциональность; связь с окружением (сельскохозяйственным); иерархичность и дифференциация городского общества. Новый исторический период способствовал росту количества крупных городов и значительному расширению масштабов городских центров. Значительный рост крупных городов был особенно характерным для Европы (табл. 2).

Основу развития европейских городов составила сеть городских центров, сформировавшихся в средневековье. Преимущественное большинство из них было расположено в Западной Европе. Наряду с городами бассейна Средиземного моря быстро развивались городские центры, расположенные на побережье Атлантического океана. В начале XVIII ст. в Европе существовало почти 40 городов, насчитывавших более 40 тыс. жителей. В 1700 году в крупнейших (более чем сотысячных) городах Европы проживало около 2,5 млн человек [Wójcik, 1991: 13]; [Rostworowski, 1977: 29]. В XVIII веке, кроме городов, перечисленных в табл. 2.2, 50 тыс. жителей и

даже больше насчитывали также такие города, как Эдинбург, Глазго, Корк, Лидс, Ливорно, Будапешт, Бордо, Нант, Гданьск, Варшава, Дрезден, Ньюкасл, Манчестер, Ливерпуль, Бирмингем, Петербург, Порто [Atlas Zur Geschichte, 1981: 67]. Польские города в XVIII веке, кроме Вроцлава, Гданьска и Варшавы, не отличались значительной заселенностью.

Наряду с европейскими государствами динамично развивались города Китая, Индии и Османской империи. Самые большие городские центры находились в Китае. В начале XVI столетия в Нанкине проживало более миллиона человек, а в XVIII веке Пекин насчитывал около 3 млн жителей. Другие крупные города были либо промышленными центрами: Сучжоу, Чанмеджен, Сучан, либо столицами провинций: Гуйлинь, Гуйян, Юнань, Чэнду, Учан, Нанчань, Фучжоу, Ханчжоу, Нанкин, Каифын, Сиань, Цинань, Тайюань [The Times Atlas of World History, 1979: 169]; [Franaszek, 2000: 48].

В Японии только город Эдо (Токио) разросся до значительных масштабов. В числе главных индийских городских центров выделялись: Лахор, Дели, Агра, Патна, Ахмадабад, Дхака и Виджаянагар [Franaszek, 2000: 48-49]. В Османской империи, кроме Стамбула, значительными городскими центрами были: Адрианополь (Эдирну), Салоники, Бурса, Смирна, Алеппо, Багдад, Каир, Александрия, Тунис и Алжир [Historia świata śródziemnomorskiego, 2003: 184].

Географические открытия, развитие судоходства и торговли с далекими странами способствовали притоку европейского населения на американский континент. Единственным крупным городским центром конкистадоров в Америке в конце XVIII века был Рио-де-Жанейро, насчитывающий около 100 тыс. жителей (количество жителей Филадельфии в это время составляло около 25 тыс. человек). Стоит напомнить, что уничтоженные конкистадорами ранее города ацтеков (Теночтитлан) и инков (Куско) были в 2-3 раза больше. Зато в I половине XVII столетия крупнейшими городами континента были шахтерский город Потоси (в 1611 году в нем проживало 150 тыс. жителей), а также Лима (более 100 тыс.) [Przeładowy atlas świata. Ameryka Południowa, 1999: 49].

В эпоху нового времени размеры городов, по мнению В. Маика, ограничивались двумя факторами: избытком продовольствия, а также техническими возможностями транспортировки этого продовольствия в города. Важной характерной чертой преиндустриальной урбанизации было то, что города существовали в традиционных обществах, где превосходило земледельческое хозяйство. Эти общества были экономически относительно независимыми, использовали простые технологии, несложное разделение труда, имели незначительную общественную и пространственную подвижность жителей. Общественно-пространственная структура преиндустриальных городов была ступенчатой [Jałowiecki, 1999: 26-27].

Табл. 2. Заселенность крупнейших городов Европы в период нового времени¹

Начало XVI в. ²		Начало XVII в. ³		Начало XVIII в. ⁴	
Город	Населени, <i>тыс. чел.</i>	Город	Населени, <i>тыс. чел.</i>	Город	Населени, <i>тыс. чел.</i>
<i>Крупные города</i>		<i>Крупные города</i>		<i>Крупные города</i>	
Париж	225	Париж	300	Лондон	575
Неаполь	125	Неаполь	275	Париж	500
Милан	100	Лондон	200	Неаполь	300
Венеция	100	Венеция	151	Амстердам	200
Гранада	70	Севилья	135	Лиссабон	180
Прага	70	Лиссабон	130	Мадрид	140
Лиссабон	65	Милан	120	Венеция	138
Тур	60	Палермо	105	Рим	135
Генуя	58	Рим	100	Москва	130
Флоренция	50	Прага	100	Милан	125
Гант	50	Гданьск	80	Вена	114
Палермо	50	Москва	80	Палермо	100
Рим	50	Толедо	80	Бристоль	100
Болонья	50	Флоренция	76	Лион	97
Бордо	50	Руан	70	Марсель	90

Начало XVI в. ²		Начало XVII в. ³		Начало XVIII в. ⁴	
Город	Населени, тыс. чел.	Город	Населени, тыс. чел	Город	Населени, тыс. чел
Крупные города		Крупные города		Крупные города	
Феодосия	50	Гранада	69	Брюссель	80
Лондон	50	Мадрид	65	Флоренция	72
Лион	50	Тур	65	Севилья	72
Орлеан	50	Валенсия	65	Гранада	70
Скопье	50	Смоленск	64	Гамбург	67
Смоленск	50	Болонья	64	Антверпен	65
Торговище	50	Генуа	63	Генуа	65
Верона	50	Белград	63	Копенгаген	65
Брешиа	50	Скопье	55	Лейден	63
		Амстердам	55	Болонья	60
		Мессина	50	Дублин	60
		Салоники	50	Лиль	55
		Вена	50	Берлин	52
				Гант	50
				Белград	50
				Роттердам	50
				Руан	50
				Валенсия	50

¹В период нового времени наибольшим городом Европы (расположенным на границе Европы и Азии) был Стамбул с населением 500–700 тыс. человек.

²Среди крупных городов начала XVI ст. следует также отметить следующие: Кордова, Севилья, Венеция, Барселона, Кремона, Руан, Тулуза, Антверпен, Аугсбург, Кельн, Марсель, Феррара, Малага, Великий Новгород.

³Среди крупных городов начала XVII ст. заслуживают внимания: Антверпен, Лион, Кордова, Барселона, Вальядолид, Верона, Кремона, Тулуза, Бордо, Марсель, Гант, Лейден, Харлем, Гамбург, Мессина, Нюрнберг, Кельн.

⁴К крупным городам начала XVIII ст. относятся также: Тулуза, Барселона, Кордова, Мессина, Турин, Верона, Страсбург, Льеж, Харлем, Прага, Кельн, Вроцлав, Стокгольм, Монпелье, Амьен, Кадис, Сарагоса, Кенигсберг (Крулевец).

Источник: [Bogucka, Samsonowicz, 1986: 379–381]

Согласно М. Веберу, преиндустриальный город являл собой общественное, функциональное и пространственное единство. Характерной чертой города этого периода была плотность и разнообразие пространства, формируемого согласно определенным общественным правилам. Преиндустриальные города не применяли территориальной экспансии (она появилась позднее).

Все функции преиндустриального города четко указывают на тот факт, что он создавался в процессе обмена и для его потребностей. Остальные факторы играли второстепенную роль.

Целесообразно выделить такие характерные черты крупных преиндустриальных городов: многофункциональность с преобладанием торговых функций; связь с окружением, главным образом сельскохозяйственным; общественная иерархизация и сегрегация; значительное культурное разнообразие; концентрация власти; относительно небольшие размеры городов.

- [1] *Atlas Zur Geschichte.* – Leipzig: VEB Hermann Hack, Geographisch – Kartographische Anstalt, 1981.
- [2] Benevolo, L. 1995. *Miasto w dziejach Europy. Tworzenie Europy* / L. Benevolo. – Warszawa.
- [3] Bogucka, M. Samsonowicz, H. 1986. *Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej*, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź.
- [4] Duke, Ph. 1999. *Cahokia – Starożytne miasto w sercu Ameryki. Zaginione miasta. 50 najświetniejszych odkryć*, P.G. Bahn (red.). Wrocław.
- [5] Edans, Ch. 1999. *Zaginione miasta. 50 najświetniejszych odkryć*, P.G. Bahn (red.), Wrocław.
- [6] Edans, Ch. 2003. *Pierwsze społeczności – miasta i państwa*, in: Ch. Edans, *Atlas Archeologia świata*, P.G. Bahna (red.) – Warszawa.
- [7] *Encyklopedia geograficzna świata: w 10 t.*, Kraków 1996.

- [8] Franaszek, P. 2000. *Gospodarka w czasach nowożytnych*, in. *Encyklopedia historyczna świata. Epoka nowożytna*, Kraków.
- [9] Gill, D. 2003. *Klasyczna Grecja*, in: D. Gill, *Atlas Archeologia świata*, P. G. Bahn (red.), Warszawa.
- [10] Gill, D. 2003. *Komunikacja i handel*, in: Gill, D. *Atlas Archeologia świata*, P. G. Bahna (red.), Warszawa.
- [11] Herodot. 1957. *Dzieje / Herodot // Geografia antyczna / M. S. Bodnarskiego (red.)*, Warszawa.
- [12] *Historia świata śródziemnomorskiego*. 2003. J. Carpentier i F. Lebrun (red.). Wrocław, Warszawa, Kraków.
- [13] Ibn-Battuta. 1962. *Osobliwości miast i dziwy podróży : 1325-1354*, Warszawa.
- [14] Jacobsen, T. Sumer / T. Jacobsen. 1990. *Cywilizacje starożytne*, A. Cotterela (red.), Łódź.
- [15] Jałowicki, B. 1999. *Metropolie*. Białystok.
- [16] Jastrzębowska, E. 1999. *Miasta apokalipsy / E. Jastrzębowska*. – Warszawa : DiG.
- [17] Kanés, S. 2003. *Najstarsze dynastie świata / S. Kanés // Atlas Archeologia świata*, P. G. Bahna (red.), – Warszawa 2003.
- [18] Kieniewicz, J. 2000. *Indie / J. Kieniewicz // Encyklopedia historyczna świata: Starożytność*, Kraków.
- [19] Kryszczukajtis, W. 1967. *Jego eksceleńcja miasto / W. Kryszczukajtis*. – Warszawa.
- [20] Maszkin, N.A. 1950. *Historia starożytnego Rzymu*, Warszawa.
- [21] McCaferty, G. 2003. *Państwa Majów w Ameryce Środkowej, Atlas Archeologia świata*, P. G. Bahna (red.), Warszawa.
- [22] Mumford, L. 1963. *The City in History. Its origins, its transformations, and its prospects / L. Mumford*. – London : Secker & Warburg.
- [23] Mydel, R. 2000. *Urbanizacja / R. Mydel // Przeglądowy atlas świata : Azja*. Cz. 1. – Kraków.
- [24] Pimpaneau, J. 2001. *Chiny. Kultura i tradycje*, Warszawa.
- [25] *Przeglądowy atlas świata : Europa*. Cz.1., R. Mydel, J. Groch. (red.), Kraków 2000.
- [26] *Przeglądowy atlas świata. Ameryka Południowa*. 1999. R. Mydela i J. Grocha (red.), Kraków.
- [27] Rodziński, W. 1974. *Historia Chin / W. Rodziński*. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- [28] Rostworowski, E. 1977. *Historia powszechna: Wiek XVIII*, Warszawa.
- [29] Roux, G. 1998. *Mezopotamia / G. Roux*. – Warszawa: Dialog.

- [30] Salamon, M. 2000. *Charakterystyka głównych kręgów cywilizacyjnych i regionów*, in: Salamon, M. Waśko, A. 2000. *Encyklopedia historyczna świata : Średniowiecze*, Kraków.
- [31] Sirojć, Z. 2003. *Gospodarcze podstawy cywilizacji starożytnych*, Z. Sirojć (red.), *Zarys historii gospodarczej od czasów najdawniejszych do najnowszych* Warszawa.
- [32] Śliwa, J. 2000. *Mezopotamia* / J. Śliwa // *Encyklopedia historyczna świata : Starożytność*. – Kraków: Opres, 2000. – T. 2., cz.1.
- [33] Steel, L. 2003. *Imperium fenickie* / L. Steel // *Atlas Archeologia świata* /P. G. Bahna (red.). Warszawa.
- [34] Stępień, M. 1999. *Bliski Wschód* / M. Stępień // *Historia starożytna* / M. Jaczynowska ; [red. M. Musiał, M. Stępień]. – Warszawa.
- [35] Strzelczyk, J. 2001. *Historia powszechna. Średniowiecze*, Poznań.
- [36] Sverdlow, J. L. 2003. *Trzy miasta*, in: *National Geographic Polska*, № 1.
- [37] Thackeray, Jenne-Jeno, A. 1997. *Zaginione miasta: 50 najstymniejszych odkryć*, P.G. Bahn (red.) Wrocław.
- [38] *The Times Atlas of World History*. 1979. G. Barraclough (red.). – Maplewood : Hammond Inc.
- [39] Tkaczow, B. 1988. *Aleksandria najjaśniejsza, najpiękniejsza, najświetniejsza*, Warszawa.
- [40] Wójcik, Z. 1991. *Historia powszechna : Wiek XVI – XVIII*, Warszawa.
- [41] Zientara, B. 1993. *Historia powszechna średniowiecza* / B. Zientara. – Warszawa: Trio.
- [42] Авадиев, В. И. 1956. *История древнего Востока* / В. И. Авадиев. – Ленинград : Гос. издат. полит. лит-ры.
- [43] *Иллюстрированный исторический атлас мира*. – М. : Астрель, 2001.
- [44] Ясинский, А. 2010. *Социальная работа – вызов или долг? Сборник научных трудов*, № 3.

Summary

The oldest city in the world appeared in the Neolithic era. The rapid development of agriculture contributed to the increase in population and population density. There were the first townships, which were later called "protocities." By today's criteria can say that it was a little crowded, but in those days Catal Hüyük, Hatsilar or Jericho, numbering several thousand people, were considered large populations.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[247-258]

Ireneusz Marian Świtala

Adakemia im. Jana Długosza w Częstochowie

Etyczne aspekty pracy z dzieckiem autystycznym

Ethical aspects of working with an autistic child

Key words: *Ethics, autistic, child*

Jednym z głównych problemów etycznych w opiece o terapii osób autystycznych jest kwestia poszanowania ich godności i podmiotowości. Współcześnie wyraźnie akcentuje się społeczno-kulturowy i etyczny aspekt niepełnosprawności, ponieważ problem ten dotyczy grupy ludzi postrzeganych jako „innych” odbiegających swoim zachowaniem od norm ogólnie przyjętych.

Zagadnienia moralne związane z ochroną i dobrem osób z autyzmem, stają się coraz częściej przedmiotem rozważań.

Zadaniem i celem etyki jest dobro jednostki poprzez wybór takich zasad, norm i działań, które chronią relacje osobowe i przyczyniają się do podniesienia jakości życia tych osób.

Zdaniem wybitnego etyka prof. Mieczysława Gogacza, celem etyki jest chronienie trwania relacji osobowych jako podstawowego środowiska osób, a przedmiotem są pryncypia (zasady, normy) wyboru działań chroniących relacje osobowe. Etyka ochrony osób słabszych „innych” to podstawa humanizmu i etyki zawodowej terapeutów, nauczycieli i wychowawców. Odpowiedzialność za te osoby jest elementem sprawiedliwości społecznej należącej do etyki. Podstawową normą wyboru postępowania chronionego jest mądrość wspierana kompetencjami i sumieniem. Człowiek kontaktując się z ludźmi tworzy relacje osobowe: poznawcze i decyzyjne np. Relacje życzliwości, akceptacji, współodpowiedzialności [Gogacz, 1991: 3].

Jeszcze dziś często traktujemy osoby niepełnosprawne jako biernych odbiorców naszych oddziaływań rewalidacyjnych, a nie jak osoby mające niepowtarzalną osobowość, swoje potrzeby, prawa zasługujące na szacunek. Dlatego wszystkim nauczycielom, rodzicom należy ciągle przypominać, że osoby z autyzmem mają prawo do „inności”, do specyficznego spostrzegania świata i do respektowania ich specjalnych potrzeb edukacyjnych. Jednym z istotnych warunków utrudniających taką akceptację jest skłonność do odrzucania tego co jest mało znane, co zaburza utrwalone stereotypy i standardy oparte na przeciętności [Gałkowski, 1995: 114].

Poszanowanie podmiotowości jako podstawowa zasada etyczna w pracy z osobami autystycznymi

Terapia dzieci autystycznych budzi liczne kontrowersje natury etyczno-prawnej ze względu na deficyty w komunikowaniu się z otoczeniem. Autyzm jako zaburzenie funkcji mózgu, utrudnia sygnalizowanie potrzeb, emocji i odbiór wrażeń zmysłowych. Zachowania tych osób są niezrozumiałe i trudne dla otoczenia. Osoby te mają trudności w analizie i interpretacji sytuacji społecznych, w antycypowaniu jej skutków dla własnej osoby i w ocenie sytuacji w kategoriach: korzystny lub niekorzystny. W związku z tym osoby autystyczne mogą nie spostrzegać zachowania innych osób jako ukierunkowanego na określony cel. Występują również trudności w mentalizacji, czyli przypisywaniu innym ludziom myśli, przekonań, odczuć, pragnień, potrzeb, zamiarów czy intencji innych ludzi oraz w rozumieniu złożonych związków pomiędzy emocjami innych, a wcześniejszymi wydarzeniami. Do tego dochodzą zaburzenia w odbiorze bodźców wzrokowych, słuchowych, smakowych, węchowych czy kinestetycznych, co potęguje dezintegrację, niedokładność w ocenie sytuacji, a nawet chaos.

W związku z trudnościami w rozpoznawaniu sytuacji i komunikowaniu się, bardzo ważne jest budowanie pozytywnego kontaktu między osobą autystyczną a terapeutą i reagowanie na sygnały emocjonalne wysyłane przez te osoby.

Jak wiadomo metody terapeutyczne reprezentują dwa stanowiska:

- 1) metody dyrektywne, w których terapeuta kieruje pacjentem w celu wywołania w nim zmiany zachowania tzw. Trudnego;
- 2) metody indywidualne, gdzie terapeuta powstrzymuje się od wpływania na pacjenta.

Obie terapie budzą liczne kontrowersje natury etycznej i prawnej, ponieważ obecnie silnie podkreśla się konieczność otoczenia ochroną dzieci, szanowanie ich godności, prawa do stanowienia o sobie, prawa do nauki i spontanicznej zabawy. Ze względu na specyfikę zaburzeń i sytuację zależności od terapeutów, pojawiają się wątpliwości, ponieważ często dochodzi w trakcie terapii do sytuacji wymuszania odpowiednich zachowań.

Brak rozumienia u autystów intencji innych ludzi utrudnia bądź wyklucza samostanowienie, wyrażanie pragnień czy obaw. Ponadto hiperaktywność, samouszkodzenia pojawiające się u osób autystycznych wywołują niechęć, zniecierpliwienie, oburzenie, a nawet wymagają zastosowania przymusu w trakcie terapii modyfikacji zachowań (niektórzy autorzy, pisząc o modyfikacji zachowań porównują ją z tresurą). W terapii dyrektywnej jest ściśle określony podział ról, uczeń jest podporządkowany nauczycielowi, terapeutcie, rodzicom, zajęcia odbywają się w określonej przestrzeni i czasie, a chęci czy gotowość dziecka jest sprawą drugorzędą. Gdy dziecko odmawia współpracy, terapeuta może zastosować fizyczną interwencję.

Naruszenie podmiotowości dziecka spowodowane bywa sytuacją podporządkowania się nauczycielowi oraz przez fizyczną interwencję w przypadku braku posłuszeństwa.

Nie chodzi tu oczywiście o przemoc fizyczną, lecz stworzenie takich warunków pracy z dzieckiem by wymusić na nim odpowiednie zachowanie. Brak tutaj miejsca na spontaniczność czy działania twórcze, a cały nacisk położony jest na niwelowaniu „trudnych zachowań”, wzmacnianiu pozytywnych.

Aby być w zgodzie z zasadą podmiotowości, obecnie bierze się pod uwagę niepowtarzalną osobowość dziecka, jego zainteresowania, możliwości i osiągnięcia, dlatego tworzone są indywidualne plany terapii, w oparciu o które monitoruje się porażki i osiągnięcia dziecka.

Prawo do efektywnej terapii

Nie należy kierować się tylko zasadą doraźnej skuteczności i nie wystarczy stworzenie partnerskich relacji między dzieckiem a terapeutą. Działania muszą zmierzać nie do likwidacji pojedynczych, zewnętrznych objawów, bez zastano-

wienia się nad ich przyczynami czy funkcją. Tzw. „objawy autyzmu” stanowią jakieś logiczne i funkcjonalne elementy całego systemu.

Szczególnie młodzi terapeuci, rozpoczynając pracę z osobą autystyczną i jej rodziną, nie posiadają często żadnej humanistycznej kompetencji pracy z drugim człowiekiem, nakazującej zaspokajać jego potrzeby psychiczne, dbać o prawidłowy rozwój jego osobowości i zapobiegać pogłębianiu się zaburzeń, co jest podstawowym obowiązkiem terapeuty, niezależnie od orientacji filozoficznej czy metodologicznej, na jakiej opiera swoje praktyczne działanie.

Znamienne sformułowanie znaleźć możemy w Kodeksie Etycznym Psychologa, które również rozszerzyć można na aktywność terapeutów wywodzących się z innych, niż psychologia zawodów:

„Mimo różnych porządków moralnych i światopoglądowych istnieje zespół podstawowych wartości humanistycznych, które znalazły wyraz w Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka ONZ. W swoich czynnościach zawodowych psycholog zawsze powinien respektować te podstawowe wartości, zwłaszcza godność osoby ludzkiej, podmiotowość i autonomię człowieka i jego prawo nieskrępowanego rozwoju” (KEP, 1991).

Niezależnie od posiadanych poglądów na istotę i przyczyny autyzmu, a także przywiązania do określonej orientacji czy tradycji terapeutycznej), każdy kto zamierza podjąć aktywność skierowaną na osoby dotknięte tym zaburzeniem (bez względu na ich wiek), musi być głęboko świadom takich posiadanych przez nie atrybutów, które wyznaczają „co można”, „co trzeba” oraz „co warto” w procesie terapeutycznym. Atrybuty te mają aspekt zarówno subiektywny, odczuwany przez osoby z autyzmem, jak i obiektywny, dający się zmierzyć i porównać za pomocą obiektywnych kryteriów i metod. Są to:

Cierpienie – osoby te cierpią fizycznie i psychicznie z przyczyn zarówno zewnętrznych jak i wewnętrznych – nieraz dolegliwości te są wręcz nie do zniesienia; osoby te są także wrażliwe na jakość i skutki relacji z innymi osobami: w miarę rozwoju, u różnych osób może to następować w różnym czasie, ale z reguły dzieje się to już w dzieciństwie, osoby te zaczynają cierpieć z powodu orientacji w swojej sytuacji egzystencjalnej oraz problemów z komunikacją ze światem; oddziaływania terapeutyczne powinny uwzględniać zawsze aspekt cierpienia pacjenta – cierpienie to powinniśmy dostrzegać i rozumieć potrzebę

jego minimalizacji przez szukanie rozwiązań w miarę możliwości likwidujących przyczyny a nie tylko objawy; powinniśmy właściwie interpretować zachowania niewłaściwe czy zdecydowanie niepożądane, jeżeli spowodowane są one cierpieniem lub są komunikatem o cierpieniu i umieć odróżniać je od zwykłego nieposłuszeństwa, celowego ekscesu czy wywołanych przez inne przyczyny. Nie wolno nam powiększać cierpienie przez ignorowanie ich, nie udzielanie pomocy czy wsparcia, zmuszanie do kontynuacji działania w stanie cierpienia lub karanie za zachowania nim wywołane!

Ograniczenia – osoby te wykazują szereg deficytów i ograniczeń zarówno w zakresie tego co mogą osiągnąć, jak i w odniesieniu do tego co są w stanie tolerować w swoim otoczeniu i w stanie swego organizmu; celem terapii jest zmniejszanie ich zakresu oraz napięcia zarówno przez oddziaływanie na samą osobę, jak i przez właściwe kształtowanie środowiska w którym przebywa oraz umożliwianie jej samodzielnego w nim działania, należy pamiętać, że „perwazywność” (od angielskiego słowa pervasive) czyli rozległość a zarazem głębia deficytów w autyzmie spowodowana jest uszkodzeniem wszystkich praktycznie obszarów funkcjonalnych psychiki: percepcji, regulacji poziomu nawyków, planowania i realizacji działań celowych, myślenia i mowy, dostrajania się funkcjonowania społecznego, uwagi, sfery afektywnej, samokontroli, twórczości; ponieważ każdy z wymienionych obszarów kieruje się innymi regułami i inne są drogi oraz wymagania jego kształtowania – podejmując próbę rehabilitacji i stymulacji rozwoju dziecka z autyzmem musimy uwzględnić te różnorodność w naszych planach i stworzyć program oferujący metodę dostosowaną do złożonych potrzeb związanych z wspieraniem poszczególnych funkcji na różnych etapach ich rozwoju.

Potrzeby – o ile każdego z nas da się scharakteryzować przez rodzaj piramidy potrzeb, to osoby z autyzmem posiadają podwójny ich zasób; jedna piramida obejmuje subiektywne i obiektywne potrzeby aktualne, czyli nietypowe, a nawet głęboko nieraz nieprawidłowy układ doświadczanych pragnień, przymusów i innych motywów, druga zaś – to podobne do naszych potrzeby powstające stopniowo w trakcie terapii oraz rozwoju, kreujące przyszłą osobowość podmiotu, przez długi jednak czas funkcjonujące równoległe z tymi zanikającymi, przekształcanymi lub wygaszanymi przez oba procesy: jednakże wiele z tych typowo „autystycznych” potrzeb, o ile nie są szkodliwe czy szczególnie uciążliwe czy

sprzeczne z normami stanowi o oryginalnym niepowtarzalnym charakterze danej osoby i należy poważnie wziąć pod uwagę możliwość zachowania ich, zwłaszcza, że świadomość swoich „własnych” emocji i motywów jest kluczowa dla kształtowania się poczucia tożsamości oraz samooceny, zaś akceptacja ich przez otoczenie zmniejsza problemy psychiczne, szczególnie w okresie dorastania;

Wartość – osoba z autyzmem, niezależnie od wieku oraz stanu w jakim się znajduje posiada godność osoby ludzkiej, podmiotowość i obszar autonomii i intymności, które należy szanować i uwzględniać w procesie terapeutycznym; chodzi nie tylko o szacunek do drugiego człowieka i jego praw wynikających z jego statusu osobowego, lecz również o stopniowe kształtowanie u niego kompetencji do samodzielności i samokontroli oraz do odpowiedzialnego wyboru, co nie jest możliwe przy nastawieniu wyłącznie na modyfikację zachowania poprzez system kar i nagród oraz zewnętrzne formy kontroli;

Niepowtarzalność – podobnie jak każda ludzka istota posiadają one swój indywidualny wzorzec funkcjonowania i rozwoju; jednakże u większości osób mamy do czynienia z pewną unifikacją spowodowaną typowością „zdrowych” wzorców neurologicznych oraz dzielenia z innymi wiedzy, języka, wzorców społecznych oraz norm postępowania; w przeciwieństwie do reszty społeczeństwa osoby autystyczne reprezentują swój niepowtarzalny wzorzec wynikający ze specyficznego układu dysfunkcji systemu nerwowego oraz unikalnego układu doświadczeń osobistych wraz wytworzonymi przez siebie samemu regułami odbioru świata i reagowania. Współpraca z takimi indywidualnymi wzorcami może być utrudnieniem dla początkujących terapeutów, ale warto zdać sobie sprawę z tego, że jest to zarazem skarb kryjący tajemnicę efektywności, gdyż podpowiada nam on jak skutecznie motywować poszczególne osoby (co może być dla nich wzmocnieniem, celem, wartością, a także czego skłonne są unikać) oraz w jakim kierunku konsekwentnie zmierzać. Jest to szczególnie ważne, gdy terapia będzie trwała nie miesiące a lata, a ponadto pracujemy z kilkoma różnymi osobami.

Potencjał – jednym z dramatycznych objawów autyzmu jest zablokowanie potencjału rozwojowego dziecka, mimo dużych nieraz możliwości umysłowych: terapia powinna nie tylko ćwiczyć określone sprawności czy wyposażać w umiejętności, ale w miarę możliwości powinna pobudzać i rekonstruować uszkodzone lub zablokowane mechanizmy generujące rozwój różnych funkcji.

Z doświadczenia wiem, że jest to możliwe nawet u dzieci z dużymi deficytami początkowymi, choć wówczas następuje to z dużym trudem i oporem, ze znacznym opóźnieniem w stosunku do rówieśników oraz w bardzo wolnym tempie; jednakże uzyskane zmiany są trwałe, nie wymagają stałego wzmacniania, a osoba staje się coraz mniej zależna od jakiegoś określonego otoczenia czy zewnętrznego kierowania. Pojęcie osobistego potencjału obejmuje także indywidualne zdolności i talenty, które warto odnajdywać, „wydobywać na powierzchnię”, pobudzać a następnie rozwijać – u dzieci autystycznych talenty mogą samoistnie w ogóle się nie przejawiać i ujawnić się dopiero po wielu latach, przy okazji określonych zajęć czy nauki jakichś czynności; czasem mogą sprawiać wrażenie stereotypii czy wynikać z typowo autystycznych problemów z percepcją czy wykonaniem, jednakże, dzięki którym osoba może w niezwykle sposób liczyć, malować, konstruować coś grać lub komponować, uzyskując perfekcyjne i niezwykle efekty.

U podstaw praktyki terapeutycznej/edukacyjnej powinny zatem leżeć pewne ogólne zasady etyczno-pragmatyczne, takie same – niezależne od wieku czy właściwości pacjenta bądź ucznia z autyzmem. Można je sformułować w sposób następujący:

W żaden sposób nie szkodzić!

Zmniejszać dolegliwości i łagodzić cierpienie.

Adekwatnie pomagać w zaspokojeniu indywidualnych potrzeb terapeutycznych, edukacyjnych i rozwojowych, m.in. przez oddziaływanie w sposób zróżnicowany, za pomocą metod i technik uwzględniających dynamikę zmian w możliwościach i potrzebach rozwojowych.

Indywidualizować swoje podejście by zwiększyć efektywność terapii oraz komfort pacjenta

Podjąć wyzwania wynikające z niepowtarzalności pacjenta oraz systemu, w jakim żyje.

Umożliwić wyzwolenie i rozwój indywidualnego niepowtarzalnego potencjału pacjenta.

Chronić, zapobiegać i zapewniać bezpieczeństwo osoby pacjenta i jej rozwoju.

Demonstrować i promować wartości pozytywne, cele i standardy, nadając kierunek rozwoju pacjenta oraz budzić entuzjazm i nadzieję umożliwiając jego transgresję [Stefańska-Klar, 2002/4].

W związku z kontrowersjami wobec metod terapii i edukacji dzieci z autyzmem, a zwłaszcza programów pracy nad zachowaniami trudnymi, brak jednolitych standardów z tym związanych oraz niewystarczającymi rozwiązaniami prawnymi, a także w związku z ujawnianiem w ostatnich latach informacji o poważnych nadużyciach w terapii dzieci i dorosłych z autyzmem. Porozumienie Autyzm – Polska przyjęło następujące stanowisko [Stanowisko Zespołu do spraw etycznych aspektów terapii osób z autyzmem (w składzie A. Migała, A. Perzanowska, M. Wroniszewski, W. Depczyński, J. Grochowska, E. Kowalewska, M. Wroniszewska), Warszawa 2004].

Dzieci i osoby z autyzmem stanowią grupę szczególnie zagrożoną różnymi formami nadużyć i przemocy. Ryzyko występowania takich zjawisk nasila się w sytuacji, gdy nie są przestrzegane odpowiednie standardy i zasady, to jest:

- przejrzystość;
- praca zespołowa;
- szkolenia zapewniające odpowiednią jakość terapii;
- odniesienie do wartości.

Wszystkie placówki i indywidualne osoby zajmujące się terapią powinny:

- przestrzegać jawności prowadzonych oddziaływań;
- przekazywać dokładne informacje podopiecznym i ich rodzinom lub opiekunom odnośnie celów, metod oraz planowanych procedur;
- zapewnić formy organizacyjne, umożliwiające wgląd w przebieg zajęć np. Lustro weneckie, nagrania wideo, wizyty, hospitacje, dni otwarte;
- wymieniać doświadczenia z szerokim środowiskiem profesjonalistów oraz poddawać ocenie swoje działania poprzez superwizje, zebrania kliniczne, prezentacje.

Także rodzice i opiekunowie dzieci z autyzmem są szczególnie narażeni na manipulację, indoktrynację i budzenie „fałszywych nadziei”. Dotyczy to zwłaszcza manipulacji informacją.

Z tego względu niedopuszczalne jest:

- narzucanie rodzinom wyłączności stosowania określonych metod z nakazem niestosowania jakichkolwiek innych;
- odwoływanie się do skuteczności jako jedynej, wartościowego miernika metody.

Rodzice powinni być partnerami w tworzeniu i realizacji programów terapeutycznych dla swoich dzieci.

W celu realizacji wartości profesjonalnych i ogólnoludzkich przyświecających terapii konieczne jest zachowanie standardów w szkoleniach. Program szkoleń powinien uwzględniać w pierwszym rzędzie współczesne teorie rozumienia autyzmu oraz wszechstronny przegląd stosowanych w autyzmie metod terapii. W dalszym etapie profesjonalści mogą specjalizować się w wybranej metodzie lub metodach.

Osoby zajmujące się profesjonalną pomocą osobom z autyzmem powinny być zobowiązane do poszerzania swojej wiedzy na temat metod i koncepcji rozumienia autyzmu bez względu na to, czy w macierzystej instytucji są one stosowane. Niedopuszczalne podczas prowadzenia szkoleń jest:

- głoszenie tezy, że dana koncepcja lub metoda jest – jako jedyna – skuteczna i uzasadniona naukowo;
- indoktrynowanie ideologią o charakterze deterministycznym;
- przedstawianie jej jako nierozdzielnej z zastosowaniem praktycznym;
- negowanie wartości innych podejść i metod;
- kreowanie wizerunku osoby autystycznej jako pozbawionej innych niż warunkowe mechanizmy regulacji zachowań.

Szczególne niebezpieczeństwo występowania przemocy dotyczy strategii postępowania z uwzględnieniem konkretnych technik i procedur z użyciem bodźców awersyjnych, interwencji fizycznej i prowokacji.

Interwencje fizyczne w sytuacji zachowań zagrażających powinny być podejmowane w formie jak najmniej restrykcyjnej, dotkliwej i powinny trwać jak najkrócej. Całkowite unieruchomienie dopuszczalne jest jedynie w celu zabezpieczenia osoby autystycznej lub otoczenia i nie może być traktowane jako planowo stosowana procedura uczenia.

Należy odwołać się do długoletnich doświadczeń ośrodków stosujących pozytywne, nieawersyjne strategie radzenia sobie z trudnymi zachowaniami.

Przytrzymywanie w postępowaniu z dziećmi i osobami autystycznymi powinno być stosowane ze szczególną ostrożnością, uwagą i zgodnie z regułami metody. Niedopuszczalne jest ze względów etycznych:

- stosowanie jakichkolwiek form poniżania osoby autystycznej;

- stosowanie prowokacji podczas unieruchomienia;
- stosowanie techniki prowokacji w celu wywołania zachowania poddawane-
go analizie lub/i w tzw. treningu oporowym i podczas unieruchomie-
nia;
- stosowanie bodźców awersyjnych w terapii i edukacji osób z autyzmem.
- Stosowanie farmakoterapii lub interwencji psychologicznej musi mieć na
względnienie dobro osoby autystycznej, a nie wygodę otoczenia. Na ile to
możliwe powinno uwzględniać preferencje samej tej osoby.

Odnosnie wartości proponujemy przyjąć stanowisko sformułowane w kodeksie etyczno-zawodowym psychologa:

„...Rola zawodowa psychologa obejmuje ingerencję w sposób istnienia drugiego człowieka jako indywidualnej i niepowtarzalnej całości, ingerencję, której skutki mogą być nieodwracalne. Te okoliczności decydują o znaczeniu przestrzegania zasad etyki zawodowej w działalności psychologów i uzasadniają stawianie im wysokich wymagań etycznych...”.

„...Mimo różnych porządków moralnych i światopoglądowych istnieje zespół podstawowych wartości humanistycznych, które znalazły wyraz w Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka ONZ. W swoich czynnościach zawodowych psycholog zawsze powinien respektować te podstawowe wartości, zwłaszcza godność osoby ludzkiej, podmiotowość i autonomię człowieka i jego prawo nieskrępowanego rozwoju. Psycholog uznaje prawo każdego człowieka do kierowania się własnym systemem wartości, dokonywania własnych wyborów, jak również prawo do intymności. Jednocześnie psycholog świadomy jest skutków, jakie przynosi lub przynieść może w przyszłości jego oddziaływanie – ostatecznie powinny to być skutki pomyślne dla odbiorcy lub odbiorców czynności zawodowych psychologa. W każdym przypadku na psychologu ciąży odpowiedzialność za następstwa kontaktu, jaki w ramach swojej roli zawodowej nawiązuje z drugim człowiekiem. Granice ingerencji psychologa wyznaczone są z jednej strony – jego kompetencjami profesjonalnymi, z drugiej strony – celami i oczekiwaniami formułowanymi przez osoby zgłaszające się po pomoc psychologiczną...” [Kodeks Etyczno-Zawodowy Psychologa, 1992: 1, 2].

Podsumowując rozważania nad etycznymi problemami terapii dzieci i dorosłych osób autystycznych należy stwierdzić, że nie ma gotowych recept czy

rozwiązań. Różne metody niosą różne zagrożenia. Z jednej strony znajdują się konsekwencje gwałcenia osobowości dziecka, z drugiej, niebezpieczeństwo, że nie będzie ono mogło włączyć się w normalne życie społeczne, bo nie poradzi sobie z codziennymi czynnościami. Ponadto terapia może nieść niebezpieczeństwa dla więzi rodzice – dziecko, czemu sprzyjają: gonitwa za terapeutycznymi sukcesami dziecka i brak włączania rodziców w działania terapeutyczne czy odsuwanie ich na dalszy plan.

Karta Praw Osób Autystycznych uchwalona na II Międzynarodowym Kongresie Autyzm – Europa w Hadze w dn. 12 maja 1992 r. stwierdza, że osoby autystyczne mają prawo do niezależnego życia i rozwoju na miarę możliwości, a prawa te powinny być docenione, chronione i wprowadzane w życie poprzez odpowiednie ustawy, zgodnie z szeroko pojętą ideą humanizmu.

Bibliografia

- [1] Gogacz M., *Ku etyce chronienia osób (wokół podstaw etyki)*, Warszawa 1991.
- [2] Gałkowski T., *Dziecko autystyczne w środowisku rodzinnym i szkolnym*, Warszawa 1995.
- [3] Stefańska-Klar R., *Autyzm jako źródło zasad etycznych w terapii*, „Psychologia i Rzeczywistość” 2002/4, czasopismo internetowe.
- [4] Stanowisko Zespołu do spraw etycznych aspektów terapii osób z autyzmem (w składzie A. Migalą, A. Perzanowska, M. Wroniszewski, W. Depczyński, J. Grochowska, E. Kowalewska, M. Wroniszewska), Warszawa 2004.
- [5] *Kodeks Etyczno-Zawodowy Psychologa*, Polskie Towarzystwo Psychologiczne, Warszawa 1992.
- [6] Olszewska B., (pod red.), *Wsparcie na drodze do zatrudnienia osób z niepełnosprawnością*, Łódź 2012.
- [7] Kłoskowska A., *Socjologia kultury*, Warszawa 1996.
- [8] Kofta M., Jasińska-Kania A., *Stereotypy i uprzedzenia. Uwarunkowania psychologiczne i kulturowe*, Warszawa 2001.

Summary

One of the major ethical issues in the care of people with autism therapy is a matter of respect for their dignity and subjectivity. Today, clearly emphasizes the socio-cultural and ethical aspects of disability, since this concerns a group of people perceived as "different" with his behavior deviating from generally accepted standards.

Moral Issues related to the protection and welfare of persons with autism, become increasingly the subject of discussion.

The purpose and goal of ethics is the good of the individual through the selection of such rules, standards and measures to protect personal relationships and contribute to improving the quality of life of these people.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 259-271]

Rastislav Varga

Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach

K problematike riešenia vzťahov človeka k prírode v historickej reflexii

The problem solving relationship of man to nature in historical reflection

Key words: *historical, protection of plants and trees, forest protection, protection of game and birds, environmental policy, legislation, legal document, measure, decree, order, bill, law, authority, customary law, hunting*

Vzťahy človeka k prírode sú také *staré* ako ľudstvo samé. Predpokladá sa, že človek dnešného typu obýva našu „modrú“ planétu už približne 200 tisíc rokov a takú istú dobu vstupuje nevyhnutne aj do vzťahov k prírode, ktorá od začiatku vytvárala základné podmienky jeho existencie. Inak povedané: človek od počiatku žil vo vzťahu k prírode, lebo mimo tohto vzťahu by bola už v minulosti (a je i dnes) jeho existencia nemožná.

Dokladujú to aj prvé produkty jeho duchovnej i predmetno-praktickej aktivity (*animizmus, totemizmus, fetišizmus a mágia*), v ktorých má práve príroda – obklopujúca prvých ľudí – dominantné postavenie. V tejto súvislosti sa žiada pripomenúť, že príroda bola na úsvite ľudských dejín jedným z prvých „predmetov“ uctievania a napokon i zbožštenia (na ilustráciu možno uviesť tzv. „prírodné náboženské kultúry“ vrátane uctievania božstva Tammuza, ktorý symbolizoval „vodný živel“, resp. „zbožštenú vodu“).

Postupne, s rozvojom duchovnej i materiálnej kultúry a s prechodom ľudstva zo stavu „divožstva“ k prvým civilizáciám, začal sa meniť aj vzťah človeka

k prírode. Tzv. „služobný“ a teda podriadený vzťah človeka k prírode nahradil tzv. „pánsky“ vzťah, ktorého prvé „zdôvodnenia“ nachádzame už v náboženskom myslení židovskej proveniencie. Svedčia o tom aj starozákonné texty Biblie (predovšetkým kniha *Genezis*), kde je príroda zjavne chápaná ako „prvotný“ produkt Božej kreativity, ktorý bol už samotným Hospodinom „podriadený“ človeku, lebo tento bol – podľa biblickej tradície – stvorený na obraz samotného Boha (t.j. imago Dei). Teda už Hospodin – Boh učinil človeka „pánom“ nad prírodou (a všetkým ostatným „stvorenstvom“), od čoho sa odvodzuje aj prvý „pánsky“ vzťah človeka k prírode.

Neskôr, v procese formovania sa starovekej gréckej filozofie, bol vzťah človeka k prírode vnímaný a „riešený“ viac v prospech prírody, čo dokladá aj celá, tzv. „ranná“, alebo („prírodná“) grécka filozofia, miletskou školou počnúc a atomistami (Leukipom i Demokritom) končiac. *Kosmos* tu symbolizuje poriadok (a „usporiadanie vecí“), *physis* predstavuje podmienku vzniku i zániku, atď. Uvedené reflexie vzťahov človeka k prírode sa už v staroveku premietli aj do prvých „mocenských“ rozhodnutí upravovať tieto vzťahy najrôznejšími nariadeniami, či dokonca „zákonnými úpravami“. Dokladujú to viaceré rozhodnutia, resp. opatrenia jednotlivých panovníkov starovekého a neskôr i stredovekého sveta, ktoré síce ešte nemajú povahu sofistifikovaných právnych noriem súčasnosti, avšak so súčasnými ich spája potreba chrániť prírodu a jej jednotlivé dielčie prvky.

Medzi prvé historické zmienky majúce povahu ochrany prírody a teda v podstate aj „ochrany životného prostredia“, patrí zmienka o *Nariadení na ochranu zostatkov lesa mesta Ur*, ktorá sa datuje do obdobia roku približne 2700 p.n.l. Ďalšou zmienkou obdobného charakteru je zmienka, ktorú je možné nájsť v *Chammurapiho zákonníku* z obdobia rokov 1792 – 1750 p.n.l., v ktorom sa okrem iného uvádza, že podľa § 53, ak niekto pri spevňovaní hrádze svojho poľa bol nedbanlivý a svoju hrádzu neupevnil, v jeho hrádzi sa prevalil otvor a on nechal vodou odplaviť pôdu občina, človek, v ktorého hrádzi sa prevalil otvor, nahradí obilie, ktorého stratu spôsobil, podľa § 54 ak nemôže obilie nahradiť, predajú jeho aj jeho majetok a príslušníci občiny, ktorých obilie bolo odplavené sa podelia (o výťažok). Podľa § 55 ak si niekto otvoril svoj zavodňovací kanál, bol nedbanlivý a pole svojho suseda nechal odplaviť vodou, nameria obilie podľa suseda (nad

ním). Podľa § 56 ak niekto vpustil vodu a nechal odplaviť sejbu z poľa svojho suseda, nameria na 1 bur, 10 gurov obilia. Podľa § 57 ak sa pastier nedohodol s majiteľom poľa o spásaní trávy prascami a nechal svoje pole prascom spásat' bez súhlasu majiteľa, majiteľ poľa svoje pole pozbiera, pastier, ktorý bez súhlasu majiteľa nechal pole spásat' prascom, nameria nad to (za) 1 bur 20 gurov obilia. Podľa § 58 ak potom, čo prasce vyšli z pastvín občiny a po ukončení (pastvy) pri mestskej bráne „boli zriadené ohrady“, pastier vyhnal ich na pole a nechal ich spásat' pole, pastier obrobí pole, ktoré nechal spásat' a v čase žatvy nameria majiteľovi poľa na 1 bur 60 gurov obilia. Najbližšie k charakteru ochrany prírody má § 59 uvedeného zákonníka, podľa ktorého, ak niekto bez (súhlasu) majiteľa záhrady v záhrade niekoho zrubal strom, zaplatí pol miny striebra.

Na území Európy sa prvé zmienky majúce charakter „ochrany prírody“ objavujú na území starovekého Grécka, kde vo svojom neskorom dialógu Kritias, známy grécky filozof Platón poukazuje na stráne kedysi sa zelenajúce hustými lesmi, za jeho života však dávajúce len pastvu včelám, čím poukazuje na potrebu zalesnenia strání Attiky, aj keď v skutočnosti v tej dobe obyvatelia na území súčasného Grécka už najmenej 7000 rokov vykonávali poľnohospodársku činnosť a Platón osobne žiadne husté lesy okolo Atén (teda na území Attiky) nezažil a táto krajina sa v jeho dobe nijako výrazne neodlišovala od krajiny v nedávanej minulosti. V dialógu Kritias je možné nájsť predstavu husto zalesneného Stredomorja hneď vedľa opisu Atlantídy, o ktorej existencii mnohí ľudia nepochybujú. Uvedená predstava sa však v spoločnosti zakorenila tak pevne, že až moderná archeobotanika náročným výskumom musela zistiť, že ani bez ľudskej činnosti by v Stredomorí žiadne husté lesy severského typu neboli.

V období 3. storočia p.n.l. indický kráľ Ašóka (Ashoka) prijal zákonné ustanovenie na ochranu zvierat, tak divokých aj domácich, ktoré vychádzalo z indickej filozofie a ktoré hovorilo o tom, že právo na dušu majú aj zvieratá (aj keď v diferencovanom rozsahu), pričom výslovne vydal zákaz zabíjania niektorých druhov zvierat. Zároveň bolo prijaté aj ustanovenie na ochranu lesa pred vypaľovaním, pričom rovnako bol vydaný zákaz vypaľovania lesa. V 11. storočí n.l. (niektoré zdroje určujú bližšie rok 1079 n.l.) William I. Dobyvateľ vyhlásil oblasť New Forest v Anglicku za kráľovský majetok a kráľovskú loveckú oboru, čím sa uvedená oblasť až do dnešného obdobia zachovala v relatívne

nezmenenom stave. K tomuto je potrebné uviesť, že nielen William I. Dobytateľ, ale aj ďalší panovníci častokrát prijímané opatrenia vykonávali skôr za účelom osobného prospechu, ako pre ich samotnú ochranársku povahu (napr. za účelom lovu, aby v tej – ktorej oblasti nelovilo bežné obyvateľstvo a pod.). Vo vzťahu k územiu Slovenska, prvé písomné zmienky týkajúce sa opatrení zameraných na ochranu lesov a zveri siahajú do obdobia vlády kráľa Ladislava I. Svätého (1077-1095), ktorý v roku 1092 vydal zákaz lovenia zveri v dňoch pracovného pokoja. Z roku 1262 sa zachoval doklad o založení umelého lesa pri dnešnej dedine Kostolné Kračany.

K prvým sofistikovanejším úpravám vzťahov človeka k prírode dochádza od 12. storočia, kde na území vtedajšieho Švajčiarska dochádza k vyhlasovaniu ochranných lesov a následne približne v roku 1210 mongolský panovník Džingischán nariaďuje ochranu jeleňov, kozorožcov a divokých oslov na území Mongolska. V roku 1289 a následne v roku 1309 dochádza k Nariadeniu o ochrane norimberského lesa cisára Rudolfa Habsburgského a Jindřicha (Heinricha) VII v na území Nemecka a rovnako na území Nemecka v roku 1324 dochádza aj k vydaniu nariadenia na ochranu drobného vtáctva pod názvom Rheingauer Landrecht, pričom podobné nariadenie na ochranu drobného vtáctva sa objavuje aj na území Švajčiarska a to v podobe Zákona mesta Zürich na ochranu drobného vtáctva z roku 1335, s tým, že v historickej literatúre sa môžeme stretnúť s uvedeným zákonom aj ako so Zákomom na ochranu hmyzožravého vtáctva. V rokoch 1344-1345 dochádza na území vtedajšej Dubrovníckej republiky (dnešného mesta Dubrovník na území Chorvátska) k nariadeniu zníženia stavu (počtu) hovädzieho dobytku a kôz z dôvodu ochrany lesa. O desať rokov neskôr, v roku 1355 dochádza k pokusu Karla IV o presadenie zákonníka Majestas Carolina (tiež známeho aj pod názvom Codex Carolinus), ktorý je návrhom krajinského zákonníka pripraveného na pokyn Karla IV. v rokoch 1350 - 1351, avšak takto pomenovaný bol až neskôr. Vo všeobecnosti sa jednalo sa o zákonník, ktorý mal obmedziť rozpínanosť šľachty, pričom tento zákonník obsahoval 109 článkov, vrátane článkov obsahujúcich prísne opatrenia na ochranu kráľovských lesov, aj keď podstata týchto opatrení spočívala najmä v tom, že v kráľovských lesoch si niektorí šľachtici postavili sídla a privlastnili si časť pôdy, na ktorú si robil nárok cisár, čo tiež vzbudilo ich odpor. Šľachta však

mala dostatok síl, aby sa ustanoveniam, ktoré boli pre ňu nevýhodné, vzoprela a ich presadeniu zabránila. Prerokovanie tohto zákonníka sa tiahlo až do polovice 50. rokov 14. storočia, kedy si Karel IV. sám nakoniec uvedomil, že tento zákonník nepôjde presadiť, pričom v roku 1355 šľachta tento zákonník na generálnom sneme definitívne zamietla, čo bol pre Karla IV. úplný koniec nádejí na vydanie zákonníka. V roku 1411 dochádza k vydaniu ďalšieho opatrenia na území vtedajšej Dubrovníckej republiky (dnešného mesta Dubrovník na území Chorvátska) a to k vydaniu Zákazu rúbania stromov na určitých miestach. V rovnakom roku (1411) dochádza na území Nemecka k vydaniu uznesenia Mestskej rady Kolína nad Rýnom o ochrane živočíchov a do tretice v roku 1411 dochádza k vydaniu nariadenia kráľa Žigmunda Luxemburského o ochrane kežmarských lesov v Tatrách (teda na území dnešného Slovenska), pričom už v tom čase dochádzalo k uplatňovaniu inštitútu strážcov lesov a strážcov hôr. Panovník Žigmund, ktorý bol kežmarskému prevažne nemeckému obyvateľstvu veľmi naklonený, tomuto obyvateľstvu udelil aj iné privilégia. V tom istom roku (1411) dostal Kežmarok aj právo slobodného rybolovu s tým, že v kežmarských vodách (Poprad, Ľubický potok, Biela voda, Zlatý potok) nesmel loviť nikto cudzí. Previnenie sa trestalo odobratím všetkých vecí, ktoré mal previnilec pri sebe a tento trest mohol postihnúť dokonca aj šľachticov, na čo ako prví doplatili levočskí rybári v roku 1417, ktorí následne museli nahí pochodovať až do Ľubice. V roku 1417 získal Kežmarok právo slobodného užívania lesov (medzi ktoré patrila aj časť Vysokých Tatier), z ktorého vyplývalo, že do kežmarských lesov nemal prístup žiaden cudzinec. V prípade ak by niekto toto právo porušil, za každý svoj voz, naplnený drevom, by musel zaplatiť 3 zlaté a ak by pokutu nezaplatil, zhabali by mu kone i voz. Ten istý kráľ Žigmund Luxemburský v roku 1423 vydal nariadenie na ochranu lesov a tisu a čiastočnú ochranu zveri, najmä lovnej a v roku 1436 vydal Dekrét na ochranu lovnej zveri v kráľovských lesoch. V roku 1449 sa v Bratislave uskutočnil mimoriadny bratislavský snem, ktorý obmedzil právo lovu z dôvodov ochrany vzácneho vtáctva na území tzv. Uhrov. V rokoch 1450, 1468 a 1475 dochádza k nariadeniu Benátskej republiky o ochrane lesov v Istrii (na území dnešného Talianska a Chorvátska), následne v roku 1480 v Norimbergu (Nemecko) vychádza spis miestneho holiča a speváka Hansa Folza o liečivých teplých vodách (termálnych prameňoch), v ktorom je odporúčaná

ochrana prameňov a ich okolia a o osem rokov neskôr, v roku 1488, vtedajší starosta švajčiarskeho mesta Zürich Hans Waldmann neúspešne presadzuje zákon zakazujúci rúbanie mladých stromov a odlesňovanie. V roku 1504 kráľ Vladislav II. Jagelovský zakazuje zákonom lov a chytenie vtákov (konkrétne jelene, srny, zajace, diviaky, bažanty, jarabice a jariabky) poddanými a sedliakmi v českých krajinách. Ďalším pokusom (a jedným z najvýznamnejších pokusov) za vlády Vladislava II. Jagelovského bol pokus o kodifikáciu obyčajového práva, ktorý okrem iného pojednáva o ochrane lesov pred poškodzovaním pastiermi a pod. pre oblasť vtedajších Uhrov. Kráľ nariadil zozbierať predpisy obyčajového práva, čo vychádzalo z potreby zostaviť zbierku súdnych rozhodnutí, nakoľko obyčajové právo sa prejavovalo predovšetkým v týchto. K spracovaniu zbierky malo dôjsť na kuriálnom súde a následne mala byť vydaná pod názvom *Decisiones Tabulae tempore Wladislaw Regis*. Na základe poverenia kráľa došlo k zostaveniu tejto zbierky Štefanom Verböczym, ktorý sa narodil medzi rokmi 1458 - 1460 pravdepodobne vo Vrbovcich. Tento bol príslušníkom strednej šľachty, čelným predstaviteľom zemanstva v Uhorsku a zastával aj významné úrady ústrednej štátnej správy. Práce na zbierke sa začali okolo roku 1500, v roku 1504 už vzniká prvá podoba zbierky a v roku 1514 sú práce ukončené a zbierka dostala názov *Tripartitum* (tiež Verböczyho *Tripartitium*). V roku 1538 kráľ Žigmund III. Starý nariaďuje pre územie vtedajšieho Poľska, aby upytliacenie zubra bolo trestané smrťou a o tri roky neskôr, v roku 1541, rovnako na území vtedajšieho Poľska, v oblasti Bialowieza, došlo k zriadeniu chráneného loveckého revíru s cieľom chrániť zubry, ktoré tak ako v súčasnosti, boli aj v minulosti najväčšími európskymi zvieratami. V uvedenom revíre po stáročia nebol vyfatý jediný strom, ponechávané boli dokonca aj choré stromy a spadnuté kmene sa nechávali voľne ležať, pričom les sa obnovoval vlastnými silami. Rok na to, v kantóne Glarus na území vtedajšieho Švajčiarska, dochádza k vydaniu Zákazu lovu a nariadeniu o ochrane kamzíkov. V roku 1565, konkrétne 15.5.1565 vydal, v snahe oživiť hospodárstvo, kráľ Maxmilián II. Habsburgský *Constitutio Maximiliana Seu Norma Silvas Camerales Propagandi Et Colendi* (Maximiliánove nariadenie, alebo lesný poriadok), ktorým ako panovník mal snahu zaviesť racionálnejšie obhospodarovanie lesov. Uvedený lesný poriadok vznikol na podklade dvojročnej inventarizácie lesov (ktorá bola prvá na našom území).

Obsahoval opis jednotlivých porastov, vrátane údajov o rozšírení drevín a pokyny pre zabezpečenie ťažbovej vyrovnanosti v rámci oblasti, avšak aj reguláciu dovtedajšej nekontrolovanej a nesystematickej ťažby dreva vo forme hlavných zásad ťažby dreva. Po prvý raz sa do zákonnej podoby premieta snaha zosúladiť mieru potreby dreva so skutočným stavom i akosťou lesných porastov. Maximiliánov lesný poriadok sa však vzťahoval len na lesy patriace panovníkovi, tzv. komorné lesy. Došlo aj k zakotveniu povinnosti ustanovenia tzv. lesmajstrov (*sylvarum magister*), ako garantov ochrany lesa a jeho správneho obhospodarovania. Následne došlo k vydávaniu štatútov pre svoje lesy aj zo strany miest, hradov, komposesorátov a zemepánov, pričom vychádzalo sa práve z *Constitutio Maximiliana*. Neskôr došlo k vydávaniu inštrukcií (smerníc), ktoré užším spôsobom upravovali pomerne široké ustanovenia Maximiliánovho lesného poriadku, vrátane špecifikácie rozsahu kompetencií jednotlivých zložiek lesníckej administratívy, napr. lesmajstra, pod neho spadajúcich hájnikov a pisára, ktorý viedol evidenciu obchodu s drevom. Druhým významným dokumentom, ktorého cieľom bolo posilnenie hospodárstva, bolo v roku 1571 ťažobné nariadenie pre stredoslovenské mestá. V roku 1569 bol v kantóne Glarus na území vtedajšieho Švajčiarska vydaný zákaz odstrelu akéhokoľvek druhu zveri pod hrozbou trestu väzenia a pokutou 50 zlatých. Na území vtedajšieho Holandska zasa došlo v roku 1576 k vydaniu Nariadenia o ochrane lesa mesta Haag, ktoré bolo obsiahnuté v Akte o vykúpení (*Act of redemption*) zo dňa 16. Apríla 1576, ktorého obsahom bol zákaz delenia, alebo predaja lesa, pričom tento zákon je platný dodnes. Z ďalšieho obdobia, najmä pre územie Slovenska je významným dokumentom Tereziánsky lesný poriadok z čias vlády Márie Terézie (1740-1780), ktorý má zásadný význam pre ochranu prírody. Tento lesný poriadok v 55 bodoch upravil nielen spôsob ťažby dreva, ale aj pestovanie a hájenie lesov pre trvalý úžitok, pričom však navádzal na odvodňovanie močiarov. Uvedený lesný poriadok, ktorý bol vydaný Máriou Teréziou v roku 1769, bol súčasťou lesných krajinských poriadkov, vydávaných po Maximiliánovom lesnom poriadku z roku 1565 a to pre Čechy a Moravu a v roku 1754 a pre Sliezske v roku 1756. Tereziánsky lesný poriadok znamenal pokus zastaviť devastáciu uhorských lesov, spôsobenú najmä ťažbou rúd a hutníctvom. Uvedený lesný poriadok vo svojich 55 bodoch okrem spomínanej úpravy ťažby,

upravoval aj spôsob obnovy lesa, ochranu lesných porastov, zásady hospodárenia s drevnou hmotou a opatrenia vrchnostenského dozoru. Jeho hlavným poslaním bolo dosiahnutie zastavenie holorubov a zvýšenie trvalej výnosnosti lesov. Žiaľ, za panovania Márie Terézie bol medzi Vážcom a Východnou vyrúbaný Höchwald z dôvodu ochrany pocestných pred zbojníkmi, čím došlo k prerušeniu koridoru medzi Vysokými a Nízkymi Tatrami. V roku 1835 na území vtedajšieho Ruska dochádza k prijatiu zákona o ochrane rybích neresísk a o jedenásť rokov neskôr, v roku 1846 kráľ Ludvík I. Bavorský nariaďuje záchranu významného starého duba v Hornom Bavorsku. Rovnako vo vzťahu k potrebe ochrany stromov v roku 1859 český národný buditeľ, kňaz, pedagóg, grafológ, prekladateľ a spisovateľ František Doucha na území vtedajších Čiech publikuje veršované spisy pod názvom Ochrana stromu. Následne v roku 1870 taktiež na území vtedajších Čiech vyšiel prvý zemský zákon na ochranu vtáctva, podľa ktorého lovenie vtákov na jedlo sa malo prísne trestať. V roku 1876 bol v Kongrese spojených štátov amerických predložený prvý návrh zákona o ochrane lesov a o ďalšie tri roky, v roku 1879 bolo aj na území vtedajšieho Uhorska (terajšieho Slovenska) prijaté ustanovenie o ochranných lesoch v podobe Uhorského lesného zákona, ktorý stanovil okrem iného povinnosť hospodárenia podľa schválených hospodárskych plánov pre lesy štátne, obecné a spoločenstevné. Rozvinutosť lesníctva viedla v roku 1879 k schváleniu zákonného článku č. 31 ako prvého súborného lesného zákona platného v celom Uhorsku. Bol to moderný zákon pozostávajúci zo šiestich častí a 213 paragrafov. Najvýznamnejšou povinnosťou v ňom zakotvenou bola povinnosť vypracúvania lesných hospodárskych plánov pre štátne lesy. Následne v roku 1883 na území vtedajšieho Uhorska bol prijatý Uhorský lesný zákon na ochranu lovnej zveri a spevavého vtáctva. Uvedený zákon zaviedol úpravu výkonu práv poľovania, resp. poľovníctva v podobe ďalších nových opatrení ako napr.: poľovné právo bolo neoddeliteľné od vlastníctva pozemku; poľovné právo na pozemkoch obcí a pozemkoch bývalých urbárikov a komposesorátov sa muselo prenajímať vo verejnej dražbe; najkratší čas prenájmu bol stanovený na šesť rokov; mohli sa uplatňovať škody spôsobené jeleňou a danielou zverou na siatinách, v škôlkach, alebo lesných kultúrach, ak boli nahlásené do 8 dní od ich vzniku; dravú a škodlivú zver mohol na svojom pozemku „hubiť“ vlastník i vtedy, ak bolo poľovné právo prenajaté a uvedený

zákon obsahoval aj ustanovenia o zákazoch poľovačky a čase ochrany zveri. V roku 1887 bol na území Nemecka vydaný ríšsky zákon na ochranu vtáctva. V roku 1895 došlo na medzinárodnej konferencii o ochrane vtáctva v Paríži k vypracovaniu zoznamu užitočných vtákov a škodlivých vtákov a bol prijatý návrh dohovoru na ich ochranu. Napriek tomu, že Taliansko zápisnicu z tejto konferencie podpísalo, návrh vyhlásilo za neprijateľný. Koncom devätnásteho storočia dochádza k prijatiu dvoch významných dokumentov a to uhorského zákonného článku č. XLIV/1876 a zákonného článku č. XX/1883 o poľovníctve, ktorý na Slovensku platil až do roku 1947. Z neho vyplynula aj potreba ochrana dropa fúzatého a viacerých málopočetných, či ohrozených druhov, čo však nezabránilo tomu, že napr. Kristián Kraft Hohenlohe (1848-1926) zastreľil v Tatrách vyše 1000 kamzíkov vrchovských tatranských. V roku 1900 došlo v Spojených štátoch amerických k vydaniu zákona na ochranu vtáctva a cicavcov pod názvom Lacey Act (16 USC §§ 3371-3378), ktorý do Kongresu predložil John F. Lacey v Lowe, pričom uvedený akt bol podpísaný prezidentom Williamom McKinleym dňa 25. mája 1900. Lacey Act chráni rastliny, ako aj voľne žijúce zvieratá tým, že vytvoril ako občianskoprávne, tak trestnoprávne sankcie pre široké spektrum jeho porušenia, pričom najmä zakázal obchod s voľne žijúcimi živočíchmi, rybami a rastlinami, ktoré boli protiprávne odňaté, prepravované, alebo predávané. Uvedený zákon je stále platný, hoci bol opakovane menený a doplnený. Dôvodom jeho prijatia bola skutočnosť, že v roku 1900 nelegálny komerčný lov na území Spojených štátov amerických ohrozil viacero druhov zveri. Pôvodný zákon bol preto zameraný na ochranu zveri a voľne žijúcich vtákov, pričom federálnym zločinom bolo napr. pytliačiť v jednom štáte s cieľom predávať koristi v inom. Zákon zakazoval prepravu ilegálne ulovených zvierat cez štátne hranice, a riešil potenciálne problémy zavádzania nepôvodných druhov vtákov a živočíchov do pôvodných ekosystémov. Tento prvý federálny zákon na ochranu voľne žijúcich zvierat sa dodnes používa predovšetkým na zabránenie dovozu alebo šírenia potenciálne nebezpečných nepôvodných druhov. Uvedený zákon je stále platný, hoci od jeho prijatia bol niekoľkokrát menený a doplnený. V roku 1901 predkladá poslanec viedenskej poslaneckej snemovne návrh zákona na ochranu a udržiavanie prírodných pamiatok a o tri rok neskôr, teda v roku 1904 dochádza na území Čiech v oblasti Krkonoše

k vydaniu prvého nariadenia na ochranu krkonošskej flóry (dňa 16.3.1904) a v tom istom roku dochádza aj k prvému vydaniu pamätného spisu Naturdenkmäler (teória a návrh organizácie ochrany prírody v Prusku) Huga W. Conwentza, riaditeľa Západopruského zemského múzea v Gdansku a od roku 1906 vedúceho štátneho úradu pre ochranu prírody v Prusku, ktorý predstavuje nový pohľad na prírodu a okolie človeka vyzýva k tomu, aby štát prevzal zodpovednosť za ochranu prírody a krajiny. V uvedenom spise Conwentz ponúka rôzne predstavy, od myšlienok romantizmu, cez prieskumy, až po vedecky orientovaný program na ochranu prírody, ktorý by bol v súlade s kultúrnym dedičstvom a podnecuje vytvorenie spoločenských hnutí na ochranu prírody a zvýšenie dôležitosti ekologických otázok v modernej spoločnosti. V tom istom roku (1901) nariadením uhorského ministra pôdohospodárstva Ignáca Darányiho doplneného nariadením z roku 1906, vzťahujúcimi sa aj na územie Slovenska, dochádza k právnemu zabezpečeniu druhovej ochrany viacerých cicavcov a vtákov, napr. všetkých druhov netopierov, ježov, sysľov, krtoŕov (okrem území záhrad a cintorínov). V nariadení z roku 1906 sa okruh druhovej ochrany rozšíril aj na ochranu bocianov bielych, aj čiernych, sokolov, plamienok driemavých, či vodnára obyčajného. Zemský poslanec L. Jeřábek v roku 1908 predložil zemskému snemu v Čechách návrh zákona na ochranu prírodných a krajinných pamiatok, ktorého predloženie opakoval aj v roku 1911, ale neúspešne. Medzitým, v roku 1909 na Morave dochádza k vydaniu zákona o ochrane poľnohospodársky užitočného vtáctva. V roku 1956 bol schválený prvý zákon na ochranu prírody v ČSR pod č. 40/1956 Zb. Zákon bol stručný, majúci deklaratórny charakter, pričom postihoval viac jednoduché obyvateľstvo, ako podniky, čo vyplývalo najmä z postoja vtedajšieho režimu a jeho nevôle obmedzovať priemysel a poľnohospodárstvo z dôvodu potreby ochrany životného prostredia. Predmetom ochrany boli najmä chránené územia, chránené prírodné výtvory a chránené prírodné pamiatky, chránené druhy živočíchov, rastlín, nerastov a skamenelín. Zákon rozdelil chránené územia do viacerých kategórií a to národný park, chránená krajinná oblasť, štátna prírodná rezervácia, chránený prírodný výtvor, chránený park a záhrada a chránená študijná plocha. Zákon zároveň zaviedol druhovú ochranu, nakoľko obsahoval zoznam chránených druhov rastlín a živočíchov (u ktorých bolo daný zákaz ich rušenia,

lovu, zberu, či narušovania ich prostredia). Osobitnou kategóriou boli čiastočne chránené druhy rastlín, ktorými boli druhy, pri ktorých bolo možné zbierať nadzemné časti, napr. bledule jarnej, alebo prvosenky jarnej. Aj napriek uvedenému, v čase svojho prijatia mal tento zákon zásadný význam pre ochranu prírody. Avšak už začiatkom 70. rokov 20. storočia, ochrana prírody postavená na obsahu tohto zákona, sa javila aj na vtedajšiu dobu ako nepostačujúca, teda nepostačujúce bolo chrániť len vybrané územia definované predmetným zákonom a tento prístup k ochrane prírody, nebol schopný zabrániť rozsiahlej degradácii prírody a krajiny. V roku 1964 dochádza na území Spojených štátov amerických k prijatiu zákona na ochranu divočiny (The Wilderness Act), ktorý bol vytvorený Howardom Zahniserom z Wilderness Society, schválený kongresom Spojených štátov amerických a podpísaný prezidentom Lyndonom B. Johnsonom 3. septembra 1964 po približne ôsmich rokoch práce a viac ako šesťdesiatich predložených návrhoch. Tento zákon vytvoril legálnu definíciu slova divočina (wilderness) a ochránil 9 miliónov akrov (približne 36000 km²) federálnej pôdy. Po roku 1989 na území vtedy ešte Československa, spolu s pádom socializmu dochádza k zmene aj na úseku ochrany prírody. V roku 1994 už pre územie samostatného Slovenska dochádza k prijatiu moderného a pre vtedajšie obdobie aj vyhovujúceho zákona o ochrane prírody a krajiny. V rámci štátnej správy dochádza k zriadeniu Ministerstva životného prostredia a Slovenskej inšpekcie životného prostredia. Následne, spolu so vstupom Slovenska do Európskej únie dochádza k implementovaniu jej právnych noriem, avšak ochrana prírody a krajiny ostáva zachovaná aj na národnej úrovni vo viacerých právnych predpisoch v oblasti ochrany prírody a krajiny, ktoré sú pravidelne novelizované. Dôležitým medzníkom sa stáva aj zakotvenie trvalo udržateľného rozvoja do právneho systému Slovenskej republiky, pričom pod uvedeným pojmom sa myslí taký rozvoj, ktorý súčasným i budúcim generáciám zachováva možnosť uspokojovať ich základné životné potreby a pritom neznižuje rozmanitosť prírody a zachováva prirodzené funkcie ekosystémov. Na uvedené nadviazalo prijatie Národnej stratégie trvalo udržateľného rozvoja SR, ktorá vymedzuje trvalo udržateľný rozvoj ako cielený, dlhodobý (priebežný), komplexný a synergický proces ovplyvňujúci všetky oblasti života (duchovná, sociálna, ekonomická, environmentálna a inštitucionálna), odohrávajúc sa na

viacerých úrovniach (lokálna, regionálna, národná, globálna) a smerujúci prostredníctvom uplatňovania praktických nástrojov a inštitúcií k takému modelu fungovania príslušného spoločenstva (miestnej a regionálnej komunity, krajiny, medzinárodného spoločenstva), ktorý kvalitne uspokojuje materiálne, duchovné a sociálne potreby a záujmy ľudí, pričom rešpektuje hodnoty prírody a neprekračuje únosnú kapacitu krajiny a jej zdrojov.

Zoznam bibliografických odkazov:

- [1] Bavlšík, J., Kučera, J., Ruman, K. 2010. *Hospodársko-úpravnícke plánovanie a trvalo udržateľné hospodárenie v lesoch*. 1. vyd. 2010. Zvolen: Národné lesnícke centrum, 2010. 128 s. ISBN 978-8093-110-0.
- [2] Konôpka, J., a kolektív. 2010. *Príručka vlastníka a obhospodarovateľa lesa*. 1. vyd. Zvolen: Národné lesnícke centrum, 2010. 212 s. ISBN: 978-80-8093-123-0.
- [3] Platon. 2008. *Timaios, Kritias*. 3. vyd. 2008. Praha: Oikoyomenh, 2008. 127 s., ISBN: 8086005070.
- [4] Scott, D. 2004. *The Enduring Wilderness: Protecting Our Natural Heritage through the Wilderness Act*, Golden: Fulcrum Publishing, 2004, 160 s., ISBN 1-55591-527-2.
- [5] Sluk, M. 2012. *Poľovníctvo právo verejné*. In Magister Officiorum. ISSN 1338-5569. 2012, roč. 2, č. 6, s. 50-60.
- [6] Vojáček, L. a kolektív. 2010. *Dejiny verejného práva a prameňov práva*. 2. vyd. Bratislava: Univerzita Komenského, Právnická fakulta, 2010. 395 s. ISBN: 978-80-7160-291-0.
- [7] Wisch, R. F. 2003. *Overview of the Lacey Act (16 U.S.C. SS 3371-3378)*, East Lansing. Michigan State University, College Of Law, 2003.
- [8] *Codex Carolinus*. [cit. 2012-07-03]. Dostupné na internete: <<http://www.ucl.cas.cz/edicee/data/antologie/zliteratury/VZCL3/145.pdf>>
- [9] *História ochrany a prírody v Českej republike*. [cit. 2013-02-06]. Dostupné na internete: <http://www.cittadella.cz/europarc/index.php?p=historie_ochrany&site=zakladni_udaje_cz>
- [10] *Hugo Conwentz. Naturdankmäler*. [cit. 2013-03-12]. Dostupné na internete: <http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0082_con&l=de>
- [11] *Lacey Act*. [cit. 2013-02-23]. Dostupné na internete: <<http://www.animallaw.info/articles/ovuslaceyact.htm>>

Summary

This article is trying to bring insight into the historical development of protection of nature, especially forests, animals and birds in the course of history on the territories of the countries, because of the need for environmental protection, which is the basis of environmental policy, as it is perceived today, found itself a reflection of the decisions and actions of individual countries and regions, resp. their rulers back over the centuries, resp. millennia, while individual decisions, do not have the sophisticated nature of law now, but connects them with the current need to protect nature and its various sub-components

PROSOPON

NR 1/ 2013

[273-289]

Darina Vološinová

ISM Slovakia Presov

Teoretické aspekty financovania inovácií a význam venture fondov pre financovanie inovatívnych firiem

Theoretical aspects of innovation financing and the importance of venture funds for the financing of innovative firms

Key words: *financing, innovative, firms*

Úvod

Pojem inovácia vyvoláva vysokú mieru asociácie s problémom vysokých nákladov a najvyššieho možného rizika. Mnoho firiem rieši významný problém v riadení výroby spojený s financovaním technologického rozvoja a inovácií. V každej veľkej firme výrobní manažéri deklarujú, že majú viac projektov ktoré by radi zrealizovali ako fondy, ktoré môžu použiť. Dôvody tohto stavu sú: nízka predpokladaná návratnosť, nespoľahlivosť a riziko spojené s projektom a nadmerný optimizmus skupiny manažérov.

Článok sa zameriava na teoretické aspekty financovania inovácií a načrtáva význam venture fondov pre financovanie inovácií vo firmách. Sumarizuje a podáva prehľad o najvýznamnejších prácach a základných myšlienkach v tejto oblasti výskumu spolu s náčrtom možností a obmedzení, ktoré predstavujú venture fondy ako zdroj financovania inovácií pre malé a stredné podniky. Podrobnejšie sa venuje faktorom, ktoré ovplyvňujú financovanie inovácií, pričom cielene rozoberá v týchto súvislostiach problém asymetrie informácií, morálneho hazardu, daňových aspektov a cash-flow. Otvára problém veľkosť firmy vs. tok kapitálu a na základe rozsiahlych štúdií, uskutočnených najmä v USA podporuje

názor, že malí špecializovaní podnikatelia majú ako vhodnú alternatívu na financovanie svojich inovatívnych projektov venture kapitál.

Vývoj teoretických názorov na financovanie inovácií

Pomerne dlhé obdobie ekonómovia pozorovali, že inovatívne aktivity je ťažké financovať na voľne konkurenčnom trhu. Podporu tohto názoru vo forme ekonomicko-teoretického modelovania je možné nájsť v klasickým prácach Nelsona [1959] a Arrowa [1962] a tiež táto myšlienka súvisí s názormi Schumpetera [1942]. Argumenty boli nasledovné: primárnym výstupom inovatívnej investície je poznatok ako vyrobiť nový tovar alebo ponúknuť službu, a tento poznatok je jedinečný; jeho použitie jednou firmou ale nemôže zabrániť inej firme v jeho použití. Rozsah tohto poznatku nie je možné udržať v tajnosti, takto návratnosť investície nie je zaručená a tak firma nie je ochotná investovať, čo vedie k situácii, že financovanie výskumu a vývoja a inovácií nie sú v ekonomike zabezpečené.

Od obdobia, keď tento názor vyslovil Arrow nastal ďalší vývoj, testovanie, modelovanie a boli naznačené mnohé cesty. Napr. Levin a kol. [1987] a Mansfield a kol. [1981] dokázali, že imitácia novej myšlienky nie je úplne bez nákladov, ale náklady sú len 50 -70 % ako sú náklady originálneho vynálezu, originálnej invencie. Tento fakt mohol uspokojiť ale nie eliminovať problém neochoty investovať. Empirická podpora základného faktu týkajúceho sa pozitívnych externalít potvrdila, že výskum Arrowa bol rozsiahly, väčšinou vo forme štúdií sociálnej návratnosti výskumu a vývoja, ktorá je vyššia ako súkromná úroveň [Griliches, 1992; Hall 1996].

Tento smer výskumu je už značne využívaný politikmi na ospravedlnenie takých intervencií ako sú systém duševného vlastníctva, vládna podpora inovatívnych aktivít, daňová stimulácia výskumu a vývoja a podpora spolupráce výskumu rôzneho druhu. Vo všeobecnosti, takto podporované programy môžu zaručiť rovnako pre firmu aj pre individuálny výskum rovnaké financovanie. Avšak Arrowova významná práca obsahuje tiež iný argument, ktorého predchodcom bol opäť Schumpeter a ktorý je odkazom pre ďalších výskumníkov v ekonómii a financiách: je to argument, že existuje ďalší rozdiel medzi

súkromnou mierou návratnosti a nákladmi kapitálu, keď inovatívny investor a financujúci subjekt sú rozličné jednotky.

Je potrebné sa zaujímať aj o iný aspekt zlyhania trhu pri inovatívnom investovaní: vždy ak vzniknú problémy nedostatočnej návratnosti výskumu a vývoja, sú riešené použitím systému duševného vlastníctva, podporami, alebo daňovými stimulmi. To vedie k zložitému a nákladnému financovaniu výskumu a vývoja a rôznych inovatívnych aktivít s využívaním externých zdrojov financovania. Tak vznikne veľký rozdiel medzi očakávanou mierou návratnosti podnikateľov investujúcich do inovácií vlastné zdroje a externými investormi. S jednou výnimkou, ak je investor už bohatý a firma je už zisková, niektoré inovácie môžu úplne zlyhať čisto preto, že náklady externého financovania sú príliš vysoké, hoci by aj prešli cez prekážku návratnosti, ak by finančné prostriedky boli k dispozícii za „normálnu“ teda bežnú úrokovú mieru.

Z modernej investičnej teórie vyplýva, že investície do inovácií majú početné charakteristiky, ktoré ich odlišujú od bežných investícií. Prvou a najdôležitejšou je to, že v praxi 50 % a viac investícií na výskum a vývoj tvoria mzdy a náklady na vyššie vzdelanie vedcov a inžinierov. Ich úsilie vytvára nehmotný „účet“, podnikovú poznatkovú bázu, ktorá v budúcich rokoch bude generovať zisky. Čo sa týka ich objemu, poznatky sú „tiché“ kodifikátory vložené do ľudského kapitálu, ktoré sa stratia ak títo zamestnanci opustia firmu alebo sa „vybijú“, čiže stratia invenciu.

Tieto fakty sú dôležitým aspektom riadenia investícií do výskumu a vývoja. Pretože časť výskumnej bázy firiem sa stráca keď pracovníci odchádzajú alebo „vyhoria“, firmy majú tendenciu zmierniť výskum a vývoj, aby nemuseli prepúšťať vedeckých pracovníkov. To znamená, že náklady na výskum a vývoj na úrovni jednotlivých podnikov sa chovajú typicky ako by to boli vysoké adaptačné náklady [Hall, Griliches a Hausman, 1986; Lach a Schankerman, 1988] s dvoma dôsledkami: jeden je vecný a druhý ten, ktorý ovplyvňuje empirický výskum v tejto oblasti. Po prvé, rovnováha požadovanej miery návratnosti investície do výskumu a vývoja môže byť pomerne vysoká kvôli pokrytiu adaptačných nákladov. Po druhé, ale v súvislosti s prvým záverom je, že bude ťažké merať v empirických štúdiách zameraných na vplyv zmien nákladov kapitálu dopad na tieto investície, pretože tieto efekty môžu byť slabé

v krátkodobom horizonte v dôsledku stagnujúcej reakcie investícií do výskumu a vývoja na akékoľvek zmeny nákladov.

Druhou významnou črtou výskumu a vývoja je miera neistoty spojená s výstupom z neho. Táto neistota býva najväčšia na začiatku výskumného programu alebo projektu, čo znamená že optimálna stratégia výskumu a vývoja nemá mať statický charakter. V projektoch s malou pravdepodobnosťou ale veľkého úspechu v budúcnosti sa odporúča pokračovať, aj keď neprejdú testami výnosnosti. Neistota tu môže byť extrémna a nie je jednoduché správne špecifikovať priemerný, realistický a ďalšie varianty. Existujú dôkazy o tom, [Scherer, 1998], že rozdeľovanie ziskov z inovácie má niekedy podobu Paretovho rozdelenia, kde varianty neexistujú. Ak dôjde k tejto situácii, štandardné metódy nastavenia rizík nefungujú dobre.

Dôležitou charakteristikou neistoty vo financovaní investícií do inovácií je skutočnosť, že investícia prebieha v čase, a keď príde nová informácia, táto môže znížiť alebo zmeniť mieru rizika. Dôsledkom tejto skutočnosti je, že rozhodnutie investovať do projektu nemusí byť konečné, ale musí sa prehodnocovať po celú dobu životnosti projektu. Okrem toho pri realizácii takejto investície postupnosť rozhodnutí sa komplikuje zavádzaním dynamických prvkov do interakcie medzi investorom a inovujúcim subjektom.

Faktory ovplyvňujúce financovanie inovácií

Prirodzený východiskový bod pre analýzu akéhokoľvek typu financovania inovácií je neoklasická podmienka hraničného zisku primerane upravenej na osobitné črty výskumu a vývoja. Táto podmienka stanovuje rovnosť hraničného produktu kapitálu a miery výnosu z investovania tohto kapitálu pred zdanením. Počet inovácií je citlivý na mieru realizovaných technologických zmien v priemysle, ktoré sú zas determinované štruktúrou trhu a mierou napodobňovania.

Financovanie inovácií a výskumu a vývoja ovplyvňujú nasledovné faktory:

- daňová úprava ako sú daňové úľavy, ktoré sú zásahmi politikov,
- ekonomický pokles, ktorý v prípade výskumu a vývoja je vhodnejšie nazývať zastarávanie.

- marginálne náklady nastavenia úrovne výskumných a vývojových programov,
- investormi požadovaná miera návratnosti.

Posledný faktor je predmetom značného teoretického a empirického záujmu jednak priemyselných organizácií a tiež podnikových finančných ekonómov. Možno pozorovať dve oblasti výskumného záujmu: jeden sa zameriava na úlohu asymetrických informácií a na význam morálneho hazardu pri zvyšovaní požadovanej miery návratnosti nad normálnu, používanú pri bežnej investícii. Druhý na problém rôznych zdrojov financovania a ich rozdielne daňové úpravy pre mieru návratnosti.

Jedným z dôsledkov známeho Modigliani - Millerovho teorému [1958, 1961] je že firma pri voľbe optimálnej úrovne investovania by mala byť indiferentná k svojej kapitálovej štruktúre a navonok by ceny všetkých investícií

(vrátane investícií do nových produktov a procesov) mali byť rovnaké. Posledná peňažná jednotka investovaná pri všetkých typoch investícií by mala mať rovnaký očakávaný výnos (pri nediverzifikovateľnom riziku). Veľké teoretické a empirické práce spochybnili základy tohto teorému, ale napriek tomu dodnes zostal užitočným východiskovým bodom.

Existuje niekoľko dôvodov, prečo teorém v praxi nemusí platiť:

1. neistota v spojení s nedokonalosťami trhu môže ovplyvniť reálne rozhodnutie investícií do výskumu a vývoja,
2. kapitálové náklady podľa ich zdrojov financovania sa môžu líšiť z nedaňových dôvodov,
3. náklady na kapitál sa môžu líšiť podľa zdrojov ich financovania z daňových dôvodov,
4. náklady na kapitál sa môžu líšiť pre rôzne typy investícií (hmotné a nehmotné) z daňových a iných dôvodov.

Pokiaľ ide o investície do inovácií, ekonomická teória nachádza veľa dôvodov, prečo môže existovať rozdiel medzi nákladmi na externý a interný kapitál; tieto dôvody môžu byť rozdelené do troch hlavných typov:

- asymetria informácií medzi investorom a inovujúcim subjektom,
- morálny hazard na strane inovujúceho subjektu, ktoré vyplýva z oddelenia vlastníctva a riadenia,

- daňové aspekty, ktoré predstavujú „klin“ medzi externé financovanie a financovanie prostredníctvom nerozdeleného zisku.

Problém asymetrie informácií

V oblasti výskumu a vývoja problém asymetrie informácií vyplýva z toho, že inovujúci subjekt má často lepšie informácie o pravdepodobnosti úspechu a o povahe predkladaného inovačného projektu ako potenciálny investor. Ide o príklad trhu keď „predávajúci vie viac ako kupujúci“ „lemon market“ ako model Akerlofa. [Akerlof 1970: 488-500]. Očakáva sa, že „lemon“ prémie bude vyššia ako u bežnej investície aj preto, lebo projekty výskumu a vývoja majú dlhodobý charakter na rozdiel od krátkodobých a nízko-rizikových projektov [Leland a Pyle 1977: 371-387].

V najextrémnejšej verzii „lemon“ modelu by sa mohol trh pre výskumné a vývojové projekty úplne stratiť, ak bude problém asymetrie informácií príliš veľký. Neformálne dôkazy svedčia o tom, že inovujúce subjekty veria, že sa to v skutočnosti môže stať. Systémy rizikového kapitálu sa považujú za riešenie tohto problému „strateného“ trhu. Zníženie informačnej asymetrie má zase obmedzujúcu účinnosť kvôli jednoduchosti napodobňovania tvorivých myšlienok. Firmy preto nechcú úplne odhaliť svoje inovatívne nápady na trhu. Tento fakt zase značne zvyšuje náklady konkurencie na získanie týchto informácií, ale v konečnom dôsledku zároveň redukuje aj kvalitu informačného signálu na trhu pre potenciálneho investora projektu [Bhattacharya a Ritter 1983: 331-346; Anton a Yao 1998: 513-531].

Krátky záver z tejto analýzy by bol nasledovný: v dôsledku existencie asymetrických informácií a zvýšeným nákladom, firmy a inovujúce subjekty sa musia uspokojiť s tým, že čelia vyšším nákladom na externý ako interný kapitál pre výskum a vývoj v dôsledku existencie „lemon“ prémie. Empirickou oporou pre toto tvrdenie sú štúdie, ktoré merajú reakciu trhu na oznámenia o emisii nových dlhových a akcií. Alam a Walton [1995] a Zantout [1997] našli viac abnormálne vysokých výnosov na akcie firiem, kde bola vysoká intenzita výskumu a vývoja. Argumentom je, že získavanie nových zdrojov financovania je dobrou správou, keď firma má problém s asymetriou informácií, pretože to je stratégia výskumu a vývoja. Podobne Szewcxyk, Tsetsekos, a Zantout [1996]

vysvetlili, že výskum a vývoj prinášajúci so sebou abnormálne vysoké výnosy, ktoré sú tým vyššie, čím má firma viac špekulatívny charakter, znamená zároveň vyššiu požadovanú mieru návratnosti pre dlhové financovanie.

Problém morálneho hazardu

Morálny hazard v oblasti investovania do výskumu a vývoja vzniká ako dôsledok oddelenia vlastníkov a manažmentu. To vedie k problému známemu ako „principal-agent problem“, keď ciele oboch strán sú konfliktné, čo vyústi do investičnej stratégie, ktorá nevedie k maximalizácii trhovej hodnoty firmy. Výsledkom sú dva možné scenáre: jeden je tendencia manažmentu financovať vlastné benefity; druhým je neochota rizikovo averzných manažérov investovať do neistých projektov výskumu a vývoja.

Prvému scenáru sa dá vyhnúť znížením voľného cash – flow, ktorým disponuje manažment, čo ale zase núti firmu využívať drahší externý kapitál na financovanie výskumu a vývoja [Jensen a Meckling, 1976]. Druhý scenár vychádza z princípu, že manažéri sú riziko averznejší ako akcionári a bránia sa inovačným projektom, ktoré zvyšujú rizikovosť firmy. Teória argumentuje, že takto sa nerealizujú dlhodobé investície. Optimálnym riešením v tomto prípade je zvýšiť dlhodobé stimuly, ktoré manažment prijíma radšej ako obmedzenie voľného cash – flow. Oba scenáre vyvolávajú vo firme dodatočné náklady vyplývajúce z asymetrie informácií a morálneho hazardu známe ako agency-costs.

V období neistoty a pravdepodobnosti úspechu inovácie v čase, možnosť asymetrických informácií a morálneho hazardu vo vzťahu investor – inovujúci subjekt vytvára ďalšie problémy v spolupráci. Napríklad bolo pozorované [Cornelli a Yosha 2003], že podnikatelia a manažéri výskumu a vývoja chcú pokračovať v projektoch, ktoré by investori radi ukončili pravdepodobne preto, že dosiahnutie konečných benefitov je už blízko a už nemusia čeliť ďalším investičným nákladom spojenými s možnými zlyhaniami.

Asymetrické informácie vyvolávajú to, že investor má relatívne väčšie ťažkosti pri stanovení pravdepodobnosti úspechu projektu ako inovátor. Kombinácia informácií o ziskoch a dodatočných nákladoch vedie k neefektívnemu

financovaniu projektov v priebehu času a rovnako tiež k neefektívnej, resp. príliš nízkej úrovni financovania.

Bergemann a Hege [2005] analyzovali kompromisy viacstupňového investičného rozhodnutia v prostredí neistoty. Sledovali výber finančného vzťahu (ak investor je schopný sledovať pokrok projektu) a obvyklú dĺžku financovania (ak sa investor musí spoliehať na informácie od inovátora). Investor je schopný zrýchliť alebo spomaliť tempo financovania v závislosti od toho, aké sú jeho očakávania pre dosiahnutie úspechu. Vo všeobecnosti Bergemann a Hege zistili, že pod vplyvom existencie agency-costs nie sú projekty ukončené optimálne, ale rýchlejšie ako je priemer.

Daňové aspekty financovania inovácií

Daňové aspekty, ktoré ovplyvňujú náklady kapitálu ako zdroja financovania inovácií bol popísaný Auerbachom [1984] a ďalšími. Argumentoval, že v rámci daňového systému v USA počas historicky dlhého obdobia, boli náklady na financovanie nových investícií prostredníctvom dlhu nižšie ako financovanie prostredníctvom nerozdeleného zisku, čo ale je zase lacnejšie ako emisia akcií. Ak sú dividendy zdaňované, financovanie prostredníctvom nových akcií je nákladnejšie ako financovanie z nerozdeleného zisku. Okrem toho je nepravdepodobné, aby sadzba dane z príjmov fyzických osôb bola oveľa vyššia ako suma kapitálu a podnikových príjmov, takto bude dlhové financovanie najlacnejším zdrojom financovania, pretože je odpočítateľnou položkou na podnikovej úrovni. Akcionári platia zvyčajne vyššiu sadzbu dane z nerozdeleného zisku ako keď zadržaný zisk investujú. To implicitne predpokladá, že výnosy z investície budú zadržané vo firme a v konečnom dôsledku zdanené ako kapitálový príjem výhodnejšie ako by boli zdanené ako bežný príjem.

Je tiež pravdou, že postup zdanenia výskumu a vývoja a ďalších investícií do inovácií je vo väčšine krajín OECD veľmi rozdielny. Náklady na výskum a vývoj, marketingové náklady, náklady na zaškolenia atď. sú vynaložené náklady a efektívna daňová sadzba na zodpovedajúce aktíva ako sú stroje a zariadenia je nižšia, čo je pomerne časté v mnohých krajinách bez ohľadu na to, či ide o miesto daňovo zvýhodňujúce výskum a vývoj alebo nie. Samozrejme, ak sú daňové

sadzby na oba druhy príjmov rovnaké, tento efekt sa ruší. To v skutočnosti znamená, že ekonomické opotrebenie inovačných aktív je podstatne menšie ako povolené daňové odpisy – čo je 100 % - tak, aby požadovaná miera návratnosti takejto investície bola nižšia. Okrem toho, niektoré krajiny ponúkajú daňový zápočet alebo dotácie na výskum a vývoj, čo ďalej znižuje náklady kapitálu po zdanení.

Možno teda konštatovať, že prítomnosť buď asymetrických informácií alebo „principal – agent konflikt“ znamená, že nové dlhové alebo rizikové financovanie bude relatívne drahšie ako bežné financovanie, a že tieto okolnosti spôsobujú obmedzenie možností využívania dlhového financovania.

Spoločne tieto argumenty naznačujú, že vo výskume a vývoji ako signál budúcej ziskovosti hrá dôležitú úlohu pri investičných rozhodnutiach nerozdelený zisk bez ohľadu na jeho cenu. Tieto argumenty je možné nájsť v prácach Halla [1992], Himmelberg a Petersen [1994], ktorí zdôvodňujú, že pozitívny cash-flow môže byť dôležitejší pre financovanie investícií do výskumu a vývoja ako pre financovanie bežnej investície.

Hall B., H. v svojej empirickej práci *The Financing of Innovation* [2005] skúmal počas obdobia piatich rokov dáta o investíciách do výskumu a vývoja firiem v USA, UK, Francúzska, Nemecka, Írska a Japonska. Išlo o väčšie firmy, ktoré mali významnú pozíciu v svojich domácich ekonomikách. Predložil niektoré solídne dôkazy o financovaní inovácií:

1. dlh nie je obľúbený zdroj financovania výskumu a vývoja;
2. „anglosaské“ ekonomiky so svojimi silnými a vysoko rozvinutými akciovými trhmi a pomerne transparentnými vlastníckymi štruktúrami, vykazujú vyššiu vnímavosť a citlivosť na vzťah cash-flow a výskum & vývoj ako kontinentálne ekonomiky;
3. špekulatívne sa možno domnievať že táto vyššia vnímavosť môže vzniknúť kvôli obmedzeným zdrojom financovania, že externé zdroje sú oveľa nákladnejšie ako interné a preto sú požadované až hraničné miery výnosu investícií, keď sa použijú tieto zdroje;
4. je rovnako pravdepodobné, že sa táto vnímavosť objaví, pretože firmy sú citlivé na zmeny sily dopytu vo financovaní akciových trhov.

Definitívne vysvetlenie tejto nadmernej citlivosti je ešte potrebné preskúmať. Okrem týchto výsledkov, dôkazy z Nemecka a ďalších naznačujú, že malé firmy sa dokážu skôr vysporiadať s touto ťažkosťou ako veľké etablované firmy.

Z politického hľadiska, tieto výsledky podporujú ďalší dôvod, prečo môže byť spoločensky prospešné ponúknuť daňové stimuly podnikom; cieľom je zníženie nákladov na kapitál určený pre financovanie výskumu a vývoja, a to najmä pre malé a nové firmy. Mnoho vlád, vrátane v USA a UK v súčasnom období majú takéto programy. Takýto politický postoj si jednoducho všíma, že náklady kapitálu sú relatívne vyššie pri financovaní inovácií a snaží sa vyplniť medzeru prostredníctvom daňových zvýhodnení. Avšak tu existuje aj alternatívny prístup, ktorý sa opiera o súkromný sektor a pokúša sa o preklopenie tejto finančnej medzery, znížením stupňa asymetrie informácií a morálneho hazardu.

Problém vzťahu cash-flow a inovácií

Podľa názoru ekonómov [Blair a Litan, 1990], vlna odkúpení podnikov, ktorá vznikla v roku 1980 v Spojenom kráľovstve a USA vznikla čiastočne kvôli vysokým úrokovým mieram, čo znamenalo, že sa vytvorili silné tlaky na voľný cash-flow vo vnútri firiem. Pre firmy v priemyselných odvetviach, kde výskum a vývoj je dôležitá forma investície, bola nižšia potreba redukcie interných zdrojov a Hall [1993, 1994] a Opler a Titman [1993] zistili, že pre firmy s vysokou intenzitou výskumu a vývoja je oveľa menej pravdepodobné odkúpenie. Opler a Titman [1994] zistili, že výskum a vývoj v spoločnostiach, ktoré boli zadlžené utrpel viac ako v ostatných firmách v období ekonomickej krízy pravdepodobne preto, že kvôli redukcii cash-flow sa im nepodarilo udržať výskumno-vývojové programy.

Poznatky, ktoré sú výsledkom výskumu a vývoja sú nehmotného charakteru, sú čiastočne vložené do ľudského kapitálu a spravidla sú úzko špecializované na konkrétnu firmu v ktorej sa nachádzajú. Preto kapitálová štruktúra firiem s intenzívnym programom výskumu a vývoja vykazuje podstatne menší multiplikačný efekt ako u iných firiem. Banky a ďalší držitelia dlhov uprednostňujú použitie hmotného majetku na zabezpečenie úverov a nie sú preto ochotní požičovať na projekty zahŕňajúce značné výdavky na výskum a vývoj.

Okrem toho, dlhová služba vyžaduje zvyčajne stabilné zdroje cash-flow, čo je ťažšie nájsť u firiem s intenzívnym výskumom – vývojovým programom, ktorý aby bol produktívny musí byť udržiavaný na určitej úrovni. Z týchto dôvodov, firmy sú buď neschopné alebo neochotné využívať dlh na financovanie výskumu a vývoja, ktorý môže zvyšovať ich náklady na kapitál.

Význam rizikových fondov pre financovanie inovatívnych firiem

Inovácie sú zdrojom mnohých rizík, ktoré siahajú od ich financovania až po ich realizáciu. Tieto riziká sa spájajú predovšetkým so samotnou inováciou ako činnosťou, ktorá sa týka:

- vytvorenia nového produktu alebo služby,
- procesu ako spôsobu výroby, ponuky alebo distribúcie,
- zmien v manažmente alebo v organizácii práce,
- vytvorenia nových prístupov k použitiu alebo spotrebe, ktoré sú vzdialené od pôvodných prístupov.

Metrick [2007] identifikoval tri typy rizík, ktoré sa spájajú s inováciami. Prvé sú technologické riziká, charakterizované ako neistota technologického úspechu vynálezu, potom obchodné riziko spojené s trhom a vnímaním nového produktu alebo procesu spotrebiteľmi a nakoniec riziko konkurencie, ktoré je spojené s reakciou konkurencie na nový produkt. Tieto riziká, ako aj špecializácia podnikateľov a povaha malých a stredných podnikov znížila ich možnosti prístupu k tradičnému financovaniu prostredníctvom bankových úverov [Ferrary a Granovetter, 2009]. Je tiež zrejmé, že existuje pozitívny vzťah medzi tokom kapitálom a veľkosťou firmy.

Nedostatok kapitálu môže podnikateľom brániť v spustení alebo rozvíjaní inovácií. Preto sú nútení vyhľadávať finančníkov, ktorí sú ochotní a často vo veľkej miere, investovať do neistých projektov. Tiež obmedzené záruky, ktoré môžu poskytnúť malí špecializovaní podnikatelia znižujú ich možnosti získavania finančných zdrojov. Takéto firmy teda potrebujú alternatívne zdroje financovania, aby sa udržala motivácia k inováciám. Akademická literatúra ponúka rôzne riešenia ako je interné financovanie, úvery, spolupráca s vysokými školami a inými inštitúciami a tiež dotácie. Prax ukazuje, že všetky tieto možnosti sú prístupné veľkým podnikom, ale MSP nemajú ani také možnosti spolupráce

s inštitúciami [Colombo, 1995 a Negassi, 2004] a štatistiky a štúdie dokazujú, že tiež dotácie sú zriedka poskytované malým podnikom. Venture kapitál (VC) sa teda zdá byť vhodným riešením, pretože znižujú úroveň rizika inovácii [Metrick, 2007].

Ueda a Hirukawa [2003] udávajú, že akademická literatúra často považuje rizikový kapitál za hnaciu silu inovácií. Avšak tento vzťah môže byť aj reverzný, pretože nástup nových technológií môže zvýšiť dopyt po rizikovom kapitáli, čo môže mať za následok zvýšenie počtu nových začínajúcich podnikov. Títo autori sa zamerali na výrobné odvetvia v USA a skúmali príčinnú súvislosť medzi inováciami a venture kapitálom. Ich výsledky ukazujú, že rast celkovej produktivity výrobných faktorov (ako meradlo inovácií) má pozitívny vzťah s VC investíciami. Avšak ich výsledok merania reverzného vzťahu je menší a závisí od odvetvia (v odvetví IT a komunikácií sú dôsledky inovácií na VC pozitívne).

Fondy venture kapitálu majú za úlohu zmierniť problémy rizikového financovania a sú prispôbené pre inovatívne firmy. VS sú finanční sprostredkovatelia, ktorí získavajú finančné prostriedky od ďalších investorov ako sú penzijné fondy, banky, poisťovne atď. a ďalej ich investujú do mladých a inovatívnych spoločností s vysokým potenciálom rastu. Z tohto dôvodu „venture kapitalisti“ venujú veľkú pozornosť výberu firiem a investujú do sektorov s vysokým inovačným potenciálom, v ktorých majú zručnosti a technické znalosti. Poskytujú im tiež poradenstvo a know-how počas obdobia financovania, čím zdieľajú riziká podnikania. VC sú odmenení z predaja nimi alokovaného kapitálu v čase ukončenia financovania. V prípade ak spoločnosť zlyhá, dôjde k strate investovaných prostriedkov (čiastočne alebo úplne). Ak je financovanie firmy úspešné, VC dosiahne veľmi vysoký výnos. V dôsledku toho sú venture kapitalisti silne zainteresovaní na úspechu spoločnosti. V priebehu inovačného procesu musí podnikateľ s financiami pracovať tak, aby rozbehol prevádzkovú fázu inovácie a uviedol produkt na trh.

Spoločnosti VC sú tiež prezentované ako finančníci, ktorí pomáhajú malým a stredným podnikom podporovať ich rast a poskytujú im prevádzkovú podporu. Úspech je podmienený ich technologickou podporou a trhovou vnímavosťou. Mnohé mladé firmy nevedia dosiahnuť svoj bod zvratu kvôli

nedostatku finančných prostriedkov. V tom prípade im VC spoločnosti ponúknu alokáciu finančných prostriedkov do majetku spoločnosti a na oplátku za prevzatie rizika získajú ocenenú hodnotu majetku firmy v peniazoch.

Mnoho pozornosti vzbudil vznik priemyslu „venture kapitálu“ najmä v USA, kde vznikol „voľný trh“ na riešenie problémov financovania inovácií. Tiež mnoho európskych programov si dali za cieľ poskytovanie počiatočného kapitálu a povzbudenie priemyslu rizikového kapitálu, ktorý sa zameriava na naštartovanie potrieb v oblasti high technológií.

V USA sa priemysel VC skladá z veľmi špecializovaných syndikátov fondov (fondy fondov) obvykle pochádzajúcich od súkromných investorov, ktorí riadia a investujú do spoločností ako znalci odvetvia. Takto v princípe platí, že „lemon premium“ je redukovaná, pretože investiční manažéri sú lepšie informovaní a morálny hazard je minimalizovaný, pretože úroveň kontroly je vyššia než aká je normou pri bežných trhových investíciách.

Situácia je zložitejšia v tom, že ide o kombináciu vysokej miery rizika, asymetrických informácií a skutočnosti, že investície do výskumu a vývoja obvykle neprinášajú okamžité výsledky. To všetko ovplyvňuje výber pri investičnom rozhodnutí a má vplyv na formu VC zmluvy. To znamená, že existujú situácie, v ktorých je optimálne pre investora VC mať právo ukončiť projekt a vyskytujú sa tiež iné situácie, v ktorých sa dosiahne optimálne plnenie zmluvy keď je inovátor pod kontrolou.

Viacere štúdie sa zamerali na vlastnosti a výkonnosť priemyslu VC v USA. Najpodrobnejší prehľad poskytli Kaplan a Stromberg [2000], ktorí skúmali 200 VC kontraktov a porovnávali ich klauzuly s finančnými kontraktmi uvádzanými v ekonomickej teórii v rámci neurčitosti. Zistili, že zmluvy často obsahujú oddelenia práv alokácie cash-flow, práv kontroly, hlasovacích práv, postavenia predstavenstva, práv likvidácie a že tieto práva sú často podmienené meradlami výkonnosti. Ak je výkonnosť nízka, VC kapitál často získa úplnú kontrolu nad firmou. Jednoducho povedané, typický VC kontrakt je komplex zmiešaného zadĺženia vlastného imania (a v skutočnosti často obsahuje konvertibilné prioritné cenné papiere a im podobné nástroje), čo vyzerá skôr ako zadĺženie firmy v „zlých časoch“ (odovzdá riadenie investorovi) a v „dobrých časoch“ ako rovnosť (kontrola je odovzdaná podnikateľovi, inovátorovi).

V sérii článkov Lerner [1992, 1995] študoval detailne vzorku začínajúcich firiem financovaných VC a zdôrazňoval dôležitú úlohu skúseností. Zistil, že výška poskytnutých finančných prostriedkov a zadržaný podiel na zisku manažérmi sú citlivé na skúsenosti a schopnosti poskytovateľov kapitálu a na ukončenie životnosti financovania. Firmy podporované VC finančníkmi majú väčšiu šancu vstúpiť na verejný finančný trh a získať najvýznamnejších upisovateľov.

Z makroekonomického hľadiska VC financovanie pôsobí proticyklicky, ale je ťažké oddeliť, či ponuka financovania vyvolá rast produktivity, alebo rast produktivity povzbudí financovanie. Tento problém je veľmi podobný problému identifikácie investície do výskumu a vývoja všeobecne.

Zhodnotenie možností financovania inovácií a závery

Z príspevku vyplynulo niekoľko záverov, ktoré sú sumarizované nasledovne.

Na základe teórie, prieskumov a empirických odhadov sú k dispozícii celkom jasné dôkazy, že malé a začínajúce firmy v oblasti výskumu a vývoja inovácií a v odvetví high technológií čelia vyšším kapitálovým nákladom ako ich väčší konkurenti a tiež ako firmy v iných odvetviach. Aj napriek značným vkladom do venture priemyslu návratnosť ostáva vysoká, čo podnecuje aj vysokú požadovanú mieru návratnosti v čase [Upside, 2001].

Dôkazy o nedostatku finančných prostriedkov pre veľké a zavedené firmy vo výskume a vývoji je ťažšie presadiť. Je pravdou, že tieto firmy preferujú využívanie interne vytvorených zdrojov na financovanie inovatívnych investícií, ale je menej jasné, aké existujú dôvody na intervenciu v priaznivých daňových úpravách, ktoré existujú v súčasnosti v mnohých krajinách [Hall, 2005].

Významnými faktormi, ktoré ovplyvňujú financovanie inovácií a boli identifikované ako problémy sú:

- asymetria informácií, jej existencia vyvoláva vyššie náklady externého financovania,
- morálny hazard, ktorý vzniká ako dôsledok oddelenia vlastníkov a manažmentu,
- vzťah cash-flow a inovácií, kde u intenzívne inovačných firiem je problém nájsť stabilné zdroje pre cash-flow,

- daňové aspekty v podobe rôznych systémov zdanenia a daňových sadzieb.

Riešenie problému financovania inovácií venture kapitálom má svoje obmedzenia. Po prvé - venture kapitál má tendenciu sústrediť sa iba na niekoľko sektorov v čase a vytvoriť investíciu s minimálnou veľkosťou, ktorá je ale príliš veľká pre štart v niektorých odboroch. Po druhé - dobrá výkonnosť sektora rizikového kapitálu vyžaduje silný trh pre akcie malých a nových firiem, s cieľom zabezpečiť stratégiu ústupu pre skorších investorov.

V závere je možné dodať, že firmy založené na báze nových technológií sú v súčasnosti preukázateľne hlavnými zdrojmi inovácií. Sú to klasické inovatívne organizácie, ich primárnym zdrojom rozvoja sú technológie a sú schopné vysokého rastu. Sú exportne resp. medzinárodne orientované, ponúkajú produkty s vysokou pridanou hodnotou, disponujú kvalitnými zamestnancami. Sú vysoko adaptívne, šíria nové technológie a v prípade úspechu vykazujú vysokú návratnosť investície. Na druhej strane bývajú ohrozené nedostatkom kapitálu, sú závislé na základnom imaní, majú nepravidelné peňažné toky a obmedzené zdroje na výskum a vývoj. V prípade vysokého rastu sú náročné na riadenie, pohybujú sa v dlhých investičných cykloch (viac ako 5 rokov) a často sa spoliehajú sa na vládnu politiku.

Zoznam literatúry

- [1] Anton, J. – Yoa, D.: *The Sales of Ideas: Strategic Disclosure, Property Rights, and Contracting*. Review of Economic Studies, No. 69, 2002.
- [2] <https://faculty.fuqua.duke.edu/~jja1/bio/PDF/Anton%20Yao%20REStud%202002.pdf>
- [3] Akerlof, G.: *The Market for "Lemons": Quality, Uncertainty and the Market Mechanism*. Quarterly Journal of Economics, Vol. 84, (No.3), 1970. <[http://economics.sas.upenn.edu/~hfang/teaching/socialinsurance/readings/fudan_hsbcb/Akerlof70\(2.1\).pdf](http://economics.sas.upenn.edu/~hfang/teaching/socialinsurance/readings/fudan_hsbcb/Akerlof70(2.1).pdf)>
- [4] Bhattacharya, S. – Ritter, J.: *Innovation and Communication: Signaling with Partial Disclosure*. Review of Economics Studies, No. 50, 1983.
- [5] <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2297419?uid=3739024&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21102645257213>
- [6] Dubocage, E.: *The Financing of Innovation by Venture Capital in Europe and in the USA: A Comparative and Sectorial Approach*. Working Paper ESSY. 2000.
- [7] <<http://www2.cespri.unibocconi.it/essay/wp/dubocage.pdf>>.

- [8] Hall, B.: *The private and social returns to research and development*. 1996.
- [9] <http://www.rifi-project.eu/wp-content/uploads/public_doc_private_social_returns_to_RandD.pdf.
- [10] Hall, B. - Griliches, Z. - Hausman, J.: *Patents and R&D: Is There A Lag?* National Bureau of Economic Research Cambridge, Working Paper No. 1454. 1984. <<http://www.nber.org/papers/w1454.pdf>
- [11] Hall, B. - Lerner J.: *The financing of R&D and Innovation*. Handbook of the Economics of Innovation.. 2009.
- [12] <http://elsa.berkeley.edu/~bhhall/papers/HallLerner09_rndfin_chapter_draft.pdf.
- [13] Lach, S. - Schankerman, M.: *Dynamics of R&D and investment in the scientific sector*. The Journal of Political Economy, Vol. 97, 1989. <<http://atar.mssc.huji.ac.il/~economics/faculty/saul/jpe89.pdf>.
- [14] Leland, H. - Pyle, D.: *Informational Assymetries, Financial Structure and Financial Intermediation*. The Journal of Finance, Vol.32, No.2. Blackwell Publishing, 1976.
- [15] <https://www2.bc.edu/~chemmanu/phdfincorp/MF891%20papers/Leland%20and%20Pyle%201975.pdf>
- [16] Mansfield, E.: *Imitation costs and patents: an empirical study*. Management Science, Vol. 32. No. 2. 1981.
- [17] http://www.lu.se/upload/CIRCLE/INN005/Mansfield_Patents_and_Innovation.pdf
- [18] Scherer, F.: *The size distribution of profits from innovation*. ZEW 1996. <<http://ftp.zew.de/pub/zew-docs/dp/dp9613.pdf>

Summary

Concept of innovation induces a high degree of association with the problem of high costs and the highest possible risk. Many companies solves a significant problem in the management of production associated with the financing of technological development and innovation. In every large company manufacturing managers declare that they have more projects they would like implemented as funds that may be used. Reasons for this are : low expected return, risk and unreliability associated with the project, and excessive optimism group managers.

This article focuses on the theoretical aspects of innovation financing and outlines the importance of venture funds to finance innovation in companies. Summarizes and gives an overview of the most important works and basic ideas in this area of research, together with an outline of the capabilities and limitations posed by venture funds as a source of innovation funding for SMEs. Refine addresses factors affecting the financing of innova-

tion, and specifically discussed in this context the problem of asymmetric information, moral hazard, fiscal aspects and cash flow. Opens the problem size Companies. capital flows and based on extensive studies, particularly in the United States supports the view that small businesses have specialized as a suitable alternative to finance their venture capital for innovative projects.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 291-297]

Olena Zhizhko

Department of Andragogy of Pedagogical Professional Education and Adult Education's Institute of National Pedagogical Sciences' Academy of Ukraine

Administration of professional education of marginalized in Mexico

Key words: *management, education, Mexico*

In order to identify the mechanisms of governance in professional education of marginalized in Mexico, it was analyzed the basic activities of federal programs of training of the most vulnerables. In the context of our study are of interest the results of our analysis of the principles of the National Institute of Adult Education of Mexico (INEA), which manages the adult education.

The National Institute of Adult Education of Mexico is a decentralized body of the National Federal Administration with legal representation and private property, which set in hand by presidential decree published in the Official Gazette of the Federation (August 31, 1981). INEA was established to develop educational programs for adults; the scientific and educational research in adult education; development and distribution of teaching materials; development and implementation of evaluation of adult education; accreditation and certification at the national level of basic education of adults and young people aged 15 years and over, who were not able to obtain the elementary level of education, which is compulsory under Article 43 of the Law on General Education [4].

The programs developed by INEA provide educational services for all citizens aged 15 years and over who were unable to finish primary, secondary or vocational education. The educational programs are developed through andragogical approach based on life experience, knowledge and skills of adult learners, as well

as focusing more on the process of the embodiment of knowledge by students than the teaching of that knowledge. This is explained mainly by the fact that the adult learner throughout his life has developed specific skills training, so the emphasis should be put on adult learning rather than teaching [1].

The objective of INEA is also the elimination of illiteracy, improving quality of life and generating new employment prospects for marginalized groups. To this end, in 1999 the National Institute of Adult Education, presented a new model for the implementation of adult education, the so-called "education for life and work", which is based not only on learning of that part of the population that was unable to obtain timely basic education but also to provide basic vocational knowledge in agriculture and craft industries [3]. This model was introduced for the first time in the state of Aguascalientes in 1999, opening thus a new stage in the development of vocational education of adult representatives of the most vulnerable groups in Mexico. Its characteristics are as follows:

- flexibility and diversity of training programs, which is achieved by using a modular system that allows youth and adults to study subjects that match their interests, acquire knowledge and develop skills that directly assist them in working life;
- union curricula of primary and junior secondary education into a single entity and distribution of subjects into two main modules: the language and communication and in mathematics and science, and a series of additional optative modules that vary depending on the social, cultural and geographical characteristics of each area and may include topics such as agriculture, work and culture, family and youth problems and so on. For those students who successfully complete all the modules and wish to continue their studies at the preparatory school, offers training courses for admission to highschool;
- recognition of prior knowledge and skills of the adult learner, which can be accredited by examination and not examined during the study, the use during the study of contemporary teaching materials and textbooks developed by prestigious national publishers [2].

Accomplished our scientific-pedagogical research has shown that INEA as the federal agency that manages adult education, based on innovative management

system developed on the principle of decentralization, federalism system of adult education. Thus, for accreditation to national level of basic education received by adults, not in the schools states whose governments are responsible for the provision of educational level, management INEA in coordination with the Board of Directors and the National Development Plan for 2001-2006, (Plan Nacional de Desarrollo 2001-2006 - PND), signed a coordination agreement with the governments of almost all the states of Mexico to decentralize educational institutions for adults from the regional government and transfer them INEA management (the federalization of the national system of adult education).

Under these agreements, the Institute is recognized technical regulatory organization which manages adult education in the country, and accredits the level of basic education. Now, INEA offices in the states are the Institutes of Adult Education of States (Institutos Estatales de Educación para Adultos IEEA), which are bodies, decentralized of the states administration, that have their own validity, ownership, self-governance, funded by the federal and state governments and must comply with regulatory requirements exploitation of resources and to provide periodic financial report.

INEA empowers institutions and governments to manage and dispose of adult education financial resources for the development of adult education, in compliance with national law and taking into account the geographical, social and cultural characteristics of the area in which are provided the services to adult learning. INEA is obliged to distribute at the national level the information about the IEEA. State governments authorized to plan, organize, manage, operate and monitor the adult education, following the requirements of federal programs. However, they may also make additions or develop their own programs based on regional characteristics that affect directly the adult education [4].

The federal budget for the Institutes of Adult Education of 33 states released through the General Office of the Federal contribution to the staffing and resources of municipals and 11 Departments of Education, and received through the Ministry of Education. This budget is intended to cover the administrative costs of the central offices of institutions, development and distribution of teaching materials, books, etc. and for branches of the Federal District and the State of Nuevo Leon, which is not yet agreement on decentralization [1].

Thus, through the creation of almost all the states of local institutes of adult education, adult education federalization in Mexico is currently in its final stage. In states where the process of federalization is not over INEA operates, there are realized through its subsidiaries offers distance learning the courses to prepare for exams and get the certificate of adult basic education, literacy courses and courses to obtain the necessary knowledge for life and work (vocational and craft-training) [4].

Thus, based on our analysis, we have every reason to conclude that thanks to the process of decentralization, national system of adult education in Mexico facilitates innovation management model, the principle of which is that coordination of adult education was carried out on the ground with the involvement of state governments and municipalities and local public and private institutions, while funding and accreditation of educational levels - through a centralized federal agency management - INEA. With decentralization, the responsibility of adult education in the country have the federal government, state governments and NGOs.

Another innovation of the management of system of adult education in Mexico can call the introduction of controls over the financing of training programs. Thus, to ensure the quality and equality of adult education, transparency in the use of national funds set aside for this INEA develops operating rules for each year. The States Adult Education Institutes must submit every three months INEA report on the use of the budget, explaining the objectives and outputs achieved. These reports should be submitted within the first 15 days after the end of each trimester.

As part of our research interest is the experience of monitoring and evaluation of national training programs and projects of the States Institutes of Adult Education that periodically implement national and international educational and research institutions and experts in adult education, specialist organizations working closely with the Ministry of Finance of Mexico (Secretaría de Hacienda y Crédito Público SHCP) and the Ministry of public functions (Secretaría de la Función Pública SFP), in order to improve planning of the annual federal budget for adult education, transparency in the use of finances that are meant for adult

education programs, and prevent diversion of the basic needs of budget institutions [3].

Committed us pedagogical research and analysis has shown that due to national policies in the field of adult education and measures of decentralization, federalism undertaken by INEA in the development of vocational education in Mexico reached significant changes. However, it is important to note that, despite the positive results of INEA, the work of the institution, there are some problems related to various aspects. For example, not all training programs INEA are important, they are not in the interests of all adults (there are courses that are recorded very few people, and even those that are recorded, interrupted education). Another problem is that the programs are matched to the so-called average adult, however, research has shown that students who attend the courses have very different characteristics, skills, training, interests, etc., so training programs need to be reviewed and adapted to different groups of adults [2].

On the other hand, there are questions about the quality of adult learning, as for the learning process relies on INEA instructors are recruited from volunteers prepared by short-term courses. Many of them have no previous teacher training, the more are not specialized on training in adult education. You should also include a note of the fact that not all institutions of adult education in the states have their own building for training. Training is held in temporary rented premises which do not always meet the requirements of the student's classes. Generally, for the purposes of adult education is not allocated sufficient funds [3].

Another problem is the low rates of positive results in the eradication of illiteracy. It turns out that the number of illiterate adults and adults who have not completed basic education is increasing much faster than predicted, and plans to serve the education INEA. This is, in turn, the problems of basic school education that having age 6-14 years, the population ignores or does not finish. Thus, reaching 15 years, teenagers go to the category "illiterate youth and adults" and should be served by INEA. The project "Education for Life and Work", is designed by INEA for solving this problem. But, its have "old" difficulties, namely, age diversity of students, the inequality of their previous training, interests, social and regional origin and so on. Remain as a problem with the teaching staff, whose training is poor, and the federal budget deficit, which stands for Adult Education.

To address the issue of increasing training instructors volunteer INEA introduced a new system of financial assistance to teachers whose students successfully pass the course exam or individual objects or modules (paid from 50 to 150 Mexican pesos for each student). Financial assistance is provided to the directors of schools, pupils are successfully pass accreditation. In many states, these measures yield positive results: the preparation of teachers has increased. However, studies have shown that in some cases this educational innovation leading to corruption and can significantly affect the good image of public institutions of adult education in society and the level of confidence in their quality.

So, as part of our comparative analysis is important to pay attention to these problems of adult education in Mexico: the need to allocate adequate budget for basic training of instructors who work with adults, the importance of developing of mechanisms of cooperation between state institutions of adult education with other public and private institutions involved in adult education, and pay special attention to education for healthy living, vocational training for agriculture and industry, the need of not only persecution of quantitative but also qualitative results of literacy and education for life, adequate implementation of an effective system of evaluating of the results of state institutions.

References

- [1] Жижко О., *Розвиток професійної освіти маргінальних верств населення Мексики* [Текст]: монографія/ О.А.Жижко. – Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М. 2012, – 222 с.
- [2] Canales A., Ibarrola M., Latapí Sarre P. at all. *La educación de adultos en búsqueda de un nuevo modelo*, 2000. - [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.observatorio.org/comunicados/comun029_2.html
- [3] Hernández, G. E. *Situación presente de la educación de las personas jóvenes y adultas en México*. México: CREFAL, 2008. - 170 p.
- [4] Instituto Nacional para la Educación de los Adultos, INEA, 2010. - [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.inea.gob.mx/index.php?option=com_content&view=article&id=53&Itemid=181

Summary

In order to identify the mechanisms of governance in professional education of marginalized in Mexico, it was analyzed the basic activities of federal programs of training of the most vulnerables. In the context of our study are of interest the results of our analysis of the principles of the National Institute of Adult Education of Mexico (INEA), which manages the adult education.

The National Institute of Adult Education of Mexico is a decentralized body of the National Federal Administration with legal representation and private property, which set in hand by presidential decree published in the Official Gazette of the Federation (August 31, 1981). INEA was established to develop educational programs for adults; the scientific and educational research in adult education; development and distribution of teaching materials; development and implementation of evaluation of adult education; accreditation and certification at the national level of basic education of adults and young people aged 15 years and over, who were not able to obtain the elementary level of education, which is compulsory under Article 43 of the Law on General Education.

PROSOPON

NR 1/ 2013

[s. 299-302]

Karina Żukowska- Nawrot

Uczelnia Warszawska im. Marii Skłodowskiej-Curie w Warszawie

Kynotherapy as the innovative form of supporting disabled children

Key words: *Kynotherapy, disabled people, children*

*'We are alone, absolutely alone on this chance planet:
and, amid all the forms of life that surround us, not one,
excepting the dog, has made an alliance with us'.*

Maurice Maeterlinck

The newest archaeological research confirms the fact that everywhere where traces of primitive man could be found one could also find the dog's traces. The dog plays a predominant role among animals because it is some kind of a symbol of faithfulness, love and devotion to its human.

Initially, a dog was man's helper in obtaining food. It fulfilled a function of a shepherd for farm animals. It was both a defender and a man's companion and was treated as a family member. It is an interesting point that the ancient religions of the Far East, and especially Buddhism professed the view that there is not a very great difference between the animal world and the human world. The dog was very respected among the ancient Persians. It is reflected in the Avesta quotation - the holy book of Iran - saying that 'the world exists thanks to dog's reason'. Historical sources provide information that already even the ancient Egyptians worshipped dogs as gods whereas Christians painted dog motifs while presenting saints e.g. St. Dominic or St. Roch.

For many centuries a dog has become a part of human culture fulfilling many useful roles for man and gaining more and more important positions at his side.

Starting a career as a shepherd and a guard in the distant past - the dog - has become a lifeguard, therapist and companion with high standing in the hierarchy of human needs [Kuźniewicz, Kuźniewicz, 2003].

Animals' unique qualities, particularly the dogs' ones were valued and used for a long period of time. It is generally known that the dog is an unusually intelligent, obedient and devoted animal to man, that is why it is also very helpful in finding lost people buried under avalanches, or tracing wanted criminals, or being a guide for disabled people. For example, therapy dogs function in hospitals in the United States because it was noticed that hospital patients visited by volunteers and therapy dogs showed a clear improvement in the psychological health what contributed to treatment acceleration. Using animals, particularly dogs as a means of rehabilitation available for American women prisoners who during the process of re-adaptation learn how to *provide expert nursing care* for these *animals* seem also interesting [Kuźniewicz, Kuźniewicz, 2004: 8].

The professional literature provides information that a disabled person is 'an individual who due to certain physical, somatic or psychical limitations has difficulties in *carrying out* everyday activities or *fulfilling social roles*' [Zabłocki, 1992: 26-27].

Development and functioning of a disabled child in the society is determined by many factors, i.e. proper medical care, education suitably adapted to the 'disease', or support from the people closest to him or her - the family.

W. Dykcik writes that 'understanding all unique problems, tasks and needs of a disabled child with defects and developmental disorders is particularly difficult for parents. In the case when a child is born with psychophysical health deviations, a problem of responsible parenthood is transferred to the different emotional and social plane when you should first recover from the painful shock regarding the diagnostic accuracy of damage or dysfunction, to overcome mutual feelings of guilt in order to seek a proper attitude of parents to ensuing abnormalities in children' [Dykcik, 2007: 15].

Kynotherapy is one of the innovatory methods of disabled children therapy - 'a dog-assisted therapy' generally speaking is a method helping and strengthening rehabilitations with a dog's participation which is properly selected, trained and led by a qualified therapist.

In 1964, a child psychiatrist Boris Levinson noticed while observing autistic boys in contact with dogs that these animals had caused that autistic children having a communication problem in building up social contacts, established a contact with a dog without any trouble, and it gave a chance for a contact with a therapist in the future.

For a working 'therapy dog' are selected and trained the representatives of breeds with mellow and good-tempered temperament, well-balanced psyche, patient, obedient and devoted to man. According to therapists an ideal dog in terms of character is one called a social dog, that is such a dog which except mentioned above features will be obedient not only towards people whom it knows well, but also towards every person it meets. A dog selected for work with disabled people has to be a completely foreseeable dog, that is the one which has encoded invariable features of character by his genes. Moreover, it is important that the therapy dog would not have aggressive, apprehensive, or ill ancestors in his pedigree [Levinson, Pets, 1964].

The main effect of this kind of a contact therapy consists in the physical contact (stroking, cuddling up to a dog, shaking the dog's paw) and establishing psychological ties with the animal what has a positive influence over the course of the treatment.

Despite many inconveniences kynotherapy gains more and more followers in rehabilitation of disabled people. The changes that have occurred for last several years in this innovatory therapy allow to suppose that kynotherapy will be developing incessantly, and 'dog therapists' will be able to reach to more and more large number of people in need [Fidelus, 2008: 103-113].

- [1] Dykcik, W. 2007. *Prawo dziecka do akceptacji, szacunku i przyjaznego porozumiewania się z rodzicami. Rozwój i funkcjonowanie osób niepełnosprawnych. Konteksty prawne* Z. Gajdzica (ed.) Kraków.
- [2] Fidelus, A. 2008. *Niepełnosprawność a odrzucenie w grupie rówieśniczej*, Anna Klinik (ed.), *W stronę podmiotowości osób niepełnosprawnych*, Kraków.
- [3] Kuźniewicz, G., Kuźniewicz, J. 2003. *Relacje człowiek, pies i kot na przestrzeni historii*, vol. 5.
- [4] Kuźniewicz, G., Kuźniewicz J. 2004. *Psy pracujące jako pracownicy służb społecznych*, vol. 5/6.

- [5] Levinson, B.M., *Pets*. 1964. *A special technique in child psychotherapy*, Mental Hygiene, Vol. 48.
- [6] Zablocki, J. 1992. *Psychologiczne i społeczne wyznaczniki rehabilitacji osób niepełnosprawnych*, Warszawa.

Summary

Ky노therapy is one of the innovative methods of disabled children therapy - 'a dog-assisted therapy' generally speaking is a method helping and strengthening rehabilitations with a dog's participation which is properly selected, trained and led by a qualified therapist.

In 1964, a child psychiatrist Boris Levinson noticed while observing autistic boys in contact with dogs that these animals had caused that autistic children having a communication problem in building up social contacts, established a contact with a dog without any trouble, and it gave a chance for a contact with a therapist in the future.

*For a working 'therapy dog' are selected and trained the representatives of breeds with mellow and good-tempered temperament, well-balanced psyche, patient, obedient and devoted to man. According to therapists an ideal dog in terms of character is one called a social dog, that is such a dog which except mentioned above features will be obedient not only towards people whom it knows well, but also towards every person it meets. A dog selected for work with disabled people has to be a completely foreseeable dog, that is the one which has encoded invariable features of character by his genes. Moreover, it is important that the therapy dog would not have aggressive, apprehensive, or ill ancestors in his pedigree [Levinson, *Pets*, 1964].*

The main effect of this kind of a contact therapy consists in the physical contact (stroking, cuddling up to a dog, shaking the dog's paw) and establishing psychical ties with the animal what has a positive influence over the course of the treatment.

Despite many inconveniences kynotherapy gains more and more followers in rehabilitation of disabled people. The changes that have occurred for last several years in this innovative therapy allow to suppose that kynotherapy will be developing incessantly, and 'dog therapists' will be able to reach to more and more large number of people in need.

Recenzja | Reviews

Iryna Mikheyeva

Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства/ А.А. Коваленя [и др.]; под ред. Л.Ф. Евменова; Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т философии. - Минск: Беларус. навука, 2013. - 527 с.

Взаимоотношения Беларуси и Европейского союза за последнее десятилетие приобрели весьма неоднозначный и политически заостренный характер, что обуславливает необходимость комплексного и вдумчивого анализа сложившейся ситуации и вариантов её дальнейшего развития и взаимовыгодного изменения. Это тем более важно, что решение назревших проблем и противоречий непосредственно связано с формированием оптимальной стратегии устойчивого развития в глобализирующемся многополярном мире, включая и саму Беларусь, и весь восточноевропейский регион, и еврообщество в целом. В этом отношении вышедшая в Минске коллективная монография «Европейский союз – Республика Беларусь: проблемы и перспективы партнерства» может рассматриваться как важное и даже знаковое явление, поскольку «является первой в своем роде попыткой дать комплексный обзор опыта, состояния и перспектив взаимоотношений Республики Беларусь с Европейским союзом, взяв за основу трансдисциплинарный подход, который в современном социально-гуманитарном знании приобретает характер лидирующего, и методологические принципы раскрытия конвергенции (схождения, сближения) различий» (с. 5).

Творческий авторский коллектив весьма представительен – академики, доктора и кандидаты наук, высокопоставленные чиновники, представители МИД, судебной власти и т.д.,- а потому, как представляется, высококомпетентен в раскрытии сформулированных вопросов.

Исследовательские оценки, которые содержатся в данной книге, охватывают важнейшие направления и сектора белорусско-европейского сотрудничества: политико-правовой, социально-экономический, гуманитарный (культурный). Структура работы демонстрирует логику развертывания проблематики по трем методологическим линиям: от стратегических основ сотрудничества к частным проблемам и задачам; от философско-цивилизационного подхода к практике его воплощения в конкретных формах взаимодействия; от политических и экономических факторов международных отношений к его гуманитарному измерению. Круг обсуждаемых проблем действительно широк – от анализа языковой ситуации в современном белорусском обществе (А. А. Лукашанец, с. 293-312), промежуточных итогов трансграничного сотрудничества, включая программу «Восточного партнерства» (А. И. Литвинюк, с. 252-265) и опыта реализации национально-политических проектов в современной Польше (И. Б. Михеева, с. 265-278) до реконструкции концептуальных основ политической философии Объединенных наций Европы (Л. Ф. Евменов, с. 24-40), перспектив гармонизации права в общеевропейском контексте (Г.А. Василевич, с. 207-228) и проблемы социогуманитарной идентичности в оптике компаративного анализа Европейского союза и Беларуси (И. Я. Левяш, с. 56-76).

В предложенной авторами монографии тематике взаимоотношений Беларуси и ЕС прослеживаются четыре смысловых блока: теоретические аспекты европейской интеграции и партнерства с позиций цивилизационно-культурологического подхода; история взаимоотношений Беларуси и ЕС (в том числе достигнутая экономическая эффективность); проблемы и противоречия современного состояния отношений страны с Евросоюзом; мировоззренческие и политико-правовые основания гармонизации внутренней и внешней политики ЕС и Республики Беларусь в контексте становления новых форм социально-культурной общности на европейском континенте. Соответственно этому членению проблемного поля, монография составлена из четырех разделов, излагающих, соответственно, философско-методологические аспекты работы над проблематикой партнерства; достижения, противоречия и перспективы

взаимоотношений в социально-политическом и правовом ракурсе; социально-экономические аспекты трансграничного взаимодействия; а также проблематику состояния и развития социокультурной сферы, включая проблемы национальных систем обеспечения безопасности по ряду отраслей государственного строительства и общественной жизни в контексте приоритетов европейской и белорусской стратегий безопасности.

С методологической точки зрения, заявленные проблемы общественного развития рассматриваются авторами «в диапазоне от позитивных различий до сближения (тождества) позитивных противоположностей, отражая подход, закрепленный в лучших образцах современной политической философии Европейского союза» (с. 5), с задействованием методологических принципов дополнительности и пропорциональности, обусловленности и дифференцированности (с. 34-37).

Подобная дополнительность и дифференцированность по возможности соблюдена и в полифонии авторских позиций. Сохраняя в целом тональность непредвзятого, объективного научного языка, исследователи не избегают в отдельных случаях и достаточно острых, полемичных оценок в том, что касается политики ЕС в отношении Беларуси. Однако именно благодаря этому монография репрезентирует и «обыгрывает» весь спектр суждений, которые бытуют не только в политическом сообществе и широком общественном мнении, но и собственно в научной среде. При этом авторам, в принципе, удалось соблюсти баланс по ряду направлений: во-первых, между изучением и интерпретацией реалий белорусской и европейской политики; во-вторых, между оперированием конкретными количественными (экономическими) и качественными (историко-фактологическими) показателями сотрудничества и акцентом на ценности; в-третьих, между аналитическим и прогностическим компонентом исследовательской работы. В своей совокупности это не может не рассматриваться как несомненный плюс работы.

Очевидным положительным моментом исследования выступило также и то обстоятельство, что перед авторами стояла особая задача: не только изложить основные этапы и факты развертывания внешнеполитических и внешнеэкономических отношений Беларуси по «европейскому» вектору, не

только дать им определенную интерпретацию, – но и по возможности внести четкие предложения, затрагивающие оптимизацию структуры основных направлений и конкретных мероприятий сотрудничества. Именно реализация данных предложений, с точки зрения творческого коллектива, позволяет вывести на новый уровень двустороннее взаимодействие, невзирая на существующие противоречия и преграды.

Среди особенно заслуживающих внимания выводов монографии, на наш взгляд, следует отметить следующие. Во-первых, это основная посылка, согласно которой, для того, чтобы поступательно, взвешенно и с учетом безусловного приоритета своих национально-государственных интересов выстраивать взаимоотношения с государствами и институтами ЕС, Беларуси необходима всесторонняя объективная оценка имеющегося опыта взаимоотношений, основных проблем, препятствующих их развитию. Во-вторых, это понимание того обстоятельства, что подобные затруднения не только носят политико-дипломатический характер, но и лежат в плоскости экономических отношений, правового регулирования, а также общественной психологии, мировоззрения и ценностей граждан как непосредственных участников и «проводников» сотрудничества. В-третьих, это обозначенная стратегия определения на основе реальной оценки имеющейся ситуации ключевых «точек роста», акцент на которые позволил бы уже в краткосрочной перспективе добиться значимых успехов на пути укрепления производственно-экономических, научно-технических, гуманитарных связей с Европейским союзом, обеспечить взаимодействие в решении общих глобальных проблем, последовательно работать над повышением инвестиционной привлекательности белорусской промышленности, сферы услуг, туристической сферы и проч.

Одним из наиболее удачных компонентов исследования явился, на наш взгляд, «правовой», в рамках которого осуществлен качественный компаративный анализ действующего законодательства Беларуси и ЕС, а также высказана актуальная мысль о необходимости гармонизации законодательств Восточной и Западной Европы по ряду ключевых тем, отвечающих взаимным интересам, как государств Европейского союза, так и их восточных соседей, в частности Республики Беларусь (с. 226-227).

Действительно, гармонизация законодательств в современных условиях не обязательно является сугубо политическим требованием и не подразумевает «поглощения» или деградации одной политико-правовой системы за счет другой. Ее следует рассматривать, скорее, как особый гуманистический акт во имя общечеловеческих ценностей, лежащих в основе и латинской, и славянской цивилизаций.

Не менее удачными являются и фрагменты работы, затрагивающие вопросы идентичности как фундамента национально-государственного развития в условиях глобализации культуры и политических отношений. Известно, что в социальной мысли современной Европы остро ставится вопрос о соотношении национальной идентификации гражданина с перспективной «общевропейской» идентичностью, базирующейся на определенном наборе мировоззренческих установок и ценностей Старого Света. При этом в большей или меньшей степени, становится проблематичной преемственность духовно-культурных традиций, формировавшихся на пространстве Европы в рамках не одной, а нескольких цивилизационных парадигм (по меньшей мере, восточно- и западноевропейской, т.е. православно-христианской и католической). В этой связи, важной проблемой является интеграция в современное европейское общество носителей неевропейских культур, которая ставит на повестку дня парадоксы возможностей и ограничений идеологии мультикультурализма (с. 343-345). Поэтому можно согласиться с авторами в том, что в данном контексте весьма полезным оказался бы не только европейский опыт для Беларуси, но и белорусский опыт для ЕС, поскольку в Беларуси складывается в целом резистентная к внешним вызовам, достаточно самостоятельная, обладающая высоким потенциалом к росту социокультурная система.

Безусловно, знакомство с монографией будет полезно для широкого круга читателей – от ученых и преподавателей, чья деятельность связана с тематикой международных отношений до представителей бизнеса и гражданского общества. Хотя книга и являет собой, прежде всего, «взгляд из Беларуси», она найдет свою читательскую аудиторию и за пределами Беларуси – как в странах ЕС (прежде всего, в Литве, Польше и др.), так и в

России, на Украине – там, где проблематика выстраивания устойчивой линии взаимовыгодного партнерства и сотрудничества на европейском континенте относится к числу естественных приоритетов внешней политики.

Lista recenzentów | List of reviewers:

Jan Balbus, Bronisław Burlikowski, Barbora Novotná Březovská, Janusz Czerny,
Sergiej Gawrow, Dieter Grey, Janusz Gudowski, Monika Grasseová,
Hana Tomasz Jakówik, Mariusz Jędrzejko, Tamara Jakowuk, Radek Jurčák,
Jiří Koleňák, Jaroslav Komárek, Stefan Konstańczak, Olga Kubová,
Andrzej Misiołek, Filip Rigel, Wanda Rusiecka, Ireneusz Świtła, Lucyna
Wiśniewska-Rutkowska, Jiří Tuza, Arnošt Wähla, Dana Zapletalová,
Jozef Záhora, Ivica Gulasova, Josef Suvada, Maria Marinicova